

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЗНАКИ НОЧИ

Annotation

Всякое действие имеет противодействие, в правоте этого закона в полной мере убедился обычный банковский клерк Александр Смолин. Тот факт, что он смог подчинить себе ведьмачью силу, которая случайно ему досталась, не упростил жизнь, а усложнил ее. Новые друзья, новые враги, новые тайны и загадки – вот что ждет свежее испеченного ведьмака, только-только вступившего на пути мира Ночи.

- [Содержание](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)
    - [Глава семнадцатая](#)
    - [Глава восемнадцатая](#)
    - [Глава девятнадцатая](#)
    - [Глава двадцатая](#)
    - [Глава двадцать первая](#)
-

Содержание

Андрей Васильев

Знаки ночи

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Если ты не перестанешь на нас так смотреть, то мы разбудим нашего повелителя, – сообщила мне грудастая русалка Лариска. – Да-да-да!

– Врет она, – презрительно опроверг слова Лариски Родька, и сплюнул на завертевшегося на крючке червяка. – Ей в радость, что ты на ее титьки пялишься. И повелителя у них никакого нет. В старые времена местным русалкам Речной Конь был указом, но его никто уже лет двести не видел. А местному водянику на этих склизких плевать. Он вообще почти все время спит, просыпается только весной, потому как в это время вода разливается, и ему от этого радостно. Да еще когда рыба икру метать начинает, он в эти поры рыбаков чересчур ретивых гоняет.

– А на Ильин день? – почему-то обиженно добавила еще одна русалка. Ее имени я не знал, но мне она нравилась больше, чем нагловатая Лариска.

– Точно, – признал свою оплошность мой слуга, который как раз забросил удочку в реку. – Еще после Ильина дня глаза продирает, чтобы утопить кого-нибудь. Традиция, как без этого? Эй, девки, если кто из вас мне на крючок старый сапог подвесит или корягу, то я вам такое устрою, что мало не покажется.

– Напугал! – вызывающе подбоченилась Лариска – Клубок на ножках!

– Я в городе был, я жизнь повидал, – веско произнес Родька и нехорошо оскалился. – И скоро опять туда уеду, чего мне с вами сидеть тут, в глуши! А когда после вернусь, знаешь, чего привезу, знаешь?

– Чего? – язвительно поинтересовалась Лариска. – То, чего у тебя никогда не было?

– Химию! – вытаращив глаза, рявкнул Родька. – Не слыхала о такой? А она – есть! Накидаю вам в реку этой химии, все тут передохнете!

– Есть такая, – негромко сообщила немного опешившей Лариске немолодая русалка с седыми волосами, которая, похоже, была у них главной. Звали ее Серафима. – Лет сорок назад в Вedomку с полей эту самую заразу спустили, так в ней даже водомерки передохли.

– Вedomка! – надула губы Лариска. – Эту Вedomку воробей перейдет, лапок не замочит.

Я глядел на это все и в очередной раз офигевал. Ну сами посудите, какова картина – лето, ночь, луна, река. Вроде все ничего? Ну да, где-то так. Только вот на берегу этой реки расположилась теплая и очень необычная компания – я, начинающий ведьмак Александр Смолин, мой слуга Родион,

существо неопределенного вида, более всего похожее на меховую старорежимную муфту, только с руками, ногами и непредсказуемым характером, да еще с десятков русалок разного возраста.

Мне, кстати, всегда казалось, что все русалки должны быть молодые и красивые. По определению. Так классики в книжках писали, и в кино так всегда показывали. Да оно и понятно – русалками, если верить сказаниям, становятся юные девушки, которые сиганули в воду по доброй воле. Как правило, из-за несчастной любви.

А вот и нет! Оказывается, не так все просто. Возраст здесь вообще не играет никакой роли, той же Серафиме на глазок сильно за сорок было. Тут все решает твоя жизнь до смерти, и только она. Если у утопившейся душа была чистая, не повинная ни в чем, то она сразу отбывает туда... Куда-то туда, где ей будет хорошо. Куда точно – не знаю. Раньше думал, что в курсе, а теперь ни в чем не уверен. Мир вокруг меня оказался более многогранным и многомерным, чем мне казалось еще совсем недавно. Настолько, что я теперь многое сомнениям подвергаю. Нет-нет, речь не о вере. Просто плоскости сместились, и чтобы все снова хоть как-то устаканилось, мне нужно время.

Так вот – русалки. Если душа чистая, она отбывает в заоблачные дали, а тело... Что тело? Как повезет. Может, его прибьет к берегу, и тогда делом займется полиция, а может, течение загонит под огромную корягу, которых в этой реке немало, и оно пойдет на корм рыбам и ракам.

И даже тот факт, что это самоубийство, тут не помеха.

А вот коли на душе у утопленницы был какой грех из серьезных, то дело плохо. Плавать ей в этих водах до скончания веков, гонять мальков да болтать с подругами ни о чем в лунные летние ночи на берегу.

И топить мужчин, которых сдуру на берега этой реки занесло. Потому как каждая невинно загубленная русалкой душа дает ей возможность хоть ненадолго ощутить биение жизни в своем холодном теле.

Кстати, судя по разговорам и обмолвкам, та же Лариска не одному загулявшему мужичку водорослями на дне ноги спутала. Была она русалка разбитная и веселая, но при этом проскальзывало в ней что-то очень недоброе. То ли во взгляде, то ли в голосе.

Насколько я понял, она топить и не думала, просто шла пьяная через мостик, поскользнулась, да и свалилась в реку. Грехов за ней числилось где-то на пароклад, начиная от неоднократного вытравливания нежелательных последствий греховных связей при помощи бабок-знахарок и до воровства по мелочи, потому в речной штат она была зачислена сразу же после того, как вода заполнила ее легкие.

И еще один интересный факт – самой молодой из русалок перевалило за сотню лет. Да еще с хорошим гаком. Имеется в виду не по земному летоисчислению, а по подводному. Не думаю, что после революции девушки и женщины резко перестали тонуть, но факт есть факт – светловолосая Аглая с кувшинкой за ухом была среди речных прелестниц самой юной. И это при том, что она упокоилась на дне еще при царствовании Александра Третьего. Так она сама сказала, назвав его при этом «царем-батюшкой». Лариске же и вовсе больше двух сотен лет было, поскольку она, рассказывая мне о своих похождениях еще в том мире, с удовольствием вспоминала лихого французского улана, называя его «Раулюшкой». К гадалке не ходи – служил этот «Раулюшка» под командованием какого-нибудь Мюрата. Или Нея.

Вообще-то я к русалкам хотел навеститься сразу после того, как немного обжился в доме покойного ведьмака. Точнее – теперь уже, разумеется, в моем доме. Собственном. Да-да, вот как-то так, незаметно, я стал домовладельцем, если и не по государственным законам, то по законам наследования силы и всего остального, что в рамки привычного мировоззрения не укладывается.

Так вот – очень мне хотелось посмотреть на это речное диво еще с той поры, как Родька их в каком-то разговоре упомянул. Ну все-таки русалки – это классика. Про Хозяев кладбищ я до событий, которые как катком прошли по моей жизни, слыхом не слыхивал, про подъездных тоже, а вот про девушек с рыбьим хвостом неоднократно. И в кино видел, и шутки слыхал не раз о том, что, мол, русалка лучшая жена, потому как ее хоть в постель, хоть к пиву – всяко хорошо. Но как-то не складывалось у меня с визитом на берег реки, что протекала всего в паре километров от Лозовки. То одно, то другое, вот и дооткладывал его на самую последнюю ночь перед отъездом обратно, в Москву.

Хотя удивительного в этом ничего нет. Две с половиной недели пролетели как стрела, и каждый из дней был заполнен маленькими открытиями, сюрпризами разной степени приятности и наматыванием на ус разнообразных премудростей. Да что там! У меня и война тут имелась, самая настоящая, позиционная.

Нет-нет, не с Дарой и ее подругами. Тем более, что страшная как смерть ведьма Дара снова стала благообразной Дарьей Семеновной, любительницей телесериалов и трудолюбивой огородницей.

Но тут надо поподробнее рассказать.

Я обрел силу, а потому все договоры, что покойный Захар Петрович заключил с ведьмами, теперь распространялись и на меня. То есть вот так

просто мне теперь уже кровь не пустишь. Боком может выйти.

Мне про это сама Дарья Семеновна и рассказала. Она пожаловала к дому ведьмака сразу после того, как я вошел в калитку. Даже замок с входной двери снять не успел и вещи в дом занести.

Понятное дело, я напрягся. Чего врать, если и был какой-то момент, смущавший меня в этом путешествии, так как раз эти ведьмы проклятые. Умом я понимал, что им себе дороже пытаться меня угробить, но то умом. А как представишь себе, что они всю ночь будут под окнами шляться, так сразу не по себе становится.

Я все же не спецназовец, не рейнджер техасский и не рыцарь без страха и упрека. Я еще месяц назад был обычным клерком обычного банка, скучным, небогатым и толстеющим.

Нет, в вопросах дохода и прибавления веса для меня пока ничего не изменилось, но вот скучать стало некогда. Очень уж много вокруг меня всякого интересного происходит.

Вот, например, сейчас мне довелось повидаться с бабулей, которая, похоже, застала еще те времена, когда Русь не окрестили. Она не то что Ленина вертикального помнит, она, вероятно, даже с Ильей Муромцем знакома была.

– Вижу-вижу, – без всяких приветствий начала разговор Дарья Семеновна. – Стало быть, обуздал силу? Молодец, что еще скажешь. Я-то, грешным делом, думала, что не сможешь, что кишка у тебя тонка. Ошибалась, значит.

– Выходит, так, – согласился с ней я, ставя рюкзак и сумку на крыльцо. – Вот, не оправдал ваших надежд.

– Оно и хорошо, – заулыбалась бабка, показывая крепкие молодые зубы. – Так даже интереснее.

– Я не книжка, вам меня не читать, – постарался по возможности независимо произнести я. – В чем тут интерес-то?

– Сильный противник, он всегда лучше, чем слабый, – объяснила ведьма. – Он в жизнь перцу добавляет. Вот Захарка сгинул – и чего-то нам не хватает. А теперь есть ты – молодой, красивый. Глуповат пока, но это не беда. Может, еще успеешь поумнеть.

– Спасибо, что не добавили «вкусный», – совершенно не кривя душой произнес я. – Как-то спокойнее после этого стало.

– Это сказки все, что мы людей едим, – бабка была само дружелюбие. – Нет, когда-то давно, еще при старых богах, всякое случалось, понятное дело. Но и тогда человек в печи не жарил и всякой чуши вроде «повалюсь, покатаюсь Алексашкиного мяса поевши»

не распевал. Сердце харчили, это было. Но для чего?

– Боюсь спросить, – опять же абсолютно искренне прокомментировал ее слова я. Честно – мороз по коже прошел. Так она это буднично говорила, так спокойно, что было предельно ясно – и она человеческие сердца ела. Точно ела.

– Ритуал, – подняла узловатый указательный палец вверх Дарья Семеновна. – Он того требовал. Иначе ни Усоньша, ни Чернобог нас даже слушать не стали бы.

Господи, это сколько же ей лет? Я что-то про Чернобога слышал, конечно, но что, где и когда не вспомню. Кстати. Возможно даже в «Что? Где? Когда?» слышал, был там такой вопрос. Забавно. Каламбур.

– Но сейчас оно нам зачем? – продолжала вещать старуха. – Возни больше, чем проку. Старые боги нас не слышат из своих дальних далей, а другие на их место не пришли. Только этот, Единый.

– Да? – не удержался я – А в лесу тогда зачем хотели под травку уложить?

– Как же вас было не растерзать? – по-моему, даже обиделась ведьма. – Да ты что, милый! В тебе сила гуляет ничейная, и очень даже для нас полезная. Девица, что с тобой сюда пришла, тоже сладенькая, как конфета – молодая, нерожавшая, изрядно нагрешившая и некрещеная. Да кто же такую добычу отпустит? И обижаться за это не след. Вы пришли к нам в руки доброй волей, так что все было честно.

И ведь что досадно – хоть бабка и наводит немного тень на плетень, но в целом она права. Сами сюда приперлись, сами сглупили, сами к ним руки тепленькими отдались. Чудо, что живыми остались, сейчас я это куда лучше, чем тогда, понимаю.

– А теперь все будет по-честному, – бабка снова расплылась в улыбке. – Договор в силе, мы твоей смерти добиваться не станем. Желать будем, слабости не простим, но чтобы нож в спину или там яд в стакан – это нет. Мы не люди, у нас если слово сказано и услышано, то оно нерушимо. Потому как покон! Но и ты соответствуй.

– Мне вы без надобности, – твердо заявил я. – Не за тем сюда вернулся. У меня свои дела и свои интересы.

– С тобой все ясно. Но есть же еще твой дружок, судный дьяк. С ним как? – прищурившись, поинтересовалась Дарья Семеновна. – Он заехать обещал. Мы не боимся, но лишней огласки нам не нужно. Вот убьем его, так ведь следом приятели притащатся, придется отсюда лет на двадцать съезжать куда-то. Зачем нам это все? Хозяйство здесь у нас, огороды, уклад привычный. Антенны спутниковые вот поставили в тот год. Скажи ему,

чтобы носу он сюда не казал, и все останутся довольны.

А ведь врет она. Пусть отчасти, но врет. Нифонтов сам по себе ей, может, и не страшен, но вот его друзей она явно опасается.

– Это ваши дела, – покачал я головой. – Вот вы и разбирайтесь. Но сразу скажу, мадам – если вы чего с ним сделать задумаете, то я глаза прикрывать на это не стану. Разойдетесь миром – хорошо. Дойдет дело до драки...

– И что тогда? – заинтересованно поторопила меня старуха.

– Видно будет, – веско закончил я. – Пусть это останется для вас секретом.

– На том и порешим, – Дарья Семеновна снова расплылась в улыбке. – А пока будем жить да поживать по соседству. Может, тебе огурчиков принести, морковки, ягод каких? Урожай в этом году, слава Герману, хорош на диво!

– Слава кому? – переспросил я – Герману? А это кто?

Дарья Семеновна только грустно вздохнула, глянув на меня, да и посеменила от калитки прочь.

При чем тут Герман? Кто это вообще такой? Явно не тот, что «три карты, три карты, три карты». Но других Германов я не знал. Да и тот вроде с двумя «н» пишется.

А вот следом за этим и началось то, что кроме как «войной» никак не назовешь. Я-то думал, что опасность будет ждать меня за калиткой, а она, оказалось, таилась в доме.

Меня невзлюбил домовой, тот самый Антип, о судьбе которого я беспокоился. Знал бы – дихлофос с собой прихватил или какую-другую отраву позабористей. А может, удава в подвалах дома № 14 попробовал найти, чтобы он эту бородатую заразу удавил на чердаке.

Не знаю, что я ему сделал, но осада велась по всем правилам. Точнее, как и водится на хорошей войне, без каких-либо ограничений.

Начал Антип с того, что под утро первой ночи, которую я провел под крышей своего нового дома, меня чуть не удавил. В самом прямом смысле. «Чуть» – потому что до конца это дело он довести не смог бы в любом случае, нельзя домовому хозяина убить. Жизнь ему испортить можно, покоя не давать – тоже, даже выжить из-под крыши можно, хоть это решение и является почти самоубийственным. А вот убить нельзя.

Этот паскудник навалился мне на грудь, когда в окошках уже забрезжил рассвет и я, наконец, уснул. На новом месте мне всегда спится скверно, так уж я устроен, потому полночи проворочался без сна. И вот, как только задремал, все и началось.

Грудную клетку сдавило, горло тоже, да так, что я аж захрипел. Открываю глаза, а на моей груди сидит какое-то косматое исчадие ада, сверкает глазами, сопит и что-то ворчит в свою нечесаную бородищу.

Я только и смог просипеть:

– Ты что? Ты кто?

А этот гад мне и говорит:

– Убирайся, откуда приехал! Это мой дом!

И давит все сильнее и сильнее, так, что мне уже дышать почти нечем.

Спасибо Родьке, который от всего этого кавардака проснулся. Ох, он и разозлился! Прямо соколом налетел на Антипа и как начал его дубасить своими лапами!

– Какой твой дом! – орет. – Это нашего нового хозяина дом! Он вообще, если захочет, тебя отсюда выкинет и нового домовика найдет! Вас, поди, много, а хозяев-ведьмаков раз и обчелся! Невежа ты пучеглазый!

В результате эта парочка, сцепившись, свалилась с моей груди и начала кататься по полу, лупася друг друга куда придется.

А я только сидел, хватал ртом воздух и глазел на эту битву титанов.

Кончилось все вничью, но своего Родька добился – душить меня Антип больше не пытался. Зато начал гадить по мелочам.

То сыпанет в еду какой-то измельченной и редкостно вонючей травы, то всю ночь шуршит за русской печкой и что-то безостановочно ворчит, так, что спать невозможно. А под конец он на меня утюг с печки сбросил. Старый, ржавый, угольный еще, килограмм в десять весом. Нет, не на голову. В ногу метил. И если бы попал, то мне больница была бы гарантирована.

Кстати, это для меня была последняя жирная точка в возможном строительстве наших отношений. Я не участник телешоу, где люди только этим и занимаются, у меня столько времени и терпения нет, потому было принято решение, что с этим человеконенавистником надо прощаться. Одно плохо – я не знаю, как это сделать. И спросить не у кого. Вот так вот вышло.

Интернет тут не берет, у Вавилы Силыча телефона нет, Нифонтова беспокоить как-то неудобно по такому поводу, а больше спросить мне не у кого. Ну не у ведьм же?

Наверняка что-то по этому поводу мог бы сказать Родька, но он этот мой вопрос проигнорировал. Просто сделал вид, что не слышит меня, причем все три раза. Именно столько раз я его об этом спрашивал. Корпоративная этика, надо полагать. И это при том, что он еще дважды дрался с Антипом на чердаке, причем в последний раз они такое устроили,

что я даже испугался обрушения потолка. Так они там неистовствовали.

Тем не менее сдавать его не стал.

Но это ничего. В городе все узнаю, и когда сюда приеду в следующий раз, кое-кто уйдет на улицу жить. Меру потому что знать надо. Я человек не злой, но у меня тоже есть нервы и лимит терпения.

Но если абстрагироваться от неприятности по имени Антип, то все остальное меня более чем устраивало. Seriously. Никогда бы не подумал, что я, горожанин до мозга костей, привыкший к комфорту квартиры и благам цивилизации, буду получать столько радости от проживания в доме, где всем этим практически и не пахнет.

Здесь ведь на самом деле почти ничего не было. Ни телевизора, ни стиральной машины, ни заказа пиццы. Даже магазина – и того не имелось, мне через неделю с небольшим пришлось пешком тащиться в неблизкое Шаликово. Хлеба-то надо купить было, и консервов. А вот «зеленый домик», наоборот, был. Да, тот самый, хрестоматийный, покосившийся, стоящий в самом углу немаленького земельного участка Захара Петровича. Мало того – мне даже пришлось заняться неким его благоустройством, под руководством вездесущего Родьки. Он мной командовал, а я подправлял крышу, углублял яму и... И не стоит касаться деталей, короче.

Вообще, надо будет зимой посидеть, подумать, и следующим летом здесь кое-что благоустроить. Вызвать пару бригад, на предмет разных полезных улучшений. «Танк» там вкопать, забор подновить, фундамент дома, летний душ поставить. Интересно, Захар Петрович в реке, что ли, мылся? Или его просто не волновали эти мелочи?

Да что там «танк»! С проводки надо начинать. Я, когда плитку, на которой еду готовил, включал, такой треск раздался, что мне страшно стало. Собственно, по этой самой причине через несколько дней я остался без связи, поскольку телефон на зарядку ставить не отважился. «Коротнет» еще, и погорел мой гаджет. Да и не нужен он мне был здесь особо. Звонить я никому не собирался, а если кто-то что-то хотел от меня, то это не мои проблемы. Я в отпуске. И пусть весь мир подождет.

Впрочем, все эти мелочи совершенно не портили настроение и общее впечатление от того, как я здесь проводил время.

А проводилось оно с пользой.

Я штудировал книгу, теперь уже имея под рукой неограниченный запас трав, причем практически любых. Родька и здесь оказался незаменимым помощником, просто-таки энциклопедией на ножках.

Не обошлось и без экспериментов, благо тут я мог не беспокоиться о том, что мне кто-то помешает или начнется пожар. Я устроил нечто вроде

лаборатории на улице, под яблонями, так, чтобы меня не было видно из-за калитки, и там провел с десяток опытов, пытаясь добиться того результата, что был описан в разных рецептах из книги. Что-то получилось, что-то нет, но это все пошло мне на пользу. С каждым разом я все более уверенно обращался с весами, котлом и всем прочим, что к этому делу прилагается.

Еще я свел дружбу с местным лешим, очень даже душевным старичком. Для лесной нечисти душевным, разумеется. Он, конечно же, попробовал меня пару раз спровоцировать, как некогда другой мой знакомец из их племени, тот, что жил рядом с родительской дачей, но больше так, для проформы. Процедура есть процедура, я все понимаю. Сам служу, так сказать. Есть протокол, ему надо соответствовать.

Впрочем, все обошлось. Тем более, насколько я понял из его речей, он с Захаром Петровичем приятельствовал, причем не один десяток лет, потому и ко мне отнесся изначально благодушно.

Да настолько, что очень много разных интересных вещей мне о лесе рассказал. И даже показал. Я, если честно, даже не подозревал, какая это оказывается мощная сила – лес. Именно сила, не сказать – стихия. Это не только деревья и кустарники, не просто экосистема, как про нее пишут в учебниках. И скажу вам так – пока лес нас терпит и спускает с рук то, как мы его вырубам и загаживаем. Но если вдруг его терпение истощится, то людям мало не покажется.

Лесовик, которого я вскоре стал называть «дядя Ермолай», даже провел меня в самое сердце своего массива, туда, куда простым людям дорога заповедана. Ни одна тропинка туда не приведет, ни один навигатор дорогу не укажет. Там дом Лесного Хозяина, там сосредоточие его власти над деревьями и зверями. И, насколько я понял, это был знак немалого доверия ко мне.

Там мне довелось повидать деревья, которым лет по пятьсот, коли не больше. И, клянусь вам, я ощутил, что они живые. Не в смысле – корни, ветки, сок, бегущий по стволу. Нет. Они мыслят. Не так как мы, по-другому, но мыслят. Чувствуют.

Если бы меня выбрала другая стезя, не путь мертвых, то я, наверное, хотел бы иметь дело именно с лесом. Есть в этом что-то такое... Исконное. Все мы из леса вышли, в конце-то концов. Славяне, в смысле.

Кстати, повидал я и проклятый клад. Точнее – место, где он закопан. Специально ночью ходил, днем его не увидишь.

Закопали его века четыре назад под корнями старого дуба лихие люди, так мне дядя Ермолай сказал. Зарыли – и не вернулся за ним никто. А он знай себе лежит. И золото-серебро в двух сундучках, и побрякушки какие-то

в ларце, и безвинно убитый мальчонка лет двенадцати, которого при нем сторожем оставили. Правда, за это время кости его успели сгнить до основания, но душа все еще там обретается, при сокровищах.

Врагу не пожелаю такой клад найти. Мальчонка этот за четыреста лет настолько осатанел, что у меня от его воплей и проклятий чуть голова не взорвалась. Слушать меня этот страж сокровищ не желал, а убить не мог, потому как я на его добро не посягал. Вот оттого он так и разорался.

Я ведь поначалу его пожалел, даже подумывал, не попрактиковаться ли мне на этом бедолаге. По основному профилю, так сказать, поработать. А потом подумал – да пошел он нафиг. Не дай бог, что-то не так пойдет, засбоит, и будет этот неврастеник за мной таскаться по пятам везде.

Но в целом красиво проклятые сокровища в ночи выглядят. Красное зарево у корней высоченного дерева, которое перемежается светлыми всполохами, изображающими, что там, под землей, скрыто, то есть некий краткий каталог зарытых ценностей. Зрелище такое, что 3D отдыхает!

Ну и всякого другого я узнал немало – и о травах, и о корешках разных, и о повадках лесных обитателей.

Душевным оказался дядя Ермолай, ничего не скажешь. Он мне еще и короткую лесную дорогу открыл, когда я в Шаликово за харчами ходил. Эта дорога что-то с чем-то. Двадцать минут – и я на станции. А если по обычному пути топать – часа на полтора хода в одну сторону.

Правда, я все равно задумался вот над каким вопросом – лесовик он не злой, и дружбу с покойным Захар Петровичем водил, а его силу тогда во мне не распознал. Почему, интересно?

Или распознал, но решил не лезть в это дело? А что, запросто. Насколько я успел понять, принцип невмешательства в чужие дела в этом новом для меня мире является одним из основных. У каждого есть своя деланка и он ее возделывает, если сказать образно.

Вот так и бежали день за днем, под ласковым летним солнышком и прозрачно-синим небом без единого облачка. В городе жара, духота, смог, а тут благодать. Опять же – никаких тебе тесных костюмов и галстуков-удавок, никаких пропотевших на спине сорочек, которые вечером от впитавшейся в них соли колом стоят.

Да елки-палки, я даже брился раз в три дня. А что? В нашей деревне танцев по вечерам нету, и красотой своей неземной мне пленять некого. Ну не ведьм же, соседок. Тем более, что не очень-то мы и общались. Здоровались, если на улице сталкивались, да и только. Нейтралитет, понимаешь.

В общем, со всеми я перезнакомился, кроме болотника, который

проживал недалеко от Лозовки, и его супруги, которую дядя Ермолай презрительно называл «кикиморой». А может, и не презрительно, может, это ее настоящее имя было. Нет, я бы и к ним наведалься, но Лесной Хозяин очень мне не советовал этого делать, мотивируя свои слова тем, что болотник и раньше не славился покладистостью и добротой, а после того, как часть его владений осушили и на их месте поставили какой-то завод, вовсе озверел, а потому топит в чарусьях любого, кто сдуру сунется в его лапы. Сначала топит, а уже потом разговаривает, когда бывший человек в болотного упыря превратится.

Я рассудил, что к подобным предостережениям следует относиться серьезно, и в болота не полез. Да и на что они мне?

Хотя там, конечно, разные полезные травы растут, судя по записям в книге. Но, с другой стороны, я всегда их могу в другом месте пособирать. Или по старинке поступить, заказать в интернете.

А вот к русалкам я все же выбрался, пусть и в самую последнюю ночь. Интересно же на них посмотреть.

Что примечательно – они сразу поняли, кто я такой есть. Не знаю уж как, но факт есть факт. Только слышав мои шаги по песку, все призрачно-бледные девушки, сидящие близ воды, обернулись ко мне, окинули взглядом, а после разочарованно вздохнули.

– Не человек. Ведьмачок. Тот самый, – задорно хохотнула грудастая красотка и тряхнула нечесаной гривой волос. – Молоденький и свеженький. Ведьмачок, если ты принес нам гребешок, то подари его мне, не пожалеешь. Если Лариску одарить, то и она в долгу не останется. Если непонятно, то Лариска – это я.

Подобное поведение подружки возмутило других русалок настолько, что они немедленно сцепились в словесной перепалке, которая, впрочем, закончилась так же быстро, как и началась.

Я тем временем разглядывал этих фольклорных персонажей, все сильнее убеждаясь, что сказки не всегда верны. Нет у них никакого рыбьего хвоста, ноги как ноги. И волосы не зеленые. И не все они красавицы.

А вот что было удивительным, так это то, что они про меня знали. До них донеслись вести о том, что в Лозовке появился новый ведьмак. Интересно, откуда? Я спросил, но результат не воспоследовал. Поулыбались загадочно-ехидно речные обитательницы, да и только. И принялись болтать о всякой ерунде. А Лариска даже обвинила меня в том, что я на ее грудь пялюсь.

Родька же на водных дев и вовсе внимания не обращал, у него другое было на уме. Сначала он из-под какого-то пня достал рыбацкую снасть, им

же, как видно, давно и припрятанную, потом зубами отгрыз от ивы длинный хлыст, сварганил удочку и забросил крючок в воду.

– Ты нас, ведьмачок, особо ни о чем не пытай, – посоветовала мне Серафима, после того как я попробовал у них узнать, что за Речной Конь такой. Родьку об этом спрашивать было бесполезно, он уставился своими круглыми глазами на поплавок, сделанный из гусиного пера, и, по-моему, даже не дышал. – Не все мы тебе рассказать можем. У тебя земное, у нас свое, водное. Разные мы, понимаешь?

– Если честно, то не очень, – признался я. – Но как скажете.

– Ты лучше приходи через пару недель, как останний летошний денек настанет, – посоветовала мне Аглая. – Только не днем приходи, ночью, как у нас положено. Это особая ночь, ведьмак. Мы плясать под луну станем.

– Прекрати немедленно! – цыкнула на нее Серафима.

– Я приглашаю тебя, ведьмак, – блеснули в свете луны глаза Аглаи. – Приходи, будучи ждать.

– Дура девка, – подытожила Лариска. – Но ты, если придешь, то гребешок мне захвати.

– И мне, и мне, – раздались голоса русалок.

Что за гребешки-то? Те, что едят, или те, которыми причесываются? Надо у Родьки уточнить.

– Если приду – принесу, – сказал я. – Но обещать не стану. Просто я сегодня в город возвращаюсь. Пора. Отпуск кончается.

– Я буду тебя ждать, – настойчиво повторила Аглая. – Не пожалеешь.

– Ключет! – заорал в это время Родька и дернул удище. – Здоровенная рыбина! Линь небось! Или лещ большой, со сковородку размером!

Это оказался не линь и не лещ. На крючке висело оплетенное водорослями и почерневшее от воды и времени древнее сиденье от унитаза, то, которое в народе называли «стульчак».

Глава вторая

Никогда не подозревал, что Родька может быть настолько мстительным. Нет, бесспорно, знакомы мы были недолго, но мне казалось, что я вроде как разобрался в характере своего новообременного слуги.

Кстати, на редкость нелепо звучит – «своего слуги», никак не привыкну. В жизни бы не подумал, что у меня появится слуга. У нищих, как известно, их нет. А я, по сути, он и есть. Ну не совсем бомжатка, разумеется, но недалеко от этого состояния ушел. Как, впрочем, подавляющее большинство населения этой планеты в целом, и конкретной страны, в которой я проживаю, в частности. Само собой, что на вечере встреч выпускников и при общении в социальных сетях с давними знакомыми я с гордостью причисляю себя к «среднему классу», и даже привожу аргументы, подтверждающие данный факт, но, по сути, это не более чем способ самоутверждения. Правда, радует то обстоятельство, что я не один такой.

Любой из нас, клерков, в плане трудоустройства уязвим невероятно, причем неважно, в какой сфере кто работает. Банки, трастовые компании, туристический бизнес – везде есть мальчики и девочки, которые привычны к десятичасовой постоянной улыбке, умеют набирать текст на клавиатуре «вслепую» и отвечают на телефонный звонок даже дома отработанной до автоматизма фразой: «Добрый день, меня зовут Виктор, чем я могу вам помочь?». Но, по сути, это все, что они умеют.

Нам хорошо, когда все в стране хорошо. А вот как только ее шатнет чуть сильнее, тут-то веселье и начинается. Первыми с работы вылетаем мы, люди из младшего и среднего звена. У власть предержащих в компаниях, трастах и холдингах свои законы, взаимосвязи и пакеты акций, пусть с одним процентом, но все же. А нам хвататься не за что, поскольку ни соломинки, ни даже гадюки, как в народной пословице, нашему брату никто не протянет.

Ну а мы с какого-то момента во внутренних разговорах «кадровиков» перестаем быть Александрами, Аленами, Юлиями, Владимирами и приобретаем новый статус – «балласт компании». А что делают с балластом? Верно, его сбрасывают. А наши обязанности раздают тем, кто уцелел во время кадровой резни и остался на борту, причем с непременным комментарием:

– Мы за тебя долго боролись, еле отстояли. Но, сам понимаешь, надо

доказать и оправдать. Так что теперь должностных обязанностей у тебя прибавится. Что? Ты совсем обнаглел. Какая доплата? Радуйся, что вообще работать остался.

Я такое видел не однажды, правда, мне везло, и пока ни один из девятых валов «кризисного террора» меня не утопил. Но каждый раз мне было не по себе. Никогда не знаешь, когда на твоей спине «кадровики» мишень нарисуют.

Оно и понятно, у меня запасного аэродрома нет. Я кроме того, чем занимаюсь сейчас, больше ничего и не умею. Хорошо тем, кто имеет какую-то вторую профессию, у них альтернатива есть. А я... Черт, да мне кроме банка и ткнуться-то некуда. Точнее – было некуда, теперь-то кое-какие перспективы вырисовываются, пусть пока не сформировавшиеся окончательно, туманно-призрачные, но все-таки, все-таки...

А в целом выходит, что вроде у нас, менеджеров среднего звена, все более-менее есть, а по жизни мы если и не нищие, то близко к тому стоим. Чуть сильнее тряхни – и посыплемся, как груши с дерева.

Про духовность я и вовсе промолчу. Нет, мы охотно спорим о Достоевском, Бегбедере и Мураками, слушаем концептуальную музыку и смотрим авторское кино, честно пытаюсь на нем не заснуть. Это тренд, это надо, мы же еще и интеллектуалы. Но если доходит до дела... Мне знакомая одна рассказывала, что она, когда институт закончила и диплом получила, то с группой на природу поехала его обмывать, на два дня. Шашлыки, водочка, все такое. Понятное дело, когда луна на небо вылезла, народ решил спеть хором. Не знаю, как в Европах, а у нас выпить водки и не спеть хором, это хуже, чем выпить водки и не закусить.

Так вот – единственной песней, которую все до единого присутствующие знали наизусть, оказался «Владимирский централ».

А, вот что еще забыл сказать. Это были юристы. Вечерники. И многие из них уже работали по профессии, кто в следственном комитете, кто на таможне, а кто и в прокуратуре.

Ладно, это что-то меня занесло в сторону.

Так вот – Родька бурчал остаток ночи, все утро, пока мы собирали вещи, и даже в электричке, сидя в рюкзаке, то и дело издавал какие-то звуки. А еще время от времени начинал толкаться.

Хорошо еще народу в вагоне было мало и по соседству со мной никто не пристроился.

Вот как его сидение от унитаза за живое задело.

Но подозреваю, что русалки тут были и ни при чем. Просто так получилось. Ну бывают на свете совпадения.

Другое дело, что Родьке это объяснить было невозможно. Он существо упертое до крайности, и если что для себя решил, то все, хоть кол на голове ему теши. Ничего не изменишь.

Когда в следующий раз поеду в Лозовку, то надо будет проследить, чтобы он и впрямь какую-нибудь отраву с собой не прихватил, а после в реку не бросил. Мне русалки понравились. Не знаю, за что их так фольклористы не любят, зачем всякие гадости про них пишут. Спокойные оказались барышни, не буйные. Знай сидят ночью на берегу, беседуют, при полной луне танцы танцуют. И вдобавок все как одна с непростой судьбой. Их пожалеть хочется, а не бояться. Всех, кроме Лариски. В ней как раз что-то такое, неприятное, было.

Хотя, возможно, меня они не тронули просто по некоему родственному признаку. Я ведь, по сути, теперь один из них. Из кого? Да из тех, кого на свете не бывает. Ведь так родители детям говорят, когда те спрашивают, есть ли Баба Яга, Кашей Бессмертный, Дракула и Сейлормун на самом деле? «Это все сказки». И я теперь тоже сказочный персонаж. Отчасти. Процентов на тридцать. Ну сами посудите – я могу общаться с мертвыми, дружу с русалками, лешими и подъездными. И воюю с домовым. Кстати, – не сомневаюсь, что после моего отъезда Антип устроил большой праздник и, возможно, даже украсил дом по этому поводу.

Хотя, думаю, насчет Сейлормун родители детям правду говорят. Вряд ли она есть на самом деле.

А если серьезно – в том мире, который большей частью живет при лунном свете, в социальном смысле все сбалансировано не хуже, чем в обычном, человеческом. А может, даже и лучше. Люди склонны время от времени от безделья и по недоумию сотрясать устои общества и рушить все до основания, чтобы потом построить некий новый мир, который с огромной долей вероятности будет немногим лучше старого.

Здесь же все давным-давно определено и разложено по полочкам. Каждый знает свое место, каждый знает, что почем и кто за кого впряжется, если что. Понятий «друг» и «враг» у них нет, но некое подобие деления на «своих» и «чужих» имеется. А еще там все решают традиции и покон. Да, тот самый покон, про который я много слышал еще до отъезда в Лозовку. Насколько я смог понять, это был некий свод законов, по которому мой новый мир существовал с тех времен, когда старые боги еще спускались на Землю и бродили по ее дорогам, выдавая достойным награду, а негодяям заслуженную кару.

Про этот самый покон знали все, с кем мне довелось пообщаться, но как только я пытался узнать, где с ним можно ознакомиться, так сказать, в

первоисточнике, на меня смотрели как на душевнобольного. Даже Родька, и тот только уставился на меня своими круглыми глазищами, похлопал ресницами и ничего не сказал.

А жаль. Мой богатый офисный опыт говорит о том, что заучивать инструкции и положения наизусть дело бессмысленное, но ознакомиться с ними надо непременно. Никто никогда не знает, когда наступит день переаттестации. Но он непременно приходит, рано или поздно. И, как водится, внезапно и вдруг. Потому надо хотя бы знать, где стоит та самая папка, в которой можно найти ответы на вопросы.

Что примечательно – в моей настольной книге, той, что досталась по наследству, про покон нет ни слова. То ли мои предшественники не сочли нужным про него упоминать, то ли для них это была настолько прописная истина, что говорить про нее было просто глупо.

В общем, мне было о чем подумать в электричке, которая неспешно везла меня в Москву.

Вообще-то изначально я даже домой не планировал заезжать, а сразу хотел рвануть на дачу родителей. Для того и уехал из Лозовки за четыре дня до конца отпуска. Ну а как по-другому? Надо. Я же тамошнему лесному хозяину обещал помочь, отпустить привязанные к месту своей смерти души. Они там лет четыреста маются, и ему как бельмо на глазу.

Нельзя сказать, что я очень высокоморальный человек и вот так всегда свое слово держу, но здесь и ситуация другая. Во-первых, врать таким сущностям дело неблагодарное. Телефонов у них, понятное дело, нет, и скайпа тоже, но что-то мне подсказывает, что новости из одного леса в другой, пусть даже и неблизкий, будут переданы быстро. Во-вторых, – мне очень хотелось попробовать себя в этом деле.

Нет, страх имел место быть. Книгу я штудировал исправно, и, хоть по моей новой специальности там почти ничего сказано не было, все равно встречались фразы, к ней относящиеся. Вот хоть бы одна из них, написанная неким Евплом еще веке в пятнадцатом, кабы не раньше: «Аще мертвого того за кромку не спровадиши, он тебѣ житья не дастъ. Будет ходити, блазнити, и жизнь твою тянути». Не исключено, что речь идет вовсе не о неупокоенных душах, а о каком-то бродячем мертвеце или даже вариации некоего древнерусского вампира, одетого вместо шелкового камзола и изысканного парика в армяк и лапти, но все равно холодок по спине пробирает.

Но если просто дома сидеть и всего бояться, то это мне пользы не принесет.

И еще, – души на той поляне – это самое то, что мне нужно. Очень уж

они в нашем мире засиделись, и, насколько я понял, это играет мне на руку. Дело в том, что неупокоенные души, изрядно задержавшиеся на Земле, перестают осознавать себя. Проще говоря – они чем дальше, тем больше теряют индивидуальность. Время помаленьку, но при этом непреклонно, стирает из них все то, что было присуще тем личностям, которыми они некогда являлись, усредняет, делает просто безликими фантомами, существующими по привычке. Без памяти, без желаний, без всего. Хотя нет, желания могут быть. Например, при случае напакостить живым, это в них заложено на уровне инстинктов. А еще такие сущности почти всегда мечтают о том, чтобы наконец прервать свое бесполезное существование.

И вот тут наши желания совпадают. Им надо уйти, а мне надо понять закономерности этого процесса.

Разумеется, это присуще только бесхозным душам, которые существуют вне здорового кладбищенского коллектива, вроде тех, что обитают в лесу близ дачи моих стариков. На кладбище действуют другие законы, там есть Хозяин, и только он решает, кому и как проживать в пределах его территории. Хотя и там, я так думаю, все не так гладко обстоит. Не может душа с двумя-тремя веками за спиной ощущать себя такой же личностью, как при жизни. Не может она не завидовать тем, кто еще жив. Хоть в чем-то.

Так вот – я сразу хотел на дачу к родителям рвануть. Но чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше крепло у меня желание домой заехать. Сумку бросить, ванну принять, телефон, опять же, зарядить.

Да и Родьку там оставить тоже не мешало бы. Вообще-то я хотел все дела там переделать и смыться обратно в город до того, как мои старики туда нагрянут. Но, зная маму и ее чутье, можно смело утверждать, что этот номер у меня не пройдет. А значит, моему мохнатому приятелю лучше там не появляться.

Разумеется, это все были отмазки, но звучали они у меня в голове очень убедительно. А потому через час с небольшим я подходил к своему подъезду, вдыхая забытый за две с половиной недели пыльный и жаркий городской полуденный воздух.

– Э, стой, а! – открывая подъездную дверь, услышал я женский голос. – Стой!

Как ни странно, этот оклик предназначался мне. Это была дворничиха, она потрясала метлой, довольно шустро приближаясь ко мне. Как ее, блин, зовут-то? Вроде, Фарида. Или Хафиза?

– Ты что делаешь, а? – даже не подойдя поближе, укоризненно произнесла она и покачала головой. – Ты зачем уехал, а?

– В смысле? – опешил я. – Уехал – значит, надо было.

– Надо ему было! – возмутилась работница ЖКХ и грозно стукнула черенком метлы об асфальт. – Ты что, глупый совсем? У тебя женщина беременная, а ты уехал!

– Кто у меня? – выпучил глаза я.

– А Марина-апа с пятого этажа? – пристыдила меня дворничиха. – Забыл, э? Она твоего ребенка носит, а тебя рядом нет! Иэ-э-эх! Так разве делают! Я ее даже не виню теперь! Чем с такой как ты жить, лучше вообще никто не надо!

Как видно, я пал в ее глазах на самое глубокое дно самого глубокого ущелья, поскольку после этих слов Фарида повернулась ко мне спиной и отправилась восвояси.

Так я и не узнал, в чем она Маринку винит. Хотя и могу догадаться, чрезмерной нравственностью моя соседка сверху никогда наделена не была.

Но зато понял, о чем речь шла. Точно, было такое. Эта язва в свое время целый спектакль разыграла под названием «А.Смолин – подлый растлитель», для того чтобы со мной в Лозовку увязаться. На свою же голову. С тех пор все бабушки в нашем доме, равно как и работники коммунальных служб, были уверены в том, что она носит моего ребенка. И даже плоский живот, который Маринка с завидным постоянством демонстрировала всему миру, натягивая на себя вызывающие топики, не являлся аргументом, опровергающим данную аксиому.

Все-таки приятно, что есть некие вещи, которые никогда не меняются. Например – последствия маринкиных проделок. Они всегда выходят боком кому угодно, только не ей самой. Исключением может служить, пожалуй, та самая достопамятная поездка в Лозовку, когда она через свое упрямство и любопытство чуть жизни не лишилась.

А еще к таким вещам относится родной дом, особенно если ты холостяк. От чего уехал, к тому и приехал. Стабильность. Есть в этом что-то такое, согревающее душу.

– Дома! – радостно сообщил мне Родька, которого я сразу же выпустил из рюкзака. – Наконец-то!

– Не понял? – удивился я. – Ты же меня сколько времени агитировал за то, чтобы мы съехали из города в деревню?

– Было, – не стал спорить мой слуга, прошлепал в комнату и залез на кресло, которое, похоже, он возвел в ранг своей личной собственности. – Но чего-то сравнение не в ее пользу. Не в пользу деревни. Там телевизора нет. И чайника электрического. И воды с пузырьками, которая «Саяны».

– Это да, – признал я, посмеиваясь.

Да и то. Мне, горожанину, охота обратно, а он, всю жизнь в глуши проживший, рад, что в город вернулся. Вот уж, воистину – кому что.

– Хозяин, – облизнулся вспомнивший про свою любимую газировку Родька. – Надо в лабаз идти. Холодильник-то пустой. Чего есть будем?

– Гречки полно, – не смог я отказать себе в удовольствии немного над ним поиздеваться. – И риса. И пшена.

– Да? – опечалился Родька. – И соли с сахаром?

– И их тоже, – подтвердил я. – Ну, какие еще будут аргументы?

Слуга призадумался.

– С возвращением! – послышалось с кухни. – Как съездили?

– Мое почтение, Вавила Силыч, – громко произнес я. – Хорошо. Мне даже понравилось там. Воздух чистый, никакой суеты и спешки. Есть в загородном существовании нечто такое, что мы потеряли. Вот даже уезжать не хотелось.

– Это, Александр, потому, что ты там был гость, – как всегда степенно объяснил мне подъездный, входя в комнату. – Ты туда ненадолго приехал и знал, что вернешься в город. Опять же – лето на дворе, и с погодой тебе повезло. А оставь тебя там на постоянное проживание, да особенно поздней осенью или зимой, когда все снегом завалит, то у-у-у-у! Частный дом – это тебе не городская квартира. Там капает, тут поддувает, снег самому надо чистить, дрова пилить-колоть, печку топить.

– А я на что? – обиженно подал голос с кресла Родька.

– И еще за этим обормотом в оба глаза смотри, – согласился с ним Вавила Силыч. – Вот сколько всего. Так что, Александр, живи, где родился, то есть здесь, в городе. Не ищи от добра добра.

– Так и в мыслях не было переезжать, – заверил подъездного я. – Кстати, из забавного. Я там с домовым характерами не сошелся. Он меня из дома как только не гнал. Даже душить пытался.

– Да что ты? – изумился подъездный. – Родион, а ты куда глядел?

– Чуть что, так Родион! – взвился вверх мой слуга. – Я ему, мохнорылому, три раза морду мям, объяснял, что нового хозяина надо не меньше, чем старого, чтить. Он не слушает, говорит, что городских в гробу видел, не указ они ему.

– Видать, из старых домовик, – со знанием дела вынес суждение Вавила Силыч. – Из исконных. Да и тьфу ты на него, Александр. Дом он все одно беречь станет, такая его судьба. И тебя, как хозяина, со временем тоже признает. Любить, может, и не будет, а чтить станет, никуда не денется. Ты, главное, в ближайшее время ремонт там не затевай, старые

стены не рушь, чтобы его злобу до крайности не доводить. А потом все устроится. И плохо про него даже не думай, он чужого на порог не пустит и умышлять против тебя не станет.

Значит, с ремонтом пока не сложится. Да и ладно, мне там не жить. Да и не факт, что я вообще в этом году туда еще пожить отправлюсь. Отпуск кончается, лето тоже к концу идет, скоро осень. Дожди пойдут, грязь там будет несусветная. А как снег ляжет, я туда и вовсе не доберусь.

Интересно, а откуда ведьмы продукты зимой берут? Летают за ними, что ли?

– А у нас тут все по-старому, – Вавила Силыч сурово глянул на Родьку. – Все свое дело знают, кроме одного лентяя мохнатого, который гостю даже чаю не предложит.

Родька тут же скатился с кресла и поспешил на кухню. Вот ведь. А скажи ему я то же самое, может, и не последовал бы результат. Нет, разбаловал я его.

– Марина с пятого этажа к тебе раза три заходила, – тем временем сообщил мне подъездный. – И звонила в дверь, и ногами в нее стучала. Особенно в прошлые выходные. У нее компания собралась, они всю ночь водку пили, разные разговоры вели, тебя вспоминали.

– О как, – заинтересовался я. – Что за люди?

– Коллеги ее по работе, – тут же ответил Вавила Силыч. – Я их до этого всех видел уже. И этот крепкий паренек был, Стас который. Полицейский, похоже, эту публику ни с кем не спутаешь. Он, кстати, водку и принес. Целый ящик.

А, понятно. Стало быть, дали приятелю Севастьянова внеочередную «звездочку» на погоны. Он еще тогда обещал, что если дело выгорит, то с него ящик водки.

Однако – быстро как. Времени-то прошло всего ничего.

– Вспоминали-то по-доброму? – поинтересовался я.

– А как же, – заулыбался Вавила Силыч. – Правда, о том, что ты себе на уме, тоже говорили. Но без злобы. Так, шуткой.

– И хорошо, что меня не было, – порадовался я. – В такую жару водку пить – себя не жалеть. Больше никто не заходил?

– Нет, – покачал головой подъездный. – Я бы рассказал.

Впрочем, – а кого мне еще ждать? У меня не так много знакомых, а таких, которые знают, где я живу, вообще по пальцам пересчитать можно.

Зато на телефоне, который я поставил на зарядку и после этого сразу включил, обнаружилась целая куча пропущенных звонков, и вот там было то еще разнообразие. Например, меня разыскивали сослуживцы, которым

что-то внезапно понадобилось. Что именно – понятия не имею, и прямо сейчас выяснять не собираюсь. Все вызовы прошли в один день, стало быть, какую-то бумажку не нашли и пошли по пути наименьшего сопротивления, то есть – начали мне названивать. Десять звонков за три часа. А потом – как отрезало. Значит – либо нашли желаемое, либо меня уволят в первый же день после отпуска. А что? Такое бывает, я сам видел. Вышел человек на работу – веселый, загорелый, пакет магнитиков турецких в руке, а ему под нос заявление тычут и говорят:

– Подписывай по-хорошему.

Просто пока он гезлеме кушал и в бассейне пьяненький купался, всплыл «косяк» в отчетности, которую он готовил, и у банка заморочки были такие, что хоть вешайся. Проблему разрулили, понятное дело, но сотруднику этому все одно трындец настал.

Еще звонила мама три раза, Маринкин телефон раз пятнадцать отметился, пять вызовов прошли с неизвестных мне номеров, скорее всего, кто-то жаждал предложить мне положенную законом юридическую помощь или бесплатное медицинское обследование. И два раза со мной хотел пообщаться Нифонтов.

А вот это уже серьезнее. Тут придется перезвонить. Как ни крути, а у меня перед ним должок имеется, который все равно придется возвращать. Жизнь-то он нам с Маринкой тогда в лесу спас, что было – то было. И ночная заварушка на кладбище этот долг не списала, там каждый из участников решал свои собственные вопросы. Кто устранял угрозу для жизни, кто преступника, причем физически, кто звездочку зарабатывал. Каждому свое.

Я решил не откладывать разговор с оперативником отдела 15-К в долгий ящик и сразу набрал его номер, но безрезультатно. Он был недоступен.

– Вот, больше ничего нету, – сообщил Родька, тем временем накрывавший на стол. – Хоть убейте.

К чаю у нас дома были только сушки, дошедшие до состояния каменной твердости.

– Не шуми, – попросил я его, убирая телефон в сторону. – Схожу я сейчас в магазин, схожу. Надо же тебе что-то три дня есть, пока меня не будет.

– Опять уезжать куда собрался? – уточнил Вавила Силыч, шумно хлюпая чаем. – Вот ты, Александр, неугомонный стал. Раньше все дома сидел, фильмы глядел или в интернете лазал, а теперь как шило тебе в одно место воткнули.

– На дачу к родителям поеду, – объяснил я ему. – Надо стариков проводить.

– Это правильно, – одобрил подъездный. – А за этого неслуха не волнуйся, пригляжу за ним. Или к делу какому приставлю.

– Опять удава ловить? – хмыкнул я.

– И-и-и-и, где тот удав! – хихикнул Вавила Силыч. – Съели его уже.

– В смысле? – опешил я.

– В прямом, – невозмутимо ответил подъездный. – Один умник из четырнадцатого дома вычитал в какой-то книжке, что копченый удав сильно вкусный. Вот они его в подвале и зажарили, там же и схарчили. И чуть не отравились насмерть! То ли приготовили неправильно, то ли еще чего не так с этой змеюкой. Фомич, их старшой, цветом лица как фрукт апельсин стал, весь оранжевый. Зрелище, я тебе доложу! Прямо такая радость на душе у меня была, когда на него смотрел, словами не опишешь.

Нет, все-таки какая у меня жизнь теперь интересная началась! Кому расскажи, что домовые зажарили и съели в подвале обычного московского дома удава, ведь не поверит никто. Да что там – за психа примут. А ведь оно так и было на самом деле.

– Когда поедешь-то? – уточнил у меня Вавила Силыч, хрустя сушкой. – И на сколько?

– Завтра, – потянувшись, ответил я. – Сегодня уже лень. И до воскресенья.

Хотя, может, и до субботы. Тут все зависит от того, до какой степени маму пробьет на хозяйственную деятельность, и насколько удачлив я буду при побеге с родных шести соток.

Август на дворе, мои старики каждые выходные теперь туда ездят, урожай собирают. Помидоры поздние, груши, тыквы, кабачки. Так что дело всегда найдется, для меня в особенности. Вон, хоть бы бочку тягать опять заставят.

Эта бочка – мое проклятие. Когда-то синяя, а теперь желтая от ржавчины, она мыкается по нашему участку как «Летучий голландец». Ну как мыкается? На моем горбу катается.

То мама в ней огурцы сажает, и она занимает место за беседкой. На следующий год она решает найти ей другое применение, а именно приспособить под сжигание мусора, после чего я качу этого круглого монстра на противоположную сторону участка, к забору, где для пущей бочкоустойчивости копаю новую яму. И так год за годом.

Последние несколько лет она опять выполняла огородно-огуречную функцию, но это потому, что мне хватало ума на дачу особо не соваться. Но

теперь все может перемениться, я же буду там.

Кстати – как напророчил. Ну или у мамы веб-камера на заборе стоит, и она отслеживает через сеть, кто там около ее дачи трется. Стоило мне только на следующий день приехать на дачу и открыть калитку, как зазвонил телефон.

– Саш, ты где? – требовательно спросила мама. – Почему трубку две недели не брал?

Я попытался что-то объяснить, но она привычно не стала меня слушать, высказав кучу претензий по поводу моей безалаберности и невнимательности к близким своим. Кончилось все приказом прибыть в эти выходные на участок, чтобы хоть часть моего отпуска пошла на благое дело. Если не сегодня вечером, то завтра утром точно.

– Уже, – хмуро ответил ей я, прекрасно понимая, что за этим последует.

Но врать не стоит. Только хуже себе сделаю.

– Что «уже»? – изумилась мама.

– На дачу приехал, – объяснил я. – Излагай, что делать. А то ведь мне уже завтра уезжать.

Нет, полных два дня, до воскресенья, я не выдержу. Родительская любовь – это святое, но рассудок дороже.

– Тогда самое главное, – деловито сказала мне мама. – Бочка!

В результате я провозился со всей этой канителью чуть ли не до заката. Нет, мне раньше в лес и не надо было идти, но ведь можно было вместо этого на диванчике полежать и в телевизор потаращиться. А вот хрен-то!

Как иные товарищи с родителями до седых волос живут, а? Это же с ума сойти можно что такое!

В лес я вошел тогда, когда багровое солнце стремительно начало валиться за верхушки елок. Повторюсь – август, смеркается теперь раньше и быстрее, чем в июне-июле. Да и ночи темнее стали, это в начале лета даже в полуночный час небо все равно прозрачно-светлое. А теперь – куда там.

Я убрал в карман телефон, с которого только что еще раз попытался дозвониться до Нифонтова, достал из пакета, прихваченного с собой, краюху хлеба, положил ее на пенек и громко сказал:

– Добрый вечер, батюшка лесной хозяин. Не побрезгуй моим угощением и позволь погулять в твоих владениях.

– Я же тебе сказал, паря, что ты в моем лесу всегда желанный гость, – послышалось из-за ближайших кустов. – Хотя за хлебушек спасибо.

– О чем речь! – я помахал рукой шагнувшему мне навстречу старичку

в ватнике и кепке с надписью: «Таллин-80». – Почему не порадовать хорошего... Кхм...

Слово «человека» тут было не сильно уместным.

– Да ладно, – верно расценил мое смущение лесной хозяин и прихватил с пня краюху. – А ты, я гляжу, за это время успел-таки к силе ключик подобрать? Молодец. Хитер да умен, два уголья в нем.

– Учужали? – сразу же любопытствовал я.

Мне вообще было интересно, как эти существа моментально узнают таких, как я, как им удастся распознать, что у меня есть сила. Подозреваю, что это у них врожденный талант, который нам, людям, недоступен.

Хотя... Та мерзкая болотная ведьма, что меня чуть не прирезала ночью в парке, тоже ведь что-то учужала.

Но мне пока такое было не под силу.

– А как же! – даже как-то возмутился старик. – В мой лес ведьмак пожаловал, да еще и из тех, что с «той стороной» знает, а я про это сразу не проведаю? Что же я тогда за хозяин этому месту. Ты, кстати, чего пришел-то? Так, лясы поточить или по делу какому?

– Слово сдержать, – веско произнес я. – У меня как? Сказано – сделано.

– Молодец, – лесной хозяин поправил кепочку. – Даже два раза. Первый – потому что обещания свои помнишь. Второй – потому что нахваливать меня не стал, мол: «как вам да не помочь, вы же такой-разэдакий». Любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить.

А вот это интересно. Кто это кроме меня сюда заходил и когда? И чего от этого старичка-лесовичка хотел?

– Так пошли, – дед махнул свободной от ковриги рукой, и перед нами появилась тропинка, ведущая вглубь леса. – Солнце почти село, к тому времени, как дойдем, и эти канительщики на поляну вылезут.

Глава третья

Лесной хозяин все сказал верно – несмотря на то, что мы шли к последнему пристанищу неупокоенных душ самой что ни на есть короткой дорогой, добрались мы к ней уже в темноте.

Темнота эта, правда, была весьма условной. Тропу, по которой мы шли, подсвечивали какие-то гнилушки, воткнутые в пни, и светляки, кружившиеся над нами.

– Из тебя выйдет хороший ведьмак, – толковал мне тем временем лесовик, бодро топавший впереди. – Если начал с того, что обещание свое сдержал, то точно так и будет.

– Ну а как по другому-то? – скромничал я. – Слово дадено, нешто я его нарушить могу?

– А вот это ты заканчивай – повернувшись ко мне, помахал узловатым пальцем лесной хозяин. – Ни к чему эти все «нешто» да «надысь». Время вокруг другое, и говорят люди теперь по-иному. Ладно я, коряга старая, но ты-то из нынешнего, нового времени? Вот и будь самим собой. А если ты мне приятное хочешь сделать, то лучше нежить с моей поляны высели. Ясно?

– Предельно, – кивнул я.

– Время – оно меняется, – засопев, снова двинулся вперед старик. – И все остальное вместе с ним тоже. Хочешь выжить – будь умнее, не пытайся вернуть то, что ушло навсегда. Я вот это понял давно, потому и хозяин до сих пор этому лесу. А те, кто пытался за старое, отжившее, цепляться – где они теперь?

– Где? – заинтересованно спросил я.

– А нигде, – хохотнул лесовик. – На нет сошли, как яд у старой змеюки. Клык остался, а отравы там нет, пережила она её. Пыхтят, стращают, друг дружке говорят, что они все еще владыки мира, даже забредшего к ним дурняком человека убить могут, а проку-то от того? Силы нет, радости бытия нет, крова своего нет. Туман – и только. А в тумане, как известно, ни толку нет, ни жизни. Сырость одна.

Интересно, это он о ком вообще говорит? Кого в виду имеет?

Но развить эту тему мне не удалось – мы пришли к конечной точке нашего путешествия, выйдя из березовой рощицы напрямик на заветную поляну.

– Давай, – ткнул лесной хозяин пальцем в смутные тени, мелькавшие

над поляной, покряхтывая, сел на землю под ближайшей березой и вытянул ноги, обутые в старые галоши. Под галошами виднелись шерстяные носки грубой вязки. – А я погляжу, как ты это делать станешь. Интересно ведь.

– А до этого вы ни разу не видели, как души неприкаянные отпускают? – изумился я. – Вам ведь лет уже... Много, короче.

– Видел, не видел – тебе какая в том печаль? – как мне показалось, с насмешкой, ответил вопросом на вопрос лесовик. – Делай свое дело, ведьмак.

Легко сказать. Там, в Лозовке, мне все это представлялось довольно несложным, а тут, под звездным августовским небом, точка зрения маленько изменилась. Нет, страха не было, но вот сам процесс... С чего начать-то?

Я ведь всего две души и опустил за всю свою недолгую ведьмачью карьеру. И обе были не против этого, более того – мне помогали. Потому как сами были ведьмаками при жизни. Так сказать – корпоративная этика в действии. А тут...

Тем временем тени, скользящие над поляной, как видно, учуяли меня и короткими смазанными движениями стали подбираться все ближе.

– Отпусти меня, – вскоре услышал я слова, знакомые мне еще по прошлому визиту. – Отпусти. Укажи путь.

Как и тогда, вслух эти просьбы не произносились, они звучали внутри моей головы. Неприятное, кстати, ощущение. Как когда зуб сверлят под анестезией. Боли нет, но вот этот скрежет, запах медикаментов и костной пыли, брызги воды... Бррр!

Сначала голос был один, того призрака, что подлетел ко мне быстрее остальных, но потом его товарищи по несчастью тоже подтянулись поближе, и через минуту мои уши заложило от их:

– Открой Врата! Спаси! Отпусти меня! Отпусти!

Шутки-шутками, но возникало ощущение, что сейчас моя голова просто взорвется от того бедлама, что творится вокруг.

– Так! – не выдержал я, приложил к ушам ладони и заорал в голос: – Заткнулись все!

Невероятно, но это сработало. Призраки замолчали, причем все и сразу. Мало того – они даже перестали кружить надо мной и опустились на землю, если это можно так назвать.

– Вот, – похвалил их я. – А то устроили тут, понимаешь.

Лесной хозяин одобрительно крикнул за моей спиной.

– Так, – я размял ладони, уж не знаю, зачем. – Выстраиваемся друг за другом и подходим ко мне по одному.

Ну надо же с чего-то начинать? В книге по этому поводу ничего не сказано, а мой личный опыт заключается, как я говорил, в отправке в конечную точку бытия только двух застрявших на земле душ. Думаю, надо повторить то, что я тогда на кладбище делал, а если не сработает, то тогда двинусь путем проб и ошибок. В любом случае, эти тени, похоже, сильно навредить мне не смогут. Максимум занудят до полусмерти.

Да если честно, они меня вообще не волнуют. Вот то, что лесной хозяин может обидеться – это серьезно. Но, с другой стороны, он видит, что я пытался сдержать слово, так что авось выкручусь. Это переговорный вопрос, проще говоря.

Ну и вообще – не надо думать о том, что ты проиграл, до начала матча. Игра заканчивается только тогда, когда звучит финальный свисток.

Господи-добрый-боженька, какая ерунда в голову лезет!

– Вот ты, ко мне... Э-э-э-э-э, – я ткнул пальцем в одну из теней. – Даже не знаю. Подлети?

Туманный сгусток, в котором с трудом улавливались человеческие очертания, приблизился ко мне.

Когда я отпускал ведьмаков, мы соприкасались пальцами. Но у того призрака этот палец хотя бы был. А здесь нет ничего.

– Ладони моей коснись своей ладонью, – сказал я сгустку, который колыхался в каких-то сантиметрах от моего лица. – Ну или чем еще, я не знаю даже. Что-то же у тебя там есть?

Я поднял руку, и выставил свою ладонь вперед, так, как это делают мужчины, желая показать друг другу, что шутка оценена. Ну или когда «Спартак» наконец-то забил гол хоть кому-нибудь. А то играют, понимаешь, играют, а чемпионами раз в двадцать лет становятся. Не все болельщики и доживают до этого триумфа.

Тень обволокла мою ладонь, я ощутил влажное прикосновение, такое, какое бывает, когда попадаешь в туман.

В голове у меня ощутимо бамкнуло, так, что даже уши заложило, перед глазами пронеслись какие-то смазанные видения, более всего похожие на фотоальбом, пролистанный с приличной скоростью. Женщина в длинном льняном балахоне с вышивкой, какие-то мальчишки с огромной рыбиной, которую они несли впятером, кудрявый добрый молодец, лукаво подмигивающий кому-то, младенец, пускающий пузыри в архаичной колыбельке, подвешенной за веревки к потолку, и в конце концов яркий отблеск солнца на сабле, резко опускающейся вниз.

Все это мелькнуло перед глазами и пропало, по телу прошел легкий холодок, а сгусток тумана, стоявший передо мной, рассыпался на сотни

мелких брызг и стал не более чем росой на траве. Да и та через пару мгновений высохла.

– Молодец, – подал голос лесовик. – Справился! А то были у меня, понимаешь, сомнения!

– Рад, что оправдал оказанное мне высокое доверие, – выдохнул я, прислушиваясь к себе.

Шутки-шутками, а первая тень, отправленная... Куда-то там, не знаю куда. Те две, они все-таки не в счет. И свои это были, и рядом Хозяин кладбища стоял.

А тут другое дело.

И, что главное, внутренний голос в колокол не бил, и «Беда! Напасть!» не кричал. Значит – все прошло нормально.

К тому же выводу пришли и тени. Они в силу возраста хоть и не обладали особым разумом, но сообразили, что к ним все-таки пожаловало избавление в моем лице, после чего даже выстроили некое подобие очереди, как я у них и просил.

Самый же шустрый уже колыхался прямо передо мной.

– погоди, – сказал я ему. – Дай дух переведу.

А я знаю, что это был за фотоальбом. Это последние воспоминания, оставшиеся от той личности, которой некогда был призрак. Надо думать, что тогда, в шестнадцатом веке, он был женщиной. Вот я и увидел то, что для нее было в жизни самым главным, то, что даже время не стерло – образы ее матери, мужа и ребенка. Ну и момент смерти.

Грех так говорить – но круто. Вот прямо круто.

Хотя вопросов теперь стало еще больше. Например – что я буду видеть, упокаяя более молодого призрака. «Молодого» – в смысле, не столь древнего как эти, не так давно умершего. Пару часов кряду смотреть кино под названием «И это все о нем»?

И сразу возникает следующий вопрос – вот на кой мне вся эта информация нужна? Интересно, никак нельзя от нее абстрагироваться?

Сгусток тумана, колыхающийся совсем, рядом недовольно толкнул меня в грудь, как бы давая понять, что пора бы и им заняться. «Толкнул», конечно же, сказано слишком громко, я, естественно, ничего не ощутил, но посыл был именно такой.

– Давай, давай уже, – проворчал я и снова поднял ладонь.

Все случилось, как и в прошлый раз, только фотоальбом изменился. Точнее – первый фрагмент был похож, это снова была женщина в длинной рубахе, изукрашенной вышивкой. А вот потом все было менее лирично, чем у предыдущей тени. Пара стоп-кадров с перекошенными рожами в

крови, фрагменты какого-то застолья, а после еще и женское лицо, с закрытыми глазами, капельками пота на лбу и закушенной нижней губой. Ну и как финал – поджарый усач в синем кафтане и с изогнутой саблей в руке, надо полагать, тот самый поляк, который четыре века назад убил сгусток тумана, колыхавшийся передо мной.

При жизни это точно был мой собрат по полу, причем он умел и любил пожить широко и весело. Был он не дурак подрасться, выпить, закусить и с девками поелозить. Я все-таки жизнь повидал, ясно же, отчего та красавица губу закусила.

– Лучше бы дальше здесь летал, – пробубнил вдруг лесовик от своей березы.

К чему он это сказал, я понял на секунду позже. Этот призрак не рассыпался росой, как предыдущий, его вдруг словно скрутила некая огромная рука, смяла, скомкала, а после вбила в землю у моих ног. Нет, никакой разверзшейся бездны, никакого разлома. Просто бесформенная масса тумана, причем уже не серого, а антрацитово-черного, впиталась в землю – и все. Даже мокрого места от нее не осталось.

А еще мое сознание зафиксировало короткий отчаянный крик. Совсем короткий и внезапно оборвавшийся. Как видно, перед тем как покинуть эту землю, бывшая бесплотная тень на секунду обрела понимание кто она и что она. И, возможно, осознала, каким будет ее конечный пункт прибытия.

Стало быть, за душой у этого бывшего человека не только пьянки и гулянки, а грехи посерьезней. Такие, за которые покоем не награждают.

Ясное дело, это только мои предположения, но думается мне, что так оно и есть на самом деле. Иначе как объяснить тот факт, что одна неуспокоенная душа, как видно безгрешная, ну или не свинячившая в жизни сверх меры, стала росой, а вторая почернела и отправилась под землю?

Да и слова лесовика это подтверждают.

Блин, значит, все это тоже есть? Ну – ад, рай и прочие достопримечательности в стиле Данте Алигьери?

Не скажу, что я совсем уж скептик, или, того хлеще, атеист, но на подобные темы раньше особо не задумывался. Не моя это тематика, далек я от нее. Да что там – это сейчас вообще не очень принято. Нет, одно время была мода на посещение церквей, держание поста, освящение офисов и личного исповедника. Особо стильные дамы даже заводили себе брендовые косыночки от модельеров со сложносочиненными итальянскими именами специально для походов в храм Божий. Но это было давно, и вера уже вышла из тренда. Если же говорить конкретно обо мне, я и тогда этого не понимал, и сейчас не очень приветствую, несмотря на свое равнодушие к

данному вопросу. Как по мне – отношения человека и Бога дело исключительно интимное, они не должны становиться темой для обложки глянцевого журнала или репортажа музыкального канала. Нашел человек в себе Бога – хорошо. Не нашел... Ну значит, не нашел. Может, еще сложится. А может и нет, поди знай. Все от тебя зависит. Но выносить это на публику, как по мне, не стоит.

Но, в любом случае, заветы веры соблюдать по возможности надо. Мы не знаем, что нас ждет там, за закрытой дверью. А если все это правда? Если там и в самом деле нас судить по делам нашим будут? Ну а вдруг? И что тогда? Переделать-то уже ничего нельзя, и никакой адвокат не поможет. Там все будет предельно просто и честно – вот твоя жизнь, те дела, которые ты в ней наворотил, и тот, кто будет решать, чего ты теперь достоин. По справедливости решать.

Кстати, мне теперь ТАМ ничего хорошего особо не светит. Если судить меня по божьим канонам, то я накосячил по полной. Врать не стану, со словом Божьим я не очень знаком, но обрывков куцых знаний мне хватает для того, чтобы это понять. Судите сами – я свел дружбу с представителями языческих культов, промышляю магией и стремлюсь стать образцово-показательным специалистом в богопротивной отрасли. А если учесть мое профессиональное прошлое и настоящее, то все станет совсем печальным. Я банковский служащий. Мы прокляты изначально и по полной программе. Нам райских врат даже издалека не видать.

Следующий туманный сгусток тем временем уже нетерпеливо колыхался рядом, ему не терпелось покинуть эту Землю. И все повторилось снова – удар по моему сознанию, женщина в «дольнике», смеющаяся девушка с толстенной косой, лица ребятишек и огненный росчерк сабли.

Стоп. А что такое «дольник»? Это слово мне незнакомо. Но при этом я точно знал, что та рубаха, которая была надета на женщине с первого фото, называется именно так.

Одна за другой тени то рассыпались на брызги воды, сверкающие в лунных лучах, то уходили в землю, напоследок оглушив меня воплем. Причем то место, где они в нее ввинчивались, становилось все темнее, трава на нем пожухла и выглядела так, будто уже пришел октябрь.

А еще становилось все прохладнее. Меня буквально трясло от холода, даже зубы лязгать начали, как в лютую стужу.

– Уффф, – потер я себя за плечи, когда последний туманный сгусток стал росой. – Задубел совсем. А еще говорят о глобальном потеплении. Август на дворе, а колотун, как зимой.

– Какой колотун? – тихонько засмеялся лесной хозяин. – Три недели

дождей не было и ветра почитай, что совсем нету. «Вёдро» стоит. Это, парень, тебя та сторона привлекает, там-то всегда стужа. Помнишь, как оно зимой случается? Ты дверь на улицу открываешь, так тебя непременно воздухом холодным обдаёт. В доме-то тепло, а там-то студено. Вот ты сейчас такую дверь и открывал, да еще много раз и без перерыва. Само собой, что до костей пробрало.

– Ух ты, – проникся я. – Вот ведь!

То ли растирание помогло, то ли я просто согрелся, но холод отступил.

– А вообще, ты поосторожней, – посоветовал мне лесовик. – Я останавливать тебя не стал, потому как у тебя своя голова на плечах есть, но на будущее запомни – силы надо соразмерять. Два с лишним десятка душ в один прием отпустить – это, знаешь ли... Та сторона хитра, только и ждет, когда ты ошибешься. Если кровь твоя остынет, душа замерзнет, она тут же это почует, и жди беды.

– Так подсказали бы, – я подошел к лесовику и присел с ним рядом. – Понятно, что у меня своя голова есть, но совет лишним не бывает.

– Вот и посоветовал, – невозмутимо ответил мне старик. – Как закончил, так сразу и посоветовал. А ну как ты бы взял и передумал, кого-то из них на потом оставил? У меня, парень, свой интерес есть, и он всегда будет выше, чем твой. Ты, к слову, это тоже на ус наматывай. Это у людей чужое выше своего, случается, стоит. «Общее дело» там, или «все как один». А у нас всяк кулик только свое болото славит. Мое – это мое, а твое – это твое. Сначала я свое должен получить, полной мерой, а уж после о твоём благе, может, подумаю. А может, и нет.

– Спасибо за науку, дедушка, – я передёрнул плечами, сбрасывая с себя остатки сонной изморози. – Запомню твои слова.

– Вот-вот, – лесовик сунул мне в руки круглый туесок. – На, костяники поешь. Она сейчас в самую силу вошла, и для тебя как раз очень полезна. Да что ты по одной в рот кладешь? Горстями загребай, как положено.

Не знаю, чем именно костяника для меня полезна, но употребил я ее с удовольствием. Вкус у ягод был терпкий и сладкий одновременно, чем-то напоминающий ночной лесной воздух.

– Дедушка, – спросил у лесовика я, прожевав очередную горсть ягод. – А что такое «дольник»?

– Сарафан так тут называли, – охотно ответил старик. – В старые времена, понятное дело. Как, стало быть, у девки кровя пошли, она из рубашонки дитячьей выскочила, так сразу в дольник влезла. Без вышивки, вестимо. С вышивкой только замужние бабы носили. А «дольником» его прозвали, потому как подол низкий был, до «долу» опускался. Не след

девке, а тем более замужней бабе, другим мужикам ноги свои показывать.

– Как все непросто, – не знаю, в который раз, сказал я. – Повидали бы наши предки, в чем мы теперь ходим.

Стало быть, не совсем бесследно исчезали тени. Я получил часть их знаний. Мизерную, копеечную – но получил. Хотя – даже не знаний, это я маханул. Слово «дольник» у меня в памяти осело и даже связалось с внешним видом одежды, но при этом само значение осталось загадкой. Это больше всего похоже на приобретение рефлекторных навыков, когда мозги не включаются и действие происходит на уровне мышечной памяти.

Ну и ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Березками тут все засажу, – вещал тем временем мечтательно лесной хозяин. – Под осень самое то. Хороший хозяин как раз об это самое время дерево сажает.

– А мои родители всегда весной деревья сажают, – удивился я.

– Весной тоже можно, – кивнул лесовик. – Да только тогда ему приживаться сложнее, сколько всего в земле ползает да вокруг летает. А зимой сок по стволу не идет, мороз же кругом, а корешку тепло, хорошо под снегом. Нет, осень – самое то, особенно для березки. Посажу да приглядывать буду. Лет через двадцать здесь от поляны и следа не останется, рощица будет.

Вот тут я и понял, почему этого странного старичка называют «лесной хозяин». Он хозяин и есть. Ему каждое дерево как родное, он его от рождения до смерти знает. Этот лес – он его жизнь.

Как он только нас, людей, терпит? Ведь ни один короед столько вреда его владениям не приносит, как мы.

Но поднимать эту тему я не стал. Себе дороже может выйти. Эти сущности, они ведь как стихия – никогда не знаешь, что им в голову взбредет. Людей можно хоть как-то разгадать, просчитать, нейролингвистически запрограммировать, в конце концов, а этих... Фига с два.

– Можно вопрос? – обратился я к старику, получил одобрительное сопение в ответ и продолжил: – Вот вы сказали, что, мол, «любит ваше ведьмовское племя пустыми словами сорить, лишь бы нужное получить». А это вы о ком речь вели?

– Да заходил ко мне один в гости, – насупился лесной хозяин. – Из ваших как раз. Когда это было-то? Еще до большой войны. Да не той, что с германцем, той, что с французом. Много чего обещал, выпросил у меня «одолень-траву», а слово не сдержал.

Ну это он зря сделал. Хорошо хоть, что это было невесть когда, еще в

первую Отечественную, срок давности преступления прошел.

Но, вообще, так не поступают. Зачем же наш цех так позорить и на весь ведьмачий коллектив пятно позора накладывать?

– Ладно, – лесовик встал с земли. – Пошли, что ли? Тебе поспать будет неплохо, да и у меня дел полно. На опушке детишки нынче костер вечером палили, надо проверить, загасили или нет. Да и парочки попугать охота, их в августе много ко мне в гости заходит. Так, знаешь, весело на них филина напустить или кустами похрустеть! Девки визжат, боятся! Потеха!

Стоп-стоп-стоп. Было такое. Мы как-то со Светкой, моей бывшей, в лесу целовались, это еще до свадьбы было, в «конфетно-букетный» период. И так все славно складывалось, я уж было почти до намеченной цели дошел, а тут прямо над головой у нас сова заухала. Светка перепугалась до смерти от неожиданности и в поселок меня утащила. Ну и прахом все мои надежды пошли, пришлось еще две недели ждать, пока она у меня ночевать не осталась.

Так вот чьи это проделки были! Ну, старый... Пень!!!

Как видно, дед понял, о чем я думаю, больно у него ухмылка ехидная на лице гуляла.

Все по той же короткой тропинке мы добрались до того места, где лесная дорога превращалась в поселковую, и на прощание лесной хозяин мне сказал:

– Исполать тебе, ведьмак. Ты не думай, что я совсем уж неблагодарный, мне покон ведом. За добро, что ты мне сделал, при случае отплачу. Надо будет спрятаться от лихих людей – приходи, укрою так, что с собаками не сыщут. Трав каких или кореньев если захочешь у меня в доме собрать – милости просим. Ну и слово пушу о тебе, чтобы всякий лесной хозяин в наших краях знал, что ты не лиходей, вежеству учен и дело с тобой иметь можно. Но ты на это особо не рассчитывай, кланяться другим хозяевам хлебом да добрым словом не забывай. У нас ведь каждый сам за себя. Выслушать меня выслушают, но и только.

– Благодарю, – поклонился я лесовику. – Помог я вам по доброй воле, но от подарка такого не откажусь. Особенно от трав и кореньев. Не все купить можно, что-то надо будет самому добыть.

– Мандрагыр нужен, – ехидно сказал дедок. – Да? Мандрагыр? Ладно, приходи следующим летом, накануне летнего солнцестояния, покажу тебе место, где один зрелый корень есть. Хороший корень, крепкий, толстый, знающая ведьма за него второй раз душу продаст, и даже в третий. Он под деревом растет, где века два назад одна девка удавилась от несчастной любви, так что сила в нем большая. Хоть трави кого, хоть от бесплодия

бабу лечи – на все сгодится.

Вообще-то я о мандрагоре не думал, но от такого подарка не откажусь. Тем более, что этот корень от бесплодия лечит. Если эта штука на самом деле работает, то на ней большие деньги можно будет поднять. Ну если с умом подойти.

А что тут такого? Ведьмачье ремесло, между прочим, достаточно недешевое удовольствие, запасы Захара Петровича скоро иссякнут, а новые денег стоят. Так почему бы и не подзаработать?

Кстати, еще неизвестно, на чем мой покойный несостоявшийся учитель свои первые капиталы поднимал. Видел я его офис на «Чертановской», который он незадолго до смерти как раз достроил. Двадцать с лишним этажей, стекло, металл и парковка на полсотни авто. Цифру, в которую все это обошлось, мне даже представить затруднительно. Не знаю я таких.

Конечно, это все еще надо обмозговать как следует, с Вавилой Силычем посоветоваться, но почему бы об этом хотя бы не подумать? И чем я хуже матушек Агафий и потомственных колдуний Светозар?

Хотя следует не забывать и о том, что магические услуги – это тоже бизнес, со своими законами и подводными течениями. А любой бизнес всегда не любит тех, кто в него приходит незванным и пытается стащить с общего стола плюшку. Потому что плюшки на этом столе все уже посчитаны и поделены между едоками.

Обо всем этом я думал, уже распрощавшись с лесным хозяином, по дороге к дому. Где, кстати, меня поджидал изрядный сюрприз. А именно – мои старики решили не ждать завтра и приехали сегодня.

Экая досада! Не успел я сбежать. Теперь все. Утром, по холодку, мне не на автобусную остановку топать, весело присвистывая, а что-нибудь копать. Или таскать.

Так оно и вышло.

В то субботнее утро я испытал все радости сельского бытия. Я и копал, и таскал, и даже кисточкой успел помахать – мама заставила нас с отцом подкрасить хозблок. А под конец еще отправила меня выкидывать мусор.

Управился я аж в три ходки, всерьез заподозрив, что мама специально его копила в ожидании меня в каком-то замаскированном углу. Ну не могли мы столько отходов с батеи сегодня произвести. Ладно – банки из-под краски. Ладно, я слышал, как щелкала сучкорезом мама. Но откуда эти ржавые металлические рейки?

Но основная неприятность поджидала меня рядом с нашим домом, когда я, потный, взъерошенный и злой, в третий раз возвращался от

поселковой помойки.

Эта неприятность совершенно не изменилась за то время, что мы не виделись. Она была одета в сиреневый сарафанчик, вертела в руках букетик каких-то цветов и насмешливо глядела на меня тем самым взглядом, от которого когда-то я терял дар речи.

Моя бывшая жена, как всегда, была свежа, прелестна и голубоглаза.

И за словом в карман не лезла.

– Смолин, – удивленно и без какого-либо наигрыша произнесла Светка. – А я ведь своим глазам не поверила, даже очки мамины специально напялила на нос. Смотрю в окно – батюшки, мой бывший, как муравей, веточки на помойку тащит. Сопит, кряхтит, надрывается, брюшком, отросшим от фаст-фуда, трясет. И откуда только здесь взялся? Ты же сюда уже несколько лет нос не кажешь, лишний раз со мной встречаться не хочешь.

Вот ведь память. Ну было такое, сказал я ей при разводе, что вероятность нашей возможной встречи стремится к нулю, поскольку я теперь туда, где мы можем столкнуться даже случайно, носа не суну. А особенно на родительскую дачу. Я сам давно про эти слова забыл, а она – нет.

И нет у меня никакого брюшка. Это мой стабилизационный фонд.

– Маме-папе помогать надо, – по возможности независимо ответил ей я. – Они уже старенькие, сами не справляются.

– Саша, – в этот момент выглянула из калитки мама. – Давай не задерживайся, с отцом надо еще душевую кабину перевернуть. Он и сам справится, конечно, но ты подстрахуй. Ой, здравствуй, Светочка!

Мама не желала смириться с тем фактом, что мы развелись, и до сих пор лелеяла надежду на то, что все еще образуется.

– Здравсьте, тетя Лена, – бодро ответила моя бывшая. – Он уже идет.

– Разговаривайте-разговаривайте, – тут же сменила тон мама. – Митя и сам все сделает, как-никак спортсмен бывший!

И калитка закрылась.

Я ждал очередной колкости, но ее не последовало. Светка стояла, молчала, смотрела на меня и вертела в руках свой букетик цветов.

Самое забавное – мне тоже ей сказать толком было нечего. Поначалу, как только развелись, я столько всякого передумал, а сейчас... В голову ничего не приходит.

Нет, права Маринка. Мы с ней как-то у меня сидели, «мортишкой» баловались, и она тогда сказала, что встреча с бывшим – это как поход на кладбище. Стоишь над могильной плитой, думаешь о том, что не сделал, не

сказал, не донес до человека, а изменить ничего нельзя. Все давно сгорело, превратилось в прах, ушло в землю, и ничего не осталось. А если даже и осталось, то применения этому не найдешь – человека-то уже нет.

Все так, все верно. И сейчас тому есть прямое подтверждение, оно стоит напротив меня.

Кстати – вот еще одно свинство этой ситуации. Ну почему мы с ней встретились именно сейчас, когда я лохматый, чумазый, в трениках и сланцах на босу ногу? Нет чтобы в городе, чтобы я в костюме дорогом был, и все такое. Ну как человек чтобы выглядел.

Чушь какая в голову лезет.

– Н-да, – наконец сказала она. – Ты не изменился. Разве что располнел. А так – все тот же. Никогда ты не умел в нужный момент найти правильные слова. Я уж не говорю о твоей патологической неспособности принимать мужские решения.

– Какой есть, – по возможности безразлично произнес я. – Другим не буду.

– В том и беда, – вздохнула Светка и повторила: – В том и беда.

– Не знаю, других во мне всё устраивает, – пошел я по-простому и банальному пути, то есть начал использовать обкатанные и проверенные поколениями мужчин фразы. – Это тебе все не так во мне было и не эдак.

– Смолин, вот какой же ты... – Светка, как видно, хотела поддержать нашу кинематографическую беседу не менее заштампованной фразой, но ей сделать этого не дали.

– Сашка! – донесся до меня чей-то голос, после мою шею обвили девичьи руки, а в щеку ткнулись мягкие губы. – Как же я соскучилась!

Глава четвертая

– Смолин? – удивленно подала голос Светка. – Это кто?

Кто, кто. Я и сам в первую минуту не понял, что происходит. Некому меня сейчас нежно лобызать, и скучать по мне тоже особо некому. Нет у меня ни с кем ничего такого. С Сашкой Вязьминой из операционного отдела нечто лирическое намечалось по весне, но потом это все сошло на «нет». Как ни крути, но служебные романы, пусть даже представителей разных банковских служб, к добру не приводят. Слухи, сплетни, советы, отдел по работе с персоналом... Короче, слишком много «нет» и чрезвычайно мало «да». В общем, переспали мы с ней пару раз, да тем и ограничились.

А уж о той девушке, которая меня сейчас обнимала, я даже и думать в этой связи никак не мог. Хотя бы потому, что она с пистолетом не расстается и характер имеет такой, что даже мне, ко всему привычному, не по себе становится. Маринка – и та поспокойней и поуравновешенней будет, чем эта рыжая бестия.

Но не воспользоваться данной ситуацией было бы грешно. Хоть бы даже для того, чтобы умыть Светку.

– Женька! – радостно заорал я, и даже приподнял невысокую и легонькую сотрудницу отдела «15-К» в воздух. – Приехала!

– За тобой! – восторженно ответила Мезенцева, сверкнула зелеными глазами и лихо поцеловала меня в нос. – Я же говорю – соскучилась ужас как! Вот вообще!

Самое забавное – не врет. Точно, за мной приехала. Понадобился я ей зачем-то. И не ей одной, вон у поворота знакомая до боли машина стоит. Не сомневаюсь, что в ней за рулем сидит еще один мой знакомый, тот самый, до которого я второй день дозвониться не могу.

– Ну не буду вам мешать, – чопорно сообщила Светка. – Рада была повидаться, Саша.

– А это знакомая твоя, да? – спросила Мезенцева, тут же подошла к моей бывшей и протянула ей свою ладошку. – Привет, я Женя.

– Добрый день, Женя, – почему-то помрачнев, потрясла ее руку Светка. – Рада знакомству.

– Я тоже, – бодро отозвалась Мезенцева и повернулась ко мне. – Слушай, Саш, а тут есть где искупаться? Жара страшная, так хочется к воде – жуть! Да и позагорать было бы неплохо, солнце-то какое! А если еще и

«тарзанка» есть, так это вообще отлично будет!

– Есть у нас тут озеро, – показал я рукой направо. – Можно сходить.

– Съездить, – Мезенцева потянулась, да так, что стало ясно – нижнего белья под майкой не было. Пистолета на поясе, я, кстати, тоже не заметил. Точно дождь пойдет, кончится на днях упомянутое лешим «вёдро». Эта рыжая чертовка – и без «ствола». – Ходить – это долго. Я же на машине. А оттуда в Москву уже поедem. Ты же не против, солнце? Выходные короткие, а у нас с тобой много разных дел накопилось!

Последние слова были сказаны таким игривым тоном, что у стороннего наблюдателя, вроде Светки, не оставалось сомнений, что речь идет о разнообразных плотских утехах. Но мне было предельно ясно, что в данный момент происходит предъявление счета за услуги, оказанные мне ее отделом.

Мезенцева повернулась лицом к Светке и, как видно, решив ее добить, попутно обняла меня за талию, после чего невинно поинтересовалась:

– А может, и вы с нами? Вы ведь с моим Сашей, я так понимаю, друзья с детства? Вообще-то я жуткая собственница, но к дачным подружкам юности ревновать глупо. Где они, и где взрослая жизнь?

– Я его бывшая жена, – выдав улыбку, после которой мне стало не по себе, ответила ей Светка. – Это немного больше, чем подружка юности.

– А, понятно, – безмятежно ответила Женька. – Вы только не обижайтесь, но ключевое слово здесь «бывшая». Все уже в прошлом, потому не смотрите на меня так, как сейчас, хорошо?

– Как «так»? – я заметил, что Светка одной ладонью обхватила другую, это означало только одно – она уже «на взводе».

– Ну... – Мезенцева накрутила одну из своих рыжих прядок на палец. – Вам же Сашка был не нужен, верно? Я его у вас не отбила, не увела из-под семейного крова, а честно заполучила, когда он был ничейный. Он, кстати, и не сильно сопротивлялся.

– В последнее охотно верю, – заметила моя бывшая. – Это на него похоже – плыть по течению.

– Плыть! – страдальчески произнесла Евгения, после погладила меня по щеке, дернула за ухо и несколько раз ткнула кулачком в бок. – Хочу-хочу-хочу! Водная стихия – это мое, я по знаку зодиака «Рыбы». Светлана, так что, вы присоединитесь к нам?

– Воздержусь, – сообщила ей Светка, а после добавила: – Да и не слишком мне жарко.

После этого она повернулась к нам спиной и зашагала в сторону своего дома.

– «Спасибо» мне можешь не говорить, – с удовлетворением проследив за тем, как Светка захлопнула за собой калитку, сообщила мне Мезенцева. – Как мы ее, а? Согласись, я была чертовски органична в роли твоей девушки!

– Ну да, – без особого оптимизма признал я.

Вроде бы радоваться надо, многие хотели бы подобную свинью своей бывшей подложить, а мне почему-то невесело. Странное существо человек. Непонятное.

– А ты чего встал? – уперла руки в бока Евгения. – Давай-давай, суженый мой ряженный, собирайся. Время к вечеру, а нам в Москву еще ехать. На МКАДе знаешь какие пробки скоро будут?

– Знаю, – вздохнул я. – А без меня туда уехать никак нельзя?

– Саша, давай без банальностей, – попросила оперативница. – Без этих всяких... Ну ты понял. Все, мы тебя ждем в машине. Десять минут на сборы тебе за глаза хватит.

Ну десяти минут мне не хватило. Двадцати, ради правды, тоже. Как минимум половину этого времени я потратил на объяснения маме, почему Света даже не зашла к нам в гости, почему я не такой, как все, и почему не могу хоть раз засунуть свой поганый характер в свою же задницу, на пару с языком. Батя попытался встать на мою сторону, но быстро понял, что этот благородный порыв ведет к немалым убыткам, вроде лишения ужина и просмотра «Дачного ТВ» вместо телеканала «Весь футбол», после чего благоразумно убрался с линии огня.

И это ведь мама не видела финальной сцены с участием Мезенцевой. Страшно представить, чем бы все это кончилось, стань она ее свидетелем. Женька никак не подходит под образ «хорошей домашней девочки».

Нет, родители – это хорошо. Но только по телефону и не каждый день. Я вот за это лето что-то к ним зачастил, вследствие чего мама опять начала планомерную осаду на предмет устройства моей будущности. А ведь до того несколько лет жил спокойно, без всей этой родительской заботы.

Странно прозвучит, но вовремя Нифонтов пожаловал. Валить отсюда надо, пока не поздно. А то ведь к вечеру дело может и до лоботомии дойти. Проще говоря – мне все мозги вскипятят.

– Я не при делах, – сообщил мне Нифонтов, как только я плюхнулся на заднее сидение его машины. – Она сама инициативу проявила. Остановить, извини, не успел.

– В смысле? – устало спросил я, но после понял, о чем идет речь. – А, ты о представлении «Моя новая любовь». Ну да, вышло прямо как в сериале каком-то, вроде тех, что по дециметровым каналам крутят.

– Видел бы ты, как она на меня смотрела! – ткнула кулаком в бок Нифонтова Евгения – Слушай, Сашка, или я ничего не понимаю, или там еще чего-то тлеет. У нее в душе, в смысле. Хотя... Все от женщины зависит. Может, и нет у нее ничего к тебе, просто неприятно, что ты хоть кому-то понадобился. Такое тоже бывает. Мне вот на то, что там с моими бывшими, начхать.

– Откуда, интересно, у тебя «бывшие» возьмутся? – хмыкнул Нифонтов, заводя машину.

– Не поняла сейчас? – возмутилась Евгения.

– Чтобы были «бывшие», нужны хоть какие-то «нынешние», – пояснил Николай. – А я за два последних года ничего подобного не наблюдал.

Женька уставилась на него, потом на меня, поджала губы, сузила глаза, потом наоборот, широко-широко их раскрыла, набрала в грудь воздуха, выпустила его через рот, сложила руки на груди и демонстративно уставилась в окно, давая нам понять, что мы недостойны общения с ней.

– А как вы узнали, что это моя бывшая? – задал я вопрос, который меня крайне интересовал.

– На фотографии ее видел. Свадебной, – не стал скрывать оперативник. – Она в твоём деле есть. А Женька как-то сама просекла, у женщин на такое нюх. Как только я это подтвердил, она сразу рванула свое шоу устраивать.

О как. Уже и досье на меня сшили. И даже со свадебной фотографией внутри. Как, кстати, они ее заполучили? У меня самого-то ни одной нет, все у Светки остались. У родителей вроде есть, но вряд ли мама с отделом 15-К делиться ими будет.

– Я ему помочь хотела, – не поворачиваясь, сказала Евгения. – Как другу! Знала бы, Смолин, что ты такой гад, пальцем бы не шевельнула!

– Чего сразу гад-то? – удивился я. – Слова ведь не сказал.

– То-то и оно, – обвинительно заявила Мезенцева. – А где «Спасибо, Женечка»? Где «Ты актриса от бога»? Где: «Теперь я полностью счастлив?».

– Вы оба здесь, и я в вашей машине, – удержаться от сарказма было невозможно. – О каком счастье идет речь? Кстати, Николай, я тебе звонил не раз и не два.

– Телефон сел, – ответил Нифонтов, выруливая на Калужское шоссе. – И внешний аккумулятор тоже. Кое-кто слишком часто заряжал свой плеер. А еще этот кто-то утащил из бардачка USB-шнурок со словами: «Я до завтра возьму». «Завтра» было в начале лета.

– Ой-ой-ой! – так и не поворачиваясь к нам лицом, отозвалась

Мезенцева. – Жадина!

– Саш, хочешь совет? – невозмутимо поинтересовался у меня Николай.

– Не откажусь, – отозвался я.

Ну а что, правда не откажусь. Он умный мужик, это я давно понял. Почему бы и не выслушать то, что он хочет мне сказать?

– Не ведись на то, что она тебе строит глазки, – без тени улыбки произнес Нифонтов. – А она это делает, как и всегда в таких случаях. Проблем не оберешься.

– Я? – наконец-то явила нам свой лик Мезенцева, причем был он возмущенным донельзя. – Ему? Вот этому вот... Вот этому? Глазки? Да какой он мне сдался?

– Ну да, ты прав, – признал я и хлопнул Нифонтова по плечу. – Проблемы не проблемы, но все-равно как-то неприятно ощущать себя «вот этим вот».

– Да тьфу на вас обоих, – сообщила нам Мезенцева и снова уставилась в окно, на этот раз, похоже, уже окончательно.

Я тем временем достал из рюкзака шнур USB и протянул его Нифонтову.

– Раз с этим разобрались, можно и к делу перейти, – оперативник поставил телефон заряжаться, а после чуть прибавил скорость, благо дорога, ведущая в столицу нашей Родины, была почти пустая. Вот оттуда – да, жуть что творилось.

– «За» обеими руками, – одобрил его слова я. – Особенно интересуется то, с какой стороны вы меня к своим делам подтягиваете. Я вроде бумаг о содействии органам на постоянной основе не подписывал.

– А гражданский долг? – еле заметно усмехнулся Нифонтов – А сознательность? С ними у тебя как?

– Никак, – признался я. – Слышать о таком слышал, но в жизни не встречал. Не довелось.

– Давай зайдем с другой стороны, – предложил Николай, дождался моего кивка и продолжил: – Вот смотри. Мы все люди, все человеки, верно?

Ну вероятность увильнуть от помощи моим новым друзьям минимальна, но зубы показать все же стоит. Чтобы совсем уж бесхребетным меня не считали.

– Все – не все... – прищурился я. – Иные девушки и не совсем они.

Баммм! Это мне Евгения щелбан отвесила по лбу. И, главное, больно так!

– За что? – возмутился я.

– А то ты не понял? – в зеленых глазах плескалась... Нет, не злоба, а скорее – злорадство. – За «курица не птица, баба не человек».

– Да ты тут при чем? – изумился я. – Речь вообще о совершенно другой гражданке. Той, с которой я недели три назад на Белорусском вокзале познакомился.

– А, понятно, – покивал Николай. – Так себе ход, если честно. Слабенький. Но продолжай, интересно послушать.

В этот момент я почувствовал себя то ли дураком, то ли маленьким мальчиком, который подумал, что сможет всерьез насвинячить взрослому дяденьке. Елки-палки, мы с этим Нифонтовым почти ровесники. Ну сколько между нами разницы? Максимум года на два-три он постарше будет. А ощущение у меня иногда такое, что он умудренный жизнью старец, а я несмышлениш, который только-только начал головку держать.

Хотя в каком-то смысле так оно и есть. Много ли я смыслю в том, что для него повседневная реальность? Нет. А он варится в этом супе давно и, должно быть, повидал много такого, чего мне еще месяц назад даже в страшном сне не приснилось бы.

– Согласен, глупость сказал, – помолчав, признал я. – Не знаю, что на меня нашло.

– Это он про Людку, что ли? – уточнила у Нифонтова Женя. – Тоже мне, секрет. Про них весь отдел знает. И половина подмосковных ведьм тоже, ее в том году за порочную связь с «судным дьяком» чуть деревьями на две части не разорвали. Я еле-еле успела ее спасти.

– Ты? – хмыкнул Нифонтов. – Лично, поди?

– Ну мы, – поправилась Женька, услышала язвительное «да что ты» Нифонтова, и добавила: – Ладно, ты и Пал Палыч! Но отвязывала Людкины ноги от березы ведь я?

– Это было, – признал Николай.

– Слушай, Смолин, а ты мелочный тип, оказывается! – спешно начала переводить разговор в другую сторону Мезенцева. – Я-то думала, что ты если не принц, то хотя бы его лошадка, и тут такое разочарование! Фу-фу-фу!!!

– Не надо грязи, – попросил я.

Но, вообще, мне стало немного обидно. Да, я не принц, это так. Но и перегибать палку не стоит.

– Жень, человек просто хотел дать нам понять, что он воду на себе возить не даст, – пояснил девушке ее напарник. – И палец в рот ему класть не стоит. Так ведь, Саш?

– Именно, – не стал скрывать я. – Только как-то это криво получилось.

Некрасиво.

– Косо, жалко, убогенько, – начала загибать пальцы на руке Мезенцева. – Не делай так больше, Смолин, а то потеряешь свое золотое место в моем сердце!

– А оно есть? – изумился я.

– Место? Пока да.

– Сердце, – уточнил я.

– А вот это можно и зачесть, – одобрительно заметил Нифонтов. – Это уже неплохая шутка. Вон, видишь, она надувается, как лягушка? Сейчас орать будет. Значит, это ты ее удачно уколол.

– Чихала я на вас обоих, – с достоинством сообщила нам Евгения. – И вообще, давай займемся делом, хватит упражняться в остроумии.

– Вот это правильно, – поддержал ее я. – Хотелось бы узнать, какого лешего вы меня с дачи похитили?

– Если среди твоих знакомых есть ведьмак, который связан с «той стороной», то это грех не использовать в своих интересах, – без тени смущения сообщил мне Нифонтов. – Точнее – в казенных. Есть работенка по твоему профилю.

– Начинаящий ведьмак, – уточнил я. – Практически свежеиспеченный. И сразу хотелось бы уточнить – вы вот так меня постоянно с собой таскать станете? Если да, то, может, лучше меня вовсе зачислить в штат вашей... Э-э-э... Организации?

– Размечтался, – фыркнула Мезенцева. – В штат он захотел!

– Это была ирония, – любезно поведал ей Нифонтов. – Александр так шутит.

– В каждой шутке есть доля правды, – тут же сообщил ему я. – В данном случае эта доля касается частоты моего участия в делах вашего отдела. Врать не буду, в том случае, если я прав, то перспектива так себе. Не то чтобы я был против помогать органам правопорядка, но у меня ведь и своя жизнь есть. Работа, опять же.

– Не волнуйся, не будем мы тебя постоянно дергать, – успокоил меня оперативник. – Просто такая ситуация сложилась. Ну вот нужен нам тот, кто может одну душу разговорить. У нас, конечно, есть свои способы узнать необходимую информацию даже у тех, кто обитает по ту сторону бытия, но в данном случае без тебя не обойтись. А информация нужна позарез. Люди умирают, Саша. Уже четверо на тот свет отправились. Четверо. Это много.

– Ну раз так, – я почесал затылок. – Тогда конечно, о чем речь.

Шутки шутками, но не совсем же я урод моральный, правда?

– Вот и славно, – одобрительно произнес Николай. – Тогда давай я тебе коротенько все изложу. Неделю назад в Южном порту был убит человек. Не скажу, что в этом есть нечто удивительное, люди гибнут в нашем городе с завидной постоянностью, мегаполис же. Но, согласись, не у каждого вырывают сердце. Не вырезают, а именно вырывают, перед этим разворотив грудную клетку так, что даже меня проняло.

– И меня, – добавила Евгения, не поворачиваясь к нам.

– Согласен, не каждый раз, – кивнул я – А что потом?

– Через два дня был убит второй человек, там же и так же, – продолжил Нифонтов. – Что примечательно – в обоих случаях само сердце обнаружено не было.

– Я предположила, что это резвится гуль, – азартно сопя, сказала Женя.

«Гуль». Это что-то из фэнтези. У Говарда я про этих гулей читал вроде, в «Часе дракона». И в «Сверхъестественном» они упоминались. Они то ли оборотни-каннибалы, то ли разновидность вурдалаков.

Надо будет в Википедии посмотреть, как они выглядят. Новые знания лишними не бывают.

– Ну да, в общем-то, похоже на гулей, но только на первый взгляд, – помолчав, продолжил Нифонтов. – Есть некоторые нестыковки. Гуль сожрал бы не только сердце, но и печень. А еще череп бы жертве вскрыл, чтобы мозгом полакомиться. Но тут ничего подобного.

Меня замутило от той простоты и деловитости, с которой он говорил. А еще захотелось выпрыгнуть из машины, пусть даже она мчится полным ходом, и скрыться в жиденькой лесополосе, что мелькала за окном. А после сбежать куда подальше от этой парочки.

– Как ты уже понял, двумя смертями дело не закончилось, на сегодняшний день в активе неизвестной твари уже четыре трупа. Последний совсем свеженький, датирован этой ночью. – Николай наконец проявил хоть какие-то эмоции и досадливо прихлопнул ладонями по рулю. – Самое поганое, что мы могли эту пакость прихватить нынче же ночью, если бы не одно «но». Пока мы ждали ее в одно месте, человека убивали совсем в другом.

– Не поверишь, Саш, нас надул призрак, – стягивая волосы в «хвост», сказала Евгения. – Сволочь такая!

Я ничего на это не ответил. Я офигевал от услышанного.

– Жень, не беги впереди паровоза, – попросил напарницу Нифонтов. – Понимаешь, Саша, свидетелей произошедшего не было. Да оно и не удивительно. Южный порт по размеру территории как пять Люксембургов. Или даже больше. Ангары, склады – черт ногу сломит. И потом – люди,

которые там работают, вообще не склонны совать нос в чужие дела. Знаешь, это как в Вегасе – что там происходит, то там и остается. В старые времена, может, и по-другому было, но последние десятилетия даже рьяных общественников перековали.

– Но про покойников-то вы как-то узнали? – возразил я.

– Не путай, – осадил меня Нифонтов. – Речь не о том, что там всё скрывают, в том числе и преступления. Это бизнес, Саша, никто ничем подобным заниматься не станет. Естественно, при обнаружении мертвого тела была вызвана полиция, следом за ними примчались комитетские и так далее, по процедуре, включая «труповозку». Конечно, подобные места – некие анклав, со своими многолетними сложившимися внутренними порядками и традициями. Но это же не «Черкизон», в Южном порту работают законопослушные люди, там есть охрана, дирекция и все остальное, что должно быть. Короче – свидетелей убийств не было. Кроме одного.

– Того самого призрака, который вас надул? – резонно предположил я.

– Именно, – вздохнул Николай. – Его присутствие уловила Виктория, одна из наших сотрудниц. Вообще-то она у нас больше по заклинаниям, но и в других областях кое-что смыслит. Мало того – она умудрилась даже его разговорить, и он вроде как пошел на контакт, вызвался помочь. Но вот только в результате закончилось это печально.

– Проще говоря – он нас поймел, – просто и безапелляционно сообщила Мезенцева. – В переносном смысле, конечно, но при этом крайне жестко.

– Мы могли бы справиться с ним сами, – продолжил Николай. – У нас есть способы и заставить его говорить, и просто уничтожить, но это потребует времени. И, не стану скрывать, ресурсов. Чтобы его поймать, а после выжать из него правду, Вике придется рисовать крайне сложный каббалистический круг с символами и использовать заклинания, которые изначально противны человеческой сущности. И это при том, что она еще до конца не отошла от предыдущей беседы с этим красавцем. Просто призрак там старый, а потому сильный. Из тех, что не развоплощаются с годами, а, наоборот, матереют.

Это да, это встречается. В большинстве своем неупокоенные души со временем превращаются в безликие тени, вроде тех, что я вчера отпускал на волю. Но бывают и такие, которые, напротив, как бы обретают вторую жизнь. Загробную. Как и в первом случае, в них от изначальной личности остается не так уж много, но зато выковывается новая, вбирающая в себя при этом все те скверные качества, которые были свойственны покойному

при жизни. Собственно, все злобные привидения из фильмов ужасов и сериалов на мистическую тематику списаны как раз с таких существ. Мне про них лесовик из Лозовки много рассказывал. У него один такой призрак почти век в осиновой роще обретался, клад охранял, и попутно свинячил всем, кто попадал в зону его внимания. И так он лесному хозяину за это время надоел, что тот в результате навел на этот клад какого-то мимохожего колдуна, который зловредного призрака и изничтожил.

Но если это похоже на правду, то в остальном услышанном мной как-то очень много неувязок. Чересчур. Не думаю, что так уж сложно нарисовать этот самый круг с символами. Да и кое-что другое меня смущает.

– Слушай, чего-то не понимаю, – помотал я головой. – Как-то непонятно выходит. Ты же тоже можешь видеть умерших? Помнишь, на кладбище, когда мы к тамошнему Хозяину ходили? Ты черта, что у нас проводником был, зрел не хуже меня. И общался с ним. Даже сделку тогда заключил!

– Так он был не против того, чтобы я его видел, – пояснил Нифонтов. – Вспомни – он сам этого хотел. И потом – это кладбище. Там действуют другие законы не-жизни, за соблюдением которых внимательно следит Хозяин. А здесь – город. Это, брат, совсем другая сказка. Тут все повзрослому.

Отмазка, признаемся, сомнительная, но при этом звучит формально допустимо. Интересно, вот зачем ему все это? Явно ведь дело не только в пресечении преступления, хотя, само собой, это имеет место быть? Может, не хочет своих коллег подставлять? Или хочет на меня еще разок поглядеть в экстремальной ситуации? Не знаю, что из этого верно.

Но вписываться придется. И должок, повторюсь, за мной, да и полезен этот Нифонтов мне в будущем может быть. Мало ли как оно повернется?

И, если уж совсем честно, у меня внутри появился некий азарт, до того мне совершенно несвойственный. Я, как и всякий порядочный клерк, давно усвоил простую истину: «Не суйся в мутные темы, если не хочешь найти на свою задницу проблемы. Ну или делай это за большие деньги, заранее оформив „шенген“». Больших денег мне никто никогда не предлагал, а потому я никогда не лез в дела, от которых пахло риском, нестабильностью и возможными проблемами.

Здесь три этих запаха сплелись в один мощный аромат, причем самого главного компонента, который мог бы подвести под это предприятие хоть какое-то логичное обоснование, здесь не было. Проще говоря, я нарушал все правила, по которым жил последние годы.

И мне отчего-то это даже нравилось. Может, дело в том, что это все было настолько не похоже на то, как я жил раньше?

– А от меня-то что требуется? – задал вполне резонный вопрос я.

– Эй, приятель, кто-нибудь дома есть? – перегнувшись через сиденье, постучала мне по лбу Мезенцева. – Нам надо, чтобы ты вытряс из тамошней нежити все подробности произошедшего. И я говорю не о том, кем он был до смерти и прочих пикантных подробностях его бытия, а о том, что он видел за последнюю неделю. Уверена, этот поганец все знает.

– Редкий случай, – заметил Нифонтов, сворачивая на развязку, ведущую на МКАД. – Нечасто в том потоке сознания, который, как правило, льется из моей напарницы, проскальзывает хоть что-то рациональное. В принципе, все верно. Что знает по этому делу он, должны знать мы.

– И как вы себе это представляете? – совсем уж опешил я. – Мне что, брать призрак за грудки и трясти, пока он не выложит все правду?

– Понятия не имею, – как-то даже весело ответил мне Нифонтов. – Кто из нас ведьмак – ты или я? Может, так, может, как-то по-другому. Главное – результат. Надо это дело пресекать, и срочно. Четыре одинаковые смерти – это почти «серия», скоро в Южном порту будет не протолкнуться от наших коллег и, что хуже, от журналистов. Работать будет положительно невозможно, потому все надо закончить быстро, лучше всего – сегодня. Плюс еще один нюанс – кто бы это ни был, действует он нагло, не сказать – бездумно, а значит, останавливаться и не подумает. И если следующей жертвой станет журналюга или кто-то из наших, вой поднимется до небес.

– Ровнину еще после третьей смерти кто-то звонил «сверху», – добавила Евгения. – Он очки после этого разговора постоянно с носа снимал и усердно тер тряпочкой. Те уже блестят, как у кота шарундулы, а он все трет и трет.

– Вот, – назидательно произнес Нифонтов. – Значит – плохо дело. Значит, присели ему на мозг неслабо.

Ровнин. Это их начальник, я помню эту фамилию, ее тогда на кладбище тамошний служитель упоминал.

– В общем – думай, – посоветовал мне оперативник. – Или покемарь маленько. Время есть, нам стоять теперь – не перестоять.

Это да. Мы влипли в пробку на МКАДе, которая, как известно, не имеет ни начала, ни конца. Потому что эта дорога кольцевая.

Кстати, мне мой родитель рассказывал, что в бытность свою юношей, то есть каких-то три десятка лет назад, он частенько шастал из родного Теплого Стана в сопредельный Мосрентген, который славился красотой

проживавших там девушек. Так вот, он пересекал МКАД туда-обратно, даже не вертя головой по сторонам. Тогда по нему проезжали три машины в час, не более. И никаких тебе «отбойников», надземных переходов и всего прочего.

Благословенные времена.

Самое забавное было в том, что, поразмышляв над причудами недалекого прошлого, я и в самом деле уснул. Физический труд на воздухе и неслабые эмоциональные всплески сделали свое дело.

Когда я проснулся, МКАДа за окном машины уже не было. Зато наличествовали сумерки, а также какие-то ангары, краны и прочая экзотика, которую в мегаполисе можно увидеть не всегда и не везде.

Мы прибыли в Южный порт.

Глава пятая

– Приехали? – поинтересовался я, зевнув.

– Проснулся? – повернулся ко мне Нифонтов. – Как раз вовремя. Кофе хочешь? У меня еще полтермоса этого дела имеется.

– Нет, – помотал головой я. – Не любитель. Чайку бы выпил с удовольствием, а кофе не люблю. Он горький. Пью по необходимости, но сейчас не тот случай.

– Если исходить из подобных вкусовых пристрастий, то ты и водку любить не должен, – заметила Евгения. – Она тоже не сильно вкусная.

– Так я и не люблю, – потянулся я. – И коньяк не жалую.

– Странный он, – обращаясь к напарнику, ткнула в мою сторону пальцем Мезенцева. – Кофе не пьет, водку не пьет, меня за задницу тогда не схватил, хотя возможность была практически легальная. Коль, стоит ли ему доверять?

– Если вопрос только в этом, я могу тебя за задницу прямо сейчас потрогать, – предложил я. – Нет проблем. А если пообещаешь по лицу меня не бить, то и за другие выпуклые части твоего трепетного юного тела. Это я всегда готов.

– Мяч на его стороне поля, – засмеялся оперативник. – Жень, парируй, отстаивай честь отдела.

Мезенцева подумала, почесала нос и показала мне язык.

– Также аргумент, – признал я. – Ладно, шутки шутками, а дело делом. Я так понимаю, нам вот в этот ангар надо?

То, что уродливое здание, рядом с которым стояла наша машина, являлось местом преступления, догадаться было несложно, больно много там было полосатых лент, которыми с недавнего времени, по примеру иностранных коллег, начали пользоваться наши органы правопорядка. Мол – «стой, здесь недавно кого-то убили».

– Ну да, – подтвердил Николай. – Но если напрямую, то я толком даже не представляю, где искать этого неприятного духа. Есть у меня подозрения, что тут вся территория его владения, и он по ночам всю ее дозором обходит, как Мороз Воевода из стихов поэта Некрасова.

– Оптимистично, – вздохнул я.

– Я так думаю, он учует, что ты здесь, – на этот раз совершенно серьезно сказала Женя. – И непременно придет на тебя посмотреть.

– Согласен, – поддержал ее оперативник. – Про что-то такое мне одна

из наших сотрудниц рассказывала. По сути своей, призраки вообще-то практически лишены человеческих чувств как таковых. Но вот себе подобных или, того хуже, тех, кто пришел по их душу, они чувствуют будто здоров как.

– Каламбур, – хихикнула Мезенцева. – Души чувствуют тех, кто пришел по их душу.

– Этому каламбуру сто лет в обед, – сообщил ей Нифонтов. – Кстати, еще старые призраки, те, что задержались на Земле и очень не любят живых, обожают эманации страха. Думаю, они их как-то улавливают, и им эти ощущения очень нравятся.

– Говорили мне про такое, – подтвердил я. – Человеческий страх для них, как для нас хорошее вино. Он их бодрит, и на мгновение создает иллюзию того, что они живы.

Мне про это русалки рассказали, между прочим. Они же тоже в каком-то смысле призраки. Не такие, как прозрачные тени в лунном свете, но тем не менее. Нежить, говоря по-простому. Нет в них жизни, а то, что есть, это одна иллюзия. И самая большая радость для них – забыться на дне водоема сном, в котором они снова будут живыми и настоящими, увидеть в нем лица тех, кто им когда-то был дорог, и ощутить внутри себя токи крови.

А чтобы получить эту награду, им надо забрать чью-то жизнь.

Вот и у призраков так же. Напугал кого-то – насытился его страхом. И вот тут-то в действие вступает абсолютно людская схема, которую бабушки у подъезда, созерцая помятого мужичка, утром бегущего в магазин, называют просто и емко: «Совсем спился».

Сначала призраки не хотят никого пугать, навещая бесплотными тенями дома родных и близких, но раньше или позже их кто-то замечает, и, что вполне естественно, изрядно пугается. Ну вот не любим мы, люди, визитеров с той стороны. Страшит нас Смерть в любом облики, напоминает о собственной бренности и о том, что нас ждет после того как... Ну вы поняли?

Ощувив нечто, что напомнило ему о прошлом, призрак начинает экспериментировать и со временем неминуемо входит во вкус. Как пьяница или наркоман, он существует от дозы до дозы. И чем сильнее человеческий страх, тем большее удовольствие он получает, потому и выходки его раз от раза становятся все страшнее и опасней для людей.

Души, как верно было замечено, у души нет, остатки последних сдерживающих социальных факторов исчезают с распадом личности, бояться призраку нечего – все плохое, что с ним могло случиться, уже случилось. Он мертв, и его не приняли ни наверху, ни внизу. Более того –

теперь ему совершенно непонятно, есть ли там что-то вообще. В той жизни говорили, что есть, и в свете этого требовали соблюдения неких нравственных норм, но, судя по нынешней не-жизни, выходит, что он никому не нужен. И еще – что ему ничего не грозит. Нельзя убить того, кто уже мертв.

По крайней мере, так думают они. Все-таки это бывшие люди. А людям свойственно полагать, что им известно все на свете. Но это не так.

На чужие беспризорные души всегда найдутся охотники. Есть колдуны, которые их заставляют служить себе с теми или иными целями, есть нечисть, которая всегда найдет применение бесхозному добру. Да и ведьмы тоже своего не упустят.

И это только те, кого мне называли русалки. Думаю, есть и другие любители душеловства.

Жалко только они не объяснили мне, как именно, например, те же колдуны заставляют души себе служить. В смысле – технологически, от начала до конца, от поимки призрака до его разжалования из своих слуг.

И что вообще они ему поручают? Подслушивать? Подглядывать? Или чего похлеще?

А главное – как именно они их умудряются привязывать к себе? У любого, кто служит, что в обычном мире, что в этом, есть некий стимул. Ну или мотивация. Без нее никак. Вариантов этой мотивации немеряно – деньги, карьера, разные материальные блага, доза наркоты, три хрестоматийных щелбана по лбу служителя культа.

Но тут-то что? Какой интерес может быть у бесплотного существа, которое все, что было, оставило в прошлом?

Я, конечно, выдвинул тогда на берегу несколько версий, но ответа от русалок не получил. Они посмеялись, грудями потрясли, но сказать ничего не сказали. Так до сих пор и не знаю – угадал, не угадал.

Впрочем, не сильно и расстроился по этому поводу. Я не спешу, времени у меня много. Раньше или позже все равно узнаю. Опытным, так сказать, путем.

Пока я вспоминал и размышлял, Нифонтов, кстати, говорил практически про то же самое.

– Страшен не тот призрак, который в темноте по квартире ходит, – вещал он. – Это-то ладно. Неприятно, но что уж теперь. А вот те, которые ощутили эманации человеческой смерти – вот это беда так беда. Это как хищники в живой природе. Если тигр раз мяса человеческого поел, то все, его непременно отстреливать надо. Для него теперь человек самая желанная дичь. Вот с призраками так же. Если перешел он грань, то хочешь не

хочешь, надо на него охоту устраивать. А знаешь, как трудно старого сильного призрака упокоить?

– Не знаю, – честно ответил я.

– Очень. – Николай открыл дверь машины. – Я бы сказал – крайне. Теперь, правда, попроще будет, теперь у нас ты есть.

– У себя, – мягко произнес я, тоже выбираясь из салона.

– В смысле? – Нифонтов приложил ладони к пояснице и наклонился назад. – Уффф, хорошо!

– Я не у вас, – спинным мозгом чую, что все-таки размежевание интересов неминуемо. Если их сейчас не осадить, то запрыгнут они мне на спину и поедут. – Я у себя есть. Просто как-то не очень правильно выходит. В отдел к себе вы меня брать не хотите, а припахивать, похоже, собираетесь с завидной периодичностью. Коль, без обид, но прозвучало это именно так.

– А ты очень хочешь к нам в отдел? – прищурился оперативник.

– Боже сохрани! – замахал руками я. – Это так было сказано, для примера. Просто дружба дружбой, должок должком, но всегда есть некая реперная точка, под которой висит табличка «Грань между „надо“ и „хочу“». Ты же понял, о чем я говорю?

– А зубки-то у него есть, – с непонятной интонацией произнесла Мезенцева и хлопнула меня по спине. – Хоть и новорожденный ведьмачок, а гонор уже прорезался.

– Не в гоноре дело, – повернулся к ней я. – Профессиональная привычка, знаешь ли. Договариваться об условиях сотрудничества, а также проговаривать права и обязанности сторон всегда надо «до», а не «после». Это азы.

– В накладе не останешься, – без тени улыбки сказал Николай. – Если надо будет заплатить – мы заплатим.

– Не надо вот этого всего, – попросил я его. – Сейчас не о деньгах речь идет.

– Хорошо, – возможно, мне показалось, но некий ледок, появившийся было в его голосе, пропал. – В любом случае, мы всегда найдем пути разумного компромисса.

– Ты, главное, покажи, что вообще на что-то годен, – бросила мне Мезенцева, натягивая куртку. – А то, может, ты вовсе «пшик» и все. Так, муляж.

По-моему, я все-таки потерял свое золотое место в ее сердце. Максималистка она, похоже.

Да и черт с ней. Моя задача сейчас дать им понять, что в обозримом будущем нельзя будет поступать так, как сегодня. То есть приезжать тогда,

когда им этого захочется и тащить меня с собой невесть куда. Как минимум надо будет перед этим позвонить и поинтересоваться моим мнением на этот счет.

– Коль, еще один вопрос, – обратился я к оперативнику, который как раз щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. – Помнишь, ты мне обещал подогнать книгу нашего общего друга?

– Какую книгу? – удивился Нифонтов. – Какого друга?

– Который на кладбище в канаву свалился и там шею свернул, – пояснил я.

– А, ты об этом. – Николай затянулся сигаретой, а после ловко выпустил кольцо дыма. – Увы, дружище, увы. И рад бы тебе ее отдать был, да только к нам в руки она не попала. В офисе мы ее не обнаружили, хоть и перерыли в его кабинете все. Мы тогда СК на «хвост» сели, с ними в здание прошли. И в особняке его загородном тоже ничего не нашли. Я так думаю, у него где-то еще «лежка» была оборудована. Но где – фиг знает. Повторюсь – мы не нашли. Кабы еще его слугу прищучить и разговорить, то был бы толк, но и его тоже никто не видел. Как в воду канул.

– А мне кажется, что он умер после смерти хозяина, – неожиданно вступила в разговор Мезенцева. – Ведьмак сильно старый был, вот слуга с ним и сроднился до такой степени, что не пережил его гибели.

Как по мне – чушь полная. Погоревать слуга после смерти хозяина, конечно, может, Родька вон тоже сначала за Захаром Петровичем сильно убивался. Но умирать по этому поводу он точно не станет. И меня он тоже переживет.

Но вслух я этого говорить не стал. Не стоит расширять трещину, которая образовалась между мной и рыжей оперативницей. Я всегда исхожу из того принципа, что в этой жизни по возможности не стоит портить отношения с людьми сверх меры. Никогда не знаешь, как оно все дальше повернется, и кто когда тебе понадобится сможет. Ты сегодня с кем-то поругался, а завтра он окажется тем единственным человеком, который сможет тебе помочь. И что тогда делать?

Вот то-то и оно.

– Какой феерический бред, – сообщил напарнице Нифонтов. – Жень, поменьше романтики. Ну или выплескивай ее в другую область, что ли? Роман вон напиши, про дракона, принца и грудастую второкурсницу из нашего мира, которая к этим двоим попала и в обоих влюбилась, а после на «Самиздате» его выложи. И назови как-нибудь эдак... Ну я не знаю... «Между драконом и принцем».

Я не удержался от смешка, и заработал еще один неприязненный

взгляд зеленых глаз Мезенцевой.

– Ладно. – Николай бросил окурок на асфальт, растоптал его носком черного кроссовка и глянул на звездное небо. – Однако почти ночь. Пошли сначала в этот ангар, есть причины, по которым именно с него стоит начать. Опять же – вдруг Женька права, и он притащится просто на тебя посмотреть? Ну а если до полуночи он не заявится, вызвоним Викторию, пусть она нам поможет.

– Лучше бы без нее обойтись, – высказала пожелание Мезенцева. – Я себя в ее присутствии не очень хорошо ощущаю. От Вики постоянно холодом веет, будто она вся изнутри промерзла. И слова доброго не дожدهшься. Да и вообще хоть какого-то. Только по работе если что скажет.

– Зато ты за двоих языком мелешь, – справедливо отметил Николай, а после сказал мне: – Вот, а ты еще к нам работать хочешь идти. Оно тебе надо?

– Не надо, – заверил его я. – Теперь уж точно. Пошли уже в ангар, а? Неуютно мне как-то.

И это было правдой. Не знаю почему, но я ощущал себя приблизительно так, как в свое время на корпоративе, когда меня на сцену вытащили, речь от отдела финансового мониторинга говорить. Ты на сцене стоишь, а на тебя все смотрят.

Хотя кто тут на меня глазеть мог – понятия не имею. Вокруг ни души, и в ангарах с окнами тоже никак.

Нифонтов, услышав мои слов, мигом посерьезнел и обвел взглядом окрестности.

– Вроде никого, – негромко сказал он мне. – Но даже если мы ничего не замечаем, это не означает, что дело обстоит именно так. Женя, страхуй нашего друга со спины.

– Все как всегда, – отозвалась Мезенцева. – Ты впереди, на лихом коне, а я, так сказать, в этой самой. Со спины страхую.

– Господи, – снова уставился в небо Нифонтов. – Ты хоть знак подай мне, разъясни непонятливому – вот в чем я так перед тобой провинился?

– Если покопаться в твоём прошлом, то найти можно, – уверенно заявила Евгения. – Как и у любого из нас. Ну кроме меня, разумеется.

– Саш, скажи, а вам в службу безопасности сотрудники не нужны? – направляясь к двери ангара, на ходу спросил меня оперативник. – Я просто знаю одного хорошего парня, с образованием, с опытом работы в государственных структурах.

– Без понятия, – отозвался я. – Но могу узнать, если хочешь.

– Если ты из отдела сбежишь на частные хлеба, то я тебе во снах

являться буду, – пообещала Нифонтову его напарница. – Каждую ночь. И не голенькой, как бы ты того хотел, а в виде немого укора. Вот так буду на тебя смотреть, и еще пальчиком укоризненно грозить. Ты меня знаешь, я заморочусь, но способ, как это сделать, найду. А если погибну, по причине того, что меня никто не подстраховал, так и в виде бестелесной сущности начну приходить. Век не отвяжешься.

– Язык прищепи! – уже не в шутку рассердился оперативник и сорвал с двери бумажку с синеющей на ней печатью. – Думай, что мелешь! И в чьей компании!

Мезенцева несколько раз хлопнула себя ладонью по губам и виновато потупилась.

Интересно, он под словом «компания» имел в виду себя или меня? Если меня – то это даже как-то очень обидно прозвучало.

Внутри ангар был еще неприглядней, чем снаружи, это я оценил сразу после того, как Нифонтов, войдя внутрь, дернул какой-то рубильник на стене, после чего зажглись тускловатые лампы. Хотя – это же не коттедж и не офис, а складское помещение, причем практически пустое. Только в центре была свалена куча частично поломанных деревянных поддонов из тех, на которые грузят плитку, стройматериалы и вообще что угодно, да по углам стояли какие-то металлические стеллажи. И все.

Впрочем, нет, не все. Неподалеку от груды поддонов, на полу я сразу заметил некий рисунок, который здорово смахивал на те, которые в сериале «Сверхъестественное» братья Винчестеры то и дело рисуют. Ну, круг и в нем куча непонятных завитушек, вроде как магических символов.

Сдается мне, именно на это творчество народов мира та самая Виктория, которую то и дело поминают мои спутники, приманивала местное привидение. И приманила, судя по тому, что круг выглядел частично выгоревшим изнутри.

Стало быть, соврал Нифонтов. Он-то говорил, что, мол, не хотят они с этим связываться. На деле же вон, все в наличии.

А еще тут обнаружилось неприятно выглядящее бурое пятно, в котором я без особых сложностей опознал засохшую кровь. И, судя по размеру этого пятна, она просто-таки хлестала из того, кого здесь препарировали. Хотя как оно по-другому может быть? Если человеку варварским способом в бытовых условиях вскрывают грудную клетку, то огромная кровопотеря неизбежна. Равно как и летальный исход.

Не могу сказать, чтобы я запаниковал, увидев всю эту красоту, но оптимизма мне она точно не добавила. Хоть я и заматерел маленько за последние месяцы, но привыкнуть ко всему этому окончательно довольно

сложно.

– А почему мы пришли именно в этот ангар? – спросил я у оперативника, который стоял рядом с магическим символом и что-то пытался в нем рассмотреть. – Здесь убили последнюю жертву?

– Первую, – откликнулся Нифонтов. – Тут все началось.

– Не вижу логики, – почесал затылок я. – Разумнее было бы идти туда, где нашли последнюю. Так сказать – по свежим следам.

– Недопонимаешь, – возразил мне Николай. – Первая кровь всегда самая сильная. Ясно же, что это не гуль какой-нибудь орудует, что убивают людей не ради еды или удовольствия, а с какой-то четкой целью. Скажу больше – это, вероятнее всего, часть обряда или ритуала. А в них первая и последняя кровь самые сильные и знаковые. И, как правило, проливают их в одном и том же месте.

– Еще бы понять, что за ритуал, – вздохнула Евгения. – Тогда все намного упростилось бы.

И вот как только она договорила, я услышал сиплый звук, раздавшийся из дальнего и темного угла ангара. Старческий такой, деды, которые летом на лавочке у нашего подъезда «козла» забивают, подобным макарон то ли кашляют, то ли смеются.

А вот мои спутники ничего не слышали, это точно. Николай – тот воплощенное хладнокровие, он мог бы и вида не подать, но не Евгения. Она бы завертелась, как юла, и начала за кобуру хвататься.

– Надо же, – громко сказал я, стараясь не смотреть в тот угол. – Никогда бы не подумал. Мне казалось, что в ритуале главное не то, когда и где кровь пролили, а то, что это произошло.

– В серьезном ритуале все важно, – мрачно ответил мне Нифонтов. – Ну а если он из тех, что связаны с призывом каких-то существ, которым на нашем плане бытия вообще не место, то особенно.

– Что бы ты понимал в призывах существ! – услышал я голос, причем глумливый донельзя. – Сопляк! Не можешь отличить ритуальное убийство от обычного, а туда же!

Я по-прежнему не видел того, кто это говорил, но одно мне было ясно – это тот, кто нужен оперативникам. И этот «кто-то» на редкость неприятная личность, по голосу слышно.

У меня в голове пронеслось сразу несколько вариантов развития событий. Можно и дальше его провоцировать, выведывая крохи информации вот таким же ассоциативным способом. Можно еще его немного разозлить, нелестно отозвавшись о местных призраках, которые мух не ловят и дают на своей территории творить подобные вещи. Правда,

этот вариант чреват тем, что призрак может не немного разозлиться, а изрядно.

А еще можно не темнить и дать этой сущности понять, что я знаю о ее присутствии. От «противного» вариант, но почему бы и нет? В конце концов, что могу, то и делаю. Им был нужен призрак? Вот он. Поговорить с ним надо? Чем смогу – помогу.

– Так это было не ритуальное убийство? – я уставился в темный угол. – О как. А если поподробнее?

Женька было открыла рот, чтобы что-то сказать, но Нифонтов остановил ее, схватив за руку. Он сразу все понял.

– Думал – померещилось, – сообщила темнота. – Так ты ведьмак.

– Ведьмак, – подтвердил я. – А что в этом удивительного?

– Да как же, – снова захекала темнота. – Две ищейки из шифровального отдела ОГПУ в компании с ведьмаком! Да такого сроду-роду не было! Ладно, чародейку они с собой в тот раз притащили, те на них всегда работали, но чтобы ведьмак с этими псами в одной упряжке ходил... Никогда эдакого дива не видел.

Сдается мне, что есть в моих познаниях о мире Ночи огромный пробел, в разделе, где содержатся знания о том, с кем дружить можно, а с кем нельзя.

И еще – интересная, должно быть, история у того отдела, в котором эти двое работают. Как их только ни называли – и «судными дьяками», и «коллежскими ассессорами». Хотя последнее, возможно, больше указывает на социальный статус, чем на профессию. А теперь к чему-то еще и шифровальный отдел ОГПУ приплели. Кстати, причем тут это-то? Или в те времена, когда ОГПУ было, их предшественники заодно и шифрованием занимались?

– Время идет, все меняется, – решил немного реабилитировать себя я. – Двадцать первый век на дворе.

– Может, и так, – ответил мне невидимый собеседник. – Только вот вашего брата эти brave ребята как в старые времена особо не жалели, так и сегодня жалеть не будут.

И вот тут я наконец увидел того, с кем вел разговор. Это был старик, естественно, полупрозрачный, как и положено порядочному привидению. И, разумеется, довольно мерзкого вида. Особенно впечатляла его голова, рассеченная на две части аж до самого рта, и босые ноги, покрытые огромными язвами, такими, какие остаются после серьезных ожогов. Сдается мне, что последние минуты жизни этого старикана были сильно неприятными. Кстати, и призрачная одежда была вся в лоскуты порезана,

как видно, ногами дело не ограничилось. Пытались перед смертью этого старика изрядно.

– Красив? – не без удовлетворения поинтересовался у меня призрак.

– Не то слово, – подтвердил я. – Это за что же с тобой так распорядились?

– Да было за что, – знакомо заперхал старик. – Обещал я одному лихому человеку дело его добыть на Лубянке, да ему передать, за мзду, само собой. Когда в восемнадцатом году ВЧК из Петрограда в Москву переехало, они же с собой все архивы привезли, дело это среди них лежало. Да вот беда – не смог. А человечек этот мне не поверил, подумал, что я на него решил чекистов навести. Ноги мне огнем жег, тело ножом резал, а после топором череп раскроил. Эх, мне бы, дураку, ему встречу не тут назначить, а где в другом месте. Убить бы он меня все одно убил, но мучений было бы меньше.

Интересный какой старичок. Он, наверное, Дзержинского видел. И даже Ленина. Круто!

– Сочувствую, – произнес я – Но это дела минувших дней. Мне бы поподробней узнать о том, что здесь произошло.

– Здесь-то? – призрак подлетел ко мне поближе, его рот скривился в безобразной гримасе. – Смртоубийство, что же еще! Бедолаге одному тварь сердце вырвала и с собой утащила.

– Что за тварь? – по возможности мягко, стараясь не обращать внимания на глумливые интонации, спросил я. – Откуда она взялась, где прячется?

– И где же она прячется? – повертел головой призрак, причем одна ее часть не успевала за другой, смотрелось это прямо-таки по-мультиашному, я чуть не улыбнулся. – Где? Там нет. И там нет. А в карманах у меня? Эх, беда-досада, тоже нет.

И старик похлопал себя ладонями по лохмотьям, как бы демонстрируя мне, что и вправду у него ничего нет.

– Шутку оценил, – уже более жестко произнес я. – Смешно. А теперь ближе к делу.

– Это можно, – покладисто согласился призрак. – У меня и ответ припасен на все твои вопросы. Да вот он!

И у меня перед носом оказался кукиш, сложенный из сине-прозрачных пальцев руки. Сей жест сопровождался на редкость неприятным ухающим зауспокойным смехом.

– Ну, как тебе мой ответец? – заливался призрачный старик. – Нет, только подумай – приперся сюда и думает, что все по его будет! Ты, дурак

такой, радуйся, если я вас отсюда вообще отпущу живыми! Раз простил, два простил, даже чародейку с рук спустил, но всему же предел есть! Ведьмака мне сюда притащили! Я людей всегда терпеть не мог, а с тех пор, как вы травы на моей могиле повадились обрывать, и вовсе ненавижу!

Ну насчет того, что он не выпустит нас отсюда живыми, призрак перегнул, и изрядно. Как бы он ни был силен, с нами ему не совладать. Хотя на несведущего человека его облик мог произвести впечатление, что да, то да. Да я сам, к примеру, увидь такое где-то в начале лета, так непременно бы очень проникся. Не до смерти, понятное дело, и не до испачканных штанов, но изрядно. Скажем так – долго бы еще со включенным светом спал после такого.

А призрак еще и жути поднагнуть решил – на моих глазах с его разваленной на две части головы исчезло то, что с натяжкой можно было назвать лицом, и теперь на меня издевательски таращились пустые глазницы черепа.

Не знаю почему, но именно это меня выбесило окончательно. Правильно Вавила Силыч говорил – не со всеми в мире Ночи можно вопросы по-хорошему решить, кое-кого надо сразу на место ставить. А отдельных, особо непонятливых, и на колени, чтобы знали, с кем разговаривают. Я, понятное дело, фигура пока что невеликая, не сказать – никакая, но терпеть подобное не собираюсь. К тому же что у них, что у нас наверняка действует один и тот же закон – если хоть раз подставился доброй волей, то на второй тебя уже никто спрашивать не будет, просто нагнут, да и... Невесело будет, короче.

Причем о том, как именно мне удастся показать кто есть кто разошедшемуся призраку, я как-то и не задумывался. Собственно, все, что я пока умел делать, это отпускать те души, которые сами не против покинуть земную юдоль. Как задать перцу тем, кому и здесь неплохо, мне было неизвестно.

Но я поступил просто и привычно, так, как много раз это проделывал в своей беспокойной юности. В ней у меня перед лицом много раз махали кулаками, и тогда я этого тоже очень не любил. Проще говоря, цапнул привидение за запястье и с силой крутанул его руку, добавив при этом:

– Страх совсем потерял, хрень бесплотная!

Самое забавное было в том, что мои слова частично противоречили тому, что я сделал. Призрак оказался вовсе не бесплотным. Правда, назвать то, что ощутили мои пальцы, чем-то материальным тоже нельзя. Более всего это было похоже на обжигающе-ледяное желе. Не очень приятные ощущения, не стану скрывать. В руку будто моментально впились сотни

маленьких иголок. Я как-то в детстве сдуру цапнул из коробки с мороженым сухой лед, вот это очень похоже по ощущениям.

Но я – ладно. Как же этим всем был ошарашен мерзкий старикашка! Во-первых, мое движение заставило крутануться его вокруг своей оси, причем к концу оборота череп снова оброс призрачным мясом, после чего обрел пусть и неприглядные, но зато оригинальные черты. Во-вторых, он явно ничего подобного не ожидал, за десятилетия привыкнув к собственной неуживимости.

Но это все ничего. Главная неприятность у него была впереди. Старик привык к тому, что его существование пусть и неказисто, но зато полностью защищено от всех неприятностей материального мира. Например, таких, как боль и страх. Я же заставил его вспомнить о том, что это такое, поскольку сначала к этой нежити пришла боль, а после возвратился и страх.

Запястье его руки, за которое я схватился, стремительно начало менять свой цвет, из нереально-голубоватого становясь багровым. Мало того – я начала ощущать, как рука старика истончается, словно тает.

Сам же призрак орал благим матом, требуя, чтобы я его отпустил.

– Да нет проблем, – даже обрадовался я и выставил перед собой ладонь второй руки, делая вид, что вот-вот припечатаю ее к его лбу. – Как скажешь. Правда, уж не знаю, куда тебя после этого занесет, но что не в рай – это точно.

– Не надо, а? – жалобно проскулил старик и снова громко заорал, поскольку я, опасаясь, что вот-вот кисть призрака оторвется, перехватил его руку повыше, ближе к локтю, тем самым добавив нежити новых болевых ощущений. – Ну не знал я, что ты не травник и не целитель! В вашем племени других ведь и не бывает почти! Кабы сразу понял, что ты из слуг Мары, то даже носу бы сюда не показал!

Мары? Что за Мара такая? И с какого перепугу я стал ее слугой? Мы не рабы, рабы не мы.

– Говори, что видел! – потребовал Нифонтов. – Быстро, пока он не сделал то, что обещал!

Оказывается, после всех этих манипуляций и кульбитов, старика-призрака узрели и оперативники. Слетела с него невидимость.

– Все расскажу! – заверещал призрак. – Но пусть он меня сначала отпусти-и-ит!

Глава шестая

– Отпусти его, – сказал Нифонтов.

– Сбежит ведь, – в один голос сказали мы с Евгенией, причем интонация была одинаковой у обоих.

– Никуда он не сбежит, – оперативник подошел к извивающемуся, словно угорь на крючке, призраку. – Верно?

– Верно, верно, – истово произнес старик. – Обещаю, все расскажу! И покажу! Только пусть твой ведьмак руку мою отпустит!

– Саш, – в голосе обратившегося ко мне оперативника я услышал даже не просьбу, а приказ, и это мне очень не понравилось.

Ладно, хозяин – барин, пусть будет так. В конце концов, не мне это нужно. Хотя – вру. Жалко будет, если этот красавец улизнет, поскольку и у меня к нему кое-какие вопросы появились.

Как только я разомкнул свои пальцы, призрачный дед зашипел, как масло на раскаленной сковороде, и немедленно принялся нянчить свою конечность. Кстати, очень необычная цветовая гамма получилась – прозрачно-голубая рука с багровыми вкраплениями там, где отпечатались мои пальцы.

– Говори, – потребовал Нифонтов. – Кто, что, где?

Призрак злобно на него зыркнул, но, против наших с Женькой ожиданий, и не подумал сбегать, а, напротив, выполнил приказ.

– Никакой это не ритуал, – сообщил он нам. – Обычное убийство.

– Да ладно? – с сомнением прищурился Николай. – Слабо верится.

– Ладно, не очень обычное, – признал призрак. – Четверых этих не человек убил, а магией призванная тварюка порвала, что есть – то есть. Но это не жертвоприношение. Людей убили вовсе не для того, чтобы выгоду какую с той стороны получить или для чего-то в этом роде. Просто вот этот сарай железный, и еще десятка два таких же по соседству кое-кому приглянулись, понимаешь? А тот мужик, что их арендует, отказался идти на уступки. Сам этот разговор слышал с месяц назад. Ему и деньги предлагали, и еще чего-то, и запугивать пытались, а он знай всех посылает куда подальше.

– Я фигею, дорогая редакция! – изумленно произнесла Мезенцева. – И чем дальше, тем больше.

– Зато теперь все более-менее встало на свои места, – подытожил Нифонтов. – Кстати, очень элегантно придумано. Сама посуди –

преступление есть, а следов нет. Наши коллеги ведь ничего не найдут, в лучшем случае выжженные пентакли там, где эту тварь призывали. И даже внимания на них не обратят, потому что не свяжут одно с другим, подумают, что сатанисты баловались, это обычное по нашим временам дело. И никто ничего никогда не докажет. А цели своей тот, кто это все устроил, добьется наверняка. Убийства-то не прекратятся до тех пор, пока упрямец на попятную не пойдет.

– Уже пошел, – подал голос призрак. – Четвертый покойничек троюродным братом хозяина ангаров был. Тело в авто специальное еще погрузить не успели, а хозяин этот уже позвонил кому-то и сказал, что готов все подписать. Ну и условия начал обговаривать. Смерть смертью, а деньги деньгами. Только, думаю, все одно получит мзду меньше, чем мог бы вначале.

– Если честно – хрень какая-то, – наконец высказался и я. – Тут же ангаров – пруд пруди, чего кто-то именно к этим привязался? Что в них такого?

– Это северная часть порта, – сказал призрак.

– И? – по-прежнему ничего не понимал я.

– В северной части любые помещения всегда заняты, – пояснил старик брюзгливо. – Ты не смотри, что сейчас здесь пусто, это просто давеча товары вывезли. А вот в южной части, особенно на дальних территориях, есть ангары, которые месяцами порожняком стоят. Там есть пара таких мест, куда даже я не суюсь, понятно?

– Не понятно, – опять начал злиться я. – Причем от слова «совсем».

– Северная часть порта стоит близ воды! – проорал призрак, который, похоже, тоже потихоньку выходил из себя. – И не просто воды, а текучей, то есть – реки! Пусть даже и засранной людьми до невозможности. А южная – там, где раньше было болото! И не какое-то простое, а то, которое в народе прозвали «Сукино». Ни на какие мысли такое название не наводит?

– Мало мы с тобой еще знаем, Женька, – сказал напарнице Нифонтов, причем без малейшей иронии или издевки. – Надо больше читать. Если бы мы за эту ниточку сразу потянули, то, может, пары смертей и не случилось бы. Скажи, старик, он ведь эту тварь как раз там, на южной территории, вызывал?

– Конечно, – подтвердил призрак. – Есть там один ангар, ржавый донельзя, так его не то что я, даже крысы стороной огибают. Потому как стоит он в аккурат на том самом месте, где когда-то местный трясинный царь жил. Вот в нем этот дурак тварь из небытия и вызывал. А ей чего ж не

прийти? Милое дело. И место самое что ни на есть подходящее, и смертью там смердит так, что будь здоров. Этот порт кто строил-то, знаете?

– Нет, – сразу ответил я, Нифонтов и Мезенцева чуть погодя ответили так же.

– Заключение его строили, в конце тридцатых, по большей части политические, – отчего-то с долей злорадства поведал нам старикан. – Воры – они социально близкими значились, а эти умники никому тогда не нужны уже были, ни живые, ни мертвые. Тут и сейчас, если поглубже копнуть, либо череп выкопаешь, либо кости. Так что для призыва зверюки из небытия здесь все замечательно подходит. А ей и в радость! Тем более что на закуску еще и душа человечья с сердцем достанется.

– Все равно непонятно, – гнул свою линию я. – Ну ладно, мы с вами знаем, что тут вода, а там погано. Но остальные-то? Арендаторам-то откуда ведомо, что за этим всем есть вот такая подоплека?

– Народная молва, приметы, традиции, – объяснил мне Нифонтов, и призрак, соглашаясь с ним, кивнул. – Здесь товар всегда в порядке, а там, небось, то все сгниет в одну ночь, то подмокнет, или еще что. Да, старый?

– Так и есть, – подтвердил призрак. – Не всегда и не все, конечно. С той же тяжелой техникой ничего не будет, что ей сделается? Но вот с чем попроще – это да, всякое случается. Особенно тканям достается. Последним трясиным царем здесь колдун был, которого в этом самом болоте живьем утопили. Руки-ноги местные крестьяне ему связали, сукном крепким обмотали, да и сунули в чарусью вперед головой. Правда, потом пожалели, конечно. Помереть-то он помер, да больно крепок душой оказался. Прибил местного трясинника и сам его место занял. Ох, много народу в этом болоте смерть нашло! А уж когда его осушали, что он творил! Я, кстати, до той поры, пока порт не построили, сам под кочками полтора десятка лет прятался, чтобы он меня не учуял. К такому в рабство попадешь – света не взвидишь!

– А что с ним потом стало? – любопытствовал я. – После того, как болото осушили?

– Нет болота – нет трясинника, – со знанием дела пояснил мне призрак. – Колдун-то он был колдун, да ведь договор со стоялой водой никто не отменял, тот, что он после смерти старого трясинника заключил. Воде стоялой души, что он загубил, а та ему за это жизнь вечную и власть безграничную над болотом. А как стоялой воды не стало, так и он окочурился.

Чем дальше, тем больше новой информации. Теперь вот какая-то «стоялая вода» появилась. Нет, интуитивно я понимаю, о чем идет речь, но

все равно ощущаю свою тотальную неграмотность в восприятии этого нового для меня мира. Хотя это нормальное ощущение, на самом деле. Если человек попадает в новую для себя среду и через пару дней говорит, что ему уже все понятно и привычно, то он непременно врет. Так не бывает. Чтобы уловить закономерности и упорядочить все полученные данные, в любом случае нужно время.

Я вот, когда только пришел в банк работать, более-менее освоился только к концу первого месяца. Причем куда сильнее «менее», чем «более».

А в самый первый день вообще приполз домой, сполз по стеночке в коридоре и грустно сказал своему отражению в зеркале:

– Блин, какой же я тупой!

Это потому, что я вообще ничего не понял из того, что за этот день видел.

Но это – нормально. Из «ничего» не может сразу же возникнуть «что-то».

Вот только в банке время на учебу у меня было, а здесь... Не факт, не факт.

А еще имеется в словах призрака некая нелогичность. Если дух бывшего колдуна-трясинника исчез с концами, то кто товар портит?

Впрочем, не думаю, что это самый важный вопрос из тех, что могут к нему возникнуть.

Так же рассудил и Нифонтов, который перешел от дней былых к делам насущным.

– С местом определились, – заявил он призраку, с конечности которого уже полностью пропала краснота, а во взгляде, наоборот, снова зашевелилась наглость. – Теперь расскажи нам о том, кто это был.

– Зверюка-то? Так черная, как из мрака слеплена, – ответил старик. – Хотя они, которые нежить с той стороны, все такие, других сроду не видал. Ну и как положено – клыки, когти, пасть вот такенная.

– Да с ней все понятно, – отмахнулся оперативник. – Тот, кто ее призвал, меня интересует. Он кто вообще был? Колдун, или кто попроще?

– И почему ты его «дураком» назвал? – добавила от себя Евгения.

Надо же, не пропустила она это слово, запомнила и к месту вопрос про него задала. Удивлен.

Если честно, то из этой парочки я больше уважал Николая. Он, конечно, на меня сел и поехал, не без этого, но при этом в нем есть некая основательность, в которую веришь. Скажем так – с ним в баню идти можно и спиной к нему там поворачиваться.

А Женька... Она напоминает одну мою одноклассницу по имени

Ксения. От нее с первого класса до последнего было много шума и гвалта, она болтала не умолкая. Но при этом за все одиннадцать лет она ничего путного так и не сказала. Ни разу.

И тут – на тебе. У нее, оказывается, и память есть, и соображалка.

– Так дурак он и есть, – охотно ответил призрак. – Кто же по доброй воле в проклятом месте такую нежить призывает? Тронуть она его не тронет, перед вызовом заклинание правильное было прочитано, на защиту, но все одно – не жилец он. Это как парами ртути наддышаться – сразу не помрешь, но все одно дорожку на тот свет ты уже себе протоптал. Год-другой – и все, «со святыми упокой». Вот и здесь то же самое. Мрак его уже пометил, и жить этому дураку осталось до следующего снега, не больше. Либо печень откажет, либо легкие. Или еще чего. И легкой смерти ему не ждать.

– Стоп! – нахмурился Нифонтов. – Я правильно тебя понял? Это что, был обычный человек? Не из тех, для кого Луна второе Солнце?

– Так про что и речь! – захекал старикашка. – Не чародей, не чернокнижник. Все по бумажке делал – и круг со знаками чертил, и заклинание читал. Только где именно ей жертву искать, без чужой подсказки рассказывал.

– А так можно? – уставился я на Нифонтова. – Seriously? Типа «практическая магия»?

– Всякое бывает, – расплывчато ответил мне оперативник. – Слушай, а как же ты это все видел? Ты же тот нехороший ангар на пару с крысами седьмой дорогой огибаешь?

– Так любопытство, – не стал кокетничать призрак. – Я и в первый раз учуял, что там черную волшбу творят, а на второй пошел поглядеть. Правда, мне того раза хватило за глаза. Тварь из мрака, когда возвращалась обратно, меня учуяла. Если бы ее заклинание не держало, тут бы мне конец и настал. Любят они бродячие души жрать, паскуды такие.

– А обратно она возвращалась, чтобы показать заклинателю, что дело сделано, – утвердительно произнес оперативник.

– Ну да, – кивнул старикан. – Он дал ей разрешение сердце схарчить, а после отпустил. И сам ушел, его машина около южного входа ожидала. В другие разы наверняка то же самое было. А, вот еще что. Стошнило его после этого. Видно, не привык он требуху людскую разглядывать.

– А что человек – молодой, старый? – тут же спросил Нифонтов. – Как выглядел?

– Молодой, – ответил призрак. – Вон ведьмаку твоему ровесник, кабы даже не помоложе. Без бороды, сам весь гладенький, чистенький. Очень

похож на продавцов, что в нэпманских магазинах работали. Галстух у него на шее, костюмчик хорошего сукна.

– Клерк, – безошибочно определила Женька. – Сто пудов – обычный клерк. Посулили ему повышение, вот он в это и впрягся. И вправду дурак.

– Не дурнее нас с тобой, – возразил ей Нифонтов. – Для него подобное – дикость, бабушкины сказки. Представляю, как он удивился, увидев, что магия бывает на белом свете. А уж про то, что место это убьет его вернее любой научно обоснованной радиации, он и сейчас помыслить не может.

– Будете искать и спасать? – любопытствовал я.

– Искать – да, обязательно, – ответил мне оперативник. – А спасать – нет.

– Чего ж так? – не удержался я от колкости.

– А смысл? – пожал плечами Николай. – Он все равно не жилец. В отличие от все той же радиации, воздействие которой хоть как-то можно уменьшить, здесь ничего уже не сделаешь. Он сотворил то, что делать никак нельзя – призвал тварь из Мрака и натравил ее на человека. За свой интерес он заплатил чужой кровью. Это приговор. Не наш, а кого-то другого, кто в незапамятные времена установил правила существования на этой планете.

– Ты о Боге? – уточнил я.

Призрак засмеялся, Женька отвела глаза в сторону.

– Можно сказать и так, – произнес Нифонтов. – Главное, что ты понял, о чем я веду речь. Но поговорю я с этим горе-призывателем обязательно. Тема уж больно паршивая получается.

– Четыре трупа – что уж тут веселого? – поддержал его я.

– Трупы – это очень плохо, но основная беда в другом, – Нифонтов вздохнул. – Кто-то запускает в оборот заклинания немалой мощи, причем сделанные так, что даже человек, незнакомый с тем миром, в котором мы с тобой живем, запросто может их использовать. Это хуже любых убийств, пусть даже и неоднократных. Сегодня это, а что будет завтра?

– Очень хорошо были сделаны заклинания, – не без злорадства отметил призрак. – Просто отлично. И главное – инструкция к ним прилагалась крайне подробная. Прямо по шагам расписанная. Я в нее заглянул, еще до того, как листочек сгорел.

– Кто сгорел? – захлопала глазами Женька.

– Говорю же – листочек, – сердито сказал старик. – Как только пентакль сработал и тварь в нем стала появляться, листочек с инструкцией и полыхнул синим пламенем, прямо у этого дурака в руках. Причем синим – это я не привираю. На самом деле – им.

– Вот вам и еще одно подтверждение, – заметил Нифонтов. – Беда. Надо Ровнину докладывать и срочно этого горе-чародея за горло брать. Того, что здесь был, имеется в виду.

– Поди его сыщи, – хихикнул призрак. – Город-то как разросся! А сюда он теперь и носу не покажет.

– Куда он денется. – Женька зябко обняла себя руками за плечи. – Наверняка работает в той компании, которая себе эти ангары отжала, а уж ее-то вычислить несложно. Ну или в одной из дочерних фирм. Понятно, что там чистеньких в галстуках может быть много, но это же не город мелким ситом просеивать. Найдем, не в первый раз.

– Чародейку свою подключите, – процедил призрак и сплюнул. – Ну удачи вам. А я пошел, пожалуй.

– погоди, – остановил его Нифонтов. – Сначала своди меня к тому самому ржавому ангару. Там же следы пентакля остались?

– Наверное, – буркнул старик. – Показать – покажу, а внутрь не сунусь.

– Жень, останешься с Сашей, – скомандовал Нифонтов.

– Чего это? – возмутилась девушка.

– У тебя пистолет есть, – объяснил ей оперативник. – Сама посуди – ночь на дворе, место глухое. Мы несем ответственность за привлеченного нами к операции человека. Будешь его охранять.

Темнит, как всегда, мой новый приятель. Ну и ладно, это его дела. Мне лично на это наплевать. Да и веселее вдвоем будет. Если откровенно, куковать тут в одиночку совершенно неохота, так что в компании мне будет повеселее. Даже при условии, что компанию мне составит эта рыжеволосая заноза.

– Гад ты, Колька, – насупилась Мезенцева. – Не доверяешь.

– Наоборот, – мягко произнес Нифонтов. – Мне только пойти и сфотографировать, а тебе тут по сторонам головой вертеть и нападения каждую секунду ожидать. Что сложнее?

– Слушай, иди уже, куда тебе надо, – попросил его я. – Нечего страх на нас нагонять.

Шутки шутками, а мне как-то не по себе стало. И, главное, в чем парадокс – раньше я, как и всякий нормальный городской житель, боялся чего-то того, чего, как мне казалось, на самом деле и нет. В ночи, имеется в виду. В детстве страшился Бабайки, живущего в платяном шкафу, потом, когда подрос, еще чего-то такого, что днем казалось совершенно невозможным. Любой дом, любая квартира ночью наполняются звуками, поскрипыванием, шорохами, которые и взрослого человека заставят представить себе невесть что. Страхи перед темнотой в нас заложены

изначально, они атавистичны, они идут из тех времен, когда наши предки носили демисезонные шкуры и поклонялись Солнцу, которое избавляло их от теней во тьме.

А теперь все изменилось. Я не боюсь тех, кто живет в лунном свете. Точнее – я знаю, на что они способны, а потому готов к встрече с ними. Но зато совершенно не желаю встретиться с подобными себе живыми и теплокровными особями, обитающими конкретно в этих местах. Что-то мне подсказывает, что в ряде случаев это может кончиться для меня рядом неприятных недугов, вроде перелома челюсти, сотрясения мозга и отбитых почек. Здесь не центр города, в котором полно блюстителей порядка. Ладно если на нас из темноты выйдут местные охранники или просто здешние работники. А если «синева», которая наверняка тут подрабатывает на ролях «поди-подай-принеси»? Или еще кто-то подобный?

Пока я обо всем этом рассуждал, мы покинули ангар, и Нифонтов с призраком, который витал над его головой, скрылись из вида. Мы же с Мезенцевой остались у машины.

Досадно, так я с этим призраком-долгожителем и не пообщался приватным манером. И, видимо, не пообщаюсь, поскольку ради беседы с ним я в эти глухие места не попрусь. Ну да ничего, у меня и другие собеседники найдутся.

– Кольке не говори, – сказала мне Евгения, открыла дверь машины и достала из своего рюкзака пачку сигарет и зажигалку. – У него бзик на том, что девушка не должна курить. Ты, кстати, такими фобиями не страдаешь?

– Не страдаю, – заверил ее я. – Мне, если честно, пофигу. Легкие твои, здоровье твое, детей мне не ты рожать будешь, так что твори что захочешь.

– Что да – то да, – щелкнула зажигалкой Мезенцева. – Точно не я. В смысле – детей тебе от меня не видать. Ты не в моем вкусе.

Если она и хотела меня подначить, то зря. Я всю жизнь в женском коллективе и учился, и работал. Меня такими банальными вещами не прошибешь, ей для этого надо что-то посерьезней придумать.

– Слушай, а почему этот старый хрен сказал, что вы из шифровального отдела? – задал я девушке вопрос, который мне не давал покоя. – Нет, понятно, что так вы до войны назывались, он же еще про ОГПУ упомянул. Но шифровальный-то почему?

– Фиг знает, – немного разочарованно выдохнула дым Мезенцева, явно желавшая сплясать на моих костях и ожидавшая моей реплики в стиле «чего это я не в твоем вкусе». – Я историю отдела не очень хорошо знаю, все как-то не до того мне. Слышала только, что некто Бокий, который им в

двадцатых-тридцатых годах того века руководил, был дядька знающий и рисковый до жути, но при этом изрядный темнила. Сам же знаешь, что в те времена мистику особо не разрешали, народ и партия коммунизм строили, а в нем подобной ерунде места нет. Вот потому, наверное, он его «шифровальным» и окрестил. Вроде как секретное подразделение, но без оккультизма всякого. Ты лучше у Кольки про это спроси, он любит в прошлом покопаться, точно все знает. Слушай, я тебе что, совсем не нравлюсь?

Что ж так банально? Прямо штамп на штампе. Как видно, совсем она меня ни в грош не ставит.

Даже обидно.

– А кто такая Мара? – и не подумав отвечать на столь откровенную провокацию, задал свой следующий вопрос я. – Наш новый прозрачный друг ее упомянул и сказал, что я ее слуга, мне же про это ничего не известно. А знать хотелось бы.

Мезенцева глянула на меня с интересом, затянулась сигаретой.

– Просто мне о такой слышать не доводилось, – пояснил я. – Она кто вообще?

– Она, вообще, богиня из славянского пантеона, – наконец соизволила продолжить беседу Евгения. – Так же известна в народе как Морана или Морена, в зависимости от того, мифологию каких именно славян мы имеем в виду.

– О как, – проникся я. – Вот про Морану я слышал. Или читал. Только в жизни бы не подумал, что она – реальность.

– Смолин, не пугай меня, – попросила Женька. – Какая реальность? О чем ты?

– Так он же говорил, – я махнул рукой в ту сторону, куда ушли Нифонтов и призрак.

– И что? – оперативница бросила окурок на асфальт. – Это призрак. Он такого наговорить может, что ой-ой-ой. Ему сто лет в обед.

– Знаешь, я месяц назад и в него не верил, – резонно заявил я. – А он – есть. И вон твари из мрака есть. И русалки.

– Да ладно! – заинтересовалась Мезенцева. – И что, у них правда вместо ног хвост? А какую-нибудь из них того? Ну ты понимаешь, о чем я? Просто где-то читала, что если у них на хвосте кое-какую чешуйку приподнять, то можно эту самую русалку...

– Блин, ты вообще о чем-то другом думать можешь? – возмутился я. – Прав Николай, плохо, что у тебя ни бывшего парня нет, ни настоящего хоть какого-нибудь.

Евгения захлопала глазами, и на момент стала похожа на обиженного ребенка.

– Извини, – буркнул я. – Не выспался, устал, да и вообще. Так что там с Марой этой самой?

– Папа-мама ее неизвестны, скорее всего это Предвечное Небо и Мать Сыра Земля, сестры у нее Жива и Леля, а муж у нее – Кашей Бессмертный, – отчеканила Евгения. – Официальное место жительства – правый берег реки Смородины, той самой, которая делит Явь и Навь, от Калинова моста сразу налево и идти до первого поворота. Вот и гадай, есть Мара на самом деле или нет?

– После такого склоняюсь к тому, что вряд ли, – признался я, почесывая затылок. – Особенно официальный супруг впечатляет. А дети у них есть?

– Я не помню, – почему-то виновато призналась Женька. – Вроде нет. Слушай, я так думаю, что он не конкретно эту Мару имел в виду. Просто старославянское «мара» – это, по сути, означает «смерть». Да это слово и сейчас в ходу. «Марево», например, или «мор». Вот он и сказал тебе, что ты слуга Смерти. По сути, ты же он и есть?

Скажу честно, подобная трактовка меня немного обескуражила. В таком аспекте я себя не рассматривал. Ну да, вижу мертвых, как выяснилось, даже могу их на место поставить, но слуга Смерти – это все-таки перебор.

Надо будет по сети ползать, поискать материалы про эту Мару-Морану. Наверняка в Википедии информации будет побольше, чем в голове у Мезенцевой. И про Бокия тоже почитать надо. Если ей своя история неинтересна, то мне, напротив, любопытно узнать, что там к чему. Вот выйду на работу и почитаю. Не тратить же свое свободное время на подобные вещи. Работа – она для того и существует, чтобы на ней делать все то, на что времени дома не хватает.

Блин, а это ведь уже послезавтра. Точнее – завтра, время-то за полночь уже. Вот и отпуск пролетел.

Только я загрустил о том, что три недели промчались как один день, как неподалеку от нас появился яркий огонек. Это со своей вылазки в недра порта вернулся Нифонтов. Он подсвечивал себе дорогу знакомым мне еще по визиту на кладбище миниатюрным «маглайтовским» фонариком.

– Все в порядке? – спросил он у нас и зашаркал подошвой кроссовка по асфальту. – У меня вот нет. Что за люди, ведь тут наверняка есть туалеты! Нет, обязательно надо кучу прямо на дороге навалить!

– Вытирай как следует! – переполошилась Женька. – Вся машина

провоняет, этот запах потом фиг выведешь! Вон там трава есть, об нее три давай!!!

Нифонтов подошел к жиденькой серовато-зеленой поросли, с сомнением на нее поглядел, но выполнил требуемое.

– Есть пентакль, – вещал он попутно. – Прогоревший, но виден четко. Сфоткать я его на смартфон сфоткал, но сам никаких выводов сделать не могу. Надо Вику сюда везти. А место и впрямь поганое. Ни ветерка на улице, а там сквозит будь здоров как. Похлеще, чем у МИДа на «Смоленке».

– В смысле – «сквозит»? – задал я очередной вопрос. Нет, как интересно у меня общение с этими ребятами строится – я только и делаю, что им вопросы задаю.

– МИД в свое время тоже «зэки» строили, как и вот этот самый порт, – пояснил Николай, посветил фонариком на подошву, печально вздохнул и продолжил тереть ее о траву. – И, надо думать, что условия труда были не самые сахарные, а стало быть, и смертность немалая. Потому у главного входа в МИД, там, где пандус, всегда ветрено, прямо как у врат преисподней.

– И на «цокольном» этаже у них всегда холод собачий, – добавила от себя Мезенцева. – Наверху лето, жара, а там «колотун» невероятный.

Кстати – да. И вправду, сквозит там неслабо. Я же работаю в двух шагах от «мидовской» высотки, на Сивцевом Вражке, и мимо нее мне не раз проходить доводилось.

– А вы о чем беседы вели? – полюбопытствовал Николай. – Поди, она пыталась тебя очаровать и записать в свою армию безнадежных поклонников?

– Да и очаровывать не надо, – я решил немного подольститься к девушке. – Любой здравомыслящий мужчина нормальной ориентации по определению записан в ряды этой армии с самого начала полового созревания.

– Наглый вун, – припечатала меня Мезенцева. – Коль, он меня про Мару расспрашивал!

– А что Мара? – Нифонтов еще раз осмотрел подошву и на этот раз остался доволен результатом. – Сказки это. Фольклор в чистом виде. Призраки есть, гули есть, оборотни есть, упыри есть. Много кто есть. А вот чупакабры и старых богов нет. Все про них говорят, все про них слышали, но никто никогда их не видел. Саш, помнишь старую кошелку из твоей Лозовки? Ту, что тебя в лесу чуть не выпотрошила?

– Что значит – «помнишь»? – даже удивился я. – Мы с ней третьего

дня даже раскланялись, когда я уезжал в Москву.

– Вот даже она их наверняка не видела, хотя лет ей как ворону, – назидательно произнес оперативник. – Так что не забивай себе голову разной ерундой. Все, поехали.

– По-моему, еще пахнет – заявила Евгения, даже не приближаясь к Николаю.

– Можешь вызвать себе такси, – предложил ей он. – Или своим ходом домой добираться. Пешие прогулки очень полезны для укрепления сердечной мышцы. Саш, давай, лезь в машину, чего ждешь?

Над Москвой стояла ночь, МКАД наконец-то более-менее опустел, потому до моего дома добрались мы быстро.

– На чай напрашиваться не станем, – около подъезда сообщил мне Нифонтов. – Все понимаю, время позднее.

– И очень хорошо, – согласился с ним я. – Причем даже невежливым не боюсь показаться. Правда – устал я что-то. А в понедельник уже на службу идти.

– Спасибо тебе, – протянул мне руку оперативник. – Очень помог, серьезно. Без тебя мы бы этого красавца не разговорили, и результат был бы нулевой.

– Не согласен, – возразил я, и пожал его ладонь. – Убийства все равно прекратились бы.

– Но мы бы про это не знали, – пояснил Николай. – И ждали новых. Но самое главное даже не это. Теперь мы в курсе, что в городе появился некто, кто продает магические формулы обычным людям. Причем не какие-нибудь заговоры или привороты, а очень скверные и опасные заклинания. И у нас есть ниточка, за которую можно подергать. Благодаря тебе есть.

– Саша хороший, – не стал оспаривать его слова я. – Ну все, был рад повидаться. Пока!

– Увидимся, – то ли обнадежил, то ли пригрозил мне он. А контрольный в голову произвела Евгения, добавив от себя: – Мы теперь как ниточка с иголочкой! Чмоки-чмоки!

Машина мигнула бортовыми огнями и отбыла.

– Чмоки-чмоки, – пробормотал я. – Хорошо, что Фарида еще на вахту не заступила вместе со своей метелкой. Устроила бы мне она за эти «чмоки-чмоки». «У тебе жена беременный, а ты с какая-то мочалка рыжая по ночам шляешься!».

Бормоча всю эту чушь и непрерывно зевая, я добрал до лифта, доехал на нем до своего этажа, и вот там-то с меня сон и слетел. Как только я вышел из кабины на лестничную клетку, так сразу это и случилось.

Что, впрочем, неудивительно. Там я узрел картину, которая могла прийти в голову только очень давно и сильно пьющему человеку. Ну или художнику-авангардисту, который, впрочем, от первой названной мной категории не сильно и отличается.

Глава седьмая

– Сейчас не понял, – это все, что я смог сказать, увидев то, что происходило перед квартирной дверью.

Точнее – не происходило, поскольку оба персонажа, отиравшиеся перед ней, ничего особо и не делали.

Родька просто стоял, вальяжно опершись на длинную рукоять молотка, который обычно лежал в моем ящике для инструментов, и внимательно следил за здоровенным котом дымчатого окраса, который расположился напротив него и, откровенно скучая, полировал когти своей левой передней лапы когтями же правой передней лапы.

– Вот он, – обрадовался при виде меня Родька. – Я же говорю – нет хозяина дома! А без него внутрь жилища никому ходу нет. А тебе – особо.

Кот, выслушав его, презрительно фыркнул и прекратил свое занятие, его кривые когти скрылись в мягких подушечках лап.

– Приперся вот этот и говорит: «Мне твой хозяин нужен», – с видимым облегчением вещал тем временем мой слуга, не отпуская, впрочем, рукояти молотка. – И внутрь рвется. А от него кладбищем за версту разит! На что нам тут такие гости? Сейчас этот, потом еще кто припрется, а там и пойдет, и поедет! Хозяин, послушай меня, гони его в шею, этого усатого!

Сам кот на слова Родьки никак не реагировал, он тем временем величественно повернул голову ко мне, склонил ее к плечу и с интересом таращился на меня своими узкими, пронзительно-зелеными глазами.

И явно понимал все, о чем шла речь, поскольку, когда Родька замолчал, я с величайшим недоумением осознал, что кот улыбается!

Не скажу, что это было крахом моего представления о мироздании, особенно в свете событий последнего времени, но улыбающийся кот – это вам не сварливый призрак и не ведьма с десятивековой историей. Этих последних хоть как-то можно воспринять, в конце концов, и те, и другие даже в литературе описаны, причем не художественной, а околонуточной.

Нет, коты с улыбкой тоже есть в мировой классике. Но в какой именно! И что дальше меня ждет? Тру-ля-ля и Тра-ля-ля? Или Безумный Шляпник?

Черт, может, я просто сошел с ума, и все, что вокруг меня происходит, это только замысловатый бред моего воспаленного мозга? И я вовсе не стою здесь, возле лифта, созерцая улыбающегося кота и непонятное существо, которое тискает рукоять молотка, а лежу привязанным к кровати в соответствующем учреждении, накачанный галоперидолом?

Кот что-то проурчал, его роскошные усы встали торчком.

– Хозяин это мой, – проверещал Родька. – Чего мне тебе врать?

– Стоп, – попросил я обоих, присел на корточки и привалился спиной к стене. – Граждане, у меня сегодня был очень трудный день и не менее трудный вечер, потому голова вообще не варит. Давайте по порядку, хорошо?

– Хорошо, – с готовностью согласился мой слуга. – Сижу я, значит, у телевизора. Точнее – мы. Вавила Силыч в гости зашел, ну, и Кузьмич заглянул. Да еще Тимоха из первого подъезда тоже подтянулся. Он хоть и молодой, но толковый. Сегодня же суббота, как раз «Магическое противостояние» идет. Такая это потеха, животики надорвать можно! Жалко только, что два выпуска я пропустил, пока мы в деревне были. Но ты не переживай, хозяин, мне Силыч с Кузьмичом все обстоятельно обсказали про то, что там показывали!

– Ну хоть за что-то можно быть спокойным, – порадовался я за слугу, гадая о том, почему я должен за это переживать. – Дальше.

– Дальше, – почесал в затылке Родька. – Дальше чай пошли пить. Гости в доме, как их чаем не напоить? Я покон знаю и достоинство твоего дома не уроню.

– Значит, опять мне завтра в магазин идти, – подытожил я. – И? Родь, не беси меня!

– А потом приперся этот, – показал лапой на кота слуга, причем тот, подтверждая его слова, кивнул. – Силыч его сразу учуял и забеспокоился, мол, «Что-то могилкой потянуло». Сбегал, посмотрел и рассказал, что гости у нас. И верно – вот этот у двери сидит и говорит: «Дай войти, у меня дело к хозяину твоему. Послание для него».

– Кто говорит? – обреченно уточнил я.

– Он. – Родька показал на кота. – Кто еще? Но мне таких гостей у нас дома не надо. У нас тут не погост.

Самое забавное, что после его объяснения, пусть и бессвязного, мне стало чуть полегче. Я начал догадываться, от кого сюда пожаловал этот посланник. И о том, что, возможно, не очень-то это кот.

– Приношу извинения за поведение своего слуги, – обратился я к коту, который все так же не мигая смотрел на меня. – Вас прислал ко мне Хозяин Кладбища, ведь так?

– Мурррр, – подтвердил кот.

– Он, – перевел Родька. – Только непонятно мне, хозяин, чего это ты извиняться вздумал?

Невесть откуда появившийся в нашей компании Вавила Силыч

отвесил ему затрещину и сказал:

– Александр, я тебя душевно прошу – ты только этого вот в дом не зови. Ведь потом повадится сюда ходить – ввек не отвадим. Знаю я кладбищенскую живность, сталкивался.

Кот что-то коротко прошипел, повернувшись к подъездному, но тот и глазом не моргнул, да еще и зубом вызывающе цыкнул, мол: «Имели мы вас в виду».

А вот это уже серьезно. Одно дело бредни моего мохнатого приятеля, у которого семь пятниц на неделе, и совсем другое – предупреждение подъездного, существа знающего и обстоятельного.

Ладно, это все здорово, но перейдем уже к делу. Надо же узнать, что от меня Хозяину Кладбища понадобилось.

И потом – оно, конечно, вокруг ночь, опять же летняя суббота, половина жильцов по дачам разъехалась, например, мои соседи точно туда умотали на своем «опельке», но все равно не дело такие дискуссионные клубы на лестничной площадке устраивать. Еще увидит кто, как я с котом разговариваю, греха потом не оберешься.

– Подытожим, – предложил я, и все три собеседника повернули головы в мою сторону. – Что у вас ко мне за дело? Точнее – у того, кто вас послал?

Кот снова мявкнул, а после зашипел, как бекон на сковороде.

– Его хозяину любопытно знать, как у тебя дела, – с готовностью перевел с кошачьего на русский Родька. – И спрашивает, не хочешь ли ты нанести ему визит?

Врать не стану, не числилось подобное в моих ближайших планах. Теплых воспоминаний о том месте, где правил хозяин этого кота у меня не осталось, вопросов, ответы на которые мне мог бы дать только он, тоже не возникало покуда. Так чего ради тащиться в это царство мертвых? Просто так, походить, поглядеть? Так там не экскурсионный маршрут, у того места другая суть.

Хотя раньше или позже я бы все равно там оказался. Без вариантов. Сейчас вопросов нет, потом появятся. Да и про ту же Мару он точно знает немало, не то, что нелюбопытная Мезенцева. Другое дело, что он меня и послать может куда подальше, с него станется.

– Непременно, – твердо ответил я. – Обязательно загляну к нему в гости, прямо на следующей неделе. На выходных.

Хочешь – не хочешь – идти надо. Не та это персоналия, от приглашений которой отказываются. Вроде бы власть этого существа не так уж и велика, ограничивается всего-то одним московским кладбищем, но это ничего не значит. Знания и опыт его безмерны, и это перетягивает

все остальное. Для меня потеря расположения Хозяина Кладбища будет крайне неприятна, поскольку именно он мог мне рассказать о мире мертвых больше кого бы то ни было. О моем новом мире, если говорить точнее.

– Пшшшш! – вальяжно произнес кот и почесал лапой за ухом.

– Как-то так его хозяин и предполагал, – перевел Родька, а после добавил уже от себя: – Все, теперь проваливай отсюда!

Кот презрительно смерил его и подъездного взглядом, текучим движением скользнул ко мне, на секунду обвинил мои ноги своим хвостом, скакнул на перила лестницы и сиганул с нее вниз, прямо в пролет!

– Фига себе! – охнул я. – Убьется!

– Этот? – в один голос сказали Родька и Вавила Силыч. – Да ни в жизнь!

Я подошел к лестнице и глянул вниз. Тишина, пустота. Никакого намека на присутствие нежданного кладбищенского гонца.

– Дядька Вавила, а за что ты меня ударил? – поинтересовался у подъездного мой слуга. – Я же все правильно говорил.

– А с какого ты задумал хозяина своего жизни учить? – подбоченился подъездный. – Ты кто такой есть? Слуга его. Так и веди себя соответственно, уважительно. Воли ты много взял, Родион, вот что я тебе скажу. И если Александр тебя не хочет приструнить, то я за него это сделаю.

– Это да, – задумчиво сказал я. – Много я тебе воли дал, Родька.

Мой мохнатый приятель забеспокоился, заерзал по полу и отпустил рукоятку молотка, которая моментально бахнула Вавилу Силыча по ноге. Ну или как это у него называется?

– Ай! – даже подскочил подъездный от неожиданности. – Что же ты за телепень такой? Все у тебя не того! То дров нет, то угля, а поутру и котел с... ссс... Сперли!

– Больно, да? – виновато, но при этом с надеждой спросил у него Родька.

– Унизительно! – рывкнул Вавила Силыч. – Полено ты березовое, принесло тебя в мой дом на мою же голову!

– Я не хотел, – привычно протарахтел Родька. – И больше не буду!

Вроде бы и забавно все это, а мне почему-то захотелось перенестись в тот день, когда я бежал по Гоголевскому бульвару, и убить в себе доброго самаритянина. Если проще говорить – просто пройти мимо той скамейки, на которой помирал старый ведьмак Захар Петрович. В смысле – пройти мимо, не останавливаясь.

В конце концов, у меня тоже есть предел терпения. Иногда и тишины хочется. И чтобы ты никому не нужен был, никто у тебя над ухом не зудел и ничего от тебя не требовал.

Как видно, Вавила Силыч что-то по моему лицу понял, потому как он приоткрыл дверь, сгреб Родьку за шиворот и втолкнул в коридор квартиры. После прихватил молоток и сам отправился внутрь, сказав мне перед этим:

– Ты, Саш, давай, домой иди. Чайку выпей и спать ложись. А можно и без чаю, сразу на бочок. Вид у тебя больно заморенный.

– Я пирог испек, – донеслось до меня из коридора.

– Вот я тебя инструментом! – рыкнул подъездный от двери, за ней что-то грохнуло, а после Родька испуганно взвизгнул.

– Дурдом, – констатировал я, пожалел, что года два назад бросил курить, и отправился домой.

Не надо мне никакого чаю. Я даже в душ не пойду. Что там – даже ругаться по поводу пустых пакетов из-под чипсов и пластиковых жбанов с надписью: «Лидский квас», валяющихся на столе в комнате, и то не стану. Спать хочу.

Точнее – забыться.

Наутро, а оно наступило у меня где-то в полдень, в комнате была идеальная чистота, а у Родьки вид был прямо по уложению Петра Алексеевича, того, который Первый, – лихой и придурковатый. Как и положено лицу подчиненному перед лицом начальствующим.

– Завтрак готов, – сказал он мне, только заметив, что я открыл глаза.

– Это хорошо, – потянувшись, похвалил его я. – Это ты молодец. Но дисциплинарного взыскания тебе все одно не избежать.

– Чего мне «все одно»? – озадачился мой слуга.

– Огребешь ты по-любому, – пояснил ему я. – Прав Вавила Силыч, распустил я тебя.

– Зря ты, хозяин, – проникновенно сказал Родька, голос у него задрожал, нос усиленно засопел. – Я же все для тебя, ты же знаешь. Вон Антипку поколотил, да еще как! А сегодня-то, сегодня! Уж расстарался так расстарался!

– Что «сегодня»? – привстал я на кровати.

– Так эта приходила, – Родька потыкал лапой в направлении потолка. – Три раза. А ты спишь. И что я, позволю какой-то там... Ну короче – девок много, если из-за каждой недосыпать, то никакого здоровья не хватит.

– Ты чего учудил? – даже икнул я.

Мне представилась картина в стиле Хичкока – истерзанное тело Маринки, багровые ручейки крови на ступенях подъездной лестницы, и

злорадный хохот Родьки, стоящего над трупом с ножом в руке. Или молотком? Нет, ножом, проломленный череп смотрится не так выгодно, как заляпанная кровью белоснежная женская блузка.

– Она в дверь ни свет ни заря трезвонить начала, – явно гордясь собой, начал вещать Родька. – Куда это годится? Ну я и того!

– Чего того? – я испытал огромное желание взять его за мохнатую грудь и как следует потрясти. – Говори уже! Чего ты ей сделал?

– Ей? – Родька почесал затылок. – Ничего я ей не сделал. Нет, кабы я мог чего ей сделать, она бы у меня с непроходящими ячменями под обеими глазами ходила. А еще типун ей на язык посадить можно, тоже хорошая штука! Но я решил все по-другому. Я к этому делу подошел кре-а-тив-но!

Новые, до того ему неведомые слова Родьке очень нравились. Не все из них он мог произнести целиком, не по слогам, но все равно использовал неологизмы исправно. Любимыми в настоящее время были «смартфон», «интеллектуал», «позитивный» и, собственно, «кре-а-тив-но».

И ведь что интересно – в отличие от попугая, он понимал, о чем идет речь. Потому мне и стало сейчас по-настоящему страшно. Креатив в его исполнении – это могла быть практически любая «жесть».

– Я проводок перерезал! – раздувшись от осознания собственной весомости, наконец выдал информацию мой слуга. – Нет проводка – звонок не звонит. Она, правда, еще и стучала, но я дверь в комнату закрыл, да и все. А смартфон твой в тряпицу замотал и в хлебницу убрал.

Точно, я вроде бы слышал дверной звонок, но он быстро стих, а я повернулся на другой бок и снова заснул.

– Проводок? – выдохнул я. – Перерезал? Тот, что на стенке, рядом с потолком?

Родька кивнул и подбоченился. Вот мол, хозяин, каков я. Ну да, бывает, что портаху, зато усердия сколько, трудолюбия.

И да, это самый что ни на есть креатив. Он решил возникшую проблему самым незатейливым способом – взял и перерезал проводок звонка. Чего проще?

Блин, придется мастера вызывать. Я сам, увы, в этом вопросе совершенно безрукий. Гвоздь в стенку, понятное дело, вобью, а вот проводок соединить – это уже вряд ли. Точнее – вряд ли результат воспоследует. Током меня шарахнет непременно, но звонок как до того не звонил, так и потом звонить не будет.

– О, опять приперлась, – поднял лапу вверх Родька. – Вот же ей неймется!

И правда – в дверь кто-то стучал, причем, похоже, ногой.

– Есть такие люди, Родион, которым проще открыть дверь, когда они этого очень хотят, – вздохнув, сказал слуге я. – В этом случае проблем у тебя будет куда меньше. Она раз пришла, два пришла – и все впустую, ей не открыли. А на третий раз она МЧС вызовет, и они просто вынесут дверь подручными средствами.

– А МЧС – это кто? – заинтересовался Родька.

– МЧС – это МЧС, – я встал с кровати. – Все, брысь в шкаф или куда там еще. Пойду, узнаю, что ей надо.

– А порты-то? – слуга подбежал к креслу, куда я вчера покидал свою одежду. – Хотя да, девка-то лядащая, чего ее стесняться?

Интересно, что он вкладывает в слово «лядащая»? Но хорошо, что Маринка его не слышала, она бы даже и гадать не стала, сразу бы его прибила. А потом еще чучело набила и из него сенсацию раздула. Мол – вот как они выглядят, марсиане!

Мне, к слову, тоже перепало изрядно. Как только я открыл дверь, то меня для начала обматерили, причем настолько заковыристо, что заслушаться можно было. Не во всякой пивной такие обороты услышишь, и не во всякой автомастерской.

Потом, сразу же после этого, меня нежно облобызали в обе щеки, сообщили, что хоть я и гад такой, но по мне кое-кто соскучился, а после пожурили за то, что я завел себе нехорошую моду встречать гостей в трусышках. Не то, чтобы это сильно раздражало взгляд одной юной и совсем еще невинной особы, но все-таки нечто неправильное в этом есть.

– Что у тебя со звонком? – Маринка направилась в кухню. – Утром сначала работал, потом перестал.

– Враги сломали, – ответил я из комнаты, где натягивал на ноги джинсы.

– Знаю я твоих врагов, – серебристо засмеялась Маринка. – Лени и бесхозяйственности. В один прекрасный день они разрушат всю твою квартиру.

Скрипнула дверь шкафа, в появившейся щели я увидел перекошенную от злости мордочку Родьки. Я показал ему кулак и покачал головой, как бы говоря: «Попробуй только». Мой слуга покорно кивнул, а после демонстративно завязал узел на одном из моих галстуков, которые болтались рядом с ним.

– Кто бы уж говорил – возмутился я, прихватил с кресла футболку и направился к госте – У тебя самой, между прочим, вся квартира грязными чашками уставлена. Напомнить почему?

Маринка промолчала. И правильно поступила.

Дело в том, что моя очаровательная соседка кофе пить очень любила, а чашки после этого мыть нет. Мытье посуды вообще не входило в число ее любимых занятий, но при этом тарелки, ложки и вилки задействовались гораздо реже, чем чашки. Да и в целом готовка не была ее коньком, зато она знала все более-менее приличные места общепита в округе, а в смартфоне напротив некоторых мужских имен имелись примечания, вроде «Сергей, ужин» или «Антон, обед». Это были те бедолаги, в компании которых при необходимости (читай – во времена финансовой нестабильности) можно было пойти перекусить, но при этом правило «кто девушку обедает, тот ее и танцует» не соблюдать. Безнадежная влюбленность даже в наше циничное время имеет место быть, это факт. Иногда из рядов этих простаков кто-то выбывал, но на его место практически сразу заступал кто-то новенький. При всей своей безалаберности, Маринка внимательно следила за состоянием дел в маленьком королевстве любви к ней и ласково называла этих бескорыстных поклонников «мой стабилизационный фонд».

Так вот – о чашках. В какой-то момент моя соседка поняла, что раз за разом ей все мучней каждый день мыть эту чертову посуду. И тогда она поступила просто. Она пошла и купила сразу двадцать симпатичных чашек и с тех пор не знала горя. Даже при том, что она поглощала кофе литрами, три десятка чашек все равно за день или два угваздать было проблематично. Когда же запас емкостей подходил к концу, а квартира, напротив, была там и сям уставлена испачканной посудой, то Маринка говорила:

– Не хочется, а надо.

Она сволакивала чашки в ванную, заливала их водой, дожидалась, пока они в достаточной степени отмокнут, а после бралась за дело.

В принципе, у всех нас свои тараканы в голове, но на свежего человека «однушка», уставленная чашками с коричневым кофейным налетом внутри, производила сильное впечатление. Меня-то таким не прошибешь, но вот ее собственную маму это в свое время изрядно шокировало. По-моему, бедная женщина даже засомневалась, ее ли это дочь.

Так что – кто бы говорил!

– Ты куда запропал-то? – Маринка, похоже, тоже была не прочь сменить тему. Она с удовольствием критиковала всех на свете, начиная от покойного Николая Коперника и заканчивая вполне себе здравствующим Дональдом Трампом, но терпеть не могла, когда указывали на ее какие-то недостатки.

Впрочем, подобной слабостью может похвастаться половина населения земного шара.

– За городом был. – Я включил чайник. – Ты если кофе хочешь, то сама себе его бодяжь. Ты ж вечно недовольна – то он для тебя слишком крепкий, то чересчур слабый.

– За городом – это понятно. Чего к телефону не подходил?

– Так сел он, – выдал я самую что ни на есть правду. – А зарядить было проблематично.

– Мы тебя искали, – поделилась уже известной мне от подъездного новостью Маринка. – Стас звезды обмывал, очень хотел с тобой выпить.

– Да? – я изобразил печаль. – Экая досада! Ну да ладно, он парень шустрый, скоро, глядишь, еще повышение получит. Тогда это дело комплексно и провернем.

– Кто, Стас? – в голосе Маринки прозвучало немалое уважение, что для нее было редкостью. – К гадалке не ходи, так и будет. Реально целеустремленный человек. Поверь, я еще буду в копирайтерах бегать, а он уже куда-нибудь в центральный аппарат МВД уйдет, причем сразу на серьезную должность.

Верю. У меня такое же впечатление о нем сложилось. Кстати – надо будет позвонить и поздравить его с повышением. Помимо того, что он человек хороший, он еще и очень полезный. Этот парень умеет не только кого-то ловить или отыскивать, как, например, Нифонтов. Еще он умеет делать то, что особо ценится в сотрудниках правоохранительных органов, но при этом нечасто встречается в их среде. Он умеет «решать вопросы». Это отдельный талант, данный не каждому. У Стаса он есть, и хотя бы только поэтому с ним стоит, как минимум, приятельствовать. Хотя он еще и по жизни парень неплохой, так что рад я за него неподдельно.

– Между прочим, о гадалках. – Марина сыпанула в кружку кофе, добавила пару ложек сахара и плеснула туда кипятку. – Ты в курсе, что покойный Артем Сергеевич большие деньги тратил на оккультизм?

– А то это так было непонятно? – съязвил я. – Вспомни, чем он промышлял на кладбищах. От больших денег каждый сходит с ума по-своему.

– Да нет, я не о том, – подула на горячий напиток соседка. – На вполне легальный, имеется в виду. Пару газет содержал, вроде «Таинственные знаки судьбы», еще куда-то там вкладывался. А главным его детищем было «Магическое противостояние». Ну знаешь, рейтинговое реалити, где забавно одетые люди с закрытыми глазами ищут, где в пустой комнате пакет с молоком спрятан, а ведущий их по полной троллит. Народу очень нравится.

Народу, говоришь? Да что там народу, нечисть – и та смотрит, открыв

рот.

– Хана, стало быть, теперь этому противостоянию, – позлорадствовал я. – Некому в отважных бойцов финансовые вливания делать, а без этого любая магия захиреет. Особенно телевизионная.

– Шиш тебе. – Маринка снова отпила кофе. – Хоть лидер и отбыл в мир иной, но его компания продолжила финансирование программы. И очень не кислое по суммам, можешь мне поверить.

– Ну и хорошо. – Я не понимал, куда она гнет, но на всякий случай изобразил радостную улыбку. – Пусть себе дальше развлекаются. Особенно если народу в радость.

– И я буду в этой программе участвовать, – закончила свою мысль Маринка.

– Чего? – опешил я. – Ты?

– Я, – гордо сказала соседка. – Первые съемки на следующей неделе. Так что я тебе теперь не просто: «Эй, здорово, Маринео», а белая колдунья Мариния.

Услышанное было уже перебором, потому я захохотал во все горло, прекрасно, правда, понимая, что этого она мне не простит.

– Мариния! – всхлипывал я. – Убиться об стену!

– Скотина ты, Смолин! – у моей приятельницы покраснели щеки. – Чего? Красиво же!

– Нет, там все один чуднее другого, но с таким именем тебя в сети точно на запчасти разберут, – сквозь смех попытался объяснить ей я. – Но это ладно. Ты скажи мне другое – на кой тебе вообще этот цирк? Я понимаю, что попиариться для журналиста – это святое, но не настолько же твои дела плохи?

Маринка помолчала, посопела, обиженно на меня позыркала, после достала сигарету, прикурила ее и таинственным голосом сказала:

– Общность интересов!

Как видно, она решила, что данного объяснения мне за глаза хватит.

– Плоскопечатно! – в тон ей ответил я, прищутив глаза и эдак таинственно покачав головой.

– Смолин, с тобой положительно стало невозможно иметь дело, – возмутилась Маринка. – Это капец какой-то просто!

– Объясняй все по-людски, раз уж решила со мной поделиться чем-то, тогда и реакция на твои слова будет соответствующая, – уже нормальным голосом произнес я. – Что за общность интересов?

– Короче, с этим шоу все не так уж просто. – Маринка стряхнула пепел в чашку. – Стас – он темнила хороший, но я так поняла, что к нему есть

какие-то интересы у УБЭПа. Ну или как их там теперь называют?

– Опять непонятно, – изумился я. – УБЭП – это прекрасно, но Стас в СКМ работает, причем районном. И не начальником, а рядовым опером. Где он, и где эти душители коррупции?

– Стас говорил что-то насчет взаимозачета. – Соседка поболтала ногой. – Там у них, силовиков, на самом деле все очень тесно завязано. Но я думаю, что они какую-то свою операцию мутят, где и Стас, и я только статисты. А может, даже и не они, а фсбшники. Мне говорили, что за операциями УБЭПа часто именно они стоят. Да и это реалии только предлог, чтобы подобраться поближе к темным делам покойничка. И, само собой, к его деньгам. Состояние-то немалое осталось, его сейчас приближенные этого психа на куски рвут.

– Хочешь совет, Мариния? – побарабанил пальцами по столешнице я. – Не лезла бы ты туда. Материал, конечно, может выйти козырный, спора нет, но вот только не стоит оно того. Голова и здоровье дороже.

– Эксклюзив, – веско проговорила Маринка. – И публикация в серьезном издании из верхушки рейтингового топа, с последующим трудоустройством. Рычагов давления у этих ребят много, и как раз это говорит о том, что тут без «федералов» не обошлось. Мне такая публикация не помешает, как, ради правды, и умеренная скандальность. Сам знаешь, сейчас в прессе востребован не только талант, но и лихая слава.

– Нелогично это, – подумав немного, сказал я. – У них что, своих сотрудников не хватает? Зачем в эту, скажем так, операцию, привлекать сторонних людей, да еще и журналистку? Все знают, что пресса и «силовики» не сильно большие друзья. Вы им кровь портите, они вам красивых девочек из пресс-центра присылают и при первом удобном случае козью морду устраивают. Вот и выходит, что не сходится задача.

– Какой ты все-таки зануда, Смолин. – Маринка перегнулась через стол и щелкнула меня по носу. – Ну да, мутность имеется, но мне на это, признаться, насрать. Может, люди сверху хотят не слишком себя светить, может, они сочли более разумным использовать сначала «винтики» вроде меня и Стаса, чтобы в нужный момент явиться перед всеми, гремя огнем и сверкая блеском стали. Да и пофигу. Мне важен тот факт, что эту полянку можно неслабо окучить в профессиональном плане.

– Хозяин – барин, – согласился с ней я. – А от меня-то ты чего хочешь в этой связи? К чему это все рассказала? Если нужно благословение или разрешение, так я не против, развлекайся. Только все-таки имя смени на более благозвучное. Точнее – не такое дурацкое.

– Я с ним делюсь сокровенным, как с другом, а он... – возмутилась

Маринка. – Мне твое разрешение на фиг не нужно, я девочка взрослая. Просто хотела, чтобы ты об этом всем знал.

– Ну вот, знаю, – хмыкнул я. – И чего? Уже ведь сказал – стремно это все и пахнет скверно. Но ты же все одно к моему мнению не прислушаешься.

В этот момент за спиной Маринки тихонько приподнялась прямоугольная решетка, закрывающая вентиляционное отверстие, и в нем показался Вавила Силыч, который начал активно жестикулировать, показывая на мою соседку и давая понять, чтобы я ее не вздумал отговаривать. Судя по всему, подъездный очень хотел, чтобы наша красавица приняла участие в телешоу. Уж не знаю, на кой ему это надо. Может, наличие личной магессы в нашем доме поднимет его престиж среди соседей, а может, даже как-то скажется на получении главного ежегодного переходящего приза московских домовых, которым является некий деревянный посох с камушком в наверху, по рассказам приносящий удачу тому району, который им в данное время владеет.

А может, подъездные просто хотят за нее «поболеть». За своего «болеть» всегда приятней, чем за чужого. Мы-то, люди, в конце концов, тоже за нашу сборную по футболу болеем, и всякий раз надеемся на чудо.

– Саш, я ведь знаю, что ты каким-то краем ко всей этой мистической небывальщине отношение имеешь, – тихо и очень серьезно произнесла Марина. – Не знаю, как ты во все это впутался, не знаю, почему, но уверена, что так оно и есть. Я помню все, что было той ночью в лесу, до последнего слова. И вижу, как ты изменился за этот месяц. Нет, вроде бы все то же самое, но твой всегдашний инфантилизм как-то вдруг взял и пропал без следа, а вместо него появилось что-то новое. Не могу пока понять, что именно, но так оно и есть на самом деле. И, если тебе интересно, могу еще сказать, что это новое мне лично очень нравится. А еще я хочу тебя спросить – если вдруг я влезу во что-то, с чем не смогу разобраться сама, то могу на тебя рассчитывать?

– Разве у меня есть выбор? – удивился я. – Даже если скажу «нет», то твои проблемы все равно станут моими. Ты просто придешь и поставишь меня перед фактом.

– Раньше так и было бы, – призналась Марина. – Но не теперь. Я же говорю – ты меняешься, и очень быстро. И скоро ты научишься говорить людям «нет».

– Но пока я скажу «да».

Вавила Силыч радостно сцепил ладони, изобразил нечто вроде знака «салют», и скрылся в вентиляционной шахте.

– Тогда позволяю тебе выбрать мне новое имя, – величественно произнесла Маринка.

– О как, – фыркнул я. – Дай еды, дай ложку, а желудок у меня свой. Ладно. Как по мне, надо что-то такое, длинное, красивое и незаезженное. Э-э-э-э-э.... Верховная друидесса Великого Края.

– Друидесса? – Маринка поморщилась. – Откуда у нас друиды? У нас не Англия, слава богу.

– Ну не «ведьма» же? – возразил я. – Там ведьм и без тебя как грязи. Кто у нас еще есть? Ведуньи, колдуньи...

– Матушки и бабушки, – добавила соседка. – Но это вообще не мое.

– Для наяды ты уже... – я хотел сказать «старовата», но вовремя прикусил язык. За такое меня и препарировать на месте могут. – О, придумал! Верховная дриада Восточных пределов Марена Великая.

Решетка снова открылась, в проеме появился Вавила Силыч с вытаращенными глазами и постучал себя узловатым пальцем по лбу.

А вот это любопытно. Понятно, что он среагировал на имя «Марена». Значит, что-то знает. И я его как следует расспрошу об этом.

Но, вообще, это шутка была, так что волноваться ему не о чем. Ни один нормальный человек себя так не назовет. Даже участники «Магического противостояния», а уж чуднее тамошней публики не найти.

– Марена. – Маринка скорчила гримаску. – Моя версия имени была не фонтан, согласна. Но это немногим лучше.

– Ну и будь самой собой, – предложил я.

И в самом деле – не лучшая идея лишний раз козырять именем такой богини. Может, ее и нет. А если все-таки есть?

– И правда! – внезапно развеселилась соседка. – Чего мудрить? А вообще, мне нравится! Верховная дриада Восточных пределов Марина... Нет, не Великая, это не то. Я буду Марина Лучезарная.

Глава восьмая

Вспоминая этот разговор с соседкой, я еще долго то и дело ухмылялся. Она так и не поняла, что я шутил, и, похоже, на полном серьезе собралась участвовать в реальности под предложенным мной вариантом имени. Впрочем – да и ладно. Пусть развлекается, флаг ей в руки, ветер в спину, электричку навстречу.

Но ведь что интересно – я так и не смог у нее допытаться, это каким же таким хитрым способом ее в шоу запихнут. Сезон в разгаре, состав участников не то что давно сформирован, а даже уже маленько поредел, поскольку по хрестоматийным правилам любого «реалити» его то и дело кто-то покидает. Драматизм жизни в иллюзорном действии – это основа нынешнего телевидения.

И тут – на тебе, пожаловала новенькая ни с того ни с сего. Верховная, понимаешь, дриада. Чтобы такое проверить, надо иметь нехилый рычаг, причем не творческий, а финансовый. Или силовой.

Что-то такое там было, но что именно, Маринка мне не сказала. Шутила, показывала язык, дразнилась, всячески уводила разговор в сторону.

Ну да и ладно. Не хочет говорить – не надо, я не настаиваю. Меньше знаешь – лучше спишь.

Но вышло забавно. Непременно через неделю составлю компанию подъездным и Родьке, посижу у телевизора, похрущу чипсами, поболею за соседку. На этой-то неделе программа еще без нее будет транслироваться, а вот на следующей уже да, наша звезда пойдет штурмовать магические бастионы.

Ну кому-то топать к славе, а кому-то отправляться на службу. Я из второй категории.

Врать не буду, на работу шел без особого энтузиазма. Во-первых, после отпуска невозможно испытывать подъем рабочего духа. Ты уже привык жить так, как того хочется тебе лично, а тут надо снова вгонять себя в рамки распорядка, соблюдать рабочий график и дресс-код. Во-вторых, всякий служилый человек после отпуска подсознательно готовится к тому, что за время его отсутствия на работе непременно вскрылся некий давний грешок, к которому ты имеешь отношение. Все остальные уже за него получили по полной и живут себе спокойно, а тебе это только предстоит. Причем они огребали коллективно, и потому им было проще, а

тебя будут препарировать индивидуально, что само по себе крайне неприятно.

Но что интересно – если раньше перед выходом из отпуска меня все это крайне беспокоило, то сейчас на душе было просто немного тревожно, но не более того. Я не рисовал себе в воображении картины, где меня прессингуют «безопасники» и «кадровики», не переживал за то, что возможно придется писать какие-то объяснительные. Мне все это казалось каким-то не слишком стоящим, что ли?

Даже не так.

Это все было не слишком заслуживающим пристального внимания. Ну что мне сможет сделать тот же Силуянов, хоть он и начальник службы безопасности? Погрозить пальцем? Прикрикнуть? Ударить рублем? Подобного бояться просто нелепо. Даже странно, что раньше я так загонялся по этому поводу.

По сравнению с тем, что я уже повидал, это все детские игры на лужайке.

Хотя удара по карману не хотелось бы. Денег осталось маловато, и потерять десять процентов от зарплаты в виде штрафа за какое-то надуманное нарушение мне хочется меньше всего.

Но если это случится, то не завидую тому, кто инициирует данную меру. Я в книге вычитал неплохой рецепт одного зелья, так вот на этом человеке его и опробую. Создателем его был все тот же проказливый Митрий, что для меня являлось уже практически знаком качества. Если к зелью приложил руку Митрий, то простота изготовления и эффективность применения гарантированы.

Кстати, со временем вскрылась еще одна интересная особенность полученной мной книги. Там то и дело появлялись записи и рецепты, которых еще недавно не было. И наоборот – какие-то записи пропадали, будто их и не существовало. Как и почему такое происходит, я так и не понял. А спросить не у кого.

Так вот – новое зелье от Митрия. Ума не приложу, зачем подобное ему могло понадобиться? Сами посудите: «Зелье сие для человека суть безвредно, и требухе вреда какого не нанесет. Рожу же сковеркает тако, что страх. Три дни свести то возможности никакой не будет, но ежли по их исходу дать взвар ромашки, девясила да хвои еловой (не сосновой), смешанной по три да три меры каждой, да кипяченой в текучей воде, да с пермяцкой солью (полторы меры, не боле), то рожа прежней станет. А ежли без него обойтись, то ще четыре дни ждать надо, чрез них обратно все как было вернется».

Повторюсь – не знаю, зачем именно Митрий такое зелье сотворил. С учетом того, что при жизни он был изрядный плут и гуляка, вариантов может быть масса. Может, какой несговорчивой девке сыпанул, за то, что та ему не дала. Или какому сопернику в амурных делах в пиво подмешал, за то, что тот более удачлив. А может, еще зачем, поди теперь узнай.

И если уж совсем честно, мне очень хотелось глянуть, как именно это дело рожу «сковеркает». Вот только на себе подобное проверять – это уже перебор.

Но просто для «посмотреть» такие вещи делать я не стану. Неправильно это. А вот за придирки, за выдуманные «косяки» кое-кого жалеть не буду.

Несмотря на такое свое непривычное новое отношение к службе, из дома я все равно вышел с запасом. Просто здраво рассудил, что в первый день после отпуска нарываться не стоит. И вообще – уверенность в себе – это прекрасно, и новые познания о мире тоже, но лезть на рожон стоит только тогда, когда свежеиспеченные амбиции будут поддержаны альтернативными источниками дохода.

Впрочем, все вышло как обычно. То есть – потенциальные беды не подтвердились, оставшись только тревожными фантазиями. Да и вообще ничего в банке не изменилось – всё те же, всё там же. Ничего без меня не рухнуло, ничего не поломалось. Людям вообще свойственно переоценивать свою производственную ценность. Что обычно говорят те, кто увольняется не сильно по своей воле? Ну или по большой обиде, частенько ими же самими и выдуманной? Правильно, вот это:

– Я посмотрю, как они тут без меня справятся.

Ну или что-нибудь подобное.

Часть правды в этих словах есть, особенно если этот человек и вправду был неплохим специалистом. Хотя таких как раз и увольняют, и отпускают, как правило, неохотно. И подобными словами они не бросаются.

Тем не менее – да, на первых порах после ухода разобиженного сотрудника могут возникать разнообразные накладки. А если перед этим ухаживший еще и жесткий диск своего компьютера почистил, стерев все наработки, так и вовсе жизнь оставшихся может усложниться.

Но – ненадолго. Неделя, две – и все, про свалившего в закат сотрудника особо никто и вспоминать не будет. Жизнь не стоит на месте, и даже если офис похож на стоячее болото, где каждый последующий день похож на предыдущий, в нем все равно что-то да происходит. «Днюхи», рабочие «романы» разных степеней тяжести, с каждым годом все

возрастающая мания величия шефа – да мало ли чего может приключиться?

А еще через пару-тройку месяцев человека вовсе забудут, как и не было его никогда. Особенно если он и в бытность свою ничем никогда не блистал. Как я, например.

Кстати – мое трехнедельное отсутствие тоже никто особо не заметил.

Впрочем, вру, забыл о своих соратниках по отделу. Оно и понятно – им же мою лямку приходилось тянуть, пока я где-то там прохлаждался. А еще в магазин самим ходить по жаре, уговаривать кого-то поставить новую бутыл с водой на кулер и за неимением меня оттачивать свое остроумие друг на друге.

Так что Ленка и Наташка обрадовались моему возвращению. Не скажу, что окружили трогательной заботой, но нечто вроде этого имело место быть. Они выдали мне шоколадную конфету, оставшуюся после чьего-то дня рождения, и засыпали новостями о том, что произошло за время моего отпуска.

– А Левина из кредитного, по ходу, опять в «декрет» собралась! – вытаращив глаза, вещала Ленка.

– Опять! – поддержала ее Наташка. – Прикинь, это у нее уже четвертый ребенок будет! Куда ей столько? Тут с одним-то непонятно что делать, а там четыре!

– Я так думаю, что она вообще не человек, – неожиданно подытожила Ленка.

– А кто же она? – чуть не поперхнувшись конфетой, спросил я.

Чего-чего, а подобных фраз тут я не ожидал.

– Ксерокс, – без тени улыбки пояснила Ленка.

– Да все они там, в кредитном, хороши, – обвинительно произнесла Наташка. – Одна из «декрета», другая в него. По кругу рожают, а работать некому. Если какой документ у них надо получить, то каблуки сточишь, за ним бегая – людей-то вечно не хватает.

– А еще поговаривают, что Силуянов на Немирову глаз положил, – хитро блеснула очочками Ленка. – Да-да-да. Они то и дело у нее в кабинете сидят, чай пьют, и все при закрытых дверях.

О как. Это интересно. Помнится, эти двое в свое время начали тесно общаться благодаря мне. Ну как мне казалось. А тут вон чего! Ну и дай им бог!

Я даже ощутил себя неким купидончиком. Свел, понимаешь, два одиночества. Теперь главное, чтобы муж Немировой и жена Силуянова про это не узнали. Любовь – любовью, но зачем семьи рушить?

Следом за этими новостями последовала еще одна событийная охапка, уже, правда, с не настолько глобальными, в офисном разрезе, масштабами. Все как всегда – скандалы, интриги, расследования.

В принципе, любой современный офис – это наш мир в миниатюре, со своими героями, злодеями, диктаторами, вольнодумцами, распутницами и всем остальным, что есть на Земле. Человек, впервые попавший в этот мир, похож на младенца, хлопающего глазами, пускающего пузыри и неуверенно что-то бубнящего. Проходит время, он взрослеет, мужает и в результате находит свое место в сложном социуме под названием «коллектив», получает некую социальную роль и играет ее до того момента, пока не будет подписан «обходной» лист.

Этот мир можно любить, можно не любить, но мы в нем живем. Здесь мы проводим по девять-десять часов в день и видим лица соседей по кабинету чаще, больше и дольше, чем лица родных и близких. Дома мы спим, а тут – живем. В какой-то момент начинает казаться, что там иллюзия, а тут – реальность. Просто здесь мы себя ощущаем в своей тарелке, здесь все привычней, что ли.

Нас называют «планктон», нас называют «офисные жители». Да, мы именно это и есть. Мы мельчайшие создания в огромном городском океане, но без нас вымрут крупнейшие его водоплавающие. Им просто будет нечего есть. Мы – то, что бурлит в кровеносных сосудах всех столиц, мы то, без чего невозможно представить лицо любого города любой страны мира.

Это не гордость и не подчеркивание статуса, не громкое заявление, вроде: «вот мы такие, завидуйте». Нет-нет-нет. Это не более чем констатация факта. Просто – мы есть. Это факт, и с ним надо считаться.

Тем более что завидовать тут особо нечему. Наша жизнь не так весела, как может показаться со стороны.

А еще офисная жизнь – это четкий ритм. Перемещения клерков в пространстве любого офиса только на первый взгляд напоминают броуновское движение, на самом деле все подчинено строгой логике событий. Каждый знает свое место, каждый знает, что и когда ему надо делать. И что ему не делать, он тоже знает. Фраза: «Этого в моей должностной инструкции нет» вбита в черепную коробку клерка намертво. Как, собственно, и вся должностная дословно. Я уже говорил – если ты сдуру выполнишь чью-то работу хоть однажды, то в следующий раз ее тебе впихнут насильно, мотивируя тем, что ты сам впрягся в эти сани.

Так вот – ритм. Он затягивает человека приблизительно так же, как дудочка костлявого индуса-заклинателя зачаровывает кобру. В

однообразных трудах и заботах дни проскальзывают один за другим. Вроде только-только был понедельник, а вот уже и пятница. Что дни! Месяцы незаметно складываются в годы. И в этом будничном кружении есть свое очарование, смею вас заверить. Имя ему – стабильность.

Вот и я снова завертелся на этой карусели. Через пару-тройку дней привычное бытие потихоньку, помаленьку начало вытеснять у меня из головы воспоминания и о Лозовке, и о Нифонтове с его задиристой напарницей, и обо всем остальном. Не то чтобы совсем, но привычный мир, тот, что был раньше, противореча моим же недавним мыслям, внезапно показался мне более устойчивым и привлекательным, чем новый, в который я поневоле окунулся с головой за последний месяц. Здесь все просто, понятно, а там...

Разумеется, от полученной мной силы отмахнуться не получится, сделанного не воротишь, но вот только как эти два мира соединить в один, я не знаю пока.

Нет, я так же вечерами изучал книгу, общался с Родькой и Вавилой Силычем, но некая новизна, та, что меня подкупала в самом начале, как-то исчезла и поблекла.

Но более всего давило осознание того, что меня ждет выбор. Раньше или позже мне придется выбрать что-то одно, это я понимал предельно точно. Не получится сидеть на двух стульях сразу. А если говорить совсем уж прямо, то придется решать, что мне ближе, что мне нужнее. И – с кем я.

Точнее, к какому из миров я теперь принадлежу в большей степени. Ведь от этого зависит то, как я буду воспринимать действительность и в соответствии с моральными нормами какого именно пласта бытия буду поступать в том или ином случае.

И прямое подтверждение этим своим мыслям я получил уже в ближайший четверг.

Все в этот день было как всегда. Разве что духота была совершенно уж невозможная, что в здании, что на улице. Но оно и понятно – все новостные сайты с самого утра твердили, что на Москву откуда-то с запада наползает гроза. Не в смысле – НАТО лихо расширилось на восток, а именно что гроза, с порывистым ветром и всем таким. А перед грозой, как известно, всегда дышать нечем.

И тут мне еще, как назло, понадобилось сходить в операционный зал за документами. Обливаясь потом и тихонько сквернословя сквозь зубы, я добрал до него и был неприятно удивлен, увидев, что Анька Потапова, которая, собственно, мне была нужна, обслуживает какую-то старушку. Причем сразу было ясно, что это надолго, так как старушка эта уже

обложилась стопками бумаг, вроде выписок со счетов, открытых во времена царя Гороха, и облигаций государственного займа 1949 года. Таким бабушкам важен не процесс получения какой-то конкретной информации, они сюда пообщаться приходят. Они уже давно усвоили, что операционистки коммерческих банков и девочки с любых ресепшен в наше время являются самыми бесправными категориями населения. Они обязаны выслушать любой бред и никого не имеют права послать куда подальше. Корпоративный этикет им это запрещает делать. Медсестра в регистратуре поликлиники послать может, фармацевт в аптеке тоже запросто это сделает, даже продавец в магазине имеет такую возможность, тем более что последним вообще терять нечего. А операционистка почти наверняка не пошлет. Во-первых, она ко всему привычная, во-вторых, в банках камер понатыкано много. «Волчий билет» никому не нужен.

Вот они и ходят сюда мозг девчонкам вымораживать. Ну и водички из кулера попить. Им отчего-то очень нравится, как в стаканчик вода течет, а бутылка в это время бурлит и пузыри пускает. Типа аттракцион.

Впрочем, меня с этим фактом немного примирила приятная прохлада, которая стояла в операционном. Мы клиентоориентированный банк, потому кондиционеры здесь всегда были исправны.

С наслаждением ощущая, как холодок чуть щиплет мою спину, проникая через залубеневшую от пота сорочку, я стал раздумывать, с кем бы зацепиться языками, чтобы скоротать время. Просто пока Анна пройдет все подводные камни разговора с бабулей-божьим одуванчиком, то есть прошагает от особенностей всех денежных реформ, начиная со сталинской, той, что происходила в 1947 году, до аксиомы, что развалили демократы чертовы СССР, времени пройдет немало. Не так же просто на стульчике сидеть. Да и потом – ничего не делающий сотрудник сразу виден во все камеры. Силуянов меня за эти дни ни разу не побеспокоил, но это не означает, что он за мной не наблюдает. Почему-то мне думается, что наоборот, во все глаза смотрит. И все фиксирует. Вот просто спинным мозгом это чувствую.

Тут как раз Сашка Вязьмина направилась к ксероксу с толстой пачкой бумаг. Не самая плохая компания для необременяющего трепа, решил я, и было пошел к ней, но тут же остановился и потер глаза.

Просто мне показалось, что я стал на секунду хуже видеть. Точнее – дымка какая-то в них появилась, и находилась она в аккурат над толстяком в дорогом костюме, который стоял у стойки депозитария. Ну так мы называли полукруглый массивный стол, за которым сидел Виктор Гусаров, он же «Витод», главный специалист по «ящичкам». Он у нас в банке

отвечал за депозитарий, то есть за то место, куда люди без страха могут спрятать что угодно, и спать с этого дня спокойно, не боясь воров и громил. Место это являлось, по сути, одним большим сейфом с двумя массивными стальными дверями. Любой желающий мог снять себе на время кусочек личного пространства в этом сейфе, и называлось это пространство депозитарной ячейкой.

Толстяк, похоже, как раз и собирался это сделать. Но это ладно, до него мне и дела нет. А вот дымка над ним была, право слово, прелюбопытнейшая.

Это не обман зрения, все у меня с ним нормально. Над толстяком, прямо над его лысой макушкой, висело нечто серое и бесформенное. Точнее – многоформенное. Оно то собиралось в некое подобие тучки, то расплеталось длинной серой змеей, плотно обвивая плечи облюбованного им человека.

А еще я почувствовал, что это существо оживает над ним не просто так. И добра соседство с ним толстяку не принесет.

Потом же все стало еще чуднее. У меня возникло ощущение, что эта самая дымка меня учуяла, потому что в какой-то момент она дернулась, застыла на месте, а после вновь приняла змееподобную вытянутую форму и словно завертела головой. Точнее – тем, что как-то можно было подобным образом назвать. И увидела меня.

Нет, ничего такого, что обычно показывают в фильмах ужасов, не произошло. Никакая страшная рожа из дымки не сплелась и пасть, полную зубов, мне не показала. И холодом сверх «кондейной» меры меня тоже не обдало. Просто эта неведомая субстанция поплотнее обвила плечи клиента банка, как бы давая мне понять, что это ее собственность. И что лезть на ее территорию не стоит.

Впрочем, я и не собирался ничего подобного делать. Да и что я мог предпринять? Сказать этому человеку, что вокруг него, как черный ворон, вьется непонятное нечто? Я ведь и сам не знал, что именно это такое. То ли овеществленное проклятие, то ли вообще какая-то неведомая пакость, про которую мне ничего пока неизвестно. И при этом вижу ее только я.

В лучшем случае дело кончится скандалом, в худшем меня отправят на медицинское освидетельствование. Банку не нужны сотрудники с психическими отклонениями. По крайней мере, ярко выраженными.

– Ячейку мне надо, – тем временем твердил толстяк, вытирая багровую шею носовым платком. – Самую большую. Такая у вас есть, размером с хорошую коробку. Мне маленькая не подойдет.

– Есть сейчас одна такая свободная, – сверился Виктор с

компьютером. – Значит, оформляем договор?

– Оформляем, – подтвердил толстяк. – Вот паспорт.

Я еще раз кинул взгляд на пакостную дымку и пошел себе к Сашке, которая уже всю ксерила документы.

Вечером, для очистки совести, я спросил у Вавилы Силыча и Родьки, что же это было такое, но ответа не получил. Ну с Родькой все понятно стало сразу, он вытаращил глаза и начал нести какую-то ахинею о том, что в мире настолько много всего разного есть – ужас просто! И это разное человеческому разумению недоступно. А вот подъездный – это другое дело. То ли он и вправду не знал, о чем я веду речь, то ли просто не захотел отвечать, что мне кажется более вероятным. Такое случается, я это давно подметил. Я так думаю, что он для себя определил темы, на которые со мной можно говорить, а на какие нет, и придерживается намеченного плана. Чем именно он в этом вопросе руководствуется, какими нравственными или бытовыми нормами – не знаю. Но факт есть факт – иной раз вижу, что известно ему что-то, а говорить он про это ни в какую не желает. И ведь ничего с ним не сделаешь и никак его не уговоришь. «Нет, не знаю» – и все тут.

Я так думаю, что у них, в мире Ночи, все очень точно разграничено. Что, как, куда почему. Это у нас, людей, все границы мироздания давно сдвинулись, и принцип «здесь мое, здесь твое» работает плохо. У нас как? «Если это твое, но мне этого очень хочется, то все-таки можно». Особенно если потом за это ничего не будет. Да даже если и будет – после любого деяния, даже самого отвратного, ведь всегда можно поплакать, покаяться, списать все на оговор, врагов или водку, нанять адвоката, найти подставное лицо. Ну а Небесный суд... То ли он есть, то ли его нет – поди знай. Попадем ТУДА – тогда узнаем. Но пока мы ЗДЕСЬ – и это главное. Я не берусь судить, насколько это хорошо или плохо, просто так есть. Людской суд давно перестал быть тем, ради чего когда-то создавался. Но искренне надеюсь, что в конце пути каждый из нас на самом деле получит по делам своим. Сполна и честно.

А у них – нет. Твое – это твое, мое – это мое. И они не переступают границы даже тогда, когда этого никто не видит. И даже если про это никто не узнает. Не скажу, что меня это восхищает, но уважение вызывает, без дураков.

Правда, это касается только сущностей вроде того же Вавилы Силыча, так сказать, природных. Крепко подозреваю, что люди, пришедшие в их мир, не сильно отличаются от самих себя прежних, и принесли сюда все свои замашки. Я вот каким был, таким и остался. Поздно мне меняться в

нравственном смысле, уж какой есть, такой и есть. Но мне стесняться особо нечего, я и в своей былой жизни всегда предпочитал играть по правилам. Так спокойнее и надежнее, если что, мне предъявить будет нечего.

Но то я. А вот другие... Да хоть бы даже тот хмырь, который заклинание призвания зверя из Тьмы кому-то там продал. Это по любому против всех правил. Однако же вот, есть.

Интересно, Нифонтов его уже схомутал или еще нет? Но звонить выяснять не стану. Ну на фиг, подобный звонок себе дорожке может выйти.

Вот так, за всеми этими невеселыми мыслями, я и дожил до выходных. Вдобавок в Москву следом за грозой пришли серые тягучие дожди, и это тоже не добавляло оптимизма. Особенно в свете того, что субботним вечером мне следовало направиться в гости к Хозяину Кладбища. Это ведь тот визит, который не перенесешь, даже учитывая то, что за окном дождь и ехать куда-то совершенно неохота. Тут не получится позвонить и что-то наврать. Хотя бы потому, что у него смартфона нет.

Как видно кто-то сверху, тот, кто распоряжался погодой, все-таки оценил мою честность, и, когда я вылез из такси, которое доставило меня на кладбище, дождя не было. Темное вечернее небо было затянуто тучами, но мерзкая мокрая труха, которая сегодня сыпала с него весь день, отсутствовала.

Но все равно мне было крайне неудобно. С дождями в город пришло и похолодание, вокруг было сыро и серо. И безлюдно.

Поежившись, я направился к воротам, которые, на мою великую радость, еще были открыты. Я специально выехал из дома пораньше, опасаясь того, что, приехав к полуночи, просто-напросто не попаду внутрь, на кладбищенскую территорию. Тогда, в прошлый визит, со мной был Нифонтов, а при нем соответствующее удостоверение. А у меня ничего такого нет, потому местный служитель, мужик бородатый и лютый, запросто может меня послать. Нет, есть аргументы, которые я смогу пустить в ход, вроде пятисотрублевой бумажки, но не хотелось бы.

Правда, был еще вариант честно ему сказать, куда и зачем я иду. По прошлой нашей беседе мне показалось, что он немного в курсе того, что помимо официальной кладбищенской жизни есть еще и неофициальная нежизнь. Звучит жутко, но так ведь оно и есть на самом деле?

Полагаю, что живя при мертвых, он не может не знать, что именно происходит на ночных дорожках некрополя. Но будут ли мои слова для него достаточным аргументом?

Но договариваться не пришлось, благо я успел до закрытия ворот.

Правда, мне придется еще какое-то время нарезать круги по территории, мокрой и неуютной, но это ладно. А ведь думал, что опоздаю. Дожди спугнули горожан, и они вместо дач рванули в торговые центры, а потому на дорогах возникли «пробки» похуже, чем в иной будний день, так что весь мой резерв времени накрылся медным тазом.

На аллеях некрополя и впрямь было невесело. Кладбище – это ведь маленький анклав мертвых в огромном царстве живых. Здесь все не так, как у нас, здесь даже законы природы действуют немного по-другому, отлично от остального мира. Вот у входа еще только сумерки, а тут уже совсем темно, тут уже наступила ночь. Или деревья. В городе, несмотря на пришедшие холода, по-прежнему царит зелень лета, а здесь, в месте вечной печали, первые листья уже упали на тротуарную плитку дорожек. Сюда уже нагрянула ранняя осень. Хотя это и понятно. В мире мертвых нет места радости, нет места цветению, это все осталось там, за воротами, где кипит жизнь, где люди верят в то, что они будут жить всегда, и дают друг другу клятвы, которым не суждено сбыться никогда.

Я бродил между могил, подмечая то, чего в прежние визиты свои не замечал. Например – несмотря на густую темноту, я теперь все прекрасно видел. Не так, как при дневном свете, немного по-другому, но более чем отчетливо. Это чем-то напоминало мир, каким он предстает в приборе ночного видения, только без приторной зелени вокруг.

Еще я ощущал присутствие живых и неживых существ. Нет, людей вокруг не было, но зато зверья хватало. Например, в какой-то момент дорогу мне пересекла лиса, спешившая куда-то по своим делам. Никогда бы не подумал, что в городе можно встретить эту рыжую охотницу. И тем не менее – пожалуйста.

Что примечательно – она меня совершенно не боялась. Такое ощущение, что плутовка воспринимала меня как часть пейзажа или своего привычного мира.

Что до неживых – пару раз у меня опять пытались вызнать имя, правда, если первый прохиндей так и не понял, с кем имеет дело, то вторая сущность оказалась посмекалистей, распознала во мне ведьмака, сплюнула и исчезла во мгновение ока.

Больше меня никто не беспокоил.

Еще я встретил грустную девушку, похоже, что из недавно, может, даже сегодня, похороненных. Она потерянно стояла около своей могилы и печально смотрела на венки, во множестве лежавшие на ней.

Мне отчего-то так жалко ее стало, что я уж было собрался к ней подойти, как-то приободрить, но потом подумал и не стал этого делать.

Помочь я ей ничем не помогу, даже отпустить ее туда, наверх, не в состоянии, поскольку не в моем это праве. Тут владения Хозяина Кладбища, и, даже если мне будет кого-то очень жалко, против его воли я не пойду. Это слишком небезопасно.

А давать ложную надежду на то, что все еще устроится, я этой бедняжке не хочу.

Прогуливаясь, я вроде как расходился, согрелся. Да и стылости тут особой не было. Влажность – да, воздух был сыроват, но не более того.

Ну а потом за мной пожаловал старый знакомец в забавном сюртуке, все с тем же фонарем в руке. Тот, что некогда провожал меня и Нифонтова к Хозяину Кладбища.

– Опять ты? – узнал он меня. – Зачастил ты к нам. А приятель твой где?

– Один я сегодня, – холодно ответил я. – Веди уже.

– Шаромыжник этот твой приятель! – зло выкрикнул бывший шулер и топнул ногой по земле. – Прохиндей! И приятельница его тоже! Так меня в карты надуть!!! Меня!!!

Похоже, что речь идет все о той же ночной прогулке. Тогда Николай обещал этому колоритному прощелыге карточную игру по высоким ставкам. И сдержал свое слово. Вот только результат вышел не тот, которого ожидал потусторонний любитель азартных забав.

– Не садись играть с незнакомыми людьми, – посоветовал я разбушевавшемуся призраку. – И пошли уже. Меня ждут, если ты не знаешь.

Глава девятая

Хозяин Кладбища, как водится, без дела не сидел. Когда я со своим провожатым добрался до небольшого холма, на котором находилась резиденция местного владыки, то увидел десятка два призраков, которых, если честно, от настоящих людей отличить можно было только по синеватому сиянию вокруг них.

Надо думать, это были свежие души, которые только сегодня обрели свой новый дом. Конкретно – это кладбище. И их новый повелитель, как любой хороший хозяин, проводил с вновь поступившими ознакомительную беседу. В данный момент он опрашивал прехорошенькую блондинку, даже в посмертии одетую по моде. Как видно, ее подруги рассудили, что грех пропадать новинкам сезона лето-осень этого года, и именно в этой сомнительной милоте отправили безвременно ушедшую из жизни красотку в последний путь. Куда только ее родители смотрели...

– Грешила? – услышал я его слова, приблизившись к антрацитово-черному массивному надгробию, заменявшему Хозяину трон.

– Я? – изумилась девушка. – Ну-у-у-у... Нет. Правда, как-то недавно вечером мы с Рузанной съели торт. Это очень, очень, очень плохо. Нельзя после шести животные жиры кушать! Но мы дали друг другу слово, что об этом никто не узнает.

– Н-да. – Хозяин печально подставил руку под подбородок, и фигура его сразу как-то ссутулилась. – Грех велик, что скрывать. А читать ты умеешь?

– А надо? – блондинка повертела головой. – Тут? Зачем? Нет, так-то, конечно, умею. И читать, и считать! Я же училась в школе! Скажите, а у вас нет телефона? Мне просто очень надо позвонить Самвельчику. Его почему-то даже на похоронах не было, и я хочу знать, почему. Если он не в курсе, что я умерла, то это ладно. А вот если...

– Молчи, – потребовал Хозяин кладбища, и, к моему великому удивлению, девушка выполнила его приказ.

Велика же у него сила, если он смог заставить замолчать подобную куколку. Они, как правило, кроме себя никого не слышат.

– Будешь сидеть в своей могиле до следующей весны, – приказал ей Хозяин. – Может, поумнеешь. Вылезешь без спросу наружу – выброшу за ворота кладбища, будешь неприкаянным духом до конца времен по земле мотаться.

Девушка даже пискнуть не успела, как некая сила скрутила ее так, как ребенок комкает лист бумаги, а после от нее и следа не осталось.

– Ведьмак, – гулко обратился ко мне повелитель мертвых. – Слушай, у вас там таких что, как курей выращивают теперь? Недели не случается, чтобы я очередную свиристелку на полгода в гроб не загнал. Причем эта-то еще ничего, хоть читать умеет. На сто тридцатом участке весной одну подхоронили, так она и русских букв не знает. Говорит, что когда-то учила, но они ей потом без надобности стали, и она их забыла. Цифры помнит, потому как те на ценниках есть, а буквы нет.

Призраки зашушукались, плеснули смешки.

– Чего развеселились? – рыкнул на них Хозяин. – Вы, что ли, лучше? Вот ты, волосатый, к примеру, как помер?

– Захлебнулся, – угрюмо отозвался довольно молодой парень в черном костюме, который был ему немного велик. Что интересно – было заметно, что ему даже в призрачном состоянии не очень по душе эта одежда, он то и дело недовольно теребил рукава пиджака.

– Где, чем? – настырничал владыка мертвых.

– Дерьмом, – неохотно и через силу выдавил призрак. – В канализации.

– Чего тебя туда понесло-то? – изумился я. – Ты сантехник?

Хозяин кладбища повернул голову и глянул на меня, но ничего не сказал.

– Диггер я, – отвел глаза в сторону юноша. – Да поворот мы перепутали, не по тому проходу пошли! Налево надо было идти, где старая галерея, а мы направо свернули. Там колодец, а в нем этого самого столько... Я и понять-то ничего не успел, сразу с головой окунулся. А потом меня рюкзак вниз утащил, я руки из лямок вытащить не смог.

– Ну вот, о чем и речь. – Хозяин, видимо, покрутил головой, поскольку капюшон его плаща несколько раз дернулся. – Того, что наверху, им мало, они под землю лезут. Не ради работы, не ради денег – просто так. Доброй волей! Нет, времена меняются не к лучшему.

– Сомнительные забавы у человечества были всегда, – решил все-таки заступиться за живых я. – Просто выглядели по-другому. Да хоть бы тот же альпинизм! Я вот никогда не понимал, накой людям надо лезть на гору, рискуя жизнью? И все ради того, чтобы воткнуть на вершине, где никто кроме них не побывает, флажок. Который, кстати, никто не увидит. Но лазают же? И с давних пор.

– В чем-то ты прав, – неожиданно для меня признал Хозяин. – И в наше время чудаков хватало, но в дерьме по собственной дури никто не

топ.

– Может, такие просто на ваше кладбище не попадали? – не удержался я от шутки.

Мой собеседник на секунду замер, а после разразился жутковатым ухающим хохотом.

– Может, – согласился он. – Ладно, повезло тебе, утопленник. Да и смерть тебе досталась не столько нелепая, сколько позорная, это тоже надо признать. Дарую тебе право выхода из могилы четырежды в неделю, от полуночи до трех часов ночи.

О как. У них тут прогулки по расписанию, выходит? У каждого в свой срок?

– Мое почтение, уважаемый, – я приложил ладонь к сердцу и изобразил поклон. – А то ведь даже не поприветствовали друг друга.

– Условности. – Хозяин кладбища глянул на оставшиеся души. – Я занят, приму вас позже. Вон за те березы ступайте и ждите. И по территории не шляться!

Призраки послушно побрели к недалёким березам, где между старых могил то и дело вспыхивали какие-то фосфоресцирующие огоньки. Не сомневаюсь, что увидь я их еще в начале лета, точно перепугался бы до судорог. А теперь... Ну огоньки, ну на могилах. И чего? Они же меня сожрать не пытаются?

Тем более что, скорее всего, никакого мистического подтекста тут даже и нет. Могилы старые, дожди лили, земля влажная, вот органика и шалит. Так сказать – был человек, стал огонек.

– Сказал бы, ведьмак, что ты за это время изменился, да не стану, – прогудел из-под капюшона Хозяин. – Нет этого. Разве что поглупел. Раньше ты был умнее, потому что все время был настороже. Сейчас ты начал верить в то, что тебе многое по плечу, потому осмелел. И зря осмелел, без повода. Знаешь ты немногим больше, чем раньше, уметь ты и до того ничего не умел – так с чего щеки раздул, как лягушка?

Обиднее всего было то, что сказанное являлось правдой. Вот прямо сейчас осознал, что Хозяин кладбища прав. Раньше я поосторожней был, десять раз думал, прежде чем что-то сделать, а теперь... Я как будто за собой какую-то силу чую, но на самом-то деле за мной никого нет. Я как был один, так один и остался.

– А знаешь, почему я так решил? – продолжал тем временем меня препарировать Хозяин Кладбища.

– Нет, – поняв, что ему нужен ответ, глядя в сторону буркнул я.

– Да когда ты позволил себе влезть в разговор, который велся не с

тобой! – даже привстал мой собеседник. – Мало того – ты меня перебил! Кто тебе вообще дал такое право?

– Дико извиняюсь, – шаркнул ножкой я. – Просто тема была не очень обычная, интересная.

– Интересно ему, – донеслось до меня из-под капюшона. – Любознательный какой.

Хотя вот конкретно тут все осень спорно. Отстают заупокойные правила хорошего тона от нынешних. Даже скажем так – в моем кругу общения на подобные вещи внимания не обращают. Скорость и информация дороже, чем подобные формальности. Новое тысячелетие немного подправило старые правила. Сморгаться двумя пальцами на пол, ходить с расстёгнутой ширинкой и чавкать за столом, как и ранее, считается дурным тоном, но влезть в разговор или даже оттащить в сторонку чужого собеседника на пару минут уже вполне допустимое деяние. Время не ждет. В наше время пара потерянных минут запросто может стать парой потерянных миллионов.

Но говорить подобное вслух здесь не стоит.

– Ладно – я, – продолжал стыдить меня Хозяин Кладбища. – А если бы ты вот эдак с кем другим? А в городе кого только нет. Ты его перебил, а он тебе кишки за это на шею наматает.

Мне жутко хотелось спросить, а «он» – это кто, но я продолжал молчать.

– Н-да, – остановился тут Хозяин Кладбища. – Ведьмак, я тебе не наставник и не друг. Мне, по сути, все равно как, кто и за что тебя убьет. Но я не хочу, чтобы это случилось быстро, это не очень выгодно для меня. Ты можешь оказать мне кое-какие услуги, потому предпочтительней, чтобы ты был жив.

– Понимаю, – интонация, с которой я это произнес, вылетела откуда-то из невероятных глубин подсознания. В последний раз я пользовался ей, когда в пятом классе наша математичка на пару с моей мамой объясняли мне, чем чревата двойка по итоговой контрольной работе.

Кстати – эмоционально это тоже было очень похоже. Однако, впадаю в детство.

– И заметь, – совсем уж менторским тоном вещал Хозяин. – Казалось бы – что мне о тебе печься? Невелика ты фигура, так, неофит, пирожок ни с чем. Но нет. Я отправил к тебе провожатого, я закрыл все ментальные планы, чтобы мои нытики тебя не заставили оглохнуть. Ты под моей защитой – и на этом кладбище никто не посмеет даже косо на тебя взглянуть.

Ну это он загнул. А те двое на аллеях, что пытались меня провести на мякине?

Хозяин Кладбища уловил тень улыбки на моих губах и мигом все понял.

– Кто? – спокойно, но очень жутко спросил у меня он.

– Да ладно, ерунда была-то, – отмахнулся я и тут же захрипел.

Как, когда Хозяин очутился совсем близ меня, я даже не понял. Это было даже не движение, это как-то по-другому называется. Вот он сидел на могильной плите, а вот он прямо передо мной стоит, а его когтистая лапа меня за горло взяла. В прямом смысле.

– Кто? – повторил вопрос повелитель мертвых, а его пальцы чуть сжали горло. Дышать было еще более-менее можно, но определенный дискомфорт появился.

– Не знаю, – выпучив глаза, просипел я. – Они не представлялись. Просто кто-то из местных хотел мое тело присвоить. Ничего особенного. Да и шансов у них не было.

– Неподчинение – самое страшное из того, что может быть, – сообщил мне Хозяин, и я увидел в глубине капюшона две багровые точки, его глаза. – Сегодня они тебя не послушали, завтра они уговорили еще кого-то не подчиниться твоему приказу, а послезавтра ты сам будешь делать то, что велят они. Или будешь мертв, что более вероятно. Такова природа власти, и не важно, в каком из миров ты живешь – там, среди живых, или тут, среди мертвых. Эти правила едины везде.

– Правда не знаю, – истово произнес я. – Тут жмуриков... Извините. Покойников вон сколько. Откуда мне их всех по именам ведать?

– Ладно, сам найду, – его пальцы разжались, отпуская меня. – А ты впредь подобное не вздумай замалчивать. Было сказано – ты под моей защитой. Если кто-то нарушил – сразу пришел и сказал.

Ага, прямо сразу. Если сразу, то опять тебя перебеешь и получишь новую порцию нотаций.

– Ладно, не для того я тебя позвал. – Хозяин Кладбища вновь уселся на плиту. – Хочу я тебе кое-что отдать.

– У меня день рождения зимой, – на всякий случай сообщил ему я.

– Спорный вопрос, – не согласился со мной повелитель мертвых. – Душа у тебя, конечно, одна осталась, как и была. Но сути уже две, и вторая родилась как раз тут, и совсем недавно. Так что дней рождения у тебя два. А еще через пару лет ни одного не будет.

– Чего это? – насторожился я.

– Жизнь у ведьмаков веселая, – пояснил мой собеседник. – У них ведь

как? Либо их постоянно кто-то убить хочет, либо они кого-то жизни лишают. Так что скоро со счету собьешься, сколько раз и чего праздновать надо, а потом вообще на это все рукой махнешь.

Не скажу, чтобы его слова добавили мне оптимизма.

– Ладно, принимай гостинец. – Хозяин Кладбища пошарил рукой за собой, а после протянул мне нечто прямоугольное и увесистое, завернутое в черную тряпку. – Владей. А ну как пригодится?

Я понял, что это такое, еще до того, как размотал ткань. Да и вариантов, если честно, было не так много. Вряд ли бы эта сущность стала мне дарить коробку конфет или игру «Монополия», правда?

И я угадал, это была именно она – ведьмачья книга. Совершенно не похожая на мою, разве что только размером. Внешне – совсем другая. У моей обложка была искусно сделана из дерева, она была какой-то... Ну не знаю. Уютной. А здесь – совсем другое дело. Нет, ничего вызывающего или страшнолюдного. Просто она давала понять, что ее предыдущие владельцы далеко не все были травники. Обложка этой книги была затянута в шершавую светлую кожу, на ней имелись какие-то тиснения, но какие именно – этого мне было сейчас не разобрать. Чтобы книга не открылась, имелись застёжки, скрепляющие края обложек и сделанные в форме трехпалых лап, причем такое ощущение, что куриных. По крайней мере, было похоже на то.

– Специально старили, – сказал мне Хозяин, заметив, что я с интересом тыкаю пальцем в кожу обложки. – Чтобы, значит, мягкость убрать. Девка-то небось совсем молодая была, в те времена замуж рано выдавали. Коли после шестнадцати замуж не вышла и девство свое кому не отдала, так уже все, «перестарком» звали.

– Да ладно! – сообразил я, куда он гнет, и с недоверием посмотрел на книгу, которую держал в руках. – Шутка?

– Какая шутка? – равнодушно произнес повелитель мертвых. – Кожа девственницы, как есть. Тебе-то этого не учуять, здесь опыт нужен. Я-то сразу это определил, как только эту книгу в руки взял. Да ты не бойся, на ней проклятия нет, ни посмертного, ни какого другого. Проверено мной лично. Смело можешь открывать.

Хорошо, что он это сказал. А то у меня сразу мыслишки зашевелились на тему: «Проклятые книги и их воздействие на человеческий организм». Теперь же все стало проще. Нет, этому существу тоже особой веры нет, но одно я знаю точно – прибегать к таким ухищрениям ради моего умертвления он не станет. Если ему нужно будет, он меня убьет сам, без всяких многоходовых планов.

– А как она к вам вообще попала? – задал я вопрос, вертевшийся на языке.

– По праву наследования, – обстоятельно произнес Хозяин. – Ее владельца ведь я прибил, и душу его выпил тоже я. Стало быть, все его добро – мое. Не деньги там или дома, а то, что истинно ему принадлежало. Вот его слуга книгу мне и притащил, в ту же ночь. И сам здесь остался. Он ведь не человеку служит, а силе, остатки которой во мне гуляют. Слушай, может, ты его себе заберешь? Не к месту он здесь. К делу я его приставил, понятно, дорожки подметать отправил, но все одно – не для ведьмачьего слуги такая работа.

– Так во мне силы его хозяина нет, – резонно заметил я. – С чего он мне подчиняться станет?

– Прикажу – станет, – уверенно заявил Хозяин. – Куда он денется? И потом – ты той же крови, что его прежние владельцы. Да и книга теперь у тебя. А если нож его старого хозяина добудешь, так и вовсе для него полноправным хозяином будешь.

Повелитель мертвых негромко свистнул, за могильной плитой что-то зашуршало, а через мгновение перед нами предстал мохнатик, в котором безошибочно можно было признать существо той же породы, к которой относился мой Родька.

Впрочем, сходство было весьма относительное. В отличие от моего слуги, этот ведьмачий помощник выглядел каким-то... Неухоженным, что ли? Даже скорее – неустроенным. Черная шерсть его частично свалялась, в ней запутались какие-то щепки и соломинки, да еще вдобавок у него не было одного глаза. Правого.

– Здравсьте, – пробурчал слуга покойного ведьмака, даже не глядя на меня. – Звал, хозяин?

– Звал, – подтвердил владыка мертвых. – Вот, Александр, смотри, каков красавец. Знает много, делает, что скажешь. Бери его себе, не прогадаешь.

Слуга после его слов все-таки глянул на меня, причем с интересом.

– А глаз-то где? – не удержался от очевидного вопроса я.

– Хозяин вырезал, – равнодушно ответил мне мохнатик. – Не прежний, а тот, что до него был, еще в позатом веке. Он зелье одно варил, там правое око преданного раба было нужно, вот моё и взял.

Офигеть! Другого слова тут не подберешь, пожалуй. Нет, есть еще парочка, но они теперь запрещены законом.

– Исполнительный, – не упустил момента для дополнительной рекламы Хозяин кладбища. – Другой бы кто ни за что свой глаз не отдал, а

этот – пожалуйста.

Мохнатик согласно кивнул, а после икнул, застенчиво прикрыв рот ладонью.

– Тебя как зовут? – спросил я у него, вздохнув.

– Афанасий, – отозвался одноглазый бедолага. – Можно – Афоня или Афонька. Или еще как, вам виднее.

Сдается мне, что непростая жизнь была у этого Афанасия, если ему все едино, как называют.

– Неприхотлив, неразговорчив, ест мало, – гнул свою линию повелитель мертвых. – Золото, а не слуга.

– Хорошо, что напомнили, – скинул я с плеч рюкзак. – Я же фарша пару кило привез, для вашей живности. Все-таки в гости с пустыми руками не ходят, правда?

– Молодец, – одобчительно склонился капюшон. – Афоня, прими подарок, отнеси его на главную аллею, разверни и там у сухого дерева положи.

Мохнатик принял у меня увесистый сверток и шустро припустил в сторону ближайшей дорожки.

– Забери его, ведьмак, – неожиданно мягко попросил меня Хозяин. – Он, видишь, тут, у меня, еще и спиваться начал. Кладбище ведь, то и дело на могилах кто-то водку оставляет, вот ее и повадился допивать. Его племени надо больше, чем вам, человекам, случается, что по две бутылки в день убирает. Потом плачет, мается. А вчера чуть не подрался с местным «обходчиком», из тех, что при могилах кормятся. Хорошо еще, что тот его за видение принял, подумал, что с ума сходит. Нельзя ведьмачьему слуге без дела сидеть.

– Да взял бы, – досадливо сказал я. – Взял. Но моего-то куда девать? Два медведя в одной берлоге? Беда будет. Я, конечно, могу его в свой дом за городом отвезти, но что он там один станет делать? Тут он хоть как-то к работе приставлен, а там и вовсе тоска зеленая. Тем более, что там еще и домовой ко мне не очень расположен.

– Пропадет Афанасий здесь, – прогудел Хозяин. – Не дело нечисти среди нежити жить. Мы хоть и одного корня, но по-разному мир понимаем.

Мне очень хотелось оказать услугу этому существу. И в благодарность за врученный мне бесценный дар, и за то, что раньше он для меня сделал. Да и Афанасия мне стало жалко. Но при этом я прекрасно понимал, что второй слуга мне никак не нужен. Родька не даст ему жизни, это точно. Он Маринку-то терпеть не может, и далеко не потому, что та достаточно бесцеремонна и творит, что ей в голову взбредет. Это все отмазки. Ему не

нравится то, что она способна оказывать на меня влияние и заставлять делать то, что нужно ей.

Я ведь почитал о сущностях вроде Родьки и Афони – что-то нашел в сети, что-то в своей книге. Они на самом деле самые верные и преданные слуги, и служат не за честь, а за совесть. Но при этом жуткие собственники и не терпят, когда их хозяин поступает так, как он сам того не хочет. Не они не хотят, а он сам не хочет, вот такая тонкость. Они – не люди, им неведомы слова «планирование» и «разумный компромисс», зато эти существа очень тонко чувствуют душевное состояние своего патрона. И наше «не хочу» они воспринимают как собственную обиду, то есть тому, кто ее нанес, на их хорошее отношение рассчитывать более не приходится.

Маринка же всегда ставит меня перед выбором между «не хочу» и «иди ты к лешему». Само собой, Родька ее терпеть не может.

Зато с фотографии Светки, той, которая стоит в книжном шкафу, и которую я все никак не выкину, он каждый день стирает пыль. Все хочу спросить – почему? Что он такого чувствует, чего я сам не знаю?

А тут я еще одного его соплеменника припру. Бррр... Ведь и вправду до смертоубийства дело дойти может.

Но при этом жалко его. Не ровен час, и впрямь сопьется.

Да и еще кое-что есть, уже для личного пользования.

Этот Афанасий долго состоял при ведьмаках, которые, похоже, немало знали о «той стороне». Так сказать – о темной стороне Силы. Не может такого быть, чтобы он чего-то не видел, чего-то не слышал. И не мог бы рассказать тому, кто отнесся к нему с добром.

– Ведьмак, ты еще здесь, со мной? – любопытствовал Хозяин кладбища.

– Не могу к себе его взять, – твердо заявил я. – Не потому, что не хочу, а просто по жизни не получится. Но могу посодействовать на предмет пристроить его в хорошие руки.

– Слушай, он не бродячая собака, – недовольно произнес повелитель мертвых. – Мне не просто его пристроить надо, чтобы у него где-то там была плошка с кашей.

– Это понятно, – с достоинством ответил я. – Потому не к подруге на постой собираюсь его определить. Есть у меня кое-какие мысли. Если получится – приду, его заберу.

Вообще-то мыслей было даже две, и обе неплохие.

– Только не тяни, – Хозяин перестал маскироваться под доброго дядюшку, и в его голосе появились знакомые приказные нотки. – Еще раз повторю – нечего ему тут делать.

Нечего, нечего, но ведь не выгнал же до сих пор? Значит, есть что-то доброе под этим черным балахоном?

– Сказал же, – передернул плечами я. – Как только что-то станет понятно, сразу приеду.

– С этим все. – Хозяин кладбища встал с надгробия. – И еще одно дело у меня к тебе есть, ведьмак. Необычное.

Если бы я мог предположить, что этот представитель Ночи может смущаться, то сейчас решил бы, что именно это и происходит. Я не силен во многих вещах, но интонации считываю «на раз», это профессиональное.

– Ты понимаешь, тут ко мне на кладбище стали то и дело таскаться эти... – Хозяин посопел. – Ну ящик такой, по нему картинки показывают, как раньше в синематографе. Только тогда люди в специальные заведения ходили, а теперь по домам сидят. Да как его, все время забываю?!

– Телевидение? – предположил я.

– Вот-вот, – обрадовался Хозяин. – Взяли моду приезжать вечером целой оравой и галдеть. Добро бы чего путное – так нет! Шляются по всему погосту, кричат, новые могилы копают. Зачем-то пустой гроб в одну положили и каменюку на нее поставили. И главное – как дома себя чувствуют. Сидят тут, едят, пьют, шутики шутят. Нет, у меня и раньше всякое случалось. То дьяволопоклонники припрутся, то еще кто, но с ними-то все понятно было. А с этими вообще ничего не ясно. Мне новенькие объяснили, что они про колдунов и ведьм делают какое-то... Как же это слово-то...

– Шоу, – сдерживая улыбку, подсказал я.

Мне уже было понятно, о чем идет речь. Нет, ну вот ведь странная судьба, а? Надо же, чтобы «Магическое противостояние» снимали именно на этом кладбище. Их же в Москве десятки, но нет, редакторы программы выбрали именно это.

Так сказать – рояль в кладбищенских кустах.

– Именно. – Хозяин несколько раз прошелся вокруг меня, явно в расстроенных чувствах. – Я бы, конечно, мог их отсюда вытурить в один миг, сил мне на десять таких компаний хватит. Да я так и собрался было поступить, но потом подумал и не стал этого делать.

– Отчего? – с интересом спросил я.

– Подумал, что вреда от этого будет больше, чем пользы, – помолчав, ответил Хозяин. – Эти-то, они ведь лезут туда, куда не следует живым людям ступать, понимаешь? Я это сразу понял, как только они в самый первый раз ко мне пожаловали. И если я дам им знак, что здесь есть некто, кто напрямую с той стороной связан, они отсюда вовсе не уберутся. Среди

них есть такие, кто ради своего успеха на моем кладбище все трупами усеет, лишь бы все по их вышло. Да и не хочу я никчемушную кровь здесь проливать. Не к добру это. Одно дело матерого вражину прикопать, вроде того твоего соплеменника, другое – этих дурачков убивать. Ох, Александр, видел бы ты их! Все какие-то чудные, одеты не пойми как, иные и вовсе непонятно кто такие – то ли мужики, то ли девки. А в последний раз таких приволокли, что вовсе хоть стой, хоть падай. Один весь белилами вымазан, другой с дудками на боку, третий вовсе с голым задом. Не поверишь – я даже растерялся сначала. Но делать-то что-то надо? Вот и скажи мне – что именно?

– Даже не знаю, – развел руками я. – Это телевизионщики, они хуже чумы. Для них закон не писан, понимаете? Как бы так объяснить... Про инквизиторов знаете?

– Тех, что народ в Европах жгли? – уточнил Хозяин. – Читал.

– Эти хуже, – подытожил я. – Намного.

– Значит, все-таки придется убивать, – опечалился Костяной царь. – Не хотел ведь. Знаешь, я даже запретил своим в них подселяться, от греха. Думал, что раз, другой – и уйдут они.

– По идее – уйдут, – обнадежил его я. – У них шоу к концу идет, да и осень на носу, так что уйдут. Может, и вовсе уже в этом году не приедут.

– Да как же, – топнул ногой Хозяин. – Сам слышал – на следующей неделе пожалуют опять. Будут могилу какого-то насильника искать. Ненстоящую, правда, без тела. Я же тебе говорил – ее уже выкопали на южной территории, рядом с оградой. И старый камень на нее установили.

Вот так и узнаешь кухню телешоу. Стоп!

– А покажете мне это место? – попросил я его.

– Тебе зачем? – осведомился Хозяин.

– Есть у меня одна идея, – потер руки я. – Авось сработает. На когда они съемки назначили? Ну фальшивую могилу в какой день искать будут?

– Со среды на четверг, – произнес Костяной царь.

– Если выгорит – в среду подъеду, – пообещал я. – Но на липовое захоронение прямо сейчас гляну.

– Ну глянь, – одобрительно качнулся капюшон. – Знаешь, мне просто очень убивать не хочется. Это ведь проще всего – пяток сердец раздавить, да и все. Но и так в этом году тут крови много пролилось. Ни к чему это. Души, те, что не ушли после смерти с земли, они ведь сюда присланы чтобы успокоение получить. Ну или воздаяние, тут кому что. А от крови они дуреть начинают. Они ведь их чувствуют, смерти чужие.

– Если что – пособи́те мне? – уточнил я. – Ну ветром холодным обдать

ноги, деревом поскрипеть или чего похлеще учудить?

– Годы мои не те, деревьями скрипеть, – филином ухнул Хозяин. – Но понимаю, что не тебе это надо, а мне. Пособлю уж. Но вообще, я в печали. Вот что все на мое кладбище валится, а? Ритуалы ведьмачьи – у меня. Строительство под боком – тоже у меня. Теперь это... Как его... Но тоже здесь, у меня! Других погостов нет, что ли? Есть же «Николка», «Лианозовка», «Ваганьково» наконец! Что все ко мне-то лезут?

– Может, потому что МКАД рядом? – предположил я. – Чего тут до съезда, всего ничего.

– Кто рядом? – уставился на меня капюшон. – Не понимаю тебя, не знаю я этих слов.

– Разберемся, – подытожил я. – Ладно, пойду, наверное. Сейчас такси вызову, могилку гляну, и пойду.

Если честно, я изрядно подзамерз, да к тому же опять начал потихоньку накрапывать дождь. Потихоньку-потихоньку, а через полчаса я весь мокрый буду. Не хватало еще мне простыть.

– Вот он тебя и отведет, – показал Хозяин на Афанасия, который выполнил приказ и возвращался к нам доложить об этом. – Я же говорю – расторопный.

– Это да, – согласился я. – Блин, а как я с территории-то выйду? Там же закрыли все уже, наверное, до утра?

– Обязательно закрыли, – подтвердил Костяной царь. – Порядок должен быть. Но ты не переживай, там лаз один есть, через него выберешься наружу.

– Накормил, – сопя, сообщил нам Афоня, а после икнул. – Все сожрали, проглоты такие. Куда только в них лезет!

– Опять выпил, – печально констатировал Хозяин кладбища. – Когда успел? Александр, давай, пристраивай его побыстрее.

Афанасий перевел взгляд на меня, в его единственном глазу появилась надежда.

– Я к вам? – обрадованно спросил меня он.

– Не совсем, – уклончиво ответил я. – Но ты попадешь в хорошие руки. Только пить завязывай, там это не принято. Я за тебя поручусь, но и ты меня не подведи.

Афанасий с готовностью кивнул.

– Покажи Александру дорогу к новой могиле, – приказал ему Хозяин кладбища. – А потом лаз в заборе, тот, что ближе к южному входу. Прощай, ведьмак.

– Прощайте, – сказал я, доставая смартфон. – До среды. Непременно

приду на поиски могилы посмотреть.

Костяной царь недовольно засопел, но промолчал.

Я последовал за Афоней, который шустро побежал по дорожке, ведущей с холма, причем на ходу сразу же начал искать в смартфоне номер фирмы по вызову такси.

– Ведьмак, – остановил меня голос Хозяина кладбища. – Я тут подумал... Лучше тебе это все-таки сказать.

– Что именно? – насторожился я, нажимая «Сброс».

– Они все там комедианты, – гулко и громко произнес Костяной царь. – Ну эти, ряженые колдуны и ведьмы. Все, кроме одного.

Глава десятая

Если честно, последние слова Хозяина кладбища меня порядком обескуражили. Более того, он и сам немного растерян был, когда их произносил. Причем, подозреваю, впервые за много лет.

Я мог не вернуться обратно. Уж больно необычно это все было.

– Есть среди них чародей, среди тех, что в последний раз приезжали, – вещал повелитель мертвых, заложив руки за спину и прохаживаясь вдоль надгробия – Но вот что чудно – я так и не понял, кто именно из этого сброда им является. Чую, а распознать не могу. Он словно закрылся от меня. Сейчас вот разговариваю с тобой и думаю, – а может, он специально это сделал? Знал про меня, и про то, что я непременно приду на это дурачье посмотреть, вот и сделал так, чтобы я не смог его распознать среди них.

– А смысл? – с сомнением произнес я. – Он вам зла не делал, вражды, стало быть, нет, на вашу землю и подданных он не посягает. Зачем тогда прятаться?

– Пуганая ворона куста боится, – немедленно ответил Костяной царь. – Если чародей из сильных, то на нем много чего висеть может. В том числе и грехи перед моим племенем. Мы, Хозяева, хоть и каждый на своем кладбище сидим, но общаться друг с другом общаемся. Бывает, даже встречаемся. Нечасто, правда, но тем не менее.

– «Корпоратив», – понимающе кивнул я.

– Что? – повернулся ко мне капюшон, в нем опять блеснули две красные точки глаз.

– Коллективная встреча с целью совместного отдыха, – пояснил я.

– Ну что-то в этом роде, – подтвердил Костяной царь. – Хорошее слово, звучное. Надо запомнить. Корпоратив. Мне нравится!

– Мне тоже, – поддакнул я. – Так что с чародеем этим?

– Просто так ничего не бывает. – Хозяин снова опустил свой зад на надгробие. – Если кто-то прячется, значит, на то есть повод. В среду снова наведу к этим шаромыжникам, попробую понять, что к чему. Это, в конце концов, дело принципа.

– И правильно. Да, там, среди этих клоунов, одна моя знакомая будет. Если что, поможем ей?

– Ну у тебя и знакомые, – с жалостью произнес Костяной царь. – На вид вроде приличный ведьмак, и тут на тебе!

– Какие есть, – ухмыльнулся я. – И так бывает. Так что, поможем?

– Поглядим, – проворчал повелитель мертвых. – Все, проваливай. Мне еще новеньким посмертную судьбу отмерять надо.

На этот раз окончательно распрощавшись с Хозяином кладбища, я шустро потопал по дорожкам, ведущим мимо могил и надгробий. Дождь припустил уже не на шутку, следовало поторапливаться. Да и служба вызова такси обещала подать машину в рекордно быстрые сроки. Хотя – ночь на дворе, чего тут удивляться?

– Может, возьмешь меня к себе? – глухо пробубнил вдруг молчавший до того Афанасий. – Плохо мне тут. Мертвые кругом. Не дело слуге ведьмака среди них проживать.

– Я бы взял, да у меня уже есть один из ваших, – честно ответил ему я. – А двух таких нашему брату вроде не положено.

– Мы не жены, мы слуги, – уверенно заявил Афоня. – Жен больше одной человекам заводить нельзя, потому как можно с ума сойти от ее «хочу» да «сделай», особенно если баба на сносях. А слуг хоть сколько можно иметь.

Звучало убедительно, да только что-то больно уверенно он это все излагал. Так, будто заранее готовил свою речь.

– Ты не переживай, – мягко произнес я. – Есть кое-кто, кому такой славный парень, как ты, пригодится. Там тебе и работа будет по профилю, и кормежка, и все остальное, что положено.

– Какая мне там работа будет? – подозрительно уточнил Афанасий.

– Та, которая тебе знакома, – объяснил ему я. – Пару дней погоди, я с нужными людьми переговорю и все выясню.

– Если слово сдержишь, век этого тебе не забуду, – деловито пообещал мохнатик. – Отслужу, не сомневайся.

Больше он в разговор со мной не вступал, только односложные реплики подавал, когда показывал мне могилу, на которой и впрямь был установлен изрядных размеров валун, да то место, где я, поджав живот, с трудом протиснулся сквозь кладбищенский забор. Через верх не перелез бы – больно высоко.

Надо худеть. Срочно надо худеть. Года два назад я бы пузо о бетон не покарябал. А все фаст-фуд, все он, проклятый. И бутерброды в немыслимых количествах.

Переехать в Красноярск, что ли? Там фаст-фудных забегаловок мало, их туда Прохоров не пускает. А мороженое, наоборот, вкуснящее. И город красивый. Енисей, опять же.

Комаров, правда, летом больно много...

Впрочем, эти мысли вскоре сменились другими, о том самом

непонятном чародее, которого не распознал Хозяин кладбища. Интересно было бы с ним пообщаться. Чисто гипотетически, конечно. Ведь я видел, ведьмаков других тоже. Ну нежить вообще в расчет не берем, она мне как родная стала. А вот чародеев не встречал пока.

Просто понять хочется, как они магией своей занимаются. В технологическом смысле. Ну не палочкой же волшебной машут, правда? Нет, это все здорово смотрится в кино и книгах – «мальчик, который выжил», запретные заклинания и все такое. Но то книги, а тут-то жизнь. У нас только убивают так же просто, как там, а все остальное куда сложнее.

Например, дурачок в порту, чтобы вызвать тварь из небытия, пентакль рисовал и заклинание читал. Ну да, он к магии вообще отношения никакого не имел, так, подставное лицо, но все равно ведь ясно, что это дело небыстрое. А если чародею надо свою жизнь защитить, то как тогда? «Подождите, я тут кое-что на асфальте быстренько изображу?».

Вряд ли. Значит, есть некая экспресс-магия? Ну логично ведь такое предположить?

Вот и интересно узнать – как это все работает на самом деле? Выглядит как?

В конце концов, каждый из живущих в детстве верил в то, что сказки правдивы хотя бы отчасти, и волшебство есть. Потом, повзрослев, мы понимали, что мир вокруг насквозь реалистичен, а чудеса в нем творят исключительно деньги, связи и изредка пластические хирурги. Я сам раз видел такое. Ну вот невозможно было из того исходного материала, который имелся изначально, вылепить красотку. Однако же сотворили, факт есть факт.

И теперь у меня появился шанс убедиться в том, что мои детские мечты о «крибле-крабле» и прочих «ахалаях-махалаях» все-таки имеют под собой какую-то основу.

Так что – пообщался бы я с ним, привелась такая возможность. Хотя это маловероятно, нет у нас точек соприкосновения. Да и вообще, как показала практика, в мире Ночи с нормальным человеческим общением беда. Есть только позиция силы, временно совпадающие интересы, разумный нейтралитет и отношения, регулируемые поконом.

Ей богу, с нежитью и нечистью проще общий язык найти.

И еще вот что непонятно. Зачем он вообще полез в этот цирк? То, что «Магическое противостояние» полная профанация, знали все – и зрители, и создатели, и, подозреваю, даже участники. По большому счету это был многосерийный рекламный ролик «потомственных колдуний» и «истинных магов Белого Круга». Сегодня ты тут до финала дошел, завтра к тебе

очередь из простаков выстроится. Все знают, что их дураят, но телевидение есть телевидение, народ по инерции верит в то, что с экрана говорят.

Я, кстати, также не до конца понимаю, зачем покойный Артем Сергеевич это все финансировал. Ну ладно, на стадии раскрутки, это понятно. Но потом-то подобная программа не то что самоокупаться должна, она сверхприбыль обязана давать. Не удивлюсь, если участники просто-напросто проплачивают свое участие в ней, а после, в зависимости от суммы взноса, распределяются места по дороге к финалу.

Так что вопросов пока больше, чем ответов. Но это до поры до времени. Мне в этом новом мире жить, потому я всю информацию, до которой могу дотянуться, сейчас впитываю в себя. Как накопится ее в достаточном количестве – анализировать буду. Маркетинговое исследование, планирование и, как результат, базовая стратегия – вот основы основ любого долгосрочного проекта. Сейчас таким проектом является мое личное будущее, а потому подойду я к этому всему с надлежащим прилежанием и усердием.

Мысленно поглаживая себя по голове за такие светлые мысли, я открыл дверь и вошел в квартиру, где чуть не споткнулся об Родьку, прикорнувшего в прихожей.

– Хозяин, – хлопая глазами тут же вскочил с пола он. – А я тут, понимаешь, задремал. Не хотел тебя пропустить, ты ведь голодный, небось, пришел. Я там приготовил...

Что именно он приготовил, я так и не узнал, поскольку Родька прервал фразу на полуслове и как-то странно подвигал своим носом-пуговкой, так, будто принимался к чему-то.

– О как! – с неожиданной злостью произнес он, прыгнул на мою ногу, неожиданно ловко вскарабкался мне на плечо и резко рванул молнию рюкзака, который я еще не успел снять с плеч. – Ты кого к нам в дом приволок? А?

– Вот сейчас не понял? – оторопел я от всего этого. – Родион, тебя какая муха укусила?

Мой слуга тем временем изучил содержимое рюкзака, пару раз хлопнул меня по спине, как видно, проверяя, не спрятан ли кто-то под курткой, после прыгнул на пол, ловко открыл входную дверь, выглянул на лестничную клетку и снова ее закрыл.

После он пробежался туда-сюда по коридору квартиры и в конце концов встал в вызывающей позе шагах в пяти от меня. Он стоял, прижавшись спиной к стене, сверля меня взглядом и недовольно притоptyвая по полу правой лапой.

Все это до боли напомнило мне события, которые разворачивались здесь же несколько лет назад. Причем практически один в один.

И это вообще меня не радовало. Более того – я даже как-то немного напрягся.

– Если ты сейчас спросишь: «И как ее зовут?», то вылетишь в окно, рука не дрогнет, – кинув взгляд на фотографию Светки, ту самую, которую все никак не выкину, сообщил Родьке я. – И вообще – не многовато на себя берешь?

– Ты мой хозяин, – непривычно высоким голосом сообщил мне Родион. – Я твой слуга. Твое слово для меня закон, как ты скажешь, так и будет. Но и ты знай – других слуг в доме не потерплю! Не потерплю!

Он еще раз, на этот раз со всего маха, топнул лапой по полу и умотал на кухню, где немедленно принялся греметь сковородками и кастрюлями.

А они, скорее всего, со Светланкой спелись бы. По крайней мере, ведут они себя одинаково. И, что примечательно, в обоих случаях обвинения безосновательны, что тогда, что сейчас, винить меня не в чем.

Но ведь как чуял. Притащи я сюда Афанасия, не миновать бы большой драки. И еще неизвестно, кто бы из нее победителем вышел. Сдается мне, что одноглазый мохнатик парень не промах, и за свои интересы, если надо, глотку рвать любому будет.

Правда, и Родька меня удивил. Я в нем такой твердости духа раньше не наблюдал. Ну да, Антипку он отволохал, и коту ведьмовскому тогда изрядный клоч шерсти выдрал, но тут кое-что другое.

Только мириться все одно не пойду. Нет за мной вины. Да и не по чину мне перед ним поклоны бить. Он мне тогда совсем на шею сядет. И понукать начнет.

Я лучше спать отправлюсь. Времени вон почти три часа.

– Родька, делай ночь, – гаркнул я. – Хорош гроыхать кастрюлями.

Мой верный помощник ничего на это не ответил, но звон прекратился. Зато включилась вода и раздался звук, по которому было понятно, что Родька решил перемыть все тарелки, что есть в моем доме. И, может быть, даже не по разу. Ну да, они же не кастрюли, так что он вроде как подчинился.

Вот гаденьш плюшевый!

Я положил рюкзак в угол, рассудив, что книгу рассмотрю завтра, без суеты и спешки, снял джинсы и начал стягивать через голову майку.

– Опять ты что-то в дом притащил, Александр, – раздался голос Вавилы Силыча.

Вот как он умудряется появляться словно ниоткуда? Только что его не

было в комнате, а сейчас – вон на кресле сидит, свесив вниз не достающие до пола ноги и положив свои широченные ладони на колени.

Ни звука шагов, ничего. Как ему такое удастся?

– Плохое ты принес, – продолжил подъездный. – Темное.

– Это ведьмачья книга, – пояснил я, стараясь голосом не выдать свое раздражение. Ну в самом деле – сколько можно? Один истерику закатывает, другой мораль нацелился читать. Блин, возникает ощущение, что я живу не один, а в составе большой семьи, причем все в ней старше и умнее меня, и знай поучают, поучают, поучают. – На ней нет проклятия, меня в этом уверил один очень знающий... Э-э-э-э... Короче, тот, кто это сказал, знал, что говорит.

– Проклятия нет, – согласился со мной Вавила Силыч. – Но и добра от нее ждать не приходится. Вещь эта злом сработана и для зла нужна. Не надо бы ей здесь быть.

– Прямо Кольцо Всевластия, – съязвил я. – Я объявлю себя его владельцем и стану Темным Властелином.

– Не кольцо у тебя в рюкзаке, – спокойно возразил мне подъездный. – Книга это. В девичью кожу затянута, человеческой кровью писана и смертями людскими до краев наполнена. К чему тебе такое? Ты не злой парень, я ведь давно тебя знаю. А с такой книгой ты быстро перемениться можешь. Я не знаю, что у нее там внутри, но уверен – хорошего нет. Думай, что хочешь, но тот, кто тебе ее дал, знал про это. И еще десять раз прикинь – точно ли он желал тебе добра, такой подарок тебе делая?

– Да я давно уже не знаю, кто желает мне добра, а кто нет, – зло бросил я. – Всем чего-то от меня надо, только никто не спросит, чего мне самому хочется.

– Я сказал, а ты думай. – Вавила Силыч спрыгнул с кресла на пол. – Тебе жить, Александр. А книгу эту все-таки из дома унеси. Не следует ей тут находиться. За такими книгами кровавый след всегда тянется, а по нему сюда невесть кого принести может. Добро, если всем обществом отобьемся. А коли нет? Деток в доме много, ведьмак. Малых, глупых, некрещеных. Самое то для тех, кто в ночи живет и вечно жрать хочет. Подумай о них, хорошо? Не обо мне, о них.

И он ушел, секундой позже на кухне перестал шуметь кран, а после в квартире наступила тишина. Родька, правда, в комнату так и не пришел, не улегся на кресло, которое облюбовал для сна.

Я сел на диван и призадумался.

Вот что за жизнь. Еще десять минут назад все было просто и понятно. Теперь все стало сложным и запутанным.

И главное – кому верить? Ну вот – кому? Вавиле Силычу резона меня обманывать нет. Хозяину кладбища, впрочем, тоже. Если бы он хотел меня на ноль помножить, то сделал бы это куда проще и быстрее. На что ему такие крученые комбинации?

А после еще и совесть меня начала грызть. Нехорошо с подъездным вышло. Некрасиво.

И как апофеоз – мне захотелось выпить водки. Если бы не лень и действующее законодательство, то сходил бы в круглосуточный магазин и купил. Потому как от такой жизни не только слуги ведьмаков бухать начнут, но и сами ведьмаки.

На этой минорной ноте я бухнулся на подушку и уснул. Даже про то, что утро вечера мудренее, подумать не успел.

За ночь Родион не сменил гнев на милость. Когда ближе к полудню я, помятый и небритый, появился на кухню, передо мной немедленно была поставлена тарелка с гречневой кашей, кружка со сладким чаем и тарелочка с нарезанным хлебом. То есть – все как всегда.

Но – молча! Ни слова. Ни лишнего жеста.

Хорошо еще, что у него родителей нет. А то бы добил меня мой мохнатый друг фразой:

– Ешь, а я к маме уезжаю. Нам немного надо пожить по отдельности.

Может, мне его и вправду на одноглазого Афанасия поменять? Этот-то точно истерить не будет.

Правда не факт, что станет готовить и помнить о том, что в чай надо положить три ложки сахара-песку. Ни больше ни меньше.

Родька помнит.

Кстати! О благотворительности! Чуть ведь не забыл.

Я хмуро глянул на слугу, который после этого ощутимо занервничал. Ну оно и понятно, думал поди, что я напрягусь, стану извиняться. А тут – на тебе. Суровый взгляд и ни капли жалости.

Правильно, так и будет. Я добрый, но где-то и беспощадный. Нечего мне сцены закатывать, мне их и без него хватило в свое время. И потом – бунты надо давить в зародыше.

– Смартфон мой принеси, – процедил сквозь зубы я и еще больше насупился.

Родьку явно раздирали противоречивые желания. С одной стороны, ему хотелось выдержать марку, с другой давил природный инстинкт подчинения.

Я легонько стукнул рукой по столу и топнул ногой по полу.

Коричневая молния скользнула в комнату и тут же вернулась обратно.

К смартфону, протянутому мне, прилагались наполненные слезами круглые глаза и молчаливый вопрос: «Хозяин, ну как же так?»

– Дурак ты, братец, – я постучал ему костяшками пальцев по голове. – У меня друзей немного, но менять их на других я привычки не имею. Уж какие есть, такие пусть и будут.

Родька шумно и облегченно выдохнул.

– Я просто это... – затараторил он. – Просто от тебя же кем-то из наших пахло. Ну а вдруг? А если? Двоим при одном хозяине – это же никак! Это ж такое начнется, что ого-го! Знаешь, столько я про это дело рассказов слышал? Ух!

Я дернул его за ухо, привлекая внимание, а после сначала растопырил пальцы, а после сжал в кулак, как бы говоря: «Стоп!»

Родька тут же замолчал.

– Значит так, Родион, – веско сказал я. – Еще раз себе что-то подобное позволишь, и я буду вынужден принять соответствующие меры. А именно, оставлю тебя на месяц без телевизора.

Глаза моего слуги, и без того круглые, стали похожи на чайные блюдца среднего размера. Наказание для него было и впрямь жуткое, поскольку телевидение он полюбил всей душой. Ну или что там у него есть?

Причем ужас неподдельный, так как он наказание будет отбывать честно. Это дети покидают и дальше по-своему делать будут, пока родителей дома нет. Здесь все по-настоящему. Есть я дома, нет меня – он все одно будет выполнять мой приказ.

– И на тот же срок без газировки, – решил добить его я.

Да, жестко. Но по-другому никак.

Я глянул на смартфон, который держал в руке, но звонить никому не стал. Надо было прежде еще одно дело завершить. Не стоит его откладывать в дальний ящик.

Встав с табуретки, я подошел к стене, привстал и постучал кончиками пальцев по вентиляционной решетке.

– Вавила Силыч. Вавила Силыч, прости меня уж, а? Не со зла же нагрубил, по глупости своей.

Вот тут надо извиниться самому. Когда я неправ, тогда неправ.

– Выходи, давай, вместе позавтракаем.

Тишина стояла за вентиляционной решеткой. Никто там не скребся, никто не сопел.

– А почему нет? Можно и позавтракать, – раздалось у меня за спиной. – Хотя, Александр, дело-то уже к обеду идет. Долго спишь.

Подъездный, оказывается уже сидел за столом и лукаво на меня

смотрел. И по его взгляду мне стало ясно, что я прощен, по крайней мере на этот раз.

А другого и не будет. Такие существа как он, если что-то для себя решают, то все, это навсегда. Человек человека всегда переубедить сможет, это только вопрос хитрости и времени. Люди падки на лесть, ложь, деньги, в конце концов. Нет таких нравственных крепостей, которые не пали бы под тем или иным нажимом. Опять же страх всегда был отличным мотиватором для перемены практически любого решения.

Но с нечистью и нежитью такое не пройдет. У них другой взгляд на подобные вещи. Да и на весь этот мир в целом.

Через пару минут ложки весело стучали о тарелки, Родька, который, несомненно, уже поел до того, традиционно не преминул сделать это еще раз. Он вообще в этом вопросе большой мастак. Останавливаться до того, пока не покажется дно тарелки – это не в его правилах.

А еще мне стало смешно, поскольку все это более всего напоминало семейную трапезу, правда, достаточно гротескную. С другой стороны, у меня теперь и жизнь такая, что нормальной ее не назовешь.

Продолжив ряд нелогичностей этого дня, я наконец-то набрал номер человека, которому еще вчера я звонить и не подумал бы.

– Здравствуй, красивая женщина, – сказал я, как только на той стороне сняли трубку. – Как твои дела?

– Сплю, – сонно ответил девичий голос.

– День на дворе, – попенял я собеседнице. – Петушок пропел давно.

– В суп его, чтобы не орал. А это кто? – сон из голоса ушел, появилась заинтересованность.

– Как кто? – решил я не отходить от шаблонов и штампов телефонных разговоров с малознакомыми дамами. – Не узнала?

– Смолин, – разрушила так хорошо начинавшуюся интригу девушка. – Вот не ждала.

– И зря, – без тени притворства произнес я. – Сама же ко мне клинья на той неделе подбивала. Ну вот, я подумал, проникся, решил позвонить и сказать, что я согласен.

В трубке раздались короткие гудки. Мезенцева просто разорвала связь.

Перегнул я, по ходу. Как бы она сейчас меня вовсе в «черный список» не определила.

– Что-то со связью сегодня неладно, – с облегчением протараторил я в трубку, когда Женя все-таки ответила мне. – Тарифы все выше, а качество все хуже.

– Чего надо? – спросила у меня Мезенцева, как видно, не

испытывавшая особого желания участвовать в извечных играх мужчин и женщин.

– Поговорить, – честно ответил я. – И лучше всего – очно. Жень, давай уже мириться.

– Я с тобой не ссорилась, – равнодушно бросила девушка. – Не того ты масштаба фигура.

– Мы слишком мало знакомы, чтобы ты могла оценить по достоинству мои масштабы, – не показывая, что ее слова немного обидны для меня, сообщил ей я. – И я сейчас о духовном, а не о телесном. Кроме шуток – ты сегодня как, свободна? Просто могли бы пойти куда-нибудь, в какое-нибудь очень приличное место, посидеть, покушать деликатесных мясных блюд...

– На хорошие деликатесные мясные блюда у тебя денег не хватит, – опять унизительно прямо рубанула по моему самолюбию девушка. – Тем более в очень приличном месте. Не льсти себе, Смолин.

– Да елки-палки, – уже не на шутку начал злиться я. – Ну хорошо, пошли в «Герасима». Кормят там на самом деле неплохо, и мне это по карману. Куплю тебе «пожарскую» котлету и капустный салат. А, да. Еще кусок торта, они там в ассортименте.

– Ну не знаю, – впервые за весь разговор в ее голосе появились человеческие интонации. – Я выпаться хотела. Неделька выдалась просто жесть.

– Жень, мне мозги не положи, – попросил ее я. – Просто тебе лень себя в порядок приводить. Не заморачивайся, я тебя зову просто поесть. И еще – это не свидание, а деловая встреча. Есть у меня одна темка по вашему с Нифонтовым профилю.

– Так бы и сказал, – возможно, мне показалось, но в голосе Жени прозвучало совсем-совсем легкое, еле слышимое разочарование. – А я все гадаю, чего ты именно мне позвонил? Правильно, Колька же еще в ночь к своей подруге умотал.

– Вообще-то я его и не думал вызванивать, сразу тебя набрал, – добавив в голос немного меда, заверил ее я. – Не спрашивай почему, все равно на этот вопрос у меня ответа нет.

– Ловок ты, – фыркнула Мезенцева. – Ладно, уломал. Можешь за мной заехать через... ммм... Полтора часа. Адрес сброшу «смской».

– Не могу, – признался я. – У меня машины нет.

– Не парень, а мечта, – ласково почти пропела девушка. – Все просто идеально. Машины нет, работает мелким клерком, зато в комплекте имеются обозначившийся пивной животик и бывшая жена. Саша, я твоя навеки! Ты герой моих розовых снов времен пубертатного периода!

Кстати – зацепила. Ничто не бьет так больно, как чистая правда.

– Ладно, не обижайся, – звонко засмеявшись, сказала Женя. – Ты сам сказал, что нам с тобой в ЗАГС не идти, так что считай это дружеской шуткой. «Герасим» так «Герасим». Тем более, что там в самом деле неплохо кормят. По крайней мере, порции большие. В какой из них поедем? Может, на «Спортивную»?

– Давай лучше на «Кузнецкий», – предложил я. – Центр все-таки. Вдруг мы настолько интересны друг другу станем, что потом еще и пройдемся по улицам нашей древней столицы? Дождь кончился, жары нет, самое время для романтических прогулок.

– Что-то сомневаюсь я в этом, – протянула Мезенцева. – Но – как скажешь. И еще – не надо мне покупать цветы, хорошо? Это только деловая встреча.

– Подытожим, – принял ее тон я. – Через полтора часа у входа в заведение. Идет?

– Через два, – подумав, уточнила Евгения. – Твое мнение мне по барабану, но там и другие мужчины будут, возможно даже интересные и одинокие. Не хочу, чтобы они смотрели на меня как на чучундру.

Редкий случай, но на встречу я не опоздал. Через два часа я стоял у входа в «Герасима» на Кузнецком мосту, глаза на то, как крепкие ребята в синей униформе вешают вывеску с надписью «Капитал» на здание напротив, и гадал, сколько же в этом самом «Капитале», который, несомненно, являлся рестораном, стоят те самые деликатесные мясные блюда из нашего с Женькой разговора.

И еще – почему на нем не изображен бородатый основоположник коммунистической теории? По идее, самое ему там место. И его не менее бородатому другу тоже.

Цветы я покупать не стал, как она и сказала. Но при этом на встречу пришел не с пустыми руками. К первоначальной теме разговора добавился еще и небольшой сюрприз, в виде книги, затянутой в человеческую кожу и с серебряными застешками.

Я решил отдать Мезенцевой подарок Костяного царя, вот так-то. Наверняка они подобные вещи в своем отделе коллекционируют, а мне он, как выяснилось, без надобности.

Нет, я не стал в один миг альтруистом и добряком. Просто книга оказалась пирожком без начинки. Так сказать – ни с чем. В самом прямом смысле. Страницы этого фолианта сияли какие белизной, какие желтизной, но единым в них было одно – абсолютное отсутствие записей. Пустота и чистота. Как в голове после хорошей пьянки.

Я не знаю точно, что тому являлось причиной – какое-то заклинание, не позволяющее постороннему видеть текст, написанный внутри, или то, что не я убил ее предыдущего владельца и получил ее через третьи руки. Важен факт – проку от данного артефакта мне никакого не было. А вот неприятности, если верить подъездному, быть могли.

Потому решение было хоть и спонтанным, но разумным – отдать эту книгу Мезенцевой. Сразу несколько зайцев одним выстрелом убью. И вроде как подарок, и, если что, я всегда до нее добраться смогу. До книги, само собой, не до Евгении.

Опять же – теперь моя просьба, ради которой я девушке встречу и назначил, уже не будет выглядеть совсем уж одолжением с ее стороны. Вроде как баш на баш выходит.

Ну и подъездному ужоу, неприятную для него вещь из дома унесу. К тому же у меня из головы не шли его слова о том, что следом за этой книгой к нам гости из Ночи могут пожаловать. Не дай бог чего с каким ребятенком случится, я же себе потом этого в жизни не прощу. Ну да, я не лучший из людей, но и не совсем же еще моральный урод?

Женя почти не опоздала, десять минут по общепринятым меркам это норма. Это даже немного, Светка во времена конфетно-букетного периода, бывало, и на полчаса задерживалась. Хотя, подозреваю, там был прямой умысел, девушки любят таким образом молодых людей на вшивость проверять. А еще, заразы, трубку не берут, когда им звонишь. «Ты звонил? Ой, а я не слышала». И ведь не предъявишь им ничего. А как?

Уж не знаю, какую именно она красоту наводила на себя, никаких отличий я не заметил. От того, как она выглядела раньше, имеется в виду.

– Привет, – помахал я ей рукой, а после открыл дверь, ведущую внутрь заведения. – Прошу, нас ждет изысканный обед.

– Ну да, ну да, – согласилась со мной девушка. – Как-то так оно и есть. Пошли, парень моей мечты, съедим по обещанной котлете. И торт ты мне тоже обещал!

И мы пошли.

Глава одиннадцатая

Самое забавное, что на то время, пока Женька разделялась с котлетами и всем остальным, ее привычная язвительность дала сбой. Как видно, она разделяла два эти процесса – питание и глумление над ближним своим. Впрочем, и мне было не до того. Родька кормил меня вкусно, но однообразно, причем исключительно тем, что было сварено, в лучшем случае – испечено. Жареного он не признавал.

– Теперь бы сигаретку выкурить, – сообщила мне девушка, откидываясь на спинку массивного деревянного стула. – И все, гармония между мной и миром практически будет достигнута.

– Здесь нельзя, – сообщил я ей, отпив замечательно вкусного морса, которым всегда славился «Герасим». – Законом запрещено.

– Знаю, – вздохнула Женька. – Но помечтать-то можно?

– Мечтать не вредно, – согласился я.

– Ладно, к делу. – Мезенцева закинула ногу на ногу, причем сделала это более чем грациозно, так, как это умеют делать только те представительницы прекрасного пола, которые знают себе цену. В народе подобное называют «заплести винтом». – В принципе, условие соблюдено, ты девушку накормил, теперь можешь меня в определенном смысле танцевать. Проси, чего хотел.

– Ничего не хотел, – слегка обалдев от этой фразы, сказал я. – Точнее, хотел, но... Короче, вот, держи. Подарок от нашего стола вашему столу. Ну или расценивай это как мой безвозмездный вклад в благородное дело борьбы со злом.

Я расстегнул рюкзак и положил перед ней ведьмачью книгу, завернутую все в ту же тряпицу, что мне дали на кладбище. Столик мы выбрали такой, что со стороны нас видно особо не было, потому любопытных взглядов можно было особо не опасаться.

– Ух ты. – Мезенцева мигом сбросила с себя наведенный было романтический флер и снова стала тем, кем и являлась. Оперативницей. Она развернула ткань и присвистнула. – Это того черта, которого на кладбище грохнули? Та книга, которую так и не нашли?

– Она и есть, – подтвердил я. – Та самая.

Евгения погладила кожаную обложку, щелкнула застежками и раскрыла книгу сразу на середине.

Оторва безбашенная, конечно, пробы негде ставить. Вот так запросто

открывать подобный артефакт, не проверив его? Ладно я, мне Хозяин кладбища сказал, что на нем проклятия нет, но ей-то никто никаких гарантий не давал.

– А где? – перелистнув несколько страниц и, естественно, ничего на них не увидев, спросила она у меня немного обиженно.

– Нету, – передернул плечами я. – Почему – без понятия. Может, магией закрыто, может, чернилами симпатическими написано. Хотя я склоняюсь к первому варианту.

– Тьфу ты. – Мезенцева захлопнула том и усмехнулась. – А я уже голову начала ломать, с чего это ты такой добрый. И котлетой угостил, и артефакт подарил. Теперь понятно. На тебе боже, что нам негоже.

– Вот и зря ты, – снова отхлебнул морса я. – Котлеты были от чистого сердца. Если хочешь, кстати, могу еще одну купить, мне не жалко. Что до книги – я бы при любом раскладе ее вам отдал. Мне один знающий... Э-э-э-э-э... Короче – паршивый это предмет, так мне объяснили. Энергетически. Зла в нем много, проще говоря, мне такого счастья дома не надо. А у вас наверняка какое-то хранилище для подобных штук есть, как в сериалах. Вот и забирайте его себе.

– Да? – Мезенцева снова осмотрела книгу. – Ну не знаю, так и не скажешь. На вид симпатичная. Опять же – серебро. Сказки сказками, но его нечисть и в самом деле терпеть не может, в серебре сила огромная. Да и на ощупь она ничего.

И девушка снова погладила кожу обложки.

– Скорее всего, ее владелица тоже была хорошенькая – заметил я – Девушки, пребывающие в нежном возрасте, не бывают некрасивыми. Они в эту пору полны надеждами на счастье, а кто верует, тот прекрасен.

– Поэтично, но непонятно, – изобразила улыбку Евгения. – Но радостно, что в тебе осталось хоть что-то человеческое.

– Это сказано к тому, что кожа, пошедшая на обложку этой книги, когда-то принадлежала юной девушке, причем девственнице, – уточнил я. – Правда, не знаю, с какой части её тела конкретно этот фрагмент сняли. Может, с левой груди, может, с правого бедра. Но точно не с задницы. Ведьмаки – они, понимаешь ли, эстеты. Сам теперь из них, знаю, что говорю.

– Твою-то мать! – отдернула руки от книги Мезенцева. – Сразу не мог сказать?

– Ты не спрашивала. Сразу хватать начала, я слова не успел вымолвить. Да не бойся, она не кусается.

Евгения хмуро посмотрела на меня, а после замотала фолиант в

тряпку.

– Н-да, что бы там ни было раньше написано, вряд ли оно относилось к делу сохранения мира во всем мире, – выдержав паузу, промолвила она. – Не стоит такой вещи в свободном обороте находиться, лучше пусть у нас лежит.

– Про то и речь, – подытожил я. – И можешь меня не благодарить.

– Даже не собираюсь, – фыркнула Мезенцева. – Переложил свою проблему с больной головы на здоровую, да еще благодарностей ждет. Блин, пойду руки помою! Брррррр!

Она сунула книгу в небольшой черный блестящий рюкзачок, после чего удалилась, причем прихватив вышеупомянутый аксессуар с собой.

Характер у нее, конечно, не сахар. Но зато она и не рафинированная, что тоже неплохо. С ней не скучно.

И, что особенно приятно, нет всех вот этих закидонов: «я толстая», «здесь животные жиры» и всего такого прочего. Ест, что хочет, и не причитает.

А то я как вспомню Светку, так вздрогну. Бедные официанты, она из них все соки выжимала, выясняя, в каком блюде сколько калорий и на пару ли все это делают. Чтобы, значит, ни капли масла в блюде не было, ни капелюшечки.

Еще и меня в эту свою секту малоедящих пыталась завербовать, на овощи посадить, чем, кстати, существенно приблизила развод. Если ее мать я кое-как еще переносил, то это уже был явный перебор. Одно наложилось на другое, и в какой-то момент количество скандалов и непониманий свело на нет качество наших чувств.

Красиво сформулировал. Имейся у меня среди знакомых какой писатель, подарил бы ему этот афоризм.

Как говорится – только вспомни про кого-то, он и прорежется. В кармане завибрировал смартфон, сопровождая это рингтоном, сообщавшим всем окружающим о том, как славно делать «селфи» на Эйфелевой башне и какую именно технику для данного мероприятия следует использовать.

Светка. Это звонила именно Светка. Вот как она учуяла, что я про нее сейчас подумал?

– Привет, – немного удивленно произнес я. – Никак ошиблась, номер не тот набрала?

– Тот, – ответила моя бывшая. – Просто как-то мы не очень хорошо расстались.

– В смысле – тогда? – озадачился я. – Или сейчас ты о прошлой неделе?

– «Тогда» трогать не будем, – попросила она. – Тебе, может, и все равно, а мне до сих пор... Ну неважно. Я про нашу последнюю встречу.

– Ты сама отказалась с нами ехать, – справедливо заметил я. – Мы тебя звали купаться. Кстати – было весело. Вода теплая, тиной не пахнет, и мы с Женькой в нее, стало быть, голенькими...

– Какая ты все-таки скотина, Смолин, – в голосе моей бывшей наконец-то появились знакомые нотки. Эдакая смесь раздражения и предвкушения перед скандалом средней умеренности. – Знаешь, мне не очень интересны рассказы о том, где и с кем ты там нагишом купаешься. Я просто хотела сказать, что мы с тобой интеллигентные люди.

– Эй-эй-эй, – остановил я ее. – Ко мне это определение не подходит. Из данного сословия меня в свое время с треском вышибла достойнейшая Полина Олеговна, приходящаяся тебе мамой. Как там она сказала, когда ты ее притащила с собой в ЗАГС на развод? «Очень хорошо, что вы не завели детей. Представляешь, Светочка, какую наследственность они могли бы получить от этого типа». Так что я не интеллигент, это уж точно. С моими-то маргинально-криминальными наклонностями.

– Мама сложный человек, – немедленно заступилась за мою бывшую тещу Светлана.

– Вот ты и просидишь с этим сложным человеком в четырех стенах до старости, – не стал даже особо выбирать выражения я. – Она тебе еще поводок купит и будет два раза в день на прогулку выводить, чтобы в сторону не вильнула.

А с учетом того, что мамаша ее ведьма и сосет потихоньку жизненную силу из доверчивых дурочек, проживет она еще очень долго. Может, даже саму Светку переживет. Правда, про это я ей говорить не стану. Все равно не поверит.

– Зато ты будешь цвести и пахнуть! – наконец-то не выдержала и сорвалась на крик моя бывшая.

– Именно, – подтвердил я. – А еще веселиться, есть жирную пищу, пить вкусное вино и купаться нагишом в компании юной крепкогрудой рыжеволосой нимфы!!!

– За «юную» спасибо, конечно, но вот все остальное меня настораживает, – вернувшись из туалета Евгения снова села за стол. – Причудливые у тебя фантазии, Сашка. Хорошо, что я тебе свой адрес «смской» не прислала.

Я показал на телефон и беззвучно произнес: «Бывшая».

– Саша, я так рада что мы с тобой наконец-то выбрались в этот ресторан! – моментально сориентировавшись и даже подавшись вперед, к

трубке, буквально пропела Мезенцева. – Но, милый, сколько можно говорить по телефону? Я скучаю. А еще я хочу шампанского! И ананас!

Сдается мне, что Светка хорошо все расслышала и сделала определенные выводы, потому что почти сразу после реплики Евгении связь с ней разорвалась.

– Психанула? – понимающе кивнула Мезенцева. – Бывает. Но, вообще, это и к лучшему.

– Ты еще скажи, что разбитого не склеишь, – с невеселой иронией поддержал ее я. – Или что подобное с корнем надо из сердца вырывать.

Хорошего настроения как не бывало. На душе отчего-то стало пакостно, будто я только что подлость сделал. Блин, ну вот что Светка за человек такой, вечно умудряется в каждую кастрюлю плюнуть. Все же давным-давно закончилось, чего ей от меня еще надо?

– Не скажу. – Женька посмотрела на свою опустевшую кружку, а после ухватила мою, в которой еще что-то осталось. – Я не девочка-припевочка, гляцевые журналы не читаю и сериалы не смотрю, потому в высоких чувствах не разбираюсь. Зато точно знаю, что все равно ничего у вас не получится. И дело не в том, что... Как ты там сказал? «Разбитого не склеить»? Так вот, не поэтому.

– А почему?

– Саш, ты больше не человек, – почти равнодушно ответила Мезенцева и отпила морса. – Хотя нет, не так. Ты человек, но не такой, как все.

– Избранный? – не удержался я от шутки.

– Ты ведьмак, – без тени раздражения произнесла девушка. – У тебя теперь свой путь, и места каким-то другим людям рядом с тобой больше нет. Имеется в виду, людям, которые живут обычной жизнью. Ходят на работу, копят на отпуск, воспитывают детей. Они могут быть твоими приятелями, с которыми можно выпить, или приятельницами, с которыми можно перепихнуться, но не более того. Близко к себе ты никого больше не подпустишь. И чем дальше, тем больше ты будешь отдаляться от тех, кто существует в мире Дня. Такова жизнь. Прими это как данность.

Не скажу, что ее слова меня удивили. Мне подобные мысли приходили в голову, только вот я их из нее гнал. Но факт есть факт – даже с Дарой мне теперь было общаться проще, чем с коллегами по работе. Ну да, за эту неделю я создал себе иллюзию того, что банк для меня по-прежнему дом родной, и только там я на своем месте.

Только это был самообман. Я сам себе это внушал, чтобы не думать о том, что скоро все может измениться. И если бы не прямолнейная

Мезенцева, то, может, я в эту иллюзию сколько-то времени еще верил.

– Если тебя это успокоит, то нам не лучше, чем тебе, – продолжала препариовать меня Евгения. – А Кольке так даже и хуже. У него с ведьмой любовь. Мучаются оба, а сделать ничего нельзя. У нее ковен, у него служба. И в любой момент может выйти так, что одному придется убить другого. Один раз до такого чуть не дошло уже, прошлой зимой, прямо перед Новым Годом. Его Людку здорово тогда подставили, через нее пытались к Нифонтову подобраться. Правда, фиг чего вышло, но факт есть факт.

– Жесть, – проникся я. – А ты? У тебя по той же причине личной жизни нет?

– Будем считать, что уколол, – Мезенцева улыбнулась, на ее щеках обозначились ну очень пикантные ямочки. Всегда от таких млел. – Нет, не по этой причине. Просто не складывается как-то. Бывает и такое. Хотя так даже лучше. Голова посторонними мыслями не занята, все время работе отдать можно. И, Саш, давай без этих подкатов, типа: «Встретились два одиночества». Ты ведьмак, я сотрудница отдела 15-К, так что даже не начинай. Да и потом... Скажу честно – не в моем ты вкусе. Ну вот извини.

– Да у меня и в мыслях не было, – опешил я.

Причем не соврал. Я и правда не рассматривал ее в качестве возможной мишени для метания стрел Амура. Не до того мне было. Наши с Женей встречи обычно сопровождались некими происшествиями и событиями, которые напрочь убивали романтический настрой.

Хотя она, конечно, хорошенькая. Не отнять.

– Светлана твоя еще не перегорела, – с какой-то даже печалью сообщила мне Женька. – Я женщина, я вижу. Нет, там не любовь, там скорее грусть по нереализованным планам, которые она для вас двоих наметила. Мужчину женщине забыть легко, а вот свои мечты, в которых он участвует, куда сложнее. Особенно если натура цельная, а твоя бывшая из таких. Оно тихонько тлело внутри, как угли, ее не беспокоило, а тут тебя черти принесли, вот и полыхнуло по новой. Да еще, похоже, у нее и отношений ни с кем нет. Зря, кстати. Клин клином – это самое надежное в таких случаях.

Я только головой покрутил, переваривая услышанное.

– Саш, у нее корни волос не покрашены, – как-то даже с жалостью произнесла Мезенцева. – И еще куча других признаков, которые ты не заметишь, но я увидела. Нет у нее никого. Но и ты не суйся, ясно? Только хуже будет. Причем ей достанется куда больше, чем тебе.

– Даже в мыслях не было, – сказал я. – Да и как? У нее мама ведьма.

Кстати, именно она, зараза такая, все нам и порушила.

– Иди ты! – Женька уставилась на меня. – Прямо ведьма? Не в смысле: «чтоб ты сдохла, ведьма», а натуральная?

– Натуральней не бывает, – хмыкнул я. – Сам недавно узнал. Так что не волнуйся и не ревнуй. Твоим буду, никуда не денусь.

– Договаривались ведь, – укоризненно посмотрела на меня Мезенцева.

– Про шутки договора не было, – заявил я. – Что Колька сказал?

– Какой Колька? – захлопала ресницами Евгения. – Ты о чем?

– Ты же ему звонить ходила. Ну не совсем же я идиот, правда? Два и два сложить могу.

– Да прямо уж так и не идиот? – Мезенцева поняла, что палка потихоньку перегибается и выставила перед собой ладони. – Ладно-ладно, глупая шутка. Но я женщина, мне простительно.

Я ничего не сказал, только рукой махнул – излагай, мол.

– «Спасибо» велел сказать за подарок, – сообщила мне Мезенцева. – И еще просил сходить и купить мне чашку кофе и тортика кусочек, того, что с кремом и орешками. Последнее – обязательно.

– Поторопилась ты со звонком, – с некоторым злорадством сообщил ей я. – Я ведь не все еще подарил, что хотел.

– Как, еще что-то осталось? – изумилась Евгения. – Ну-ка – ну-ка! Только сначала торт и кофе, а?

– Не-а, – покачал головой я. – Тебе все одно ему еще раз звонить, вот и воспользуешься моментом, пока я буду в очереди стоять.

А вообще, это свинство. У нее есть телефон для экстренной связи, а у меня нет. Вот так мало ли что – и не дозвонишься никуда. Да, это придирки. Но я имею на это право. Если уж припахиваете меня к своим делам, так будьте любезны соблюдать и мои права.

– Вредный ты. – Женька подперла подбородок ладонью. – Я бы тоже с тобой развелась.

– Вот ты гадости говоришь, вместо того чтобы похвалить, – скорчил обиженную гримаску я. – А стоило бы. Я вам, кроме книги покойного Артема Сергеевича, еще и его слугу нашел. Афанасием кличут.

– Это как у тебя, мохнатого такого? – оживилась Евгения – Он прикольный! Прожорливый, правда, все мое печенье тогда стрескал.

– Он не прожорливый, а полезный. Тоже мне, сотрудница отдела «15-К», – даже немного обалдел я от такой реакции. – Представь себе, сколько всего этот мохнатый бедолага знает. И рассказать сможет. Причем, заметь, без малейшего нажима с вашей стороны.

– Сейчас не поняла, – посерьезнела Мезенцева.

– Его Афоней зовут, и он теперь бомж, – объяснил я. – В прямом смысле. Хозяин помер, сила его почти целиком в никуда сгинула, так что служить ему некому теперь. Вот он и бродяжит. Мало того – спиваться начал.

– Бе-е-едненький, – жалобно вздохнула Женя.

Отдельно замечу – абсолютно искренне.

– Вот-вот, – поддержал ее я. – Так давайте, приютите его у себя, к делу приставьте какому-нибудь. Это существа работающие и неглупые, поверь, я знаю, о чем говорю. И доверять им можно, не то что отдельно взятым гражданам. Но только условие – не обижать его.

Евгения задумалась, я же, как и обещал, отправился за кофе.

– Берем, – еще до того, как я поставил перед ней напиток и торт, сообщила мне она, убирая телефон в чехольчик, а чехольчик в рюкзачок. – Нам такие кадры нужны. Слушай, а как ты его вообще нашел?

– Не «как», а «где», – поправил ее я. – На кладбище он временно проживает, на том самом, где его патрона грохнули. Под сенью могил обитает, постоянно голодный, зато перманентно поддатый. Надеюсь, не надо объяснять, что я там, на кладбище, делал?

– Почему же не надо? – Женька колупнула ложечкой торт. – Обязательно надо!

– Не налей, рыжая, – посоветовал ей я. – Меру знай.

– За «рыжую» потом отдельно с тобой рассчитаюсь, – пообещала мне Мезенцева. – Еще в детстве задолбали меня этим словом. Но мера наказания будет смягчена за то, что «бесстыжая» не добавил. И все-таки?

– Жень, работаю я там, – устало произнес я. – Сама же говорила – отношения с миром у меня перешли на другой пласт бытия, потому для меня кладбище теперь если и не родной дом, то уж точно не просто место последнего упокоения людей. Там его и встретил. Пообещал помочь, пристроить в хорошие руки.

– Мои – хорошие? – Женька показала мне свои ладошки.

– Прекрасные, – заверил ее я. – Лучшие в мире. Так бы целовал и целовал.

– Дурак, – не оценила мой комплимент девушка и снова начала поглощать торт.

Собственно, на этом наш то ли обед, то ли ужин и закончился. Минут через пятнадцать мы вышли на улицу, где оказалось неожиданно хорошо.

Пока мы ели, пили и общались, облачность рассеялась, и сейчас небо радовало взор той особенной пронзительной предвечерней синевой, которая говорит любому москвичу о том, что лето заканчивается и осень

уже стоит на пороге.

– Слушай, а когда этого Афанасия забрать можно будет? – уточнила Мезенцева, поправляя лямки рюкзака.

– Да хоть бы в среду, – предложил я. – У меня на кладбище дела кое-какие есть, я туда ближе к ночи собираюсь наведаться. Давай созвонимся, вы подъедете, я к вам его выведу.

– Что за дела? – заинтересовалась Евгения. – Надеюсь, ничего противозаконного?

– Ну разумеется. Как ты могла так плохо про меня подумать? – притворно оскорбился я, а после без утайки рассказал ей о том, что собираюсь посмотреть на то, как снимают реалити-шоу.

А что такого? Не секретная же информация. К тому же, как мне показалось, это не стало для нее новостью. Не умеет она пока так, как ее напарник, эмоции прятать.

Хотя один факт я все-таки утаил. Про колдуна, того, что не поддельный, а настоящий, ничего не сказал.

В конце концов, я у них не на жаловании, так что перебьются. Кто знает, что они потом с этой информацией сделают, правильно? И как это на мне аукнется, тоже неясно. Ну как колдун проведает, кто его оперативникам слил? Сейчас у меня с этим товарищем, если можно так сказать, нейтралитет. Мы просто незнакомы, вот и все. И зла ему на меня держать не за что. Но узнай он, что я его сдал, то вражды не миновать. Я бы точно разозлился в такой ситуации и тому, кто мне насвинячил, козью морду соорил бы наверняка.

Оно мне надо?

– Может, прогуляемся? – предложил я Мезенцевой и согнул свою руку «крендельком». – Растрясем, так сказать, жиры?

– Не-а, – покачала головой та. – Извини. У меня еще планы на сегодня есть. Спасибо за компанию и все остальное. Все, на созвоне!

И, помахав мне ладошкой, она шустро припустила в сторону «Детского мира». Мелькнула, как рыбка в море, ее рыжая голова и скрылась из вида.

– Вот так всегда, – вздохнул я. – «Динамо-Москва», далее везде.

Я постоял еще минуту, поглазел на людей, да и зашагал к метро.

Добравшись до дома, к себе я сразу не пошел, а поднялся на пару этажей повыше. Если уж сегодня я решил переделать все дела, то надо и это, последнее, до ума довести.

К моему великому удивлению, дверь маринкиной квартиры распахнулась почти сразу после того, как я в нее позвонил. Правда, лучше

бы я этого не делал.

– Вашу маму! – отскочил я назад, увидев, что именно стояло за дверью.

Внешне это напоминало мою соседку, но вот только сходство было очень и очень приблизительным.

Глаза, густо обведенные чем-то черным, под ними все было густо замазано белилами или чем-то подобным, трехцветные лохмы, свисающие почти до груди, и невероятно колоритное рубище, расшитое бисером и мелкими куриными косточками. Вот такое вот диво дивное стояло на пороге и таращилось на меня.

– Кто ты, странное создание? – опасливо поинтересовался я. – И куда ты дело недалекую, но все-таки родную мне Марину? Надеюсь, ты ее не сожрало?

– Смолин, хорош прикалываться, – попросила меня чуда-юда. – Как, впечатляет?

– Очень, – признался я. – Вот только имей в виду, что мое мнение – оно нейтральное, ни к чему не обязывающее остальной мир. А вот точка зрения санитаров с крепкими руками и смиренной рубашкой может стать определяющей. Марин, ты в своем уме?

– Там все такие! – насупилась соседка. – Это тренд, Смолин, тренд. Если прийти на «Магическое противостояние» одетым как всегда, побудничному, то ловить будет нечего. Там главное запомниться!

– Марин, но не настолько же, – попытался вразумить я расстроенную девушку. – К тебе сейчас даже слово «чумичка» применить нельзя.

За моей спиной хлопнула дверь, и на лестничную клетку вышла баба Зоя, маринкина соседка, старушка мирная и дружелюбная, в распространении сплетен и слухов не замеченная. Как видно, в магазин собралась, поскольку в руках у нее была хозяйственная сумка.

Она подслеповато глянула на меня, потом на Маринку, на секунду застыла, сняла с носа очки, протерла их, снова напялила, перекрестилась, и со словами:

– Господи Христе и святые угодники! – быстро скрылась за дверью своей квартиры. Следом за этим лязгнули замки – баба Зоя готовилась к отражению атаки нечистой силы. И я ее понимаю – такое диво дивное на своей лестничной площадке увидеть! Любого проймет.

– Пошли внутрь, пока ты весь дом не перепугала, – предложил я Маринке.

Та мотнула головой, приглашая меня зайти в квартиру.

– Значит, фигня получилась, – констатировала соседка, глядя на себя в

зеркало. – Печалька. Три часа работы коту под хвост. Зараза, зачем я только на этот балахон столько времени угробила?

Что к подбору гардероба Марина подошла с душой, было видно сразу. У нее всегда в квартире царил Великий Хаос, но сегодня это было особенно заметно. Из гардеробов было вытащено все. Ну или почти все.

Даже не вытащено – выволочено. И свалено в центр комнаты.

– Н-да, – я переставил с подлокотника кресла на стол две пустые чашки, после снял с его спинки кружевной лифчик и бросил в общую кучу. – Ты реально настроена на победу, моп аті.

– Само собой, – ответила мне Маринка и стянула через голову жуткий балахон, побрякивающий косточками. – Или быть первой, или никакой. И, Смолин, не вздумай говорить, что я максималистка или что это у меня гормоны в заднице играют.

– Даже не подумаю, – заверил я ее. – Тем более, что я тебя сейчас не очень-то и слушаю. Мне смотреть интересней.

Нижнего белья на ней, как и следовало ожидать, не имелось.

– Смотреть можно, трогать нет, – девушка передернула плечами, ее упругие груди забавно дернулись. После этого мне был показан розовый язычок, и красота скрылась от моего взора под длиннющей, явно мужской, футболкой.

– И рад бы, да вот беда – мне это уголовный кодекс запрещает, – решил я не оставаться в долгу.

– Сейчас по всем законам жанра я должна спросить у тебя – при чем тут уголовный кодекс?

– Должна, – подтвердил я.

– Спрашиваю, – и девушка изобразила жест из серии: «А теперь выкладывай».

– Закон запрещает вступать в интимные отношения с представителями животного мира, – печально объяснил ей я. – А ты сейчас не совсем человек. Ты некий новый подвид – девочка-панда.

– Очень смешно, – демонстративно похлопала в ладоши Марина. – Еще немного, и тебя можно выпускать на сцену, как профессионального стендапера.

Но все-таки слова мои ее зацепили, поскольку после своей реплики она отправилась в ванную, где тут же зажурчала вода.

Вернувшись в комнату уже в привычном мне виде, она сбросила с дивана кучу вещей прямо на пол, плюхнулась на него, уставилась в потолок, печально сообщив мне:

– Идеи кончились.

– Мне кажется, ты просто зациклилась на экзотике, – предположил я. – Вот это безобразие никак не может принадлежать Верховной дриаде. Это больше подходит какой-нибудь кликуше времен Ивана Грозного.

– А что подходит дриаде? – перевела взгляд на меня Марина. – Твои предложения?

– Что-то более строгое и загадочное, – произнес я. – Без большого количества атрибутики. Ну какой-то такой плащ средневековый, чтобы до пят и блестящий, с прорезями для рук по бокам. Шелк там или что-то вроде этого.

– Ну-ну-ну, – уже непритворно заинтересовалась соседка. – Продолжай.

– А все, – ответил я. – Если плащ глухой, то больше ничего и не надо. Разве что застежку прицепить под горло. Знаешь, помассивней, в виде цветка или ветки. Блескучую. Раз ты дриада – надо такую. А еще браслеты на руки, тоже такие, основательные.

– И волосы. – Маринка пригладила свои растрепанную после парика шевелюру. – Вот так, можно даже с пробором. И тут заколками. Слушай, Смолин, а мне нравится! Плащ я у Жанны возьму, у нее такой есть, зелененький. Она его на «еВау» заказывала, чтобы своему Максусу сюрприз устроить. Они в нем в ведьму и инквизитора играли.

– В жизни бы не подумал, – впечатлился я.

Видел я эту Жанну. На вид тихая, спокойная девушка, и на тебе. Ведьма и инквизитор. Страшно представить, что из себя представляли эти игрища.

– Брошка. – Маринка разворошила грудку вещей на полу, потом подскочила к секретеру и покопалась там. – Была у меня одна, в виде виноградной грозди, страшная до ужаса, один придурок подарил. Блин, куда же я ее убрала? Помню, у меня шкатулка была, я туда всякий хлам складывала.

Она оставила секретер в покое и постояла секунду на месте, соображая, где же еще могло быть искомое. Потом ей в голову пришла какая-то идея и она умчалась в маленькую комнату, откуда немедленно раздались звуки, из которых можно было понять, что там тоже начались разгром и разруха.

В этот же момент с кухни беззвучно появился Вавила Силыч, приложил палец к губам и ужом ввинтился под диван. Пробыл он там недолго, появился обратно весь в пыли, но зато с палехской шкатулкой в руках.

– Всем домом собираем, – сочувственно прошептал ему я.

Подъездный понимающе покивал и снова убежал на кухню.

– Марин, не это ищешь? – крикнул я. – Вот тут какая-то шкатулка под креслом валяется.

Естественно, это оказалась именно она. Маринка сочно чмокнула меня в щеку и торжественно предъявила мне брошь белого металла с зелеными камушками.

– Шикардос, – высказал свое суждение я. – А как будет блестеть в свете камер!

– Скажу, что некогда эту брошь сработал один из учеников Веланда, – немедленно начала фантазировать Маринка. – И делал он ее для... Ну-у-у-у... к примеру, Морганы.

– Тебя не смущает то, что они, вроде, не в одно время жили? – неуверенно спросил я.

– Так ученик, – возмутилась девушка. – Не сам же Веланд. Да ты вообще не знаешь, кто это такой был, так что не умничай.

Вот и зря. Я читал европейские дохристианские мифы и наслышан про великого кузнеца.

– А в наш род она попала в семнадцатом веке, – продолжала вещать Маринка. – Ее моей прапрапрабабке подарил... Граф Сен-Жермен!

– Где ты берешь эту траву? – восхищенно спросил я у нее. – И когда успеваешь ее курить?

– Либо молчи, либо проваливай, – потребовала девушка. – У меня творческий экстаз.

– Слушай, погоди маленько с экстазом, – попросил я ее. – Сейчас я тебе кое-что скажу, а потом твори, чего захочешь.

– Ну, что еще?

– Только так, – я встал с кресла. – Давай договоримся сразу – ты не спрашиваешь у меня, откуда я что знаю. Все одно не скажу.

– Прямо заинтриговал, – в глазах Маринки блеснуло любопытство. – Ладно, не спрашиваю.

– Я серьезно, – предупредил ее я. – Будешь донимать, в жизни тебе больше не помогу.

– Договорились, – пообещала девушка. – Если я нарушу эту клятву, то до пенсии буду ходить с тобой на встречи твоего класса и делать вид, что ты мой любимый мужчина. Пусть тебе все завидуют. А одноклассницы кусают ногти на ногах, осознавая, что упустили такого самца.

Вот зараза. И просил-то только один раз об этом одолжении. Причем, что особенно обидно, Маринка со мной тогда так никуда и не пошла. Она про эту просьбу просто-напросто забыла, сразу после того, как я исчез из

поля ее видимости.

– По рукам, – согласился я. – Дай мне листок бумаги и ручку.

– Зачем? – удивилась Марина.

– Схему кладбища чертить буду, – объяснил ей я. – А ты потом заучишь, где там одна могила находится. Поверь, в среду она очень тебе нужна будет.

Глава двенадцатая

Даже сидя на следующий день на работе, я вспоминал о том, как Маринка, выслушав меня, немедленно нарушила данное обещание. Инстинкт журналистки пересилил разум, после чего соседка вцепилась в меня как клещ со своими бесконечными «как» и «откуда узнал». В ход пошло все – она увещевала меня добром, пугала потопом и поджогом, даже пыталась, игриво подмигивая, взгромоздиться на мои колени, чем окончательно убедила меня в том, что нравственные начала в ней погибли, не родившись.

Финальным аккордом явилась проникновенная речь о том, что она нынче же украдет младенца у какой-нибудь особо многодетной цыганской семьи, где-нибудь в районе «Трех вокзалов», и выдаст сие невинное дитя за плод нашей с ней греховной страсти. И вот тогда-то мне мало не покажется!

Подобным обещанием проникся даже Вавила Силыч. Дело было на кухне, а потому мне довелось лицеизреть его округлившиеся то ли от удивления, то ли от восхищения глаза. Он настолько заслушался Маринкиным феерическим бредом, что наполовину высунулся из вентиляционной шахты.

В результате, я в буквальном смысле плюнул в раковину, пообещал соседке, что отныне пальцем не шевельну, чтобы ей помочь хоть в чем-то, и покинул ее квартиру.

Воистину – не делай добра, и тогда тебе никто не будет приседать на мозги.

Кстати – она мне еще и звонила на смартфон потом, с интервалом в пять минут. Позвонит – постучит в дверь. Позвонит – постучит в дверь. Просто по-другому я ее не слышал, звонок-то дверной не работает. Молодец Родька, что проводок перерезал. Если смартфон на беззвучный сигнал можно поставить, то дверной звонок – фигушки.

И сегодня она мне названивала. Двадцать шесть пропущенных – все от нее.

– Смолин, а ты, я погляжу, кому-то сильно нужен, – сообщила Наташка, которая не могла не обратить внимания на мой периодически жужжащий вибровзвонком смартфон. – Это кто же тебя так помогается?

Она бросила в «мусорку» пластиковое корытце из-под салата, которым только что пообедала, и выжидательно уставилась на меня.

– Много будешь знать – плохо будешь спать, – не очень вежливо, зато предельно ясно ответил ей я.

– В этом плане мои дела и так не ахти, – печально поведала мне Федотова. – Муж из командировки приехал, кончился безмятежный сон.

– Понимаю, – сально ухмыльнулся я.

– Да чего ты понимаешь, Смолин? – Наташка глянула на меня так, как старшеклассница смотрит на пятиклашку, который перед друзьями изображает взрослого дядьку, знающего толк в женских прелестях. – Понимает он.

– Храпит? – утвердительно спросила Ленка, ехидно улыбнувшись.

– Мочи нет, – подтвердила Федотова. – Хоть из квартиры беги. Стоп. А ты откуда про это знаешь?

– Догадалась, – заверила ее подруга – Богатый жизненный опыт.

Федотова нехорошо уставилась на нее, ее наманикюренные пальчики барабанили по пластиковой поверхности стола.

– Да не смотри ты на меня, как предправ на предписание ЦБ, – попросила ее Ленка – У меня законный супруг имелся год с копейками назад, если ты не помнишь. Ровно то же самое, проблем ночью больше, чем пользы. На мне всего-то три минуты пыхтит, но зато потом шесть часов с чувством выполненного долга храпит.

– Ну да, ну да, – глаза Федотовой нехорошо сузились. – И это мне тоже до боли знакомо.

– Пойду, отдам Гусарову документы, – встал из-за стола я. – А то он звонил, ругался.

На самом деле, депозитарщик мне, конечно, не звонил, но быть свидетелем разборок двух женщин мне не хотелось, больно это дело небезопасное. Время от времени подобные инциденты имели место быть, особенно если учесть, что Ленка и Наташка давно и плотно дружат. Кстати, Наташка в разводе Ленки с ее бывшим, как я догадываюсь, сыграла не последнюю роль. Подробности не знаю, но хорошо помню, что эта парочка целый месяц после не разговаривала, в аккурат до того самого момента, как нам подарили литровую бутылку «мартини». Вылакав ее на пару, они простили друг другу все, долго плакали и рассказывали мне, какие мы, мужики, сволочи.

Вот только, сдается мне, Ленка Федотову до конца за тот случай не простила. Больше скажу – подозреваю, что она сейчас специально подставилась, больно улыбка была пакостная. Не иначе как подходящий момент выжидала. И если я прав, то надо на сегодняшний день искать себе какое-то временное пристанище. В нашей каморке нынче будет очень

жарко, несмотря на то, что в городе изрядно похолодало.

Что примечательно, банковские служащие плохую погоду очень даже уважают. Чем хуже на улице, тем спокойнее у нас. Просто поток посетителей изрядно мелеет при погодных катаклизмах. Нет, юридические лица, которых у нас ласково называют «юрики», посещать банк не перестают, служба есть служба. Кому выписка нужна, кому кредит – вариантов масса. Зато «физиков» становится куда как меньше. Дождь распугивает, как пчел, разговорчивых бабушек, неугомонных домохозяек, щетинистых ребят в кожаных куртках, пребывающих в вечном поиске хорошего курса евро, и просто городских сумасшедших.

Прямое подтверждение моим словам – тишина в операционном зале. Только у пары стоек сидели какие-то люди, да вышеупомянутому Гусарову выносила мозг очень симпатичная, хоть уже и не слишком молодая женщина. Причем эмоции переливались через край, она так активно жестикулировала, что напоминала мельницу. Сходства добавлял и ее высокий рост.

Делать мне было нечего, потому я решил пойти и послушать, что же такое этой красавице в возрасте нужно от бедолаги-депозитарщика. Не думаю, что там будет нечто оригинальное, скорее всего, она ключ потеряла от ячейки и теперь не хочет платить за ее вскрытие, но мало ли?

Какое-никакое, а развлечение.

Компанию этим двоим составлял плотный представительный мужчина, который, похоже, сопровождал машущую руками мадам. Впрочем, в беседе он участия не принимал.

– Мне нужны документы из ячейки, – хлопнув ладонью по стойке, сообщила Гусарову женщина, как бы ставя его перед фактом. – Понимаете? Жизненно необходимы.

– Понимаю, – невозмутимо ответил ей Витод. – Если у вас есть ключ от нее, то мы можем прямо сейчас спуститься вниз, и вы их заберете.

– Молодой человек, вы меня слышите вообще? – женщина посмотрела на своего спутника, как бы ища поддержки. – Ключ! Был! У! Моего! Мужа!

– Это все я понял, – заверил ее Гусаров. – Ключ был у мужа, он умер три дня назад. Еще раз приношу вам свои соболезнования. Но только помочь вам ничем не могу. Нет ключа – нет доступа к ячейке.

– В договоре написано, что я тоже имею право доступа к абонированному им депозитному сейфу, – потрясла перед носом Витьки изрядно помятыми бумагами женщина. – Вот! Обеспечьте мне этот доступ!

– Нет проблем, – с готовностью ответил Гусаров. – Как только вы предъявите мне ключ от вашей ячейки и паспорт или какой-то другой

документ, удостоверяющий вашу личность, так мы сразу вниз и спустимся. У вас есть ключ?

– Ключ был... – голос женщины потянулся к высоким нотам, но фразу она не закончила, зато обратилась к своему спутнику: – Алексей Николаевич, может быть, вы поговорите с этим юношей? Мое терпение кончилось.

– Не имеет смысла, – негромко ответил ей мужчина. – Он действует по инструкции и от нее не отступит ни на йоту. Не так ли, э-э-э-э... Виктор?

– Именно, – подтвердил Гусаров. – Руководство сразу звать, или еще меня убеждаете?

Кроме скуки у него в голосе ничего не было. Ситуация типовая, подобное происходит, конечно, не каждый день, но раза два в неделю точно. Несмотря на то, что у нас большой депозитарий, свободных ячеек в нем, как правило, немного, все заняты. И, как водится, клиенты ключи от своих сейфов теряют, куда-то кладут и забывают куда, и даже топят в унитазах, а после приходят сюда и начинают качать права.

И это при том, что каждый был предупрежден об уникальности их экземпляра ключа. Ну вот нет у них дубликатов. В том и смысл. Один ключ у тебя, второй, «мастер», у депозитарщика. Ячейка откроется только тогда, когда они оба синхронно повернутся в замках, так и никак иначе. Короче – если потерял ключ, то все, дальше только взлом. Причем за отдельную немаленькую комиссию.

– Не воспоследует? – понимающе спросил у Витода мужчина.

– Боюсь, что нет, – подтвердил его опасения Гусаров. – Нужен ключ.

– Но в договоре Жанна Анатольевна тоже указана, – уточнил мужчина. – Нет ключа – давайте вскрывать, мы все оплатим.

– Нельзя, – развел руками Витод. – Я помню этот договор, он заключался на особых условиях. Сейф можно вскрыть только в присутствии вашего супруга.

– Он умер!!! – припечатала ладони к стойке женщина. – Умер он! Не может он сюда прийти для этих целей. Его самого на днях вскрывали прозекторы, вот какая штука!

– Значит, несите оригиналы документов, подтверждающих то, что вы вступили в право наследования, – невозмутимо предложил Гусаров. – Ну или нотариально заверенные копии.

– Полгода, – выдохнула женщина. – Леш, это все.

– Ну не полгода, меньше, – ответил ей мужчина. – Хотя, конечно, затянуть процесс возможно, это да. Завещание, то, се... А время работает против нас.

– Сань, ты чего-то хотел? – Витод демонстративно повернулся ко мне, показывая клиентке, что разговор окончен.

– Не то чтобы... – ответил я – Там у тебя новые договора есть, нам бы их глянуть. Вдруг кто по нашему ведомству проходит?

– Не проблема. – Гусаров поправил галстук. – Сделаю.

– Он сделает! – взвинчено среагировала на его слова женщина. – Что вы в этом вашем банке вообще сделать можете?

– Вот ты дура! – вступил в беседу новый собеседник, обладающий довольно-таки писклявым голосом. – Дура! Они-то тут причем? Это ты обшарила все что можно в обеих квартирах, чуть ли не полы вскрыла, а на дачу съездить не догадалась. Ну ведь проще же простого додуматься, что ключ там!!!

Я с изумлением увидел забавно выглядящего толстяка. Галстук у него был сдвинут к правому уху, рубаха расстегнута так, что пупок просматривался, и весь он был какой-то взъерошенный.

А еще он мне был откуда-то знаком. Но вот откуда?

Тем временем беседа продолжалась, причем на слова толстяка никто даже внимания не обратил. Да это и не странно. Он ведь был призраком. Причем довольно свеженьким, я уже научился классифицировать эту публику.

Стоп! Вот откуда он мне знаком. Это же его тогда непонятная серая пакость за шею обнимала. Кстати, совсем забыл спросить у Хозяина кладбища, что это за сущность была, а ведь хотел.

Хотя теперь и так понятно, что она напрямую связана со скоропостижной кончиной этого гражданина. Но в среду все одно поинтересуюсь, что это такое. Интересно ведь. Может, это проклятие? Или просто нечто с той стороны, вроде вестника смерти?

Любопытно, а что было бы, захоти я этой серой гадости помешать? Хотя, с другой стороны, как? Сказать тогда вот этому пузану, что его вот-вот отправит в небытие некая субстанция, которую кроме меня никто не замечает?

– Ты меня видишь! – проорал вдруг призрак и ткнул в мою сторону пальцем. – Точно видишь!

После этих слов я развернулся на каблуках и прогулочным шагом отправился к выходу из операционного зала. Вот только общения с умершими мне на работе и не хватало.

– Стой! – раздалось мне вслед – Куда!

Куда, куда... Куда подальше. Лучше бы сидел у себя и в бумагах копался под ругань моих сокамерниц.

Или пошел в цоколь и пообедал. Чего меня в операционный понесло?

– Ты должен мне помочь! – уже на лестнице, ведущей вниз, к комнатухе с холодильником, догнал меня толстяк. – Ты обязан!

Я упорно делал вид, что не вижу и не слышу его.

– Стой, – призрак попробовал схватить меня за плечо, но безуспешно. – Ты не можешь вот так взять и сделать вид, что меня нет.

Почему не могу? Запросто могу. Более того – этим и занимаюсь.

Надо заметить, что толстяк оказался упорным. Он бубнил без остановки все время – когда я мыл руки, когда разогревал бутерброды в микроволновке, когда их ел. Он требовал и угрожал, стращал меня какими-то своими знакомыми в Центральном Банке и просто бандитами. Под конец он даже начал ссылаться на кого-то из правительства.

Но я знай молчал, жевал и копался в смартфоне, время от времени сбрасывая вызовы Маринки.

Наконец он притих, а после начал петь! Реально – петь. Если учесть то, что голос у него и при разговоре был малоприятным, то про вокальные экзерсисы говорить даже не приходится. Что там – в какой-то момент мои уши впервые в жизни зашевелились, стремясь закрыть слуховые отверстия, дабы спасти меня от этой пытки.

Ладно, не вышло по-хорошему. Будет по-плохому.

Я встал, приоткрыл дверь, убедился в том, что в цоколе никого нет, и негромко спросил у призрака:

– Кина насмотрелся?

– Ага! – радостно заорал тот и ткнул мне в грудь пальцем. Точнее – попытался ткнуть.

– Слушай, я не Вупи Голдберг, а ты не Патрик Свейзи, – сообщил я радующемуся призраку. – Хотя нечто общее в ситуации, конечно, есть. Банк, например. Но не суть.

– Пошли наверх, – потребовал толстяк. – Скажешь моей жене, где ключ от ячейки!

– Бегу и падаю, – фыркнул я. – Вот мне делать больше нечего. С какой радости?

– Да хотя бы потому что... – начал было запальчиво толстяк, а потом замолчал.

– Ну вот, успокоился, подумал и что-то понял, – сообщил я ему. – Верно. Я тебе ничего не должен.

– А не боишься? – призрак вдруг немного поменял цвет, по краешкам синевы прошли багровые всполохи. Забавно, стало быть, так они выглядят, когда злятся. – Я все-таки теперь...

– Кто? – насмешливо спросил у него я. – Мужик, я тебя, наверное, расстрою, но ты теперь вообще никто. Ты сгусток энергии, который по непонятной причине не отправился за пределы мира после смерти физического тела. Или хотя бы на погост, где закопали то, что раньше было твоей жирненькой плотью.

Вот тоже интересно – а почему кто-то сразу уходит туда, откуда нет возврата, кто-то застревает на кладбище, а кто-то вообще бомжует, вот как этот толстяк? Каков принцип отбора? Ну не жеребьевка же? Не в «камень-ножницы-бумагу» они это где-то там, на облаке, разыгрывают, дружно крича «У-е-фа!».

Может, дело правда в неких незавершенных делах?

– Ну жизнь я тебе попортить все равно могу, – заявил призрак, но, правда, уже без спеси, которая так и сквозила в его голосе пару минут назад. – Наверняка методы есть.

– Наверняка, – признал я, а после схватил его руку и сжал посильнее. – Вот только я терпеть это не собираюсь, понятно? Ты думаешь, я каждой дохлятине буду предоставлять возможность права качать? Все, приятель, тебе пора, твой поезд отходит! Не знаю точно куда, но билет сейчас прокомпостирую!

И я поднял вторую руку, собираясь припечатать свою ладонь ко лбу призрака.

Кстати – этот жжется меньше, чем обитатель Южного порта. Покалывание в руке и неприятные ощущения наличествуют, но с тем старым чортом было куда больнее. Видно, в нем злости и грязи душевной много скопилось.

– Не надо! – испуганно заорал он, и задергался, как рыба на крючке. – Не надо! Алла пропадет без меня! Не надо!!!

– Не надо, – проворчал я, отпуская призрака, который немедленно отскочил от меня куда подальше, а именно – к холодильнику. – Как хамить – так это можно, а как за горло возьмешь, так сразу «не надо».

– Кто ты? – спросил у меня толстяк, потирая запястье. – Кто ты такой? Почему меня видишь? Почему можешь меня... Не знаю, как правильно сказать. Убить окончательно.

– Так бывает, – и не подумал я ему ничего объяснять.

Ради правды, я ведь немного опасался поначалу бродячих призраков, тех, которые попали в разряд «ни богу свечка, ни черту кочерга». Ну кто знает, какие они, на что способны? А тут, оказывается, вообще все просто. Это, по сути, и в самом деле те же бомжи. Нет у них ни документов, ни места проживания, ни перспектив на будущее. И никому они не нужны.

Если мне понадобится потренироваться в отпускании душ, я могу этих беспризорных отправлять в Ничто пачками – и никто с меня за них не спросит. Потому что про них никто и не знает.

– Скажи, парень, как твое имя? – поинтересовался призрак.

– Называй меня Бронко.

– Нет, серьезно, – толстяк подобрался ко мне чуть поближе. – Я вот Семен Маркович.

– Сгинь, Семен Маркович, – насторожился я, услышав шаги в коридоре. – Еще раз тебя увижу, жалеть не стану. Брысь, я сказал!

Лицо толстяка скривилось так, будто он заплакать хотел, мне даже жалко его стало на мгновение. Но не более того, потому что секундой после он выплюнул (по-другому и не скажешь) в мой адрес с изрядным умением сплетенную матерную тираду и покинул комнату прямо сквозь стену.

– Однако, батенька, вы хам! – заметил я ему вслед.

Дверь открылась, в кухоньку, массируя на ходу затылок, ввалился Витод.

– Задолбала меня эта тетка, – пожаловался он мне. – Нет, они все тупые, умных клиентов не бывает по определению, но тут совсем беда. И этот ее муж покойный козлина еще та. Вот нахрена ты заключаешь договор аренды по особым условиям, если знаешь, что твоя жена такая овца? Тьфу!

Отдельно следует пояснить, что часть морально-этических норм, принятых в обществе, в банках не действует. Например, правило «о мертвых либо хорошо, либо ничего» тут не соблюдается совершенно. Это связано с массой причин, но основная – проблемы, которые умершие клиенты создают сотрудникам банка. Они еще при жизни теряют договора, логины и пароли от «банк-клиента», ключи от тех же депозитарных ячеек – и это становится нашей головной болью, поскольку скорбящие родственники непременно хотят получить их добро все и сразу. Ну или хотя бы узнать, что там у покойных за душой имелось.

И скандалят, скандалят, скандалят. Да и то – а где еще-то? У нотариуса нельзя, на похоронах нельзя, даже друг с другом как-то не очень удобно. А в банке – самое оно.

Сам слышал, как одна безутешная вдова сообщила начальнице операционного:

– Если вы такой закон приняли, то меня это не касается.

Это она про закон о наследстве так. Ну не в Думу же идти высказывать претензии, правда? Есть банк. Он у нас основной законодательный орган.

И вот за что нам их любить? Клиентов, в смысле?

Витод сварганил себе кружку кофе, стащил из чьей-то чужой пачки пару печенок и уселся рядом со мной.

– Знаешь, Сань, сказал бы я, что мне эту тетку жалко, но не буду, – задушевно сообщил он мне, кидая сахар в дегтярно-черный напиток. – Хотя без документов из ячейки ей жопа полная, что да, то да.

– Иди ты? – заинтересовался я. – А что за бумаги?

– Я так понял, что уставные на фирму и все такое прочее, – охотно ответил мне Витод. – Точнее – завод. Ее муж мебель производил где-то под Москвой, там территория с Лихтенштейн размером, вот на него рейдеры и наехали. Столько земли, да рядом со столицей! Он оригиналы документов от греха к нам в ячейку сунул, а потом возьми, да и крикни. Причем, по ходу, сам. Даже не помогал никто.

– Странно, – покачал я головой. – Не верю я в такие совпадения.

– И не такое случается, – отпил кофе Гусаров и хрустнул печенькой. – Поверь, я знаю. Да и вообще, Сань, все болезни от нервов, только триппер от удовольствия. Так вот. Теперь без этих документов тетке хана. Так она могла бы отбиться, как минимум в суды уйти, особенно если поддержка со стороны «силовиков» есть. А у нее она есть, тот мужик, что рядом с ней терся, похоже, из них, я эту публику спинным мозгом чую. А теперь шансов ноль, даже с «прикрытием», время против нее работает. Пока она все восстановит, завод по миру пустят. Точнее – по частям продадут. Оборудование одним, землю другим... Ну чего я тебе рассказываю? Сам все знаешь.

О как. То-то этот Семен Маркович так настырничал. Но его можно понять – он-то завод все еще своей собственностью числит, не свыкся пока с новым бестелесным статусом. Естественно, он не хочет, чтобы детище в чужие руки попало.

Только я все равно ничем ему помочь не могу. Да и не хочу, если честно. У меня своих проблем полон рот, мне чужие ни к чему.

Жалко только Семен Маркович мои мысли прочесть не мог, поскольку он появился ко мне этим же вечером в тот же миг, когда Наташка и Ленка, которые весь остаток дня не разговаривали друг с другом, покинули свои рабочие места и отправились по домам.

– Не хотел с вами беседовать при девушках, – сообщил мне призрак, устраиваясь на ленкином стуле. – Тем более, что вы все равно бы мне не ответили. Они же меня не видят.

– С чего ты взял, что я сейчас тебе отвечу? – передернул плечами я, продолжая печатать. – Хотя нет, отвечу. «Нет».

– Прости за банальность, но что «нет»? – вкрадчиво поинтересовался

толстяк, тоже переходя со мной на «ты».

– Все – нет, – объяснил я. – Кроме одного. Если ты попросишь меня отправить твою бессмертную душу на перерождение, это я сделаю с удовольствием.

– Я слышал, как тот... – Семен Маркович пожевал губами. – Твой приятель не очень хорошо отзывался обо мне и моей жене. В чем-то он даже прав. Теперь ты знаешь суть вопроса. Саша, спаси мой завод. Это ведь не только материальный актив, пойми. Ну да, прибыли, обороты – это все так. Но это же еще и люди. У меня там почти две тысячи человек работают. Если завод обанкротят, то они все станут безработными.

– «У них дети, у них семьи, у них кредиты», – закончил за него фразу я. – Знаю, слышал не раз.

Ведь даже имя мое подслушал, прохиндей.

– Именно так, – толстяк сложил призрачные руки на коленях. – Ну не все же мы, заводчики, такие сволочи, как о нас думают и говорят.

– У тебя дети где учатся? – спросил я у него. – Только честно. Я ведь заморочусь, правду узнаю. В сети все есть.

– Нигде не учатся, – немного опешил призрак. – Нет у нас детей. Сначала для себя с женой жили, потом бизнес поднимали, а потом... Как-то не сложилось.

Неожиданно.

– Мы детдом один с Аллой курировали, – сказал Семен Маркович. – Если хочешь, сам зайти, посмотри. Она туда каждую неделю ездила, вещи отвозила, технику разную. Помогали толковым ребятам в хорошие институты поступать, оплачивали их обучение.

И ведь, похоже, не врет. Причем эта уверенность, она у меня изнутри идет, я словно чую правдивость его слов.

– Слушай, я не прошу тебя ехать к нам на дачу, – голос толстяка окреп, он больше не пищал, как днем. – И друга твоего уговаривать не надо, чтобы он Алле помог.

– Ну это и не получится, – хмыкнул я. – Как говорил классик – это утопия. Витод упертый до невозможности, и от инструкции ни на шаг не отступит, даже в том случае, если наш предправ на пару с Набиуллиной вокруг него танцы с бубнами устроят.

– Просто позвони моей жене и скажи: «Ключ от ячейки на даче, в нижнем сейфе». – Семен Маркович спрыгнул со стула и завис в воздухе. – Это все, о чем я тебя прошу. Один звонок, Саша!

– Неубедительно, – произнес я, отправляя документы на печать. – Это нужно тебе, но совершенно ни к чему мне.

– Мне нечем тебя промотивировать, – печально произнес призрак. – Просто нечем. Я все понимаю, тебе нужен стимул, а лучший стимул – это деньги. Ну вот – нет у меня их. И захоронки никакой нет, которую я тебе мог бы сдать. И номерного счета в Швейцарии не имеется. Все что есть – завод да счета в паре российских банков, до которых ты все равно не доберешься.

Врет наверняка. Не может быть, что у такого Семена Марковича где-то да не была припрятана толстая пачка наличных денег. Никогда в такое не поверю.

– Надоел ты мне, – я просмотрел распечатавшийся документ, пробил его дыроколом и вложил в «короновскую» папку. – Как комар – жужжишь, жужжишь. Может, мне тебя все-таки того?

– Хочешь, я на колени встану? – тихо проговорил призрак. – В жизни такого не делал, но если надо...

Это был уже перебор, уж больно гадко у меня внутри стало.

В конце концов – это только звонок.

– Не надо, – остановил призрака, который начал оседать на пол, я. – Хорошо, уговорил.

– Даю слово – после ты меня не увидишь, – затараторил Семен Маркович. – Даже так – если хочешь, то сделаешь то, что собирался. Ну чтобы меня не стало. Так оно даже, может, и лучше будет. Похороны свои я видел, об Алле позаботился, вот и выходит, что все дела завершены. Только удостоверюсь, что она документы забрала, и тогда меня можно, как ты говоришь, «того».

– Видно будет, – поморщился я. – Погоди, я думаю.

Со своего телефона звонить нельзя, мой номер мигом определится, и добрый человек из прокуратуры мигом срисует, кто я есть. Впрочем, дело даже не в симке, по биллингу и аппарат пробить можно.

Вот раньше хорошо было, везде автоматы висели. Купил карточку, позвонил – и концы в воду. В годы моего детства мы так контрольные в школе срывали, сообщали о заложенной бомбе. Ни разу не попалились.

А теперь поди их, поищи.

Размышляя над тем, как бы мне половчее выполнить обещанное, я закрыл кабинет и направился к выходу из банка. Собственно, народ весь уже разбежался, в офисе осталась только охрана, да еще пяток таких же как я ушибленных головой сотрудников, которым особо спешить некуда.

И Силуянов. Он стоял у выхода и нехорошо улыбался, глядя на меня. Уж не знаю, что послужило причиной для этой улыбки, но настроение у меня совсем испортилось.

А если он у нас в кабинете жучок установил и сейчас весь мой разговор слышал? Ну, понятно, что только ту часть, что от меня исходила, но тем не менее?

Блин, как я об этом не подумал?

Понятно, что к делу это не подошьешь, но все равно хорошего немного. В принципе, с подобным материалом можно выйти на ту же Чиненкову, которая заведует кадрами, в нужном ключе прокомментировать – и все, я уйду на улицу, причем без малейших споров, чтобы «волчий билет» не получить. Любому ясно, что нормальные люди сами с собой подобные диалоги не ведут.

Твою-то мать...

В печали я дотопал до Гоголевского, где совершенно неожиданно решил для себя проблему звонка.

На той самой скамейке, где месяц с гаком назад преставился Захар Петрович, вольготно разместились три бомжа. Нет-нет, не хрестоматийных, без «челночных» сумок, груды разномастной одежды и убийственного запаха. Таких у нас не осталось, извели их под корень, по крайней мере в центре. Это были вполне себе приличные бомжи, более-менее цивилизованные. Они даже водку пили из бутылки, замотанной в бумажный пакет.

Но привычки у них остались старые, то есть они поглядывали по сторонам, прикидывая нельзя ли чего-нибудь свистнуть или подобрать, громко смеялись и умело сквернословили. Ну и надрались они тоже уже изрядно, что мне было на руку.

– Стольник заработать хотите? – без прелюдий спросил я у них.

– Что надо? – полюбопытствовал тот, что сидел в центре, с кудлатой бородой и похожий на цыгана.

– Телефон нужен, позвонить, – ответил я и показал ему сторублевую бумажку. – Свой на работе забыл, а телка ждет. Не позвоню – будет ее сегодня кто-то другой огуливать.

– Резон, – согласился бомж. – Витек, ты трубки из сегодняшнего улова еще не скинул?

– Не, – прохрипел его сосед слева, покопался в весьма приличной кожаной сумке, стоящей рядом с ним, и выволок оттуда сразу пяток аппаратов, причем пара из них представляла собой вполне новые, не сказать престижные, модели. – Из парочки даже «симки» еще не вынул.

– Плохо, – пожурил его бородатый. – Палево!

– Хошь звони, хошь купи, – отмахнувшись от своего лидера, радушно предложил мне Витек. – Вот эти по два «косаря», а вот эти – по пять.

Потому как эти трендовые, брат. Все работают, все проверены.

– Спасибо, мне только звякнуть, – отказался я, протянул деньги бородатому, подхватил один аппарат, стараясь не касаться ладони Витька, и тихо шепнул: – Номер.

Призрак тут же забубнил цифры, я еле успевал их набирать.

Трубку сняли сразу же, будто моего звонка ждали.

– Алло, – ответил усталый женский голос.

– Ключ от депозитарной ячейки у вас на даче, – негромко произнес я, так, чтобы бомжи не слышали. – В нижнем сейфе.

– Что?

– В нижнем сейфе на даче, – повторил я и нажал «Отбой», после чего сразу удалил номер из истории звонков.

– Как только все закончится, я приду к тебе, и ты сделаешь то, что хотел, – шепнул мне призрак и исчез.

Да хоть бы даже и не приходи. Не расстроюсь.

Теперь главное, чтобы я вообще не пожалел, что в это все ввязался. Нет, доброта меня когда-нибудь погубит.

И уже на следующее утро я убедился в правильности своих мыслей.

Глава тринадцатая

– Молодой человек, – услышал я оклик, когда уже почти подошел к зданию, в котором располагался наш офис.

Поворачиваться и проверять – не меня ли это окликнули, я даже и не подумал. Не уверен, что утром вторника я тяну на это гордое обращение: «молодой человек». «Помятый человек» – это да. «Сонный человек» – тоже да. Но «молодой»? Не стоит себе льстить.

Потому я спокойно продолжил свой путь и крайне удивился, когда меня кто-то прихватил сзади за локоть.

– Вот сейчас не понял? – изумленно сообщил я крепко сбитому мужчине в черном деловом костюме, который это сделал. – В чем дело?

– С вами хотят поговорить, – вполне дружелюбно сказал крепыш. – Пройдемте.

– Это вряд ли, – помотал головой я. – Мне на работу надо.

Я и вправду не хотел этого делать, поскольку уже увидел, кто именно собирается со мной пообщаться. Это была давешняя клиентка нашего депозитария и супруга недавно усопшего Семена Марковича, та самая, которой я вчера звонил. Она стояла у новенького «Ауди А6» и смотрела на меня. Именно на меня. Стало быть, это я «молодой человек».

Вот ведь зарекался делать добрые дела. Прямо вчера зарекался.

– И все-таки, – мягко, но непреклонно попросил меня мужчина. – Бояться нечего, просто моя хозяйка хочет вам что-то сказать.

У меня не имелось никакого желания общаться с его хозяйкой, но при этом устраивать нечто вроде скандала с вырыванием локтя из его рук и быстрой пробежкой ко входу в банк не хотелось еще больше.

Да и чем мне мог повредить разговор с этой долговязой Аллой? Вряд ли меня станут упаковывать в эту дорогую иномарку, вывозить в лес и там пытаться. Это все из разряда «русский сериал», в жизни так не бывает. Но даже если бы подобное входило в ее планы, то прихватили бы меня не на Сивцевом Вражке, в самом центре Москвы, а у собственного подъезда. Или даже прямо в нем. Другое дело, что я где-то все-таки прокололся, и это обидно. Хреновый из меня конспиратор.

Ладно, пойду. А то вон Вязьмина идет, очочками поблескивает. Сейчас заметит, что меня под локоток мужчинка куда-то ведет, такого напридумывает.

– Хорошо, – сказал крепышу я. – Но имейте в виду, если вы надумаете

меня убивать, то я стану кричать и сопротивляться.

– Я бы тоже так поступил, – одобрил мои намерения мужчина.

Мы пересекли узенькую дорогу, на которой, случается, два больших «внедорожника» разъехаться не могут, и подошли к Алле.

– Это ведь вы мне вчера звонили? – с места в карьер взяла она, пристально глядя мне в глаза.

– Ну я много кому звоню, – неуверенно ответил я. – Служба у меня такая. Я в банке тружусь, вон в том. Сами понимаете, с людьми работаю, потому телефон мое орудие производства.

– Вы, – с уверенностью произнесла Алла. – Это точно были вы.

Я изобразил лицом нечто вроде «Вам виднее». Она подала знак своему телохранителю, тот открыл дверь машины и уселся на водительское кресло. Мы остались с ней один на один.

– Поясню, – опершись на капот, женщина глубоко вздохнула. – Дело в том, что у меня есть в каком-то смысле уникальный талант, до встречи с вами, правда, совершенно бесполезный. Я запоминаю голоса людей. И когда вы мне вчера вечером позвонили, я сразу узнала ваш голос. Точнее, поняла, что слышала его совсем недавно, буквально вот-вот. Я перебрала всех, с кем общалась в этот день, и накануне – все не то. И только под утро вспомнила вас. Уверенности у меня не было, но, поскольку это единственный возможный вариант, то я решила все проверить. И не зря. Это – вы.

Я снова говорить ничего не стал, но добавил растерянности в лицо.

– Откуда вы узнали про то, что ключ на даче? – требовательно спросила Алла. – Это вам сказал он? Семен?

– Мне очень жаль, но я правда не понимаю, о чем вы говорите, – развел руки в сторону я. – Какой ключ? Какая дача?

– Вот этот, – женщина достала из кармашка модного жакета ключ от депозитарной ячейки. – Тот самый, который вчера безуспешно требовал от меня ваш коллега. Он лежал именно там, где вы и сказали, на нашей даче, в нижнем сейфе. Том самом, о котором никто кроме меня и Семы, вообще не знал. Даже те, кто строил дом, и то не в курсе были. Потому что Сема оборудовал это хранилище сам. Сам привез сейф, сам встроил его в стену. Лично. Он ведь рукастый у меня. Был.

Мне очень хотелось сказать: «молодец какой», но я не стал. Очень уж боли много в ее голосе было.

– Вы, Саша... – женщина запнулась. – Вас ведь Саша зовут, я верно вчера услышала?

– Верно, – ответил я. – Саша.

– Так вот. Вы, Саша, точно не могли об этом знать. Никаким образом. Кроме одного. Семен сам попросил вас мне это передать. Не знаю, как ему это удалось сделать, но дело обстоит именно так.

Говоря, она не сводила с меня глаз и когда замолчала, явно ждала какого-то ответа. Естественно, его не последовало.

– Вы так и будете молчать? – спросила у меня Алла.

– Мне нечего вам сказать, кроме одного, – вздохнул я. – Времени почти девять, а я, увы, еще не в банке. Через пару минут начнется рабочий день, и меня оштрафуют за опоздание, чего очень не хотелось бы. Извините за прямооту.

– Да-да, – губы женщины искривила непонятная улыбка. – Это вы извините меня, что я вас задерживаю. Всего доброго!

– И вам до свидания, – с облегчением произнес я и поспешил ко входу.

Интересно, на что она рассчитывала? Что я скажу о том, как общался с ее покойным мужем? К слову – тем еще жуком. Вот зуб даю, в этом нижнем сейфе «налички» небось хватает, хоть он мне и говорил, что это не так.

Хотя – какая разница? Что я, полез бы в их дом вскрывать этот сейф? Да ну нафиг, это уже криминал. Мне такое даже в голову прийти не может.

Да и с этой мадам я требовать ничего не стал бы. Не потому, что благородный, а просто... Не приносят добра такие деньги. Похоже, эти двое и в самом деле друг друга любили. Вон у тетки какие синяки под глазами. Я знаю, отчего такие бывают, зря, что ли, в женском коллективе тружусь? Плакала она много за последнее время, и вряд ли дело было только в том, что у нее завод отжимают.

Кстати, о синяках. Какой же роскошный фингал обнаружился этим утром у Федотовой! Прямо – царь-фингал. Сдается мне, что она вчера с мужем разборки устроила, а он у нее парень простой, не лорд какой-нибудь, вот когда та его достала, он ей и припечатал как следует. Ради правды – Наташка если возьмется, любого допечь может. Есть у нее такая черта.

Ленка сияла, это был ее день.

И самое главное – в кабинете была тишина. Одна с интервалом в час замазывала синяк «тоналкой» и никак не могла добиться необходимого результата, другая получала от этого удовольствие, а я спокойно размышлял о насущном. А именно – о том, что завтра будет интересный день, и не стоит ли в связи с этим маленько подсократить намеченную программу? А именно – точно ли я желаю смотреть на съемки «Магического противостояния»? Ночью уже холодновато, утром на работу идти. Еще там дриада будет, та, что живет по соседству. Кстати – не звонит

больше, зараза такая, будто отрезало. И в дверь не стучится. Даже как-то беспокойно мне стало – все ли с ней в порядке?

Ближе к вечеру я решил, что, наверное, ну их нафиг, эти съемки. Приеду, заберу Афанасия у Хозяина кладбища, передам его в надежные руки Мезенцевой и домой поеду. И еще надо будет тонко намекнуть всем трем сторонам сделки о том, что я молодец и сделал это все совершенно бескорыстно, исключительно из лучших побуждений. Из общечеловеческого гуманизма, так сказать. Когда ты хочешь дать кому-то понять, что он теперь тебе обязан, всегда надо ссылаться либо на благотворительность, либо на бескорыстие. По-другому никак. Если подобное не сделать, то люди и впрямь могут подумать, что ты бессребреник.

Вот только ехать туда на метро придется. Все это здорово, но денег-то осталось маловато. Отпускные почти кончились, до зарплаты еще неделя, и в кармане если не ветер свищет, то близко к тому. Блин, вот всем от меня чего-то надо, а такси, если что, ни одна сволочь не оплатит.

Но в целом, настроение, было подпорченное утром, выровнялось и было неплохим в аккурат до того самого момента, пока я не вышел с работы. Точнее – пока я снова не увидел уже знакомую мне «Ауди». Машина была припаркована там же, где и в прошлый раз, и явно это было неспроста. К гадалке не ходи – меня ждет.

И верно. Как только я, делая вид, что ничего и никого не заметил, довольно бодро затопал по тротуару, тут же открылась задняя дверь, Алла вылезла из салона и громко меня окликнула:

– Саша, можно вас на секунду?

Хорошо еще, что я по своей привычке задержался на службе, и основная масса сотрудников уже разъехалась. У нас глазастых и памятливых ребят в банке хватает, объясняй потом тому же Силуянову, о чем это я после рабочего дня с клиенткой беседую. Подобные вещи очень не приветствуются. Помню я, как год назад неплохого парня из операционного уволили за то, что он с главбухом одной обслуживающейся у нас фирмы роман завел. Казалось бы – кому какое дело? А вот и фиг. Безопасность не дремлет. Силуянов так и сказал: «Секс – это прекрасно, но от него до должностного преступления два шага вприсядку. Сегодня он на нее залез, а завтра она на него вскарабкается, и заставит инсайдерскую информацию сливать».

И вышибли парня за порог банка. По собственному желанию, разумеется.

А тут еще хуже. Я только из дверей, а меня уже в машине ждут. Может,

я какую документацию спер и продать надумал?

Хорошо хоть камер тут нет, они только над входом висят. Но окна-то тоже имеются.

Я в очередной раз изобразил удивление на лице и даже ткнул себя пальцем в грудь, как бы говоря: «Это вы мне?»

– Саша, просто на пару слов, – заверила меня женщина. – Ну, идите, не будем же мы через улицу разговаривать? Она хоть и узенькая, но все же?

Ну да, проще подойти. Все равно она, похоже, не отстанет.

– Спасибо вам, – сразу же сказала Алла, как только я приблизился к ней. – Не скажу, что все в порядке, проблем по маковку, но теперь хоть будет с чем свои права отстаивать. Нервов и денег уйдет немало, но вот так просто меня уже не утопишь. Да и друзья наши подключились, так что все не так и плохо.

– Рад за вас, – выдал дежурную улыбку я. – Правда, мне до сих пор непонятно, каким боком я к этому отношусь, но тем не менее. Надеюсь, что вся эта ситуация не заставит вас негативно относиться к нашему банку. Поверьте, нам важен каждый клиент.

– Вы крепкий орешек, Александр, – устало произнесла Алла. – Это достойно уважения.

Не переставая улыбаться, я заморгал глазами, давая ей понять, что вообще не понимаю, о чем идет речь. Выглядел я наверняка глуповато, но и черт с ним. Переживу.

– Саша, мне нужен ответ только на один вопрос, все тот же самый. – Алла сцепила руки так, что у нее даже пальцы побелели. – Ведь это он сказал вам, где ключ, правда? Это Семен? Я утром вам уже говорила о том, что сами вы этого никак не могли знать. Что вы – я сама совсем забыла про этот сейф в подвале, мы им сто лет не пользовались. Мы и на дачу эту толком не ездили последние лет пять, если не больше. Саша, просто скажите – это он?

– Ровным счетом не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, – равнодушно ответил я, глядя ей в глаза.

Вот вроде сказал все правильно. Но зачем одновременно с этим я еще и утвердительно кивнул, в ум не возьму. То ли мне ее жалко стало, потому что у нее был голос грустный настолько, что даже мою заскорузлую душонку проняло, то ли еще чего – поди знай. Но – кивнул.

– Это то, что я хотела знать, – с облегчением произнесла Алла. – Значит, он в самом деле и после смерти меня не оставил, как обещал. Вы знаете, Саша, Сема всегда держал свое слово. Если что-то обещал, то делал непременно, даже в убыток себе. Хотя если по правде, что-то в убыток себе

он обещал очень редко. Почти никогда. И тем не менее все знали, – если Сольман обещал – выполнит.

– Это да, – раздался голос из машины. – Я такой, что есть – то есть.

В пустом секунду назад салоне «ауди» сидел Семен Маркович и довольно улыбался.

– Саша, можете не отвечать, просто еще раз кивните, – Алла взяла мою руку. – Сема там... Ну... «там». Он счастлив? Ну да, вопрос нелепый, но все-таки... Мне очень важно знать, что теперь у него все хорошо.

– Теперь хорошо, – сказал толстяк, уставившись на меня. – Шура, скажи ей чтобы она не волновалась. Ключ у нее, Леша делает то, что должен, и эти поганцы почти наверняка останутся с носом.

– Это точно последний вопрос? – поинтересовался я у женщины. – Просто предыдущий тоже вроде как крайним изначально был обозначен?

– Последний. – Женщина приблизила ко мне свое лицо. – У меня больше вопросов быть и не может. Как, впрочем, и чего-то другого. Семы нет, из жизни почти ушел смысл. Наверное, вам это покажется смешным, Саша, но мы на самом деле любили друг друга. Мы всегда и все делали вместе, мы были двумя частями единого целого. Потому, наверное, и детей не завели, что нам слишком хорошо было вдвоем. Теперь я одна и вокруг пустота. Единственное, что мне осталось – сберечь дело, в которое мой Семен вложил всего себя.

– Он покинул этот мир навсегда, – я чуть сжал ладонь Аллы. – Сделал то, что был должен, и ушел с легкой душой. Правда, по вам очень скучал.

– Сукин ты сын, – подал голос Сема. – Я же еще здесь?

– Спасибо вам, Саша, – женщина невесомо прикоснулась к моей щеке губами. – Спасибо.

– Не за что, – буркнул я, думая о том, что надо поискать рецепт какого-нибудь зелья, излечивающего от врожденной доброты. – Если вы не против, то я пойду? Дело к ужину, а у меня сегодня даже с обедом не сложилось. Некогда было.

– Прощайте. – Алла отпустила мою ладонь. – Хотя нет, секунду, чуть не забыла.

Она взяла с сиденья свою сумочку, щелкнула замком и достала оттуда достаточно плотный конверт.

– Возьмите, – протянула она его мне. – Сема всегда говорил, что любой труд должен быть оплачен. В вашем случае это более чем оправданно.

Что же ты делаешь, тетка? У тебя голова есть? Совать мне конверт напротив окон банка. Хорошо хоть я к нему спиной стою и Аллу эту

непутевую собой закрываю. Если кто и смотрит на нас, то ничего не видит.

– Бери, приятель, – подал голос Сема. – Считай это и моим «спасибо». И сразу гонораром за то, что ты сделаешь чуть позже. Ты меня на Гоголевском подожди, не сочти за труд. Я сейчас с Аллой попрощаюсь и мигом к тебе. Похоже, мне и вправду пора уходить. Меня прямо как что-то изнутри распирает, говорит, что медлить нельзя, а то худо будет.

Я приоткрыл свой «самсонайт», и Алла бросила туда конверт, понимающе мне подмигнув.

– Не грустите, – сказал я ей. – Ему там, куда он ушел, наверное, хорошо. Да к тому же раньше или позже вы с ним встретитесь. Я не сильно разбираюсь в том, как устроен мир, что тот, что этот, но если люди любят друг друга, то они не могут не найти друг друга снова. Звучит это, наверное, сентиментально, или даже пафосно, но уж как есть.

– Ты романтик, мой мальчик. – Алла погладила меня по щеке. – Постарайся не стать таким, каким ты был утром. Не понарошку, а на самом деле. Ты же понял, о чем я говорю?

После этих слов она села в машину, дверь, закрываясь, мягко чмокнула, и «ауди» рванула с места в карьер.

Эх, мадам, кабы дело было только в том, чтобы не стать таким, как утром. Это бы еще ничего...

На Гоголевском я нашел пустую скамейку, благо погода сегодня была не ахти и таковые на бульваре встречались. В теплые весенние и летние вечера здесь подобного не встретишь, поскольку это место любимо горожанами. Здесь довольно-таки тихо, несмотря на то, что это самый центр, да и сам по себе бульвар очень красив и по-старомосковски уютен. Опять же – отсюда до Арбата с его кафешками и развлечениями, которым нет счета, рукой подать. Но то в хорошую погоду. А в такой прохладный позднелетний вечерок народ хоть и есть, но он больше прогуливается, чем сидит.

Открыв сумку, я сразу же сунул нос в конверт, разумеется, не доставая его наружу. Чего врать – мне было интересно, в какую сумму Алла оценила мои услуги. Скажу больше – это вообще была первая мзда такого плана, которую я получил в жизни. И не такого тоже. Мне как-то до этого конверты с деньгами не вручали, разве что только гости на свадьбе да коллеги на день рождения. Но это все не считается, особенно «деньрожденные» деньги. Это вообще, по сути своей, небольшая «пирамида». Ты весь год сдаешь по двести рублей на чужие днюхи, чтобы в твой день рождения эти деньги к тебе вернулись с ма-а-а-аленьким процентом и позволили тебе организовать праздничную «проставу», не

подвергая свой кошелек разорению. Эдакий фонд взаимопомощи.

А покупать меня некому. Должность не та. От меня любому злоумышленнику пользы как от козла молока. Я же ничего не знаю и ни на что не влияю. Вот начальник операционного – это да. Он платеж отправить после окончания банковского дня может, или еще чего такое обеспечить, вроде послабления по тарифам, как ВИП-клиенту. «Кредитники» выдачу денег пролоббировать могут, подобное всегда в цене. Все ведь зависит от того, в каком виде перед кредитным комитетом предстанет потенциальный заемщик и под каким соусом будет подано его досье.

Мои же труды – они вне интересов кого-либо вообще. Я просто перекладываю бумажки с места на место.

Денег было много. Ну на мой неизбалованный крупными суммами взгляд. Настолько много, что лучше бы их было меньше. На глазок – тысяч триста рублей, не меньше. Скорее, даже больше. Причем новомодными двухтысячными купюрами.

Я закрыл «самсонайт», прижал его руками к животу и глубоко вздохнул.

Ну не знаю, чего там дальше будет, одно понятно точно – на такси мне теперь денег хватит. Перефразируя слоган одного очень хорошего фильма, мне теперь денег хватит на очень много поездок на такси.

– Дядя, а почему ты такой грустный? – услышал я детский голос, поднял глаза и увидел, что передо мной стоит очаровательное белокурое существо лет шести, с огромными бантами и невероятно синими глазами. Стоит, держит в руках мороженое и смотрит на меня.

– Жизнь затюкала, – не стал скрывать я. – Как мячиком о стену.

– Хочешь мороженое? – спросила у меня девочка. – Оно вкусное!

Я рассмеялся, ледок сомнений и предчувствий, было появившийся где-то там, внизу живота, начал таять. В конце концов, не совсем все еще вокруг сгнило. До тех пор, пока есть дети, готовые поделиться мороженым с незнакомым человеком просто потому, что им стало его жалко, у мира есть шанс.

– Танюша, – к девчужке подошел мужчина, как видно, ее отец. – Ты куда убежала?

– Вот, с дядей говорю, – невероятно серьезно ответила ему девочка. – Ему плохо.

– Ну не то чтобы, – поспешно сказал я. – Просто день выдался не из лучших.

– Бывает, – произнес мужчина, внимательно глядя на меня.

И правильно. Уродов нынче развелось сильно много, тех, которые

напрочь не понимают, где грань проходит между просто злом и запредельностью.

– Спасибо тебе, Танюша, – поблагодарил я девочку. – А мороженое я потом себе сам куплю. Честно-честно!

– Смотри, обещался, – погрозила мне пальчиком девчушка, и они с отцом потихоньку отправились вниз по бульвару, беседуя о всякой всячине, вроде розовых слоников.

«Дай тебе бог хороший жизни, малышка, – подумалось мне. – И чтобы ты не вляпалась в какую-нибудь сверхъестественную ерунду, вот как я. А если и вляпаешься, то пусть тебе обязательно повезет, и ты выйдешь из нее целой и здоровой».

Семен Маркович появился только минут через десять, я его издалека заприметил. Дело к осени, небо в тучах, потому смеркаться начинает рано, и синеватые отблески призрака на дорожке Гоголевского бульвара не заметить крайне сложно. Даже если тебя обуревают противоречивые мысли.

– Спасибо тебе еще раз, Саша, – сказал он мне и попытался присесть рядом на скамейку. Это у него сделать не получилось, но он не очень-то и расстроился. – И вот еще что. Я тут вчера тебя обругал, так ты меня прости. Не со зла ведь, на нервах.

– Что? – я не сразу понял, о чем он ведет речь. – А, это... Да я уже забыл. Дело обычное, все иногда из себя выходят.

– Алле зачем соврал, сказал, что я уже ушел? – полюбопытствовал он. – Чтобы успокоить, или?..

– Или, – не стал скрывать я. – Скажи я, что вы поблизости ошиваетесь, она бы дергала меня без остановки. Кстати – надеюсь, она мне поверила?

– Странно, но да, – рассмеялся призрак. – Вообще-то Аленький никому никогда не верит, есть у нее такая черта. А тут прямо на удивление. Так Вадику, водителю, и сказала: «Он ушел. Теперь совсем ушел, я это чувствую». Так что не волнуйся, она тебя больше не побеспокоит.

– Хотелось бы верить, – я проводил взглядом симпатичную девушку, проходящую мимо, и еще сильнее понизил голос. Не хватало только, чтобы меня за психа приняли. Сейчас граждане бдительные стали, мигом «скорую» вызовут. – Мне лишние проблемы не нужны. И так жизнь не сахар.

– Слушай, а ты все-таки кто? – спросил Семен Маркович. – Я так и не понял.

– Ведьмак, – ответил я. – Понятней стало?

– Нет, – не стал врать толстяк. – Это как ведьма, только мужчина?

– Что-то вроде того, – согласился я. – Правда, подозреваю, что ты о ведьмах не сильно много знаешь. Максимум то, что видел в детстве в фильмах вроде «Вия».

– Так и есть, – подтвердил Семен Маркович. – А они другие, эти ведьмы, да? Не такие, как в кино?

– Лучше тебе не знать, – искренне посоветовал ему я. – Там все очень непросто.

– Ну и ладно, – весело ответил призрак. – Да и неважно это уже. Скажи, Саша, а как это будет? Ну когда ты меня...

– Быстро, – подумав, произнес я. – И не больно. А что на той стороне – я не знаю, по крайней мере, пока. Но, думаю, не так там и плохо, обратно-то никто не возвращался.

– Главное, чтобы мне разрешили Аллу дожидаться, – обеспокоенно заметил Семен Маркович. – Вот ведь, я же сейчас землю покидаю, а ощущение такое, будто в обычном аэропорту регистрации на рейс жду.

– Уместная аналогия. – Я огляделся вокруг, удостоверился, что рядом никого нет, и поднял правую руку. – Как-то так оно и есть на самом деле. Ну что, Семен Маркович, пора.

– Прощай, Саша, – толстяк поднес свою ладонь к моей. – Береги себя.

– Легких дорог, – ответил ему я, и наши руки слились в одно целое.

В тот же момент меня изрядно потрянуло, правда, было неясно – то ли это произошло физически, то ли на ментальном плане. Горло перехватило, и стало тяжело дышать. Знаете, как бывает, когда ты пришел в жару домой, а в холодильнике стоит непочатая бутылка газировки – «Пепси» там или «Фанты». Вот ты ее, ледяную, открыл и сходу стакан маханул. Газ мигом забивает пересохшее горло и в какой-то момент резь от пузырьков газа даже начинает причинять боль. Но одновременно ты испытываешь и некоторый катарсис от удовольствия – оно же холодное, вкусное!

Здесь было то же самое. Именно сейчас я понял, что те бедолаги с лесной поляны и в самом деле были лишь тенями прошлого и отголосками своей же памяти, безликими и чужими как для жизни, так для смерти. Они слишком долго существовали в не-жизни, так долго, что даже та сторона про них забыла.

Что уж говорить о тех ощущениях, которые я сейчас испытывал? Чужая жизнь, проходила через меня, как вода через фильтр. Описать это невозможно, как невозможно описать всю прелесть того самого весеннего дня, когда ты впервые понял, как на самом деле велик и прекрасен этот мир, и что ты в нем непременно будешь счастлив.

Теперь я знал про Семена Марковича все, я на секунду стал им, и весь

его жизненный путь был передо мной – от первого крика до того момента, когда он начал срывать галстук с шеи, задыхаясь от боли, взорвавшей грудь.

А потом он ушел. На миг я увидел яркие звезды в прозрачно-голубом утреннем небе, и одна из них сияла невыносимо ярко и невероятно притягательно. Настолько, что я захотел раствориться в ее блеске, слиться с ней в одно целое и стать частью этого неба.

Вот только небо какого мира и звезды какой галактики я увидел, сказать не возьмусь. И еще раз созерцать эту небесную механику не желаю. А ну как в следующий раз я не смогу заставить себя остаться тем, кто я есть, и вернуться туда, откуда пришел? Слишком яркие эти звезды для меня. Слишком синее небо там, куда я проводил Семена Марковича.

Нет уж, доброй волей и забавы ради недавно умерших отправлять на встречу с вечностью я больше не буду. Только по необходимости, когда припрет. Чересчур непростое это дело. Переоценил я свои силенки, прямо скажем.

А вот интересно – с практикой опыт приходит? В смысле – притупляются ли ощущения, или тут всякий раз как первый? Боюсь, просто так ответа мне не получить, если только эмпирическим путем. Тем, который пролегает левее проб и правее ошибок.

Обо всем этом я размышлял, пока качался в вагонах метро, шагал по переходам и топал по улице в сторону дома. Так-то я в метрополитене какую-нибудь киношку смотрю или книжку читаю, а тут прямо мысли навалились. И я был очень недоволен, когда меня от них оторвал сигнал смартфона. Но не ответить было нельзя. Это звонил Нифонтов. Не то чтобы он стал для меня большим авторитетом, это не так. Но о встрече-то завтрашней все равно договариваться надо?

– Ну наконец-то, – вот так запросто, без всяких приветствий, сразу заявил он мне. – Набираю, набираю, а абонент все не абонит. Женька тут даже волноваться начала, места себе не находит, гадает – не случилось ли чего?

По всем законам драматургии, где-то на заднем фоне в этот момент должны были раздаться недовольные девичьи восклицания. Но – нет. Тишина и спокойствие. Так что – либо это правда, либо Мезенцевой рядом с Николаем нет. Второе, как мне думается, более вероятно.

– В метро ехал, – объяснил я. – В центре-то смартфон сигнал еще подтягивает, а на радиальных ветках уже нет.

– Как вообще? – заботливо поинтересовался Нифонтов. – Все ничего?

– Помаленьку, – в тон ответил я. – Работа – дом, все как всегда.

– Ну не все, – возразил мне он. – Книгу же ты раздобыл ведьмачью? Мы не смогли, а ты запросто. Да еще и слугу покойничка к нам пристроить хочешь.

– Планы изменились? – чуть напрягся я. – Не нужен вам Афонька?

– Нужен-нужен, – успокоил меня оперативник. – Заберем непременно. Я, собственно, за тем и звоню. Во сколько за ним поедем?

– Да ближе к ночи, наверное, – предложил я. – Часиков в одиннадцать.

– Хорошо. – Николай помолчал. – А потом у тебя какие планы?

– Такси вызову и домой вернусь. Четверг не выходной, на работу идти придется. Надо хоть немного поспать.

– Просто есть одно предложение, – как всегда, начал напускать туман Николай. – Но об этом завтра поговорим. Давай-ка я за тобой после работы заеду, мы поужинаем и за едой все обсудим? И сразу, как дополнительный аргумент – ты, я и Евгения. Она тоже будет. Как тебе такая завлекалочка?

Сказал бы я тебе, как оно мне, да воспитание не позволяет. После твоих предложений всегда какая-нибудь дребедень и начинается. И ни одна Евгения в виде компенсации не проканает.

– Заезжай, – тем не менее согласился я. – Только давай так – к банку не подъезжай. Не надо. Давай у «Арбатской» в семь вечера, там есть, где машину приткнуть.

– Идет, – легко согласился оперативник. – Тогда – до завтра.

И, не дожидаясь моего ответа, он повесил трубку. Сама вежливость.

В общем, одна у меня отрада осталась. Мой дом – моя крепость. Приблизительно так я и думал до того момента, пока не вошел в квартиру. Если точнее – на кухню.

Увидев Родьку и Вавилу Силыча, молча сидящих на табуретках с непроницаемо-каменными лицами, я понял – рухнул мой последний бастион, который до того был нерушим. И здесь меня ждет какой-то сюрприз. Хотя – все логично. Если день с утра пошел кувырком, глупо ждать, что к вечеру ситуация выправится.

– Не ходите вокруг да около, – попросил я эту парочку. – Давайте уж сразу, в лоб. Добивайте меня, как загнанную лошадь.

Слуга и подъездный переглянулись.

– Разговор у меня к тебе, Александр, – откашлявшись, произнес Вавила Силыч. – О соседке твоей, Марине.

– Силыч, ты меня не пугай, – начал волноваться я. – Что с этой задрыгой случилось? Она в порядке?

– Нет-нет-нет, – успокоил меня подъездный. – Жива-здорова, не переживай! Полностью готова к битве. Вот, глянь-ка!

И Вавила Силыч достал из кармана своего одеяния небольшой смартфон. Модель была старая, но добротная. У меня такой когда-то был. Да он и сейчас где-то в ящике валяется, вместе со старыми пультами от телевизоров и прочим хламом, от которого проку нет, а выкинуть его жалко. У каждого мужчины такой ящик имеется.

– Вот. – Подъездный показал мне фотографию Маринки в одеяниях Верховной дриады. Снято было явно из все той же вентиляционной шахты. – Смотри, какая она молодец.

Ради правды, изумрудно-зеленый плащ ей шел, шарма добавляла и брошь, скалывающая одеяние пол горлом, и сложенные в хитроумную прическу волосы, и белоснежные обнаженные руки, контрастом выделяющиеся на общем фоне. Теперь это было не непонятное существо из алкогольных кошмаров, а красивая женщина, от которой веяло тайной.

– И правда, – признал я. – Не ожидал. Слушай, Вавила Силыч, а ты молодец, в ногу с эпохой шагаешь. Вон смартфоном обзавелся.

– Да это только чтобы Марину сфотографировать, – внезапно смутился подъездный. – Ну показать кое-кому, а то не верят мне, понимаешь.

– Четырнадцатый дом, – понимающе кивнул я. – Они?

– Они, – подтвердил подъездный. – Саш, ты бы это... Ну как сказать...

– Вот что вы как телки на привязи? – раздалось из-за холодильника, а после оттуда, кряхтя, вылез Кузьмич. – Мычите, мычите, а толку!

Кузьмича я уважал. Помимо невероятной основательности в нем, если можно так сказать, ощущалось время. Он видел и знал столько, что мне в его присутствии становилось как-то не по себе. Все-таки сидеть за одним столом с тем, кто еще чуть ли не Рюриковичей застал – это, знаете ли...

– Ляксандр, – подошел ко мне Кузьмич. – Ты давай, мужиком будь. Маринка эта – она шаболда еще та, тут спору нет. Лет сто назад я бы первым ей ворота дегтем вымазал, не сомневайся. Но она с нашего дома. А коли так – надо помочь. Смекаешь, о чем я?

– Вроде уже помог. – Я по-прежнему не понимал, чего они все от меня хотят. – Наводку на победу я ей дал такую, что не выиграть невозможно.

– А плечо подставить? – требовательно спросил Кузьмич. – Съезди с ней на тот погост, если чего – подскажи, подсоби. Не чужие же вы с ней люди.

– Дядя Кузьмич, что-то ты темнишь, – засомневался я.

– Годы мои не те, чтобы попусту языком молотить, – насупился подъездный. – Ладно, не хочешь так, по-другому скажу – общество тебя просит о том.

– Верно-верно, – раздалось из-за вентиляционной решетки. – Очень

просим.

Судя по шебуршанию, там сейчас собрались все подъездные из нашего дома, но из врожденной вежливости присоединяться к нам они не спешили.

– Ни у кого в районе такого жильца нет, чтобы в «Магическом противостоянии» участвовал, – пояснил Вавила Силыч. – Только у нас.

– Понятно, – сел на табуретку я. – Либо поспорили, либо похвастались.

– А чего бы и нет? – рассудительно заметил Кузьмич. – Коли у нас есть то, чего у других нет, то грех тем не погордиться. Так что ты давай, помоги девке-то. Уважь обчество.

– Уважу, чего теперь с вами поделаешь, – согласился я. – Родька, чайник ставь.

– И вот еще, – степенно продолжил Кузьмич. – Ляксандр, ты нас не прогонишь, если мы в субботу придем к тебе на Марину нашу поглядеть? Мы как-то привыкли уже к твоему дому. Безобразий никаких не будет, ты не сомневайся.

– Конечно, приходите, – согласился я и с этой просьбой. – Буду рад.

В конце концов – много ли народа может похвастаться тем, что смотрело реалити-шоу в компании подъездных?

– Вот и хорошо, – удовлетворенно засопел носом Кузьмич. – А ты, Вавилка, потом не забудь Ляксандру коробочку вернуть.

– Какую коробочку? – заинтересовался я.

– Да вон ту, где портрету девки этой непутевой глядеть можно. – Кузьмич ткнул пальцем в телефон, который Вавила Силыч до сих пор не убрал в карман.

– Хозяин, я просто подумал, что ты этим смарт-фо-ном не пользуешься, вот и того... – Родька замялся. – Этого...

Этот телефон не похож на тот, что у меня был.

Это мой и есть!

То ли плакать надо, то ли смеяться...

Глава четырнадцатая

Я, признаться, не очень рассчитывал на то, что Нифонтов прибудет вовремя, потому к «Арбатской» шел не спеша. Мне вообще нравится после работы не бежать домой с выпученными глазами по принципу «быстрее-быстрее к телевизору». Нет, что до мам-одиночек, которым надо забрать детей из садиков, или даже не одиночек, но все равно подвязанных на подобные вопросы – тут спору нет. У них все расписано по минутам. Но остальные-то? Вылетели из здания и почесали, только земля под ногами горит. Оно, конечно, вся жизнь бег, остановился – умер. Но не настолько же?

Нет, я люблю поздней весной и ранней осенью неспешно пройти по Гоголевскому бульвару или по староарбатским переулкам, подышать воздухом, из которого даже выхлопные газы не смогли вытравить нечто такое, что свойственно только этим временам года и только этому городу. Да и не воздух это вовсе, а некая метафизическая смесь, в которой смешались эпохи, люди, книги... Надо просто это понять и расслышать. В Москва-Сити такого нет и быть не может, где большие деньги, стекло, металл, нефть, газ и прилегающие к ним вплотную тендеры, фьючерсы и опционы, там нет места умеренно-запредельному, там все расписано, подсчитано и закреплено документально. А вот в старой Москве, близ Арбата и «Сухаревки», в «Староконюшенных», «Малых Каретных» и «Последних» переулках ушедшее время ещё можно застать. То из неведомого дальнего далека донесутся звуки польки и звон гусарских шпор, то в синеватых сумерках мелькнет фигура в плаще и «боливаре», то у какого-то дома увидишь букет цветов желтого, тревожного цвета. А может, вдруг мимо тебя троллейбус прошелестит, синий, случайный, последний. Тот, который по Арбату уже лет тридцать с гаком не ездит.

Надо просто прислушаться, присмотреться. Всего лишь.

Этот город ломает и калечит души, не без того. Москва жестока, причем не только к тем, кто приехал в нее, но и к тем, кто здесь рожден. Любой большой город – бездна, в которую можно падать до бесконечности, это безостановочный ритм, выпав из которого ты навсегда отстанешь от остальных. И ему все равно, кто ты и каково тебе. Либо «да», либо «нет», и «подождите, я передохну и снова в путь» здесь за аргумент не принимается.

Но иногда этот город души не корежит, а лечит. Главное, не упустить

момент, когда у него будет хорошее настроение.

Впрочем, другие большие города, как я и говорил, не добрее. В каком-нибудь Нью-Йорке все обстоит точно так же, только у них небоскребов, с которых прикольно сигать вниз в момент отчаяния, больше.

Размышляя на вот такие душеспасительные темы и совсем тихонько напевая привязавшийся ко мне окуджавовский «Синий троллейбус», я и добрел до «Арбатской», где практически сразу увидел знакомую машину.

– Привет. – Забравшись в салон, я пожал руку Нифонтову и спросил у Женьки, сидящей рядом с ним: – Ну что, сладкая, поцелуемся?

– Знаешь, этот парень меня поражает, – сообщила Николаю его напарница. – Вот так общаешься с ним – вроде нормальный, без особых задвигов. Проходит пара дней, снова его встречаешь – дурак дураком. Слушай, а может, их двое? Может, у него брат-близнец есть, и мы то того видим, то другого? Один умный, а второй – вот этот, который к нам в машину сел только что. Я к тому, что дурака можно пристрелить, и нынче на кладбище прикопать в какую-нибудь бесхозную могилу, а с умным дальше дела делать.

– Знаешь, Саша, а у тебя есть шансы. – Нифонтов повернул ключ в замке зажигания. – И неплохие.

– На то, что вы меня пристрелите и прикопаете? – беспокоился я, причем не придуриваясь. С этих станется.

– Нет, разумеется, – Николай повернулся ко мне и подмигнул. – Просто я чуть ли не впервые слышу, как Евгения анализирует какого-либо парня из тех, кто не входит в наш постоянный круг общения.

– Чего? – опешила Мезенцева, не ожидавшая, видимо, такого предательства со стороны коллеги. – Я? Анализирую? Вот его? Дорогой друг, поздравляю тебя, ты все-таки тронулся умом.

– В последний, случа-а-айный, – громко пропел я упорно вертящуюся в голове строчку Окуджавы.

Мне давно рассказали способ, как избавиться от привязавшейся к тебе и безостановочно звучащей в голове песни. Надо просто проорать особо назойливую строчку, плюнув на условности и недоуменные взгляды окружающих.

Реально работает, проверено.

– Ну вот, – обрадовалась Евгения. – Сначала бред, потом песни. Колька, поворачивай направо. Повезем его к психиатру. И тебя заодно проверим, от греха.

– Да ты, приятель, эстет, – без тени иронии заметил Нифонтов, выруливая на Новый Арбат и не обращая ни малейшего внимания на слова

Мезенцевой. – Странно, в нашем детстве такие песни были уже не в моде. Я и сам бы ее не знал, кабы не случайность.

– Это у тебя, – возразил ему я. – У меня в детстве дядя Сева по соседству жил, он в семидесятые диссидентствовал, в восьмидесятые радовался перестройке, а остаток века и далее бухал, пока в ящик не сыграл. Мечты не сбылись, идеалы разрушены, желанная свобода оказалась со звериным оскалом капитализма. Как квасить начнет, так сразу Окуджаву и заводит.

– Тогда понятно, – признал Николай. – Хотя выбор песни, конечно, радует. Особенно если учесть то место, где ты ее исполнять надумал.

– Так Арбат, – махнул я рукой. – Она же про него?

– Ты в этом уверен? – в голосе Нифонтова явно была слышна ирония. – Хотя я, конечно, не возьмусь сказать, что было в голове у Окуджавы, когда он ее писал, но, как мне думается, здесь речь идет не только о романтике того времени. Булат Шалвович был настоящий поэт, такие, как он, думают и чувствуют больше, чем остальные.

– А как песня называется? – не выдержав, спросила Евгения. – Я вот ее не слышала.

– Это потому, что ты ленивая и нелюбопытная, – произнес Николай. – Не любишь докапываться до сути вещей. Называется она «Синий троллейбус». Как тебе?

– Это тот самый? – охнула Женька. – Блин, жуть! Так про нее нам тогда Пал Палыч говорил? Что, мол, звучит красиво, но вот только такую романтику и врагу не пожелаешь?

– Ну да, – подтвердил Николай. – Саш, понимаю, что мы для тебя все одно как по-китайски сейчас разговариваем. Не обижайся. Просто Женька тогда на этом синем троллейбусе чуть покататься не отправилась. Хорошо, что с нами Пал Палыч был, успел ее остановить.

А вслед за этим я узнал, что и на самом деле по Москве последние лет шестьдесят колесит синий троллейбус, как правило, весной и летом, после двенадцати ночи и часов до трех. Вот только садиться в него людям категорически не рекомендуется, особенно тем, у кого нелады с жизненной ситуацией. Всякий из нас хоть раз в сердцах говорил: «Хоть бы сдохнуть» или «Блин, повешусь или из окна выпрыгну. Так все надоело». Хорошо, если это говорилось дома и мысли о подобном там и оставались. А вот если с такими думами пойти гулять по ночным улицам, то запросто может выйти так, что за спиной раздастся звук подъезжающего транспорта, а после перед тобой гостеприимно откроются двери, окрашенные в веселенький синий цвет. А после закроются. Навсегда.

– Он собирал тех, у кого была хоть тень мысли о добровольном уходе из жизни. А ночью на улицах подобных людей много, – рассказывал мне Николай. – Кто с девушкой поругался, кто с женой, кто с родителями. Да мало ли причин?

– А там, внутри? – живо спросил я.

– Если верить слухам, там человек получал последний шанс остаться в живых, – ответил оперативник. – Падай на колени перед кондуктором, моли его о пощаде и, может быть, он разрешит тебе выйти. А если нет... Тогда ты оплатишь проезд в этом транспорте по полной стоимости.

– И что, Женька тоже думала о самоубийстве? – засомневался я. – Да ладно?

– Ну тут сомнению надо подвергать сам факт того, что она тогда думала, – ехидно произнес Нифонтов. – Видишь ли, там, в троллейбусе, ведь не люди сидят, а кое-кто посерьезнее. И, как видно, они почуяли, что мы их ищем, вот повидаться и приехали. Отдел тогда всерьез за них взяться решил, за месяц почти полтора десятка трупов на остановках нашли. Мы архивы подняли, всплыл этот троллейбус. Ну, и ветераны наши тоже про него вспомнили, он в начале 60-х хорошо пошарашил по столице. А до того, лет сто назад, в районе Кузнецкого моста, Он, правда, тогда еще пролеткой был, с лошадкой и возницей на «козлах». Ну, мы по центру пару-тройку ночей побродили, особо не таясь, нас, как видно, заметили, да подали транспорт. И даже двери любезно открыли. Женька сразу пистолет вынула, за поручень взялась и в салон. Я даже сказать ничего не успел. Да еще на троллейбус этот засмотрелся – модель старая, одна из первых, я таких и не видал никогда. Хорошо Пал Палыч нашу торопыжку успел выдернуть до того, как двери захлопнулись. Секундой бы позже – и все, уехала бы она невесть куда.

– Я потом сильно испугалась, – призналась Женька. – Тогда-то кураж был, а вот после...

– А дальше что? – азартно поторопил оперативника я.

– Да ничего, – хмыкнул тот. – Двери закрылись, и троллейбус уехал по Малой Никитской в сторону планетария. Больше мы его не встречали.

– Но и не очень искали, – заметила Женька. – Трупов на остановках с той поры не находили, а потому свою задачу мы сочли выполненной.

Блин, сколько же всего у нас в городе есть! И как все-таки тесна связь времен, мыслей и действий.

Впрочем, свои впечатления вслух я выразил менее многословно:

– Жесть!

– Да это разве жесть? – чуть высокомерно сообщила мне Мезенцева. –

Ты мне как-нибудь потом напости, я тебе расскажу о том, как мы с Колькой в «Басурманских» склепах «чумного доктора» прошлым летом ловили. Вот это была реально жесть! Я после неделю у нас на Сухаревке ночевала, стремалась одна дома оставаться.

Это что же такое должно было произойти, чтобы рыжая бестия чего-то боялась?

– Ладно, хорошо о делах бывших, – предложил Николай. – Давайте о дне сегодняшнем побеседуем.

– А чего о нем беседовать? – подал голос я. – Приедем на кладбище, я к вам Афанасия выведу и все, по домам.

– Так-то оно так, – уклончиво сказал Николай. – Только есть одно «но». Там сегодня ведь шоу снимать будут, неужели тебе неинтересно на это дело посмотреть?

– Сил нет, – признался я. – Я же с работы, не жрамши. И потом – я цирк не люблю.

– Аргумент, – усмехнулся оперативник. – Да, хочу сразу извиниться. Я тебе ужин обещал, но с ним, увы, не сложится. Пробки жуткие, весь центр стоит. Как бы вообще не опоздать.

– И так всегда, – опечалился я. – Поманят конфеткой, а потом ее отнимут.

– Мир несовершенен, – философски заметил оперативник и продолжил: – Так вот, о цирке. Ты, скорее всего, не в курсе, но в компанию этих телемагов затесался один настоящий колдун. И не просто колдун, а тот самый. Помнишь Южный порт? Вот он самый и есть. Информация проверенная.

Сюрприз. Воистину, тесен наш магический мир. До отвращения.

– Так и схомутайте его, – немедленно дал я совет сотрудникам отдела «15-К». – В кандалы негодяя, и в подвал. Ну или как вы там эту публику нейтрализуете? Я-то тут при чем?

– Да, по сути, ни при чем, – признал Нифонтов. – И да – это не твое дело и не твоя война. Вот только как быть с гражданской сознательностью?

– Никак не быть, – не раздумывая ответил я. – Коль, давай обойдемся без этого всего, хорошо? У вас есть своя работа, у меня своя. Вам по штату положено злодеев искать и вязать – вот и вперед. А я отдам вам беспризорного слугу и отправлюсь домой, ужинать.

– А твоя приятельница? – Николай отнял одну руку от руля и, словно вспоминая, пощелкал пальцами. – Как же её...

– Марина, – елеиным голосом подсказала ему Мезенцева. – Правда, теперь она к своему имени еще и титул добавляет. Теперь она верховная

дриада Восточных пределов Марина Лучезарная.

– Вот-вот, – снова перехватил инициативу оперативник. – И ты оставишь свою, не побоюсь этого слова, боевую подругу в компании с опаснейшим колдуном? Нет, настоящие ведьмаки так не поступают.

– Я вообще не имею понятия, как поступают настоящие ведьмаки, – такими вещами меня было не смутить. Я на подобное и в школе не велся. – Те, которых встречал до сегодняшнего дня, с завидной периодичностью делали только одно – мерли, как мухи. Если ты эту традицию имел в виду, то не пойти ли тебе на фиг? Кстати, столкновение с опасным колдуном именно такое развитие событий и предполагает.

– В этом смысле тебе бояться нечего, – добродушно проворковала Евгения. – Мы прикроем, мы подстрахуем.

– Это прекрасно, – упорствовал я. – Но есть вариант куда лучше. Я просто уеду домой, и страховать меня не понадобится. Всем хорошо.

– Не всем, – из голоса Нифонтова как-то разом ушла благодущность. – Тем, кого этот колдун отправит на тот свет, лучше не будет. А он это сделает. Если ты полагаешь, что Южный Порт – это единственный его проект, то ошибаешься. На нем уже четыре десятка смертей, и это только те, о которых мы знаем, где он хоть как-то засветился. Но их наверняка больше. До Москвы он неплохо покуролесил в Киеве, потом перебрался в Ростов, а теперь до нас добрался. И если его не остановить, то все будет очень плохо.

– Ощущение такое, что сериал по НТВ смотрю, – не удержался я. – Seriously. Кстати, по всем законам жанра именно меня-то и должны грохнуть в конце этой серии. Добровольные помощники всегда отказываются до последнего, потом все-таки соглашаются, а после непременно погибают. Будем ломать шаблоны. Нет!

– Даже не знаю, что теперь делать, – поделился Нифонтов своими мыслями с Евгенией. – Заставить-то мы его не можем?

– Ну-у-у-у... – Мезенцева повернулась ко мне, сложила губы «сердечком» и задумчиво уставилась на меня. – Не знаю. В принципе есть у меня кое-какие мысли...

– Неравноценный обмен, – тут же заявил я. – Да и развод этот древний. Мол, помоги нам сейчас, а секс будет потом. И чего? Помочь-помогу, а ты после этого сразу старую песню о главном заведешь: «у нас еще отчетность, давай я после этого к тебе приеду, ты меня жди». Плавали, знаем.

– Чего? – с Мезенцевой мигом слетело все напускное. – Я? С тобой? Ты себя не переоценил, офисный мальчик? Диванный воин!

Вот сейчас мне стало за себя обидно. Ну да, рельефных мышц на животе у меня нет, и татуировки на выпуклом правом бицепсе тоже, как, собственно, и самого бицепса, но все-таки не совсем же я чмо?

Так-то зачем?

– Брэк, – остановил нас Николай. – Дети, давайте свой первый семейный скандал вы устроите где-нибудь в другом месте?

– Какой скандал? – в один голос проорали я и Женька. – Семейный?

– Редкое согласие, – стер воображаемую слезинку Нифонтов. – В один голос говорят, одно и то же думают. Да вы созданы друг для друга!

– Капец. – Мезенцева устала на напарника так, как в годы войны партизаны смотрели на полицаев и старост. – Вот ты гад!

– Саш, и все-таки, – сдерживая смех, сказал Николай. – Пошли с нами, а?

– Зачем? – устало спросил я. – Ну вот я вам там зачем нужен? В лицо этого супостата я не знаю, в колдовстве вообще не разбираюсь. Прок от меня какой?

– Хозяин кладбища, – пояснил Нифонтов. – Ты с ним дружен. Говоря по-деловому – нам нужны твои связи. Если кто и сможет отличить настоящего колдуна от остальной публики, то это он.

Обознатушки-перепрятушки! Смешно, однако!

– Стоп, – потряс головой я. – А вы не знаете, как он выглядит? Да ладно!

– Вот тебе и ладно, – вздохнул оперативник. – Нет, не знаем. Это, кстати, всегда для нас самая большая проблема, когда речь идет о таких, как ты и он. На вас же нет табличек с надписями «колдун», «ведьмак», «ведьма»? Внешне вы люди как люди, ходите, разговариваете, едите, шутите. И пока вы как-то себя не проявите, мы не то чтобы бессильны, но близки к тому. А тут еще накладывается то, что там вся публика чудная. Поди пойми, кто из тринадцати клоунов настоящий колдун. И вот тут, выходит, без тебя не обойтись. Точнее – без твоего знакомца, который этим погостом правит.

Сказать им, что ли, что и Хозяин его определить не смог? Хотя – нет. А ну как Нифонтов с ним без меня беседовать будет и про этот момент упомянет? Не думаю, что Костяной царь будет рад узнать о том, что кто-то (а именно я) рассказал постороннему человеку о его слабости. Ведь неспособность определить колдуна в пределах собственного царства – это именно она, слабость.

И это при том, что повелитель мертвых изрядно тщеславен.

Мне тогда на его подконтрольной территории лет сто лучше не

появляться.

– Саш, мы не просим тебя ни о чем, кроме этого, – продолжал тем временем вещать Нифонтов. – Просто помоги понять, кто есть кто – и все. А за нами должок будет. Раньше или позже мы тебе тоже пригодимся.

– И приятельнице твоей спокойнее будет, – добавила Евгения. – Она же небось волнуется. А тут знакомое лицо, все повеселее.

Кто волнуется? Марина, прости господи, Лучезарная? Ну да, конечно. Небось себе места не находит.

– Вот и договорились, – подытожил Нифонтов. – Молчание – оно что? Знак согласия. Я знал, что так и будет.

Очень мне хотелось высказать все, что я по этому поводу думаю. Прямо сильно-сильно. Но не стал я этого делать. Как ни странно, но в одном он был прав. Не стоит плевать в колодец. Жизнь непредсказуема, кто знает, что будет завтра?

Да и потом – я сам точно не могу сказать, как я и к нему, и к его коллегам отношусь. С одной стороны, они постоянно стремятся меня использовать в своих комбинациях, что неприятно. Любому человеку не по нраву, когда его играют «в темную».

С другой стороны – он мне жизнь спас, он меня свел с Хозяином кладбища, познакомил с основами существования в том новом мире, к которому я теперь принадлежу.

И даже негласно опекает.

Да вот хоть бы вспомнить о визите его подружки-ведьмы Людмилы, который та мне нанесла в те дни, когда я в Лозовке жил.

Она появилась дней за пять до моего отъезда, вечером, когда на землю уже опустились сумерки. Я сидел на крыльце, пил чай из самовара и думал о том, что в дом идти совершенно неохота. Опять противный Антипка будет всю ночь на чердаке шебуршиться и спать мне не давать.

Самовар, кстати, у покойного ведьмака был знатный – дореволюционный, здоровенный, с бляхами на серебряном пузе и надписью: «Братья Василий и Александр Баташевы». Наверное, дорогущий. Но продавать я его не стану, он мне самому по душе пришелся. Я такого вкусного чаю, как из него, сроду не пивал. Да и процесс растопки мне нравился, было в нем нечто длительно-медитативное. Я теперь понимаю, почему самовар в старое время «царем стола» величали. По-другому и не назовешь. Так скажу – много мы в городе потеряли, забыв процедуру чаепития из самовара.

Так вот – сижу я, значит, в труселях на крыльце, дую чай, гоняю комаров, смотрю на первые звезды. Если бы не Антип, то на душе вообще

полный покой и гармония были бы.

И тут – крылья хлопают, а через секунду девичий голос спрашивает:

– Хозяин, гостей принимаешь?

Мне первым делом в голову мысль о Маринке пришла. Ну, думаю, и тут достала. Потом прикинул – голос не ее.

Подошел к калитке – мать честная, там та девушка стоит, что с Нифонтовым на вокзале обжималась. Красивая до одури, с толстенной русой косой, перекинутой через плечо, и с глазами голубыми настолько, что небо и то перед ними блекнет.

А я в трусах, с недельной щетиной и чашкой в руках. Дико неловко себя почувствовал.

– Без твоего разрешения я сюда войти не могу, – и не подумала смеяться надо мной Людмила, даже глазом не повела. – Так что если пригласишь – попьем чайку, нет – домой отправлюсь.

– Милости просим, – без раздумий ответил ей я. – Заходи. И это... За внешний вид извини. Я не ждал никого.

– Условности, – говорит мне красавица и калитку открывает. – Да и потом – кого тебе тут смущать? Дару, что ли? Так она за тысячу лет и не такое, поди, видала.

Вот так, слово за слово, и потекла беседа. Я, понятное дело, сбегал джинсы натянул и Родьке велел чашку с блюдцем гостье принести.

Кстати, моему мохнатому другу Людмила сильно не понравилась. Нет, чашку он ей вынес, но вот по угощению, которое он к чаю подал, было ясно, что таких гостей ему не надо.

Две маленьких круглых сушки на блюдце об этом говорили более чем красноречиво. Он поставил блюдце перед ней и сразу же улизнул в дом.

– Экономный, – извиняющимся тоном объяснил ведьме я его поведение. – Рачительный, сил нет. Меня тоже голодом морит.

– Просто он слуга ведьмака, а потому наше племя не любит инстинктивно, – понимающе сказала Людмила. – У него на подсознательном уровне вбито, что ведьма только и ждет того момента, когда ведьмак повернется к ней спиной. Пока я не уйду, он с меня глаз не сведет.

И Людмила шаловливо подмигнула, причем не мне.

Повернувшись к дому, я увидел расплюснутую о стекло мордочку Родьки. Он буквально прилип к нему и не моргая следил за визитершей. Во втором окне, кстати, тоже имелся соглядатай. Там обосновался суровый Антип.

Мне даже стало приятно – волнуются, паразиты такие.

Хотя зря это все было. Беседа у нас вышла интересная, познавательная. Людмила много чего ведала про эти места, про тех детей Ночи, что тут обитают. Да и про Дару она мне порассказала немало. Зловреднейшая оказалась тетка. Я и до того про это знал, но не подозревал даже, сколько всего она успела натворить за свою долгую жизнь.

Еще она дала мне десяток полезных советов по травяным сборам, в которых, похоже, разбиралась великолепно, повторила слова Лесного хозяина о том, что в местное болото соваться не стоит, и порекомендовала не есть грибы, собранные у дальней дубовой рощи. Правда, не пояснила, отчего этого делать не стоит, хотя явно это знала.

Так вот – ясно же было, что она ко мне по просьбе Николая наведальась, проведать, как я там, жив ли. Вслух это ни она, ни я не произнесли, но все и так шито белыми нитками.

А еще непонятно мне, чем Николай такую барышню приворожил. Ведь она и вправду его любит, это уж можете мне поверить. Мне тогда и невдомек было, что Людмила, наведавшись ко мне в гости, здорово собой рисковала. Я про это уже наутро узнал, когда Дарья Семеновна меня у колодца прихватила и достаточно агрессивно объяснила, что если еще хоть раз кто-то гнезда гадючьего, к которому моя ночная гостья относится, к ним в деревню пожалует, то живым отсюда не уйдет. Она, мол, свою подружку сердешную Власию им не забыла и не забудет.

Кто такая Власия, так и осталось для меня неизвестным, но по лицу старой ведьмы было понятно, что дело нешуточное.

А ведь Людмила про эту нелюбовь к ней и ее товаркам знала. И все равно сделала то, о чем ее попросил Николай. Ну не ко мне же она вдруг страстью вспылала, верно?

В общем, странные у меня с отделом «15-К» отношения. Противоречивые. И как оно дальше у нас будет – вообще непонятно.

– Эй, ты еще с нами? – перед моими глазами щелкнули девичьи пальцы. – Смолин, ты, если что, скажи, я на тебя табличку повешу с надписью: «Ушел в себя, буду нескоро».

– К маникюру тебе надо, – на автомате заметил я. – Совсем за ногтями не следишь.

– Чего? – опешила Мезенцева, глянула на свои пальцы, потом на меня, а после у нее с лица как-то неожиданно пропала улыбка. Будто лампочку у нее внутри выключили.

Привычка. Последствия работы в женском коллективе. Бывает. Черт, она похоже здорово обиделась на эти слова, вон смотрит на меня, как соенок, и глазами часто моргает.

– Просто не очень новый нейл-арт, я это имел в виду, – попробовал выправить ситуацию я. – В этом сезоне такое уже не модно, сейчас в тренде «марбл стоун» или «негатив спэйс».

– Саш, ты меня пугаешь, – подал голос Нифонтов. – Ладно, что Женька про такое не слышала никогда, с ней все понятно. Ты-то откуда про это все знаешь?

– Лучше не спрашивай, – попросил его я. – Не надо.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласился оперативник. – Давай я тебе лучше «спасибу» скажу за твои подарки. А то я так этого и не сделал.

– Говори, – разрешил я.

– Спасибо.

– Не за что. – Я устроился на сиденье поудобнее. – Хотя нет. За Афоню – можно. А книга пустышкой оказалась.

– Не совсем, – поправил меня оперативник. – Она не пустышка, просто мы не можем ее прочесть. И никто не сможет, пока не соберет все три части ведьмачьего наследства и не проведет ритуал правопреемства.

– Вот тут поподробней, – насторожился я.

– Ведьмак погиб неожиданно и не от руки равного себе, потому сила его никому не досталась, – неторопливо начал объяснять Нифонтов. – Точнее – кое-что перешло к Хозяину кладбища, но это так, капелюшка. Остальное пропало. Но ведь нож не расплавлен в кипящем серебре, книга не сожжена на огне из пяти видов дерева, и слуга жив. Ничто в никуда не пропадает, Сашка, это закон Ночи. И если кто-то соберет вместе наследие мертвого ведьмака, так сказать, восстановит триединство, и примет на себя все грехи и долги покойного и тех, кто был до него, то запросто может стать подобным тебе. Слабее, потому что линия наследования прервалась, но тем не менее. И тогда книга откроет ему то, что в ней написано. Я узнавал, такое бывало в прошлом. Потому ты нам большой подарок сделал, приятель. Нож и так у нас был, потом Женька книгу приперла, а сегодня мы и слугу заберем.

– Надеюсь, вы его не собираетесь прирезать? – забеспокоился я. – Имей в виду, Николай, я его навещать стану каждый месяц.

– Да зачем же убивать? – Нифонтов вдарил ладонью по «подвывалу». – Блин, вот куда лезет, а? Так вот – мы не звери. Будет твой Афанасий при деле, не сомневайся. С Аникушкой, нашим домовым, это согласовано, так что прочь волнения. А в гости заходи, рады будем. Да и Олег Георгиевич с тобой давно познакомиться хочет.

– Это наш начальник, – буркнула Мезенцева, которая в беседе участвовать перестала и глазела в окно. – Не забывай, Колька, ему же все

объяснять надо, а то не поймет. Он у нас только в нейл-дизайне разбирается, да в мейк-апе, а в обычных вещах не очень.

Совсем обиделась. Как видно, на свидание с ней мне больше не ходить.

Хотя, если честно, в чужом глазу песчинку видит, в своем бревна не замечает. Как у Светки корни непрокрашенные замечать – так это она первая. А как ей – так слова не скажи.

К кладбищу подъехали уже в темноте, вволю настоявшись в пробке на МКАДе. Ворота еще не закрывали, потому на территорию мы проникли без каких-либо сложностей.

– Не похоже на то, что здесь снимают телешоу, – повертела головой Женька. – Где прожектора, где массовка, где шум и гам? Может, перенесли это дело? В смысле, на другое кладбище или там на другой день?

– На другой день – возможно, – согласился я. – А вот на другое кладбище – это вряд ли. Они же тут уже могилу подготовили для конкурса.

– Какую могилу? – немедленно спросил меня Нифонтов, и я прикусил язык.

– Да там, – я неопределенно махнул рукой. – В другой части кладбища.

– Темнишь, – погрозил мне пальцем оперативник. – Но зато хоть ясно стало, чего тут так тихо. Действие просто происходит в другом месте. Вот туда и пойдем.

– Идите, – одобрил я. – Вон по той аллее, потом на перекрестке направо и еще раз направо. А там, скорее всего, уже не заблудитесь. Если телевизионщики здесь, то там гвалт еще тот стоит.

– Ты не с нами? – прищурилась Мезенцева.

– У меня свои планы и свои маршруты, – не без ехидства ответил ей я. – Личные. Увидимся позже.

Глава пятнадцатая

Повторюсь – я практически перестал воспринимать кладбище как место последнего упокоения представителей рода человеческого. Еще в начале лета при произнесении самого слова «кладбище» на душе у меня становилось немного сумрачно и сразу представлялись некие грустные картины, вроде заросших травой могилок, покосившихся надгробий и всего такого прочего. Изредка в этот ассоциативный ряд вплетались еще голливудские мотивы, вроде покрытой трупными пятнами руки, торчащей из могильного холма или толпы развеселых зомби, одетых, как цыгане на «Трех вокзалах», в разнообразное экзотическое рванье.

Сейчас же я себя ощущал так же, как в родном офисе. То есть – привычно и даже почти комфортно. Разве что здесь потемнее было, и кулеров не наблюдалось.

Зато тут и службы безопасности нет. Ну или у нее ко мне пока вопросов не имеется.

Кстати, у меня возникло ощущение, что и кладбище, если можно так сказать, меня за своего уже принимало. На этот раз никто не пробовал влезть в мое тело, никто не кряхтел в кустах. Более того – несколько встретившихся по дороге призраков, бессистемно мотавшихся по дорожкам, даже отвесили мне поклоны. Последнее меня немного обескуражило, но я ответил им тем же.

Минут за десять я пересек царство покоя из конца в конец, и, слегка запыхавшись, взобрался на холм, где обычно восседал Хозяин кладбища. Вот только в этот раз его здесь не оказалось. Пуста была черно-антрацитовая плита, которая служила Костяному царю тронem.

– Вот сейчас не понял? – удивленно произнес я и покрутил головой.

И вокруг никого. Только за моей спиной среди березок мелькает десяток теней, да с другой стороны холма, там, куда я еще ни разу не ходил, темнеют какие-то старые надгробия.

– Ушел умрун, – пояснил мне Афанасий, которого я сразу и не заметил. Впрочем, и немудрено, он, оказывается, сидел, привалившись спиной к покрытому мхом древнему могильному камню неподалеку от меня, практически слившись с ним. – Туда ушел.

– Умрун? – переспросил я, проследив за движением его лапы. Судя по всему, Костяной царь все же решил посмотреть, как нынче телешоу снимают.

– Ну да. – Афоня подошел ко мне, поправляя повязку, прикрывающую пустую глазницу. – Это сейчас вы их Хозяевами кладбищ называете, а так-то они умруны и есть. Пастыри мертвых.

Красиво звучит, что есть – то есть. Пастырь мертвых. Очень многозначное определение.

– Скажи, ты насчет меня не передумал? – спросил у меня Афоня. – Ежели да, то я тебя сейчас к умруну отведу, потом выпью и пойду повешусь. Не могу я тут больше существовать. Тоска меня заедает, серая, промозглая. Да и холода на подходе. Покойничкам-то хоть бы хны, они в гробы свои до весны залягут, а я в таких условиях зимовать не смогу. Я не собака, чтобы в склепах спать.

– Ну-ну-ну, – так это пронзительно прозвучало, что мне до соплей стало жалко бедолагу. – Все нормально. Со мной приехали мои приятели, они хорошие люди, будешь у них жить.

– Люди? – уточнил Афоня. – То есть – обычные люди? Не ведьмаки, не чародеи, не повелители воды? Это чего же мне у них делать придется? Я по хозяйству, конечно, помочь смогу, но не то чтобы сильно. Не домовый я.

– Они не как я или твой бывший хозяин, но о том, кто ты и что умеешь делать, осведомлены, – поспешил успокоить его я. – Хоть они и не дети Ночи, но что к чему в курсе. Слушай, а кто такие «повелители воды»?

– Вода – самая сильная стихия на свете, – пояснил Афоня и, поманив меня за собой, потопал вглубь кладбища. – Земля, ветер – они тоже сильные, но вода – это особая статья. Кто с водой в дружбе, кто ей приказывать может, тот голодным спать не ляжет. Вода всегда все слышит, все знает, все видит. Она же везде. Вот и есть такие люди, что с ней договор заключают. Та им власть дает, а они после, когда срок договора выйдет, ей себя дарят. Живьем. По весне, как правило.

– Топятся, что ли? – опешил я.

– Ну да, – подтвердил Афоня. – Воде всегда принять живую душу в радость, она от этого силу набирает немалую. А то еще бывает, что по договору такой человек каждый год кого-то ей дарит. Приведет закладную жертву в заветное место, да и утопит. И тем себе на год жизнь продлит. Поразному случается. Зато пользы ему от такого договора – у-у-у сколько. Да вот хоть бы мой бывший хозяин как-то раз такому повелителю одного своего врага поручил убить. Он сам, знаешь, мараться людской кровью не особо любил. Кого из своих, ведьмаков, в смысле, убить – это да, тут дело чести. А обычных смертных...

Афоня на ходу сплюнул и махнул рукой, давая понять, что его покойный хозяин мирных граждан вовсе в грош не ставил.

– И? – поторопил я его.

Ну а что? Интересно же?

– Да ничего, – поднял на ходу с дорожки березовую ветку Афанасий и бросил ее в зеленый мусорный бак, стоящий рядом. – Утоп тот враг через пару дней. Не поверишь – в раковине утоп, когда брился с утра.

Стоп. А я про это читал года два назад в сети. Еще подумал, что «сеошники» новостных сайтов совсем уже обленились, раз такую чушь пишут. И зря. Не ввали они.

– И еще вот что, – помедлив, произнес Афоня. – Ты скажи им, что если кто нож моего бывшего хозяина и книгу его отыщет, да заклятие призыва произнесет, то я от них к нему уйду. Даже если сам того хотеть не буду.

– Передам, – кивнул я. – Нет проблем.

Не стал я ему говорить, что нож и книга уже у тех, с кем ему дальше жить. Захочет Николай – поставит его в известность про это, не захочет – значит, не захочет. Молчание – золото, гласит народная мудрость. А народ у нас неглупый, знает, что говорит.

А телевизионщики все-таки приехали. Их присутствие обозначилось задолго до того, как я их увидел. И ничего странного в этом нет, очень уж они шумели. Вопли вроде: «Свет туда», «Ленка, надо тончик положить вон тому» и «Да что за бардак тут творится!», эхом гуляли в верхушках кладбищенских берез и елей. Про многообразную ненормативную лексику я и не упоминаю, ее было больше, чем чего-то другого.

Я вообще-то человек ко всему привычный, а особенно к бедламу в любом из его проявлений, но тут даже меня проняло. Не дело это, вот что я вам скажу. Хотите снимать на кладбище – заведите свое, в каком-нибудь из павильонов сидящих без дела киностудий. Все одно они там порожняком простаивают большей частью. Ждут, пока наш великий кинематограф возродится. Почитай, четверть века ждут.

Вот там бы и снимали свою программу. Зачем же тут такое устраивать?

Приблизительно о том же, похоже, размышлял Костяной царь. Он стоял около высоченной елки и благодаря темноте практически слился с ней. Если бы не Афоня, то я бы его и не заметил.

– Хаос, – обойдясь без приветствия, сказал мне повелитель мертвых. – В чистом виде. Ведьмак, вот объясни мне – что за времена настали? До какой степени живые должны были дойти, чтобы устраивать балаган в том месте, которое для этого совершенно не предназначено? Ладно, я могу понять дьяволопоклонников, ритуалы есть ритуалы, коли они такими созданы, то что теперь сделаешь. Могу понять кладбищенских воров – каждый зарабатывает так, как может. Но тут-то вовсе что-то несуразное

происходит.

– Реалити ведь, – неуверенно произнес я. – Рейтинги, опять же. Пипл хаваает.

– Говори по-человечески, – потребовал Хозяин. – Или на тебя вон то дурачье тоже влиять начало?

– Люди, которые будут смотреть то, что они сейчас снимут, должны верить, что все это правда, – подумав, сказал я. – А чтобы это было похоже на нее, на правду, в смысле, надо все сделать так, чтобы... Блин, я запутался!

– Я тебя понял, – тяжело промолвил Костяной царь. – Знаешь, о чем я больше всего жалею? О том, что прямо сейчас я не могу убить десятков этих шebutных человечков. Очень хочется, но нельзя. А так бы было славно! Одного за другим, одного за другим. Вот так бы брал их сердца и давил! Чтобы хрипели, чтобы чувствовали, как из них жизнь уходит, а сделать ничего не могли.

Он вытянул свою длиннопалую руку вперед и несколько раз сжал ее в кулак.

Мне стало немного не по себе, столько жажды убийства и ненависти было в его голосе.

Правда, и понять его было можно.

Главная аллея кладбища, идущая строго по его центру, превратилась в филиал телестудии. Там было светло как днем, поскольку ее освещало десятка три прожекторов. Прямо там же, на дороге, стояли раскладные стулья и полдесятка столов, которые как только не использовались. На одних внавалку лежали самые разные вещи, от фотоаппаратов до упаковок пластиковых бутылок с водой, за другими гримеры наносили тот самый «тончик» участникам передачи.

И везде царила суeta. Девочки в синих жилетках и с «бейджиками», висящими на шеях, бегали как подорванные размахивая стопками бумаг, бородатые дядьки вертели прожектора туда-сюда, подчиняясь приказам мордатой тетки с чудной прической, крепкие парни в серых комбинезонах таскали какие-то железяки, уж не знаю, кому и зачем понадобившиеся.

Отдельными кучками стояли, собственно, герои передачи, те, что уже побывали в руках гримеров или только собирались в них отдаться. И это, пожалуй, было самое чудное, что я за сегодня видел.

Нет, мне доводилось, «серфингуя» по телеканалам, попадать на «Магическое противостояние». Но телевизор – это одно, а вот так, в жизни, увидеть этих граждан – совсем другое.

Скажу честно – на первый взгляд к ним всем подходило определение

«мечта психиатра».

Я-то еще Маринку критиковал с ее первым нарядом. Не-не-не, она бы тут была не самая чудная, куда там! Скажу больше – она бы тут вообще затерялась.

Ладно – шаман, которому даже нынешней, не самой теплой ночью, все равно наверняка было адски жарко в его кухлянке. В конце концов, такова его шаманская доля – потеть в мехах и долбить в бубен.

Но вот стоящая рядом с ним грузная дама в костюме приснопамятной Эльвиры – повелительницы тьмы из одноименного фильма – реально впечатляла. Особенно если учесть, что та Эльвира сама по себе была дама с достоинствами, а эта ее раза в три перекрывала по габаритам.

Только это еще что! По соседству с ней пристроился тщедушный длинноволосый мужичок, у которого ботинки были сделаны в виде лошадиных копыт, а верхней задней части штанов вовсе не было. Вот вообще. Вырезал он тыльную, скажем так, сторону и теперь светил практически голым задом. Повезло ему, что сейчас почти осень, с месяц назад ему бы комары показали, где раки зимуют.

Еще там был повелитель вампиров в длинном плаще со стоячим воротником и с рожей, вымазанной белилами, странная девочка в сине-зелено-оранжевом балахоне, напялившая на нос круглые очки а-ля «Джон Леннон», и с такими щеками, из-за которых ушей видно не было, сивобородый старик в косоворотке и лаптях, держащий в руках пару длиннющих веток, существо неизвестного пола в латексном костюме и шляпе-канотье, и другие не менее забавные персонажи.

То ли кунсткамера, то ли паноптикум. Даже не знаю, что вернее.

Так что Маринка на их фоне выглядела королевой. Особенно если учесть, что у нее во лбу, как у той царевны-лебеди, еще и звезда горела. Она какую-то хрень с висюлькой в волосы вплела, и та теперь от света прожекторов сверкала неугасимым огнем.

– Нельзя, – повторил умрун. – Но руки так и чешутся!

– Если нельзя, но очень хочется, то можно, – отставив в сторону сопереживания за сородичей по виду, сказал я. – Например, вон того, что в кожаном блестящем костюме, мне не очень жалко будет.

– Эти люди пришли в поисках того, чего им знать не следует, – объяснил мне Костяной царь. – Они лезут туда, куда человекам ходу нет. И если вдруг что-то подобное здесь произойдет, что-то такое, чего никто не ожидал и что не вписывается в человеческую логику, то они вообще мое кладбище в покое не оставят, пока по камушку не разберут. И им неважно, сколько народу при этом погибнет. Я таких знаю, посмотрелся за последние

годы. Так что – нельзя. И своим я строго-настрого запретил не то что в кого-то из этих подселаться, а даже просто рядом стоять. Пусть они сделают то, что задумали, и убираются отсюда куда подальше. Потерплю уж.

– Разумно, – раздался за нашими спинами голос Нифонтова. – Мое почтение, досточтимый Хозяин кладбища.

– А, это ты, губернский секретарь, – капюшон умруна повернулся к оперативнику, который немедленно отвесил ему поклон. – Какими судьбами?

Я не сразу понял, отчего Костяной царь так назвал Нифонтова, а потом припомнил их давнишнюю беседу. Точно-точно, звучали там такие слова.

– Жизнь штука непредсказуемая, – бодро ответил оперативник. – Бывает, что в одной точке пересекаются разом интересы сразу нескольких сторон. Сегодня так и вышло.

– Мой интерес только в одном, – рыкнул умрун. – Чтобы в моих владениях снова стало тихо и спокойно, как от веку повелось.

– Я же говорю – совпадают. – Нифонтов потер руки. – Мне надо того же, поверьте.

– Не поверю, – качнулся капюшон. – Когда такие, как ты, говорят, что чужая беда для них выше служебных интересов, то можно быть уверенным в одном – это ложь.

– Действительно? – влез в разговор я. – Вот оно как!

– Для него и таких, как он, превыше всего дело, – пробубнил умрун. – Они как гончие смерти – если взяли след, то не сойдут с него, пока не разорвут того, за кем гонятся. Такая у них судьба и такой у них закон. Ты запомни это, ведьмак. Чиновники особой канцелярии всегда мягко стелют, да вот только спать жестко.

– Не для себя стараемся, – даже и не подумал оправдываться Нифонтов. – Для людей. Для тех, кто не знает, что таит в себе Ночь, и беззащитен перед ней.

– Это так, – признал Хозяин. – Только вот одних вы спасаете, а других на смерть обрекаете.

– Принцип меньшей крови пока никто не отменял, – жестко произнес Нифонтов, и Женька, соглашаясь с ним, кивнула.

– Говори, что тебе надо, – прервал дискуссию умрун. – Не тяни.

– Среди вон тех ряженных есть колдун, – не стал кочевряжиться Николай. – Настоящий. Сильный. Я хочу знать, кто он. За этим, собственно, сюда и приехал.

Афоня подергал меня за штанину, дождался, пока я посмотрю на него,

и ткнул пальцем в сторону оперативников, как бы спрашивая: «Это они»? Дождался моего подтверждающего кивка и удовлетворенно засопел.

– Рад бы помочь чем, да не могу, – тем временем глухо произнес Костяной царь. – Чують я его чую, а распознать не могу.

– Вы? – недоверчиво протянул оперативник. – На своем кладбище – и не можете?

– Не могу, – недовольно проворчал умрун. – Представь себе! Я про это ведьмаку говорил уже. И, полагаю, подобное не случайность. Этот колдун про таких, как я, похоже, знает, потому закрылся заклинанием. Ему же невдомек, что я решил от греха не трогать всю эту компанию? А так – правильно сделал. Приди он ночью сюда один – обратно к людям не выбрался бы. Колдунов ни я, ни мои братья не любим, очень от них много неурядиц идет.

Пока повелитель мертвых вещал, Нифонтов смотрел на меня, и Мезенцева тоже. Фраза про то, что Хозяин про невидимость колдуна мне сказал, мимо их ушей не прошла.

– Что? – напускно-недовольно поинтересовался у него я, как только установилась тишина. – Ну да, я был в курсе. Но говорить-то было и не про что, повелитель мертвых все одно эту сволочь не учуял. Кстати, у меня тоже есть вопрос. Если вы знали, что он и в Киеве побывал, и в Ростове, то почему время теряли? За вами государство, за вами силовые структуры. Неужто его вычислить нельзя при осуществлении стандартных розыскных действий? Да шут с ним. Неужто нельзя было подноготную всего-то тринадцати человек выяснить? Имеется в виду вон тех, что забавно выглядят. Даже двенадцати, Маринка не в счет, она точно ни при чем.

Разумеется, никакой агрессии по отношению к нему я не испытывал. Просто сработали вбитые в подкорку инстинкты офисного служащего, точнее, основной из них – работать на опережение. У нас ведь как? Кто первым успел «наехать» на ближнего своего, тот в результате и выйдет сухим из воды. А если промолчишь, уставишься в пол, дашь возможность кому-то другому завладеть мячом – то все, ты попал. Либо на тебя нагрузят не твою работу, либо повесят чужие грехи, таковы волчьи законы офиса. Это жизнь. Мы все без крыльев за спиной. В смысле – мы все не ангелы. И никто не хочет быть крайним.

Хотя в данной ситуации я вообще мог никак не реагировать ни на взгляды, ни на слова. Как хочу – так и поступаю. Я свободный человек и в подчинении у отдела «15-К» не нахожусь. И что-то предъявить мне крайне сложно.

Но инстинкты есть инстинкты. Может, со временем я от них и

избавлюсь, но пока – вот так.

– Не вали с больной головы на здоровую, – тем временем попросил меня Николай. – Саш, так дела не делаются.

– Еще раз тебе советую, ведьмак – не имей с ними никаких дел вовсе, – буркнул умрун. – Попомни мои слова – расходов от них больше, чем доходов.

– Да и не собираюсь, – уперев руки в боки и сочтя данную позу достаточно независимой, произнес я. – Как там было сказано? У нас просто временно совпали интересы. Точнее – кратковременно, так мне сдается. Как-то все хуже мы друг друга стали понимать.

Нифонтов ничего не сказал, только снова глянул на меня, правда, теперь скорее иронично.

– Искали, – примирительно произнесла Евгения, как видно, решив перевести разговор в иное русло. – Подключали коллег, одних запросов написали столько, что чуть пальцы о клавиатуру не сточили. А толку чуть. Этот поганец сам ничего не делает, все чужими руками проворачивает.

– А участников только что под микроскопом не рассматривали, – добавил Николай. – Ни-че-го. Ничегошеньки!

Тем временем процесс подготовки к съемкам подходил к концу, каждый из участников уже побывал у гримеров, и сейчас высокий мужчина с бородкой-«эспаньолкой» и здоровенной залысиной что-то им вдохновенно объяснял. Видимо, это был режиссер разворачивающегося перед нами действия.

Колдуны, ведьмы, чародейки и дриада слушали его внимательно, но при этом то и дело возникали перепалки, в процессе которых они громко орали друг на друга, а бородатый дед даже хлестнул толстую девицу в очках по спине своими ветками.

– Последовательность выхода делят, – пояснил мне Нифонтов. – Кто первый могилу ищет, кто второй.

– Думаешь? – спросил у него я примирительно.

Не то чтобы мне было перед ним неловко. Нет, ничего подобного. В конце концов, он меня использовал, причем не в первый раз, какое там смущение. Просто я по жизни не люблю состояние вражды с кем-то вообще. Мирное сосуществование – вот то идеальное положение вещей, к которому я стремлюсь. Никто никому не мешает жить, никто никому ничего не должен.

Жалко только, что достигнуть этой нирваны мне пока не удалось. И, боюсь, в этой жизни не удастся.

– К гадалке не ходи, – уверенно сказал оперативник.

– К какой из них? – спросил у него я нарочито-серьезно, давая понять, что конфликт исчерпан.

Дружеский тычок под ребра подтвердил, что мы поняли друг друга.

– Ступай, – следом за этим сказал Нифонтов. – Пора.

– Куда? – опешил я.

– Туда, – ткнул пальцем в телевизионщиков пальцем он. – К ним. Потолкайся среди этих чудаков, послушай, о чем говорят. И к себе прислушайся – а ну как что-то учуешь?

Я мог сказать много чего, но это было бы только повторение пройденного. И потом – а почему бы и нет?

– В принципе – не вопрос, – кивнул я. – Вот только под каким соусом я там появлюсь? Тем более в таком виде.

Я же домой не заезжал, прямо с работы сюда рванул, потому и одет был соответствующе – брюки, пиджак, сорочка с галстуком.

– Нормальный вид. – Мезенцева поправила мой галстук. – Не хуже и не лучше. Тем более, что ты тут не один такой. Вон, гляди на тех троих.

И правда – на дальнем плане, на самой границе света прожекторов и ночной тьмы, отиралось несколько человек в деловых и довольно дорогих костюмах.

– Это директор кладбища и его ближайшие подручные, – гулко сообщил Костяной царь. – Паскудники. Все им денег мало. Ох я им устрою веселую жизнь, когда все это закончится! Не забуду. Не прощу.

Кстати, руководящие сотрудники погоста, как видно, что-то такое и предполагали, потому что время от времени поглядывали по сторонам и вид имели достаточно встревоженный. Люди так выглядят тогда, когда начинают жалеть о ранее принятом решении, но при этом понимают, что переиграть уже ничего нельзя.

– И потом – это же телевизионщики, – добавил Нифонтов. – У них всегда такой бардак, что в нем затеряться можно без особых хлопот. Главное им не мешать работу работать, а на остальное этой публике плевать. В кадр не лезь и режиссеру советы не давай, вот тебя никто и не заметит. Я бы сам пошел, но колдун меня в лицо знать может. В отделе сотрудников не сильно много, а потому все на виду. Нежити-то мы до лампы, там другие расклады, а вот те, кто раньше людьми был...

– Да ясно все, – прервал его я. – Но сразу говорю – ничего не обещаю. И еще – в задержании и всем таком прочем не участвую. Это ваше поле деятельности, мне на нем делать нечего.

– Само собой, – заулыбался Нифонтов. – Более того – мы и не можем тебя к подобным операциям привлекать. Ты же гражданское население!

И как тут не насторожиться, после таких-то слов?

Впрочем, вряд ли они что-то подобное планируют – больно много народу вокруг. Чтобы там Хозяин кладбища ни говорил про «малую кровь», не похож Николай на совсем уж беспредельщика. Себе на уме – да, тумана любит подпустить – тоже да. Но чтобы посторонних под пули или чего похуже подставить – это нет. Я, может, и не очень в людях разбираюсь, но тут я уверен в своей правоте на все сто.

Ну или хочу в это верить.

Выбравшись из-за деревьев, я с максимально независимым видом направился к главной аллее, где всевозможная суета потихоньку достигала своего апогея. Бегали, орали, суетились почти все, кроме, пожалуй, самих участников программы, которые смирились со своей очередностью и теперь перекуривали в сторонке.

На меня и в самом деле никто внимания не обратил, так что зря я пустил в ход очень хитрый отвлекающий маневр, а именно – поправление штанов и подергивание молнии на ширинке. Мол, не просто так я за деревья ходил, а по важному, хоть и малому делу. Единственным человеком, который уделил мне хоть какое-то внимание, была миниатюрная девушка-гример. Она, пробегая мимо меня, встала на цыпочки и зачем-то попудрила мне лицо. Как видно – по привычке.

Впрочем – вру. Секундой позже меня заметила Маринка, стоявшая поодаль от своих новых коллег по магическому цеху и задумчиво дымившая сигаретой.

– Смолин! – радостно крикнула она, поблескивая камнем во лбу. – Сашка! Пришел все-таки, гад такой!

– Пришел, – не стал спорить с очевидным я. – Знаешь, как-то у нас нехорошо с тобой получилось. Совесть меня заела.

– Врешь, собака, – уверенно заявила соседка, после чего обвила мою шею руками и сочно облобызала в щеки. – Если сюда приперся, значит, есть у тебя какой-то свой интерес. Ну и хрен с тобой, я все равно рада тебя видеть.

– Что, тебе тут реально настолько неуютно? – проницательно поинтересовался я.

Если уж она целоваться полезла, значит, и вправду рада мне. Из этого вывод – ей было жутко тоскливо в этой компании.

– Да кошмар, – не стала скрывать Маринка. – Кругом одни уроды, как моральные, так и физические. Саш, я всегда думала, что уже повидала настоящих шизиков, но нет, это была иллюзия. Вот здесь настоящая ярмарка безумия. Причем речь идет не столько вон о тех, прости господи,

чудаках, сколько о всех остальных. Знаешь, я всегда думала, что части тела мертвого человека, о жизни которого надо рассказать – это муляж. Ну реквизит.

– Да ладно, – понял я, куда она клонит.

– В штанах прохладно, – взвизгнула она. – Реально трупешник! Это капец что такое! Они сегодня днем доснимали фрагмент, типа «невошедшее», раз в четыре программы выходит нечто вроде дайджеста. Они эти субпродукты в специальном холодильнике держали, прикинь! Хорошо, что я в той программе не участвовала, а то бы точно сблевала. И не раз. А им – пофиг!

– Жесть, – признал я. – А что коллеги по цеху? Если судить по внешнему виду, то они похожи на иллюстрацию к высказыванию: «Цирк уехал, клоуны остались».

– Ошибочное мнение. – Маринка докурила сигарету и ловким щелчком отправила окурков в недалеко от нее стоящую урну. – Поверь, они нормальнее нас с тобой. Маркетинг, Саша, тут всем правит маркетинг. Все просчитано по всем бизнес-правилам. Их внешний вид – это витрина. Какой должна быть витрина в магазине?

– Стеклопанной? – предположил я.

– Приковывающей внимание, – поморщилась Марина. – Вызывающей интерес. Любой, главное – не безликой. Неважно, как это выглядит, главное, чтобы человек захотел понять, что находится за этой витриной, и зашел в магазин. Пусть даже из юмористических побуждений, просто чтобы поржать над дураками, которые такое сотворили. И как только он туда зашел – все, он их. Саш, не поверишь, почти каждый из них реально прошаренный психолог, причем очень высокого класса. Они читают мимику и движения людей как книгу, и только по этим признакам понимают, в каком направлении надо крутить клиента дальше. Не выпытывают часами подноготную, пока тот лежит на диване, а сами ему все про его жизнь рассказывают, типа прозрели ее насквозь. И простого человека это заставляет думать о том, что перед ним настоящий кудесник.

– Впечатляет. – Я окинул взглядом участников программы. – А по ним и не скажешь. Слушай, а вот ты пару раз сказала, что, мол, «почти каждый»? Эти «почти» – они кто?

– Ну да, несколько человек сюда попали для оправдания элемента «реалити». – Маринка ткнула себя в грудь. – Как, кстати, и я сама. Устроители ждут от нас первобытной дури и неподдельных эмоций.

– И как, оправдываются ожидания?

– Наверное, – передернула плечами девушка. – За себя не скажу, а вот

другие – это что-то. Например, вон тот шаман – это, знаешь ли... Кстати – он такой же житель Крайнего Севера, как ты или я, ни фи́га он не чу́чка и не э́венк. Просто ему показалось, что именно на танцы с бубном народ будет сбегаться лучше всего. Профанация в чистом виде.

– И экзотика, – понимающе кивнул я.

– Не это в нем главное, – тихонько хихикнула Маринка. – Но тут лучше самому увидеть. У тебя железные денежки есть?

Я выгреб из кармана штанов звякнувшую мелочь и протянул ее девушке.

– Очень хорошо, – она взяла у меня с ладони несколько рублевых монет. – Эй, Гупта! Смотри, чего у меня есть! Денежка!

– Денежка! – оживился шаман и радостно осклабился. Его неприятное, заросшее густым волосом лицо, превратилось в маску алчности.

– Лови. – Маринка щелчком отправила монету вверх, та сверкнула в свете прожекторов.

Гупта, просто как футбольный голкипер, в прыжке поймал ее, а после, погладив, засунул в мешочек, привязанный к поясу.

– Еще давай, – потребовал он.

– Жадность просто патологическая, – тихо шепнула мне Маринка. – Вон гляди.

Вторая монета отправилась в кусты шиповника неподалеку от нас, и Гупта незамедлительно кинулся туда же. Раздались треск ломающихся веток и негромкая ругань.

– Пока не найдет – не вылезет, – подытожила соседка. – Вот такой вот экземпляр.

– Колоритен, – признал я. – А другие? Что о них скажешь?

– Вон тот, с голым задом, тоже статист, – пояснила Маринка. – Колдун Устин из Верхней Пижмы. Уж не знаю, где такая и есть ли она вообще на белом свете. Запросто может оказаться, что и нет. Отец его был колдун, дед его был колдун, прадед его... Ну ты понял последовательность. Сразу отвечу, потому что все равно спросишь – через голый зад он получает ответы от природы-матушки и космоса-батюшки. В принципе, логика в этом есть. По-хорошему, ведь все у нас в жизни через это место, верно? Но так Саня парень неплохой.

– Сейчас не понял? – заморгал я.

– Не тебя одного Александром зовут, – пояснила Маринка. – Это он по колдовской линии Устин, а по паспорту он Саша.

Ну не знаю, не знаю. Вряд ли тот, кого Николай ищет, станет с голым задом бегать, даже ради маскировки.

– Еще из статистов вон тот, – Марина показала на существо в латексе. – Этот круче остальных. В жизни не угадаешь, как его зовут.

– Не угадаю, – признал я. – Очень уж много вариантов.

– Дон Педро ле Максиваксио, гранд, – торжественно сказала Маринка, сдерживая смех. – Если ему верить, то он овладел всеми премудростями испанской магии.

– Какой? – я даже в ухе пальцем пошерудил, подумав, что ослышался.

– Испанской, – подтвердила соседка. – Я тоже про такую не слышала. Думаю, на то и расчет.

– Однако. – Я окинул взглядом фигуру, затянутую в черный костюм. – Но как есть дон Педро. Во всех отношениях.

– Не без того. – Маринка показала на крепко сбитого парня с камерой. – По дороге сюда этот самый Максиваксио вон от того оператора чуть по роже не получил. Задумал, понимаешь, его за коленку хватать. Да еще приговаривал, что без этого он голоса мертвых не услышит и задание провалит. В смысле, без мужской любви и ласки. Бэ!

– Бэ! – согласился с ней я. – А...

Больше я ничего спросить не успел, потому что дядька с залысинами рявкнул в мегафон:

– Участники съемки, все ко мне! Минутная готовность!

Броуновское движение как-то вдруг сразу упорядочилось, колдуны, маги и дриада рванули к режиссеру, обслуга же, наоборот, отодвинулась на задний план.

Даже Гупта вылез из кустов, убирая, впрочем, найденную монету в свой кошель.

Я решил не отделяться от коллектива и подался назад, при этом задев рабочего, который пер куда-то выключенный прожектор.

– Аккуратней, – зло бросил он.

– Извините, – произнес я, и мы встретились глазами.

К моему великому удивлению, я узнал этого рабочего. Да и как это было не сделать? Такие знакомства не забываются.

Это был Стас. Тот самый, который являлся приятелем сослуживца Маринки и попутно сотрудником полиции. Если точнее – тем еще волкодавом.

Глава шестнадцатая

Я даже не успел спросить, его-то какие черти загнали на эти галеры. Стас коротко мотнул головой, как бы говоря: «ты меня вообще не знаешь», и попер прожектор дальше.

Хотя гадать и не приходится. Зуб даю, здесь имеет место быть сразу несколько полицейских операций, причем у меня нет уверенности в том, что одни «силовики» в лице Николая согласовали ее с другими, которых представляет Стас. И не забудем про «убэповцев», которые, собственно, пропихнули Маринку для участия в сием разудалом действе. Они, поди, тоже где-то здесь окопались.

А я по хорошей народной традиции оказался в аккурат посерединке всей этой заварушки. Как это самое в проруби. Ну а что? Точнее не скажешь.

– Люди, дайте тишины, – рявкнул в мегафон начальственный мужской голос. – Первое – свет! Сначала яркий, потом, когда участник двинется на поиски могилы – рассеянный! Напомню – первым пробует найти захоронение дон Максиваксио, за ним леди Ньюра, потом волхв Амфибрахий, Гупта, новенькая... Как там ее? Марина Лучезарная. Так, о чем я? А, вот – крайним в первом блоке съемок будет лорд Дарк. Как он закончит – все, перерыв! И – тишина должна быть! Предупреждаю на берегу – если устроите базар, как в прошлый раз, ударю рублем.

Яркий свет, который заливал главную аллею, практически моментально исчез, сменившись умеренным. Добрая половина прожекторов погасла, а остальные полуприкрыли специальными ставенками. Ну да, там же полумрак нужен для антуража. И трясущаяся камера.

Собственно – так оно и было.

Первым могилу насильника и убийцы искал латексно-фриковый Максиваксио. Он долго бродил по дорожкам погоста, не удаляясь, впрочем, далеко от главной аллеи, и усердно изображал из себя «человека-паука», постоянно пытаясь сесть на «шпагат» и демонстрируя при этом весьма приличную «растяжку». Причем, как только он это делал, то немедленно подмигивал оператору, как видно желая дать ему понять, что ежели тот соблазнится на его предложение, то он в другом антураже и после бокала «красного сухого» и не такую прыть сможет показать.

В результате этот отважный испанский кабальеро нетрадиционной ориентации не преуспел ни в чем. И могилу показал не ту, и оператор,

которого все достало, отвесил ему добротный пендель, плюнув на профессиональную этику. И правильно, как по мне. Меру потому что знать надо. Не все же такие, как ты?

Кстати – могилку эти горе-чародеи искали по-настоящему. Они и в самом деле не знали, где та находится. Я-то думал, что каждый из них раньше или позже доберется до цели, но все, похоже, было по-честному.

Хотя, возможно, фавориты все же в курсе, где маньяка зарыли. Просто ни Максиваксио, ни леди Ньюра, которая тоже успеха в поисках не добилась, в их число не входили.

Волхв Амфибрахий, что примечательно, изначально двигался в нужном направлении. Свои две длинных ветки он использовал как некий компас, держа их на вытянутых руках, и в голос просил мать Сыру Землю да Живу Полнотворную (интересно, а это кто такая?) показать ему, где убийца окаянный лежит.

Поначалу, как я и сказал, мать Сыра Земля в союзе с Живой ему подсобили, но в какой-то момент их доброта закончилась, после чего Амфибрахий свернул не на ту дорожку, и еще минут двадцать бродил по погосту впустую, до тех пор, пока его время не вышло. Сами мы этого не видели, поскольку конкурсантов и остальных присутствующих с главной аллеи не выпускали, но по грустному лицу вернувшегося ни с чем волхва и так все было понятно.

Каждый из испытуемых имел в запасе минут двадцать, не больше. Нашел за это время искомое – молодец, автоматически проходишь в следующий тур. Не отыскал – твою судьбу будут решать телезрители, отправляющие СМС на простой номер, указанный внизу экрана.

Хотя мне лично кажется, что судьбу неудачников решают все-таки продюсеры. Да и Маринка про что-то такое говорила. Но остальным про это знать не нужно. И это тоже правильно. Профессиональная кухня должна оставаться за кадром, причем это правило верно для любой отрасли.

Маринка, к слову, изрядно психовала, причем абсолютно беспричинно. Ей-то чего напрягаться? Это остальные не знают, где могила, она-то в курсе. Хотя и меня потихоньку опасения начали одолевать. Сориентируется ли она на местности? Одно дело по бумажке маршрут строить, другое – здесь, среди берез, елок и тысячи могил отыскать одну единственную. Ориентир у нее есть, кладбищенская стена и каменюка вместо надгробия, но до той стены еще дойти надо.

За поиски тем временем принялся знаток северных традиций Гупта. Он попрыгал, поплясал, выдал сольную программу горлового пения,

которое больше напоминало альпийский «йодль», а после двинулся вглубь кладбища, время от времени ударяя в бубен и прося помощи у каких-то Иституна и Седны.

Вскоре он скрылся из вида, и только побрякивание бубна говорило о том, что поиски продолжаются. А минут через десять раздались и отдаленные вопли:

– Нашел! – донеслось до нас. – Нашел, однако!

– Опа! – сказала одна сотрудница съемочной группы, обращаясь к своей коллеге, они обе стояли совсем рядом со мной и Маринкой. – В жизни бы не подумала. С виду дурак дураком, а первым могилу обнаружил.

Остальные члены съемочной группы тоже восторжествовали.

– Пять сек, – попросила ее собеседница, нажимая какую-то кнопку на наголовном наушнике с микрофоном, который черной полоской контрастировал с ее светлыми, почти белыми волосами. – Поиски продолжаются, ждем.

– Так он же нашел? – заморгала девушка.

– Десять рублей, одной монетой, – засмеялась телевизионщица. – Ему теперь и могила никакая не нужна, у него уже праздник. Это же Гупта! Лен, он же за копейку удавится. Этот крендель даже пустые жестяные банки на площадке собирает, ты забыла? А как же, их можно сплющить и сдать.

– Тьфу ты! – зло сплюнул Амфибрахий, который тоже слышал этот разговор. – Напугал, чорт нерусский! От же ж!

Потом было еще два крика, говорящих о том, что заросший диким волосом шаман что-то да находил, но в обоих случаях это была не могила. Просто он стал богаче еще на пять рублей и кусочек фольги, который в темноте принял за денежку.

Так что вернулся шаман вполне довольным жизнью, и сразу же начал выяснять у девочек-администраторов, когда участников будут кормить, аргументируя это тем, что если уж его сюда привезли, то обязаны холить и лелеять. И что он сам, если что, за едой не пойдет, ее ему должны принести прямо сюда, где он сидит.

Не удивлюсь, если в тарелке с едой у него окажутся рвотное, слабительное и снотворное одновременно.

Впрочем, думал я на эту тему недолго – и предмет для моих мыслей был больно неприятный, да и самое интересное началось. Пришло время Маринки, так сказать – ее звездный час.

– Все? – спросил режиссер, после того как девочка-гример еще раз проверила готовность маринкиного лица к съемке. – Начали!

– А сейчас, дорогие зрители, нас ждет неожиданность, – бойко

затархтел ведущий, который был мне смутно знаком. То ли я его в рекламе майонеза видел, то ли он какую-то телелотерею до этого вел. – Впрочем, что удивляться, мы же с вами не просто на каком-то обычном рядовом шоу, это «Магическое противостояние». Здесь есть правила, но нет законов. Тот, кто действительно чувствует в себе магическую силу, кто готов попать условности, кто может прийти и взять свое по праву сильного, всегда получит место в нашем проекте. И сегодня такое случилось! В середине сезона, уже после того, как количество игроков уменьшилось вдвое, к нам пришел новый претендент на победу. И тем, кто сейчас стоит за моей спиной, следует его бояться, поскольку это на самом деле очень и очень серьезный конкурент!

Ведущий на секунду замер, повинувшись руке режиссера, а после заупокойным голосом сообщил:

– В борьбу за главный приз «Магического противостояния» вступает... Верховная дриада Восточных пределов! Женщина, с чьей магической силой может поспорить только ее же красота! Могущественная... Ослепительная... Великолепная... Марина Лучезарная!

За моей спиной грохнуло нечто вроде литавр, да так громко, что я подскочил.

Свет сразу трех прожекторов скрестился на маринкиной фигуре, и я должен сказать, что выглядела она очень и очень эффектно.

Шелк плаща на свету переливался всеми красками, фигурой ее бог не обидел – талию особо под складками одежды видно не было, но зато грудь так и приковывала мужские взгляды. Добавим сюда еще блеск звезды во лбу и тот факт, что до нее в этом шоу главной красоткой числилась очкастая девочка со щеками хомяка, да и то только за счет возраста, поскольку юность прекрасна в любых проявлениях, даже в таких. Но теперь всем точно стало ясно, кто здесь является примой.

– Марина Лучезарная! – повторно проорал ведущий. – И прямо сейчас она вступает в борьбу! Я просил ее для начала сказать пару слов для вас, наши дорогие друзья, но она отказалась это сделать, аргументируя это тем, что дела мага всегда говорят лучше слов. Ну что же, посмотрим, посмотрим! Пока никто из ее собратьев по ремеслу не добился успеха, а ведь это по-настоящему сильные игроки!

– Предвечное небо, – проникновенно изрекла Маринка и вскинула свои обнаженные руки вверх, браслеты, надетые на них, звучно брякнули. – Помогите дочери своей! Деревья, братцы мои, подскажите дорогу! Я, Верховная дриада Марина, прошу вас об этом!

Перед тем как отправиться на поиски, она распиналась еще минуты

две, отправляя запросы о помощи и кустам, и местной мелкой живности, и госпоже Луне. Последнее, кстати, зря. Не скажу за деревья и предвечное небо, а Луну все же лучше не беспокоить по подобным пустякам.

– Хороша, – шепнула одна телевизионщица другой за моей спиной. – Вон, смотри, наш козел лысый уже на нее слюни пустил!

Речь, судя по всему, шла о режиссере, у которого и в самом деле как-то масляно начали поблескивать глазки.

– Проститутка, – громко заявила леди Ньюра, та самая дама в ну очень откровенном наряде, из которого в разные стороны выпирали ее недюжинные прелести.

Потом надо будет Маринке рассказать о реакции народа. Она такое любит.

Вволю наговорившись с природой, моя приятельница поднесла ладони к вискам и прикрыла глаза, создавая у окружающих впечатление, будто слушает кого-то. Для усиления эффекта она еще и кивать головой начала.

Вот это она зря. Слишком примитивно. Ей надо было березку обнять, к ней щекой прильнуть и ее слушать. Тогда она сразу двух зайцев убила бы одним выстрелом, да еще и третьего съела. Во-первых, это зрелищней, во-вторых – реалистичней, с учетом того, что она дриада. Ну и наконец – патриотично. Чай, не баобаб африканский или алепскую сосну обнимает девица красная, а нашу православную березку.

Хотя и так неплохо вышло, это я придираюсь. Вот она вострепелась, радостно заулыбалась, вновь протянула руки к Луне и звонко крикнула:

– Спасибо! Я поняла! Я услышала!

Эх, ей бы сейчас еще добавить что-то вроде: «вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела!» и все, можно нашу красавицу в Малый театр отправлять.

Маринка шустро припустила по дорожке, за ней пулей помчался ведущий и операторы, причем не один, как раньше, а два.

– Эвона, – подал голос волхв Амфибрахий. – Шустра девка-то! Слышь, Педра, даст она нам просрать. Лысый за ней сразу две камеры отрядил, и это в первую съемку! А нам по одной досталось!

– Кругом бесчестье, – пискляво ответил обладатель латексного костюма. – Тех, кто несет людям истину и свет, зажимают, а вот такие, как она, лезут вперед. И пропагандируют сомнительные моральные ценности.

Эк человека забирает. И еще – он в какой-то просто опасной близости от меня оказался. Подкрался, я бы сказал.

Впрочем, да и хрен бы с ним, если что, всегда ему в бубен можно зарядить. Другое плохо – нельзя посмотреть, в реальном времени как там у

Маринки дело обстоит. А ну как все-таки она заплутает?

Хотя волновался я зря. На этот раз моя приятельница справилась с поставленной задачей, и узнал я про это почти сразу, благодаря все той же девушке из съемочной группы.

– Ленк, она ее нашла! – с выпученными глазами сообщила она своей подруге, теребя наушник. – Офигеть! Немного побродила между могил – и нашла! По ходу, у нас нарисовался новый хедлайнер!

– Тварь, – сказала как плюнула леди Нюра и грозно захрустела печенькой, пачку которых она минуту назад отобрала у девушки, разносящей кофе.

– Вот таперича все и начнется, – в тон ей добавил Амфибрахий. – Передел рейтингов, мать их ети!

Шутки шутками, а надо будет Маринку предупредить о том, чтобы она не ела и не пила ничего кроме того, что сама из дома приносит, или того, что герметично запечатано. В то, что эта публика сможет как-то навредить ей магически, я не сильно верю, а вот в то, что они нечто химическое ей в чай сыпануть могут, не сомневаюсь. Нечасто в глазах людей такую свинцовую ненависть увидеть можно.

И это я еще свою работу критикую. Да мои коллеги на фоне данного магического бомонда – это добрые, милые люди. Даже Силуянов.

Возвращение же Маринки обратно на главную аллею превратилось в триумфальное действо. Ведущий просто исходил на елей, называя ее «новой и самой яркой звездой проекта», «прекрасной незнакомкой» и «блистательной дриадессой». Последнее словосочетание было совсем уже каким-то жутким и резало слух.

Впрочем, Маринку это все не слишком трогало, она с наслаждением купалась в славе и одаривала всех окружающих блистательной улыбкой.

Есть у нее эта дурная черта, что да, то да. Тщеславна моя соседка до одурения. Я так думаю, она в журналисты пошла только ради того, чтобы собственную фамилию видеть в напечатанном виде. Ну или в титрах телепрограммы. Ей мало пяти минут славы, которые положены каждому современному человеку. Ей круглосуточное курение фимиама подавай.

Но зато когда ее эго накормлено и напоено людским восхищением, она становится невероятно благодушной. Вот и сейчас она щекастую девочку, которая попыталась узнать у нее, где же именно находится искомая могила, послала ко всем чертям настолько по-доброму, что диву даваться можно. Прямо как мать родная, по-другому не скажешь.

Если честно, то, по-хорошему, я бы мог после этого с чистой совестью уйти домой. Все получилась, Маринка вскарабкалась на верхушку той

пищевой цепочки, которой являются участники программы, и в настоящий момент она может сожрать любого из них. А после зрительского голосования, полагаю, она и вовсе всех уберет. Там же не только того выбирают, кто шоу покинет, но и того, кто стал лидером программы, по мнению телезрителей. И в этот раз точно именно ей достанется причитающийся победителю недели специальный приз.

Вот только просто так уйти не получится. Где-то там, за елками, стоят и смотрят на меня два оперативника из «Отдела 15-К» и ждут моего мнения о происходящем.

А мнение у меня простое. Если здесь и есть тот колдун, которого они ищут, то он точно не среди конкурсантов. Ну не может серьезный злодей (а этот колдун несомненно злодей) принимать участие вот в такой клоунаде и таскаться по погосту в латексе, с двумя ветками в руках или вон с намазанным белилами лицом. Несерьезно это все.

Скорее, к обслуге лучше присмотреться. Если Стас мимикрировал под технического сотрудника группы, то что мешает этому негодяю сделать то же самое? Самое то ведь. Внимания они к себе не привлекают и для стороннего человека все на одно лицо.

И еще мне вот что непонятно. А на кой вообще колдуну сдалось это шоу? В принципе? Насколько я понял, человек зарабатывает деньги, промышляя торговлей крайней опасной магией с преступными целями. Конкретнее – он продает одним людям возможность безнаказанно убивать других людей. Наверняка задорого продает, такие вещи не могут стоить дешево по определению. Времена поменялись, нашим согражданам убивать себе подобных запросто, как это было в 90-х, стало крайне затруднительно, а потому услуги профессионалов в таком деле здорово подорожали.

Вопрос – при таких доходах оно ему надо, палить себя подобным образом? У него и так все шоколадно. Маг ты, не маг – если в кармане не пусто, то жизнь уже имеет смысл.

Тщеславие тоже исключено – он в любом случае не под своим именем выступает.

Единственный хоть сколько-то разумный вариант, который мне приходит в голову, это то, что он осуществляет здесь нечто вроде рекогносцировки. Может, ему кого-то из сотрудников программы заказали? Или даже участников?

Да и то это за уши притянуто. Эта версия существует только потому, что все другие звучат еще нелепее.

И не менее абсурдной мне кажется уверенность Нифонтова в том, что

я смогу обнаружить колдуна быстрее, чем он. Елки-палки, мы же не бессмертные из сериала «Горец», которые ощущали присутствие себе подобных, когда оказывались поблизости друг от друга?

Но мысли мыслями, а я таки остался на главной аллее и добросовестно торчал на ней еще добрых полтора часа, пока все оставшиеся участники не прошли испытание. Хотя правильнее сказать – почти все участники не прошли испытание. Могилу злодея кроме Маринки нашла только бабуля-божий одуванчик с узкими глазами-щелочками и в забавном платочке, повязанном на голову, да, к моему великому удивлению, колдун Устин, который, повертев голым задом, довольно шустро добрался до искомого. Уж не знаю, правда ли они чего чувствуют или просто смогли каким-то образом получить нужную информацию, но факт есть факт – нашли эти двое то захоронение, которое было надежно обустроено у забора.

Пока длились суд да дело, я порядком озяб, и даже кофе, который мне любезно предложила юная барышня из местной obsługi, как видно, решившая, что я тоже имею отношение к созданию программы, не выправило ситуацию. Осень близко, дневная и ночная дельта температур скачет как сумасшедшая.

К тому же меня еще и потянуло в сон. Оно и понятно – над Москвой стояла глубокая ночь, а позади у меня был длинный рабочий день. Я часто зевал и время от времени тер глаза, чем невероятно раздражал Маринку, которая, спустившись с пьедестала, все-таки вернулась ко мне и даже прихватила мою руку под локоток.

– Сашка, не спи, замерзнешь, – то и дело теребила она меня. – Но скажи – ведь я крута, да? Из всей этой компании только трое нашли могилу! Всего трое! Не знаю, как я справлюсь с последним заданием, но в топ я уже попала! Да-да-да!

– Последним заданием? – давя зевок, спросил я. – А что, на этом мероприятие не закончится? Я думал, что достигшим цели скажут про то, какие они молодцы, да и все, по домам.

– Ничего ты, Смолин, в телевидении не понимаешь, – заявила Маринка, прикуривая сигарету. – А кульминация? Наш народ любит зрелища, и чтобы хоть кто-нибудь, да остальных уделал. У нас не бывает так, чтобы сразу все победители. Чемпион должен быть один, а остальные обязаны смотреть на него и улыбаться, ненавидя. «Улыбаться, ненавидя». Хорошо сказано, надо запомнить и потом в какой-нибудь материал вставить.

Я ничего на это не сказал, только послушно улыбался, зевал и моргал глазами, как совенок.

Вашу тетку, как я сегодня вообще работать буду? Засыпая на ходу и время от времени ударяясь нижней челюстью о стол?

– Сейчас мы все пойдем к той самой могиле – вещала тем временем Маринка – И те, кто нашел ее, и остальные тоже. Так вот – мы трое попробуем вступить в контакт с тенью этого маньяка и узнать, куда он спрятал тело последней жертвы. Кстати, Сашуля, а ты случайно про это ничего не знаешь?

Пальчики Маринки сжались на моем локте, как стальные браслеты, а взгляд ее приобрел некий блеск, свойственный сотрудникам следственных органов.

– Откуда? – не кривя душой ответил ей я. – Извини, но тут тебе надо будет выпутываться самой. Наплети чего-нибудь, тебе не привыкать.

– А про могилу откуда узнал? – продолжала драконить меня Маринка. – Педик не знал, толстуха не знала, шаман-нищеврод не знал, а ты в курсе! Как так?

– Вот так, – отцепил я от себя ее руку и снова зевнул. – Отвали, женщина, а то я перестану работать твоим счастливым талисманом и домой уеду.

– И все-таки ты скотина. – Маринка подошла к урне и потушила о нее окурок. – И невежа. Я на твоих глазах мерзну, вон все руки в «гусиной коже», а ты даже пиджак мне не предложил.

– Пиджак, – с сомнением пробормотал я. – Вообще-то мне тоже не жарко. Слушай, а пошли вон за те елки, погреемся! Так сказать – создадим огонь при помощи трения и поступательных движений!

– Смолин, а ты никогда не прогнозировал такую ситуацию, что я вдруг возьму да и соглашусь? – неожиданно спокойно и даже без насмешки произнесла Маринка. – Не потому, что ты вдруг стал для меня невероятно притягательным, а просто так, из соображения «а почему бы и нет?». Ну и что будет? Вот я прямо сейчас скажу тебе: «А пошли». И что ты станешь делать? Ведь заочкуешь. Я точно знаю, что заочкуешь. Ты к этому не готов. Не физически, а морально. И еще ты побоишься оплошать, потому что тогда после этого тебе со мной будет куда труднее общаться. А общаться придется, в надежде на возможность реабилитироваться и доказать, что ты на самом деле «ого-го»! Причем не мне доказать, а самому себе. И в результате все наше будущее будет замешано на сексе – том, о котором будешь думать ты, и том, который будет не нужен мне. А все остальное останется в прошлом. Самое главное там останется. То, что мне на самом деле дорого.

– Почти размазала по дорожке, – признался я.

– Глупый Саша. – Маринка погладила меня по щеке. – Я тебе не дала и не дам не потому, что мне жалко, или из соображений нравственности. Ты лучше других знаешь, что я не монашка. Просто после этого наши с тобой отношения никогда не будут такими, как сейчас. Я не хочу терять то, у нас уже есть.

Ну не знаю. Для меня бы ничего не изменилось. Но женщины – они мыслят другими категориями, нам непонятными.

– Вот видишь, как я о нас забочусь. Мммм, дурашка! – Маринка обняла меня за шею, а после резко цапнула за нижнюю губу, да так, что мне прямо очень больно стало. – А теперь говори, гад, где лежит последняя невинно убиенная жертва! Чтоб мне сдохнуть, если ты этого не знаешь! Колись, зараза такая, я победить хочу и «We Are The Champions» во всю глотку спеть!

– Тьфу, – дернулся в сторону я, притянув к себе заинтересованные взгляды соперников Маринки по программе. – Чтоб тебе! Да на, заberi ты этот пиджак! Это все, что я тебе могу дать! А больше я ничего не знаю! Вот этот зуб даю! Или нет, лучше вот этот.

– Всегда своего добиваюсь, – с гордостью сообщила всем Маринка, натягивая на себя мою одежду. – Вот такие мы, дриады, лихие девчонки!

Без пиджака ночная прохлада начала меня донимать еще сильнее, зато сна ни в одном глазу как не бывало. Хотя этому поспособствовало еще и то, что съемки наконец-то продолжились. Пока мы с Маринкой болтали о том и о сем, пока Гупта, урча и приговаривая: «Халявная хавка», пожирал пятую порцию холодного плова из пластикового корытца, пока остальные участники перемывали друг другу кости и материли мою соседку, которую черти на их голову послали, рабочие шустро перетаскали часть оборудования к кладбищенской стене, где и должна была произойти кульминационная развязка этого выпуска.

А вскоре, повинувшись команде режиссера, туда пошли и мы все.

Лже-могила убийцы и насильника была красиво подсвечена прожекторами, причем не ярким огнем залита, а расцвечена желтыми и зелеными оттенками, что, бесспорно, добавляло антуража происходящему.

– Итак, сейчас вы выясним, кто же из наших участников сегодня приобретет защиту от выбывания на следующей программе, – возвестил ведущий и загадочно нахмурился, как бы давая нам понять, что он-то точно это знает, а мы пока нет. – Три лучших мага этой недели вот-вот сойдутся в финальном поединке! Нас ждет незабываемое зрелище, ибо эти трое – лучшие из лучших! Хотя у нас в «Магическом поединке» других и не осталось, поскольку все, кто слаб и не способен преодолеть себя, уже

покинули проект. Итак – вот они! Бабушка Сана Рая, потомственная ведунья из Коми! Колдун Устин! И-и-и-и-и-и! Наша дебютантка, верховная дриада Марина Лучезарная!!!

Трое названных встали рядом с ним, причем Маринка в последний момент сообразила стянуть с себя пиджак и сунуть его мне в руки.

– Вас ждет сложнейшее испытание, – обратился ведущий к трем финалистам. – Сложнейшее! Вы готовы?

– Да, – бойко заявила Маринка, вздернув нос кверху.

Двое других участников молча покивали.

– Итак, – нагоняя атмосферы, понизил голос ведущий. – Сейчас вам предстоит шагнуть за грань обыденного. Даже не так. Вам предстоит пересечь границу между жизнью и смертью, сделать то, на что обычный человек не способен. Он просто не отважится на подобный шаг, поскольку игры со Смертью – это опасные игры.

Я слушал его и думал о том, что этот парень либо фантастически глуп, либо невероятно отважен. Вести подобные речи на кладбище – это за гранью и разума, и инстинкта самосохранения.

Кстати, бабушка Сана Рая, похоже, подумала о том же самом, поскольку, слушая ведущего, она несколько раз неодобрительно поморщилась, а после внимательно оглядела окрестности, особо задержав свой взгляд на густо растущих слева елках. Тех, где, по моему мнению, сейчас обосновался Костяной царь на пару с оперативниками из отдела «15-К».

Непростая бабуля, ох, непростая. Глянуть бы на ее глазки, спрятанные в щелочках, да без света прожекторов, в простом лунном свете. Сдается мне, тогда бы я точно сказал, кто она – ведунья или же все-таки ведьма.

– Сегодня, сейчас вы попробуете вступить в контакт с духом человека, который лежит вот здесь, в этой самой могиле, – продолжал разоряться ведущий. – И скажете нам, куда именно он спрятал останки своей последней жертвы. Тот, кто окажется ближе всех к правде, тот и победит! Если же никто не сможет выполнить задание, то защиты на следующую программу не будет ни у кого из вас. Если победитель будет не один, все решат магические дуэли! Очередность выполнения задания определит жребий.

Первой выпало общаться с покойничком бабушке Сане Рае. Она перетирала в морщинистых пальцах какие-то травки, сыпала их на могилу и что-то приговаривала на коми-пермяцком. В результате этих манипуляций она сообщила нам, что кости какой-то девушки сброшены в реку, которая протекает через сильно большой город.

Колдун Устин был более конкретен в определениях. Совершив ряд манипуляций, описывать которые я даже не рискну из этических соображений, он уверенно заявил, что останки бедолаги, попавшего в руки насильника и убийцы, припрятаны в овраге, рядом с окраинами города Елец. Но какими именно окраинами и в каком конкретно овраге, он не знает. С другой стороны, Елец не сильно велик, и на окраинах его не так уж много оврагов, потому можно передать эту информацию соответствующим органам, которые наверняка найдут и окраину, и овраг, и останки. Ну если вдруг организаторы программы, которые, разумеется, знают правильный ответ, этого еще не сделали.

Последней была Маринка, которая отчего-то замешкалась и не подошла к могиле сразу после того, как Устин отправился к остальным участникам.

Не понимая, чего она вдруг затупила, я поискал ее взглядом и успел увидеть, как она сказала что-то маленькому полупрозрачному старичку, который после этого лукаво улыбнулся и исчез, будто его и не было. Зато Маринка после этого сразу дернулась, словно ее током ударило.

Твою-то мать! Она этому старому хрычу свое имя назвала! Вот же дура!

И куда смотрит Хозяин кладбища, он же вроде всем своим подобное строго-настрого запретил?

Или...

– Стоп запись! – заорал режиссер. – Марина, в чем дело? Чего стоим, кого ждем?

– Иду-иду, – проворчала... Или уже проворчал? В общем, сказал тот, кто теперь был Маринкой. – Не ори! И рот так не разевай, гланды застудишь.

– Во дает! – восхищенно сказала девушка с наушником на голове. – Молодчинка какая!

Режиссер забавно булькнул горлом, а после гаркнул:

– Полная тишина! Запись!

– Госпожа дриада, вам понятно задание? – поинтересовался бывшей Маринки ведущий.

– Предельно, – скривила рот в улыбке она. – Чего тут не понять. Жертву душегуба найти надо. Только у этого-то жертв было мало. Что он там натворил? Десяток бедолаг на тот свет отправил. Что он перед тем, кто сейчас здесь стоит, да на меня смотрит. Вот кто злодей-то подлинный, вот кто кровь людскую как водицу лил!

– Э-э-э-э-э... – ведущий растерянно посмотрел на режиссера, но тот

тоже явно не понимал, что происходит. Не получив ответа, ведущий, доказывая, что он все-таки сильный профессионал, начал импровизировать: – Вы хотите сказать, что среди нас есть убийца?

– Про это и говорю, – подтвердил тот, кто занял место моей соседки. – Сильный колдун, очень сильный. Много крови взял, большую мощь заимел. Вот только зря он сюда сунулся, это была ошибка. Ты же сам это уже понял?

И указательный палец с безупречным маникюром показал на участников реалити.

Глава семнадцатая

Я, если честно, так и не понял, в кого именно она ткнула пальцем. Да и никто не понял, кроме самого колдуна, нервишки которого все-таки сдали. Ну его трудно в этом винить – ночь, холод собачий, вокруг компания странных людей и, хуже того, телевизионщиков, да еще эта невесть откуда взявшаяся девица тычет в тебя пальцем и режет прямо в глаза правду-матку. Тут любой сорваться может, даже прожжённый насквозь злодей.

И тем самым выдать себя.

Собственно, все так и получилось. Участник с вымазанным белилами лицом, тот, которого я про себя называл «Лорд Вампир», вскинул голову вверх и кинул быстрый взгляд сначала налево, потом направо, будто прикидывая пути отхода, и тут же бочком-бочком двинулся в сторону той кладбищенской дорожки, которая была поближе и мгла в которой казалась потемнее. Совсем незаметно, как бы играючи.

Народ тем временем продолжал безмолвствовать, впечатленный речью Маринки и выполняя приказ режиссера. Потому метнувшийся от ближних елок крик:

– Стас, вон тот, размалеванный! Хватай его, пока не смылся! – услышали все.

А дальше всё происходило очень-очень быстро.

Лорд Вампир невероятно ловко, просто со змеиной гибкостью, проскользнул через ряды участников, ударил стоящего у него на пути охранника в горло сложенной в «копье» ладонью, после чего тот свалился, хрипя, в соседние кусты. Сам же колдун, вырвавшись на оперативный простор, махнул плащом и забавно полуприсел, будто собираясь справить большую нужду, причем одеяние закрыло его с головы до ног.

– Стас, бери его, не дай уйти в темноту! – орал Нифонтов, проламываясь сквозь кусты, которыми здесь, в этом уголке кладбища, все заросло. – Сашка! Ты чего стоишь, помоги ему! Ты же ведьмак! Если он уйдет, то Маринке не жить, это же она его сдала!

В этот момент мне очень-очень захотелось не колдуна скрутить, а что-нибудь эдакое сотворить именно с оперативником. Мне стало предельно ясно все, что он задумал. И, мало того, – реализовал.

Когда этот отважный борец с нечистью сообразил, что выяснить личность колдуна не представляется возможным, он решил устроить провокацию, и именно по его наущению Хозяин кладбища послал к

Маринке одного из своих подшефных. Уж не знаю, как Нифонтов умудрился договориться с умруном о содействии, но сумел. Хотя – кого я обманываю, что-что, а разговаривать с людьми и иными сущностями этот человек умеет.

Незамысловатый план сработал, колдун себя выдал, но вот только никто не ожидал, что он тут же надумает смыться, да еще начнет так жестко действовать.

А еще этот гад заранее готовился к негативному развитию событий, то есть к тому, что чернокнижника не удастся захватить здесь и сейчас. А потому он только что спалил и меня, и Маринку, сделав из нас двоих наживку, на которую так славно ловить волшебную рыбку в мутной московской водичке.

Причем формально он ничего такого вроде бы и не сказал. А что, все сплошная правда. Я – ведьмак, а колдуна сдала именно Маринка. Она же на него пальцем показала? Но то – формально. Колдун же подумает... Хрен знает, что он подумает. Но по совету Нифонтова теперь точно захочет ее убить. А может, и меня тоже.

Я все понимаю, работа у оперативника такая, но тут он уже палку перегнул. Я парень не злопамятный, но такие вещи не забываю никогда. Это была подстава. Причем грязная настолько, что дальше некуда.

– Снимай! – подал голос режиссер шоу, который единственный из всех присутствующих, похоже, сообразил, что происходящее хоть и не присутствует в сценарии, зато зрелищно и будет интересно для зрителя. А также крайне полезно для рейтинга.

– Сева, не спи! – гаркнул Стас, который проталкивался через толпу все еще не отмерших сотрудников шоу. – Давай, вяжи злодея!

Колдун тем временем вылез из-под плаща, и я заметил на его лице удивление. Нет, черты его по-прежнему были скрыты под белилами, которые делают любую человеческую физиономию обезличенной и неузнаваемой, я вот завтра его без них на улице встретить – не узнаю. Но эмоции распознать можно.

Конкретно этот человек сейчас был удивлен и зол.

Тем временем на него кинулся здоровенный парень в комбинезоне обслуги. Пользуясь тем, что он был выше и крепче Лорда Вампира, коллега Стаса попытался просто-напросто вырубить негодяя, и именно с этой целью попробовал дать колдуну в «пятак».

Но не преуспел, колдун невероятно ловко и без малейшего труда увернулся от этого удара, как, впрочем, и от следующего.

А третьего Сева нанести не успел, поскольку колдун атаковал его

самого. Точнее – он швырнул в него свой плащ, который сначала облепил здоровяка, как пластилин. И было похоже на то, что Севе это очень не понравилось, потому что он заорал так, что с близлежащих деревьев даже листва посыпалась, а потом, пытаясь сорвать с себя черную ткань, за которой его самого видно уже не было, завертелся юлой. Впрочем, через десяток секунд он сначала застыл на месте, а потом рухнул на землю как подкошенный. И не факт, что живой.

Колдун же времени терять не стал, скользнув ужом на одну из дорожек кладбища, которая вела туда, где не было света и живых людей. Точнее – почти скользнул, поскольку уже у самого выхода с той аллеи, где происходила съемка, его сбил с ног Стас.

– Лежи смирно, и я не буду в тебя стрелять, – сообщил колдуну полицейский. – Не испытывай судьбу, не надо.

В одной руке у Стаса был пистолет, во второй – наручники, и он явно был доволен собой.

Колдун вообще ничего не стал ему говорить, хотя, наверное, и стоило бы. По законам жанра он должен был произнести некую хлесткую фразу, которая бы придала этой сцене дополнительную пикантность и остроту, что-то вроде:

– Не всегда побеждает тот, кто стоит на ногах.

Но ничего такого не случилось. Просто колдун снова проявил невероятную резвость и владение своим телом. Как он умудрился из положения «лежа» за секунду «заплести» ноги Стаса, нанести ему удар в живот, причем, похоже, чудовищной силы, и выбить из рук оружие – фиг знает, но факт есть факт. Вот на земле лежал человек с забеленным лицом, и на тебе, все мигом изменилось. Стас, который только что вроде как доминировал в этой ситуации, сам корчится у ног злодея, задыхаясь в пароксизмах рвоты, поскольку крепко получил в печень, а колдун, растянув бесформенный рот, протягивает руку к его глазам, и пальцы на ней наливаются какой-то жуткой, нездоровой краснотой, становясь похожими на раскаленное железо.

Не могу сказать, что в этот момент я размышлял о том, что Стас мне дорог как друг. Нет, ничего подобного. Да и не так это. Ну да, было у нас совместное дельце, в котором каждый из нас преследовал свои цели, но оно не стало началом большой дружбы, имеется в виду такой, чтобы подставлять свою голову под удар за этого парня.

Но стоять и вот так смотреть на то, как сейчас этот недоджoker ослепит человека, я тоже не мог. Да, меня нельзя назвать высокоморальной личностью, поскольку у меня имеются признаки всех душевных хворей

современного человека, то есть умеренный снобизм, повышенный эгоизм и непомерный пофигизм, но не совсем же я еще сволочь? С годами, скорее всего, ей стану, но пока я не она.

Стас выплюнул на грудь комок чего-то дурнопахнущего, того, что, видимо, было днем его обедом, попытался отвернуть руку колдуна в сторону, схватившись за его пальцы, и зарычал от боли. Как видно, они и впрямь были огненно-обжигающими.

Колдун растянул свой рот до таких пределов, которые природой не были даже предусмотрены, высунул длинный, черный язык и поднес расставленные «рогулькой» пальцы к глазам полицейского. Времени у него было в обрез, но, как видно, не мог он себе отказать в удовольствии немного понаслаждаться чужим страхом.

И это дало мне те секунды, за которые я успел добежать до этой парочки и столкнуть злодея со Стаса, а после еще и как следует его пнуть. Я, кстати, неплохо в детстве и юности играл в футбол, и удар с правой был у меня отточен изрядно. Так сказать – помнят ноги-то!

Слетая со Стаса, колдун мазнул своими раскаленными добела пальцами по его щеке, отчего кожа на ней сразу сморщилась и стала коричневой.

Полицейский, ладонь левой руки которого представляла собой один сплошной ожог, застонав и держась за живот, тут же пополз туда, где лежал его пистолет. Похоже, что сил на то, чтобы встать после такого удара у него просто не было. Я же уставился на бывшего Лорда Вампира, который неведомым образом снова оказался на ногах, будто и не валялся только что на дорожке.

– Ведьмак, – укоризненно сказал он мне. – Вот зачем тебе это нужно? Тут не твоя война. Собирали бы травки, варил настои, искал смысл жизни, как все твои сородичи. А теперь мне придется тебя убить, чтобы каждый из вашего племени помнил, что потомков Кащея трогать категорически запрещается.

Сухо щелкнул выстрел, потом еще один. Черная ткань дико старомодного камзола (именно он оказался под плащом) на груди колдуна продырявилась в тех местах, куда попали пули. Кстати – стрелял Стас изрядно, попал прямо в сердце. Ну или рядом с ним, я в анатомии не силен.

Хотя я бы стрелял в голову. Так надежней.

По-моему и вышло – толку от пальбы было немного. Колдун и не подумал картинно заваливаться на дорожку, пятная ее кровью, он только усмехнулся и покачал головой.

– Чисто дети, – сказал он мне. – Ладно, пойду я. До встречи, ведьмак.

И скорой! А это тебе на память.

Как он махнул рукой – не заметил, уловил только какой-то черный росчерк, летящий ко мне, а после перестал видеть вовсе, были только мрак в глазах и боль в голове, нестерпимая и непреодолимая, которой, казалось, не было конца.

Ну и осознание того, что я опять влез не в свое дело, за что и пострадал. Правда, смазанное и нечеткое осознание, не было у меня возможности что-то анализировать, потому как на самом деле очень больно было.

Кончилось все так же внезапно, как началось. Стальные обручи с шипами, которые стянули мою голову после беседы с колдуном, неожиданно разжались, а глаза снова увидели свет. И первое, что я узрел, был капюшон Хозяина кладбища, в середине которого светились две красные точки. Он сидел на траве рядом со мной и недовольно ворчал.

– Живой мрак, – донесся до меня его голос. – Скверное заклинание и скверная штука. Но добрый попался колдун, убивать не хотел, поучил только. Будь порция этой дряни побольше, побродил бы ты еще денька два в лабиринтах боли, не возвращаясь в этот мир, да и окочурился. И я бы не помог даже. Малую дозу мрака я забрать могу, а большую уже нет, силы мои не те. Там, где Смерть руку приложила, там я много чего сделать могу, а тут ей и не пахнет. Живой мрак – порождение магии Жизни, понимаешь? Парадокс, но это так. Жизнь, она ведь всякая бывает, в ней добро и зло одинаково смешаны, потому и магия разная в ход идет. Одна лечит, другая калечит. Но это ладно, не ко времени и не к месту размышления. В общем, ты только напугался. Ну и девицу напугал, что тебя ко мне притащила.

– Поучил он меня по полной, – согласился с ним я, приподнимаясь с земли, на которой лежал. – Правда, не из жалости. Он меня на потом оставил, чтобы, значит, с чувством, толком, расстановкой употребить.

– Это на колдунов похоже, – отозвался Хозяин кладбища. – Они вообще ребята обстоятельные, спешки не любят. Я эту публику никогда не жаловал, но что есть – то есть. Вот у вас все тят-ляп и готово. Сначала делаете, потом думаете, зачем делаете. С ними такого не бывает. О-ох!

Хозяин, было поднявшийся на ноги, пошатнулся и даже схватился за березку, стоявшую рядом.

– Силен, – гулко произнес он. – Ушел он, вырвался, стало быть. Кровью выход из моих владений распечатал и ушел. Ох, ведьмак, чую – беда будет. Одно хорошо – меня она не коснется, сюда этот поганец больше не сунется. Знает, что я его теперь сразу замечу и того, что он сделал, не прощу.

– Вы так за меня на него рассердились? – удивился я, массируя виски.

– Что? – капюшон повернулся в мою сторону. – Нет, разумеется. Мне одинаково безразличен и ты, и твои приятели. Речь-то про другое. Колдун пролил кровь здесь, на моей земле. И не просто пролил, а для ритуала использовал. Такое не прощают, и он это знает. До того я в вашу свару не лез, только запечатал своим словом все входы, меня об этом попросил твой друг. Ну тот, что втравил тебя в эту историю. Это допустимая просьба, я счел возможным ее выполнить. Обойди колдун мой запрет каким-либо другим путем, я бы слова не сказал, но через кровь... Это слишком.

Кавардак в голове совсем прекратился, и я, встав на ноги, глянул в сторону заветной лже-могилы маньяка и насильника. Там творилось безумие. Туда-сюда бегала обслуга, режиссер орал на оператора, чуть поодаль от могилы черным бугристым кожаным холмом лежала леди Нюра, как видно потерявшая чувства от всего увиденного, над ней о чем-то ругались конкурсанты в почти полном составе. Единственными, кто не участвовал в перебранке, были Маринка, устроившаяся на надгробном камне и находящаяся в прострации, да бабушка Сана Рае, примостившаяся неподалеку от нее и задумчиво смотрящая на мою соседку. Сдается мне, что она сделала определенные выводы из происходящего, причем увидела и поняла куда больше, чем все остальные, и сейчас размышляет о том, стоит ли продолжать участие в проекте, который, как оказалось, не слишком-то и безопасен.

Я бы на ее месте сбежал.

Ни Нифонтова, ни Женьки, ни Стаса тут не было. Имелся только Сева, над которым хлопотали две девушки из обслуги, суя ему под нос пузырек с неизвестным содержимым и пытаясь привести его в чувство. Плащ, с которым он боролся, валялся неподалеку от него, порядком изрезанный ножом.

– Попортит он вам кровь, – продолжал тем временем вещать умрун. – Да и как по-другому? Сразу видно – сильный колдун, много чего знает, много чего умеет. Сам посуди – он, когда в птицу перекинуться не смог, видно, понял, кто и чем входы-выходы закрыл, и пока до ворот добирался, вон какое заклинание сплел, на крови замешанное. Не всякому такое под силу, вот так, на ходу серьезную волшбу творить. Хотя слабину все одно дал, когда девица в него пальцем ткнула. Ну так на то расчет и был. И это он вам тоже не забудет, потому как позор.

Вот он чего под плащ-то тогда полез. Хотел в птицу превратиться. Интересно, в какую? Ведьмы в сорок перекидываются, русалки рыбами могут обернуться. А колдуны? По логике – самое то будет ворон. Я, кстати,

недавно читал книжку в метро, там одного матерого колдуна с невероятно мерзким характером как раз «Вороном» звали. Книжка так себе, но логическая связка вполне допустимая. Ну не воробьем же он хотел стать? И не розовым фламинго?

– Так оно и будет, – признал я правоту слов умруна, между делом отряхивая брюки, которым сегодня досталось сверх меры. Как бы не пришлось новый рабочий костюм покупать. Деньги у меня теперь есть, но все равно обидно. Только-только ведь этот приобрел, всего-то весной. – Он самого Кащея знал, если ему верить.

– Кащея? – насторожился Костяной царь. – Ты ничего не путаешь? Кащея из тех, кто еще живет на этой стороне кромки, могут знать трое... Нет, четверо. Не больше.

– Ну не знал, – поправился я. – Он из его потомков. Может – внук, а может – правнук.

– Потомок Кащея, – как-то даже удовлетворенно сказал Хозяин. – Теперь все понятно. Да, ребятки, лихо вам придется, колдуны кашеева семени обид не прощают. А тебе, ведьмак, лучше бы пока здесь у меня пожить, целее будешь. Имей в виду, я далеко не каждому предлагаю убежище в своем доме. Есть у меня один склеп, там тебе вполне удобно будет, только надо будет, чтобы тебе кто-то одеяло привез. До морозов далеко, конечно, но лучше подготовиться заранее. А питаться можешь вон, в «Поминальной избе».

– Так это не шутка была? – изумился я, пропуская мимо ушей предложение умруна, в виду полной его невозможности. Жить я, конечно, хочу, но прятаться на кладбище – это уже слишком. Если уж совсем жареным запахнет, куда проще будет недели на две-три свалить куда-нибудь ко всем чертям, в безвизовую страну вроде Черногории. Вряд ли этот злодей станет искать меня там. Он же колдун, а не фсбшник и не налоговый. Или махнуть на родительскую дачу, тамошний Лесной хозяин при надобности меня обещал спрятать так, что никто не отыщет. – То есть он серьезно говорил о Кащее Бессмертном? Речь реально шла о том чуваке, который чахнет над золотом, носит шелковый костюм с нарисованными на нем костями, и у которого вместо обычной головы череп с короной?

– Я не знаю, кто такой этот твой Чувак, – очень серьезно ответил мне умрун. – Но все остальное – чушь невероятная и глупые придумки людишек, не знающих, с каким огнем они играют. Кащей был величайшим колдуном из людей, и это неудивительно, потому как знания свои получил от жены. А кто у него была жена?

– Кто? – печально обозревая помятый и заляпанный грязью пиджак,

спросил я.

– Морена, – торжественно произнес умрун, увидел, что меня это имя совершенно не тронуло, и снова повторил. – Сама Морена, неуч! Повелительница смерти, холода и мрака. Кащей черпал свои знания из божественного источника. Смертный познал то, что не суждено было для людей, а только для богов.

– Так что, этот черт в белилах – потомок богини? – проникся наконец я.

– Нет, разумеется. – Хозяин, похоже, начинал злиться. – У смертного и богини детей быть не могло, это противостоит природе. Но Кащей был ходок еще тот, и время от времени одаривал своим вниманием других женщин, из числа смертных. И под конец все чаще, на том и погорел, причем в прямом смысле. Морена прихватила его с одной девицей, да и спалила дом, в котором они были, до основания, так, что от того и пепла не осталось. Но это неважно, главное, что от соитий Касея со смертными женщинами, бывало, рождались дети, как, собственно, природой-матушкой и задумано. Некоторые из них проживали свою жизнь как обычные люди – бросали в землю зерно, бортничали, ловили рыбу, рожали детей. А иные со временем ощущали в себе силу пращура и понимали, что могут достичь большего, чем обычные пахари или рыбаки. Их было немного, но каждый из них изрядно наследил на Руси, а то и за ее пределами. Само собой, что долголетия пращура они не получили, им отмерен такой же срок жизни, что и любому другому смертному. Да и того они не проживают, никто из них, насколько я знаю, не умер в своей постели. Костер – вот что ждало каждого потомков Касея. Раньше или позже – но каждого. Да по-другому их и не убить, только огонь может разорвать узы, связывающие их душу с телом. Огонь – величайший дар, который люди получили от тех, кто создал этот мир, и он всегда будет помогать человеку, защищая его от детей Ночи.

Вот теперь понятно, почему этого нехристя пули не брали. Интересно, а если ему голову отрубить, то как тогда? Она по новой прирастет к шее, или он в другое тело вселится?

– Но каждый из них до последней встречи со смертным пламенем непременно успевал оставить на Земле свое семя, – в стиле древнерусских сказителей продолжал вещать Хозяин кладбища. – Не всегда их дети получали Касееву мощь, она могла достаться внуку или правнуку. Но эта цепь не прерывалась никогда и никогда не прекратится, до тех пор, пока этот мир жив.

Если сначала я слушал этот рассказ с легкой улыбкой, поскольку он больше напоминал страшную сказку, то под конец всерьез проникся

эпичностью истории.

– Фига себе, – наконец сказал я. – По ходу, у меня в самом деле серьезные проблемы.

Кивок балахона подтвердил мне, что все именно так и обстоит.

– И вон у той девицы тоже, – ткнул серый узловатый палец с длиннющим ногтем, отливающим в свете луны серебром, в Маринку. – Это же она выдала колдуна законникам. Стало быть, тоже повинна смерти.

Мне очень хотелось выдать матерную тираду, но я не знал, как на этоотреагирует умрун.

– Беда, – вот тот максимум, который я счел возможным выдать вслух. – Как ее спасать – непонятно, особенно с учетом того, что она вообще не очень крепка на голову. А теперь небось совсем спятит, после эдакой свистопляски. Да, а как она, находясь в состоянии овоща, меня сюда дотащить умудрилась?

– Тебя принесла другая девица, – уточнил умрун. – Та, что с законником была, рыжая. Очень за тебя переживала. Я не великий знаток тайн женских сердец, но думаю, что ты ей по душе пришелся. Но не советовал бы тебе связываться с ней. Выбирая между тобой и своей службой, она всегда выберет службу. Они там все такие.

– Насчет всех не скажу, но вот ее приятель точно такой, – я пожевал губами, давя в себе очередную матерную связку приличных размеров.

– А я тебе говорил – не связывайся с ним, – не без злорадства заметил Хозяин кладбища. – Кстати, вон они идут, несолоно хлебавши. Никогда не думал, что такое скажу, но я даже рад, что колдун натянул им нос.

И верно – к нам, уже особо не таясь, топали Нифонтов, Евгения, Стас, державшийся рукой за правый бок и дышавший через рот, а также с полдюжины крепких ребят, одетых в короткие кожаные куртки или джинсовки. Скорее всего, коллеги Стаса. А может, даже и подчиненные, учитывая его стремительный карьерный рост.

Ладонь Стаса до кучи была перетянута носовым платком, обожженная щека время от времени дергалась от боли. По ходу, ему в этот раз досталось больше всех.

И все они были невероятно мрачны.

– Очухался? – заметив меня, спросил Нифонтов и, не дожидаясь ответа, сказал Хозяину кладбища: – Утек колдун. Располосовал одного из кладбищенских рабочих от промежности до горла, всю кровь из него выпустил, распечатал ворота, обернулся в ворона и улетел.

– Коль, можно я сразу тебе выскажу все, чего у меня на сердце, а потом пойду себе? – кротко спросил я у оперативника. – Мне теперь есть чем

заняться, и есть, о чем подумать.

– А? – повернулся ко мне Нифонтов. – Говори, только быстро.

– Само собой быстро, чего тянуть-то? – мне даже оспаривать в его словах было нечего. – Сука ты, Коля, редкая. Все, я закончил.

– Свежо и оригинально, – и не подумал обижаться оперативник. – Потом тебе будет стыдно за эти слова.

– Не будет, – помотал головой я. – Сука ты и есть. Ладно ты меня подставил, хрен с ним. Но вон ту-то блаженную зачем? Маринку, в смысле?

– Смешной ты, Сашка, – подал голос Стас, развязывающий платок на руке. – Ему не она нужна, а ты. Но ты сам в эту кислоту не полез бы, потому он привлек ее. Обычная оперативная разработка. Чего тут обижаться-то? Всех нас кто-то когда-то танцевать будет. Это жизнь.

– Да понял уже, – отмахнулся от него я. – Это был риторический вопрос. Ну и взывание к совести.

– Мне совестно, – вздернул подбородок вверх Нифонтов и уставился мне в глаза. – Тебе стало легче? Ну и хорошо. А теперь давай остаток данной неприятной беседы перенесем на чуть-чуть потом. У нас и так есть что обсудить.

– Вот это правильно, – одобрил его слова Стас и обратился к своим коллегам, молча стоящим неподалеку: – Никого за территорию не выпускать, особо смотрите за режиссером и оператором, надо у них записи будет изъять. Я сейчас кое-что закончу и к вам присоединюсь.

– За это не беспокойся. – Нифонтов бесцеремонно залез в карман куртки Мезенцевой, достав оттуда пачку сигарет и зажигалку. – В эфир пойдет только то, что и должно. Есть рычаги влияния, так что никто в сторону не вильнет. Меня больше беспокоит труп того таджика-рабочего, которому брюхо вспороли. Это ведь не твоя земля, здесь так просто концы в воду не спрячешь.

– Ты же знаешь, в этой стране все решают знакомства, – успокоил его Стас. – Если они есть, то и слона в спичечный коробок затолкать можно. Наш Семеныч с местным начальником РУВД вместе в академии учился, так что все порешаем. Но ты должен понимать, что с тебя теперь приходится. Не мне – Семенычу. Содружество ведомств – содружеством ведомств, но законы человеческого общежития пока никто не отменял.

– Не вопрос, – тут же заверил его Нифонтов. – Я порядки знаю.

– Спасибо, – внезапно обратился ко мне Стас. – Как только что сказал Николай – «я порядки знаю». Если будет беда – приходи, что в моих силах, то сделаю. Все, друзья, я пошел лечить ожоги народными методами, тем более что мази Вишневского все равно ни у кого с собой нет.

И, расстегивая правой рукой на ходу ширинку, он удалился в темноту.

– Так, – закуривая, пробормотал Николай. – Это мы решили, это на потом, это сейчас непонятно, но и не страшно. Все не так уж плохо.

– На самом деле? – ехидно спросил умрун. – Смешные вы, людишки – сил нет. Вот ты думаешь, что все не так уж плохо, и на сердце у тебя полегчало. А всего-то пара слов – и обратно все станет плохо.

Нифонтов без особой любви взглянул на Хозяина кладбища.

– Колдун этот из кашеева выводка, – явно с удовольствием произнес Костяной царь. – Так-то.

– Это я и без вас понял, – выдохнул с облегчением оперативник. – Когда он Сашку «живым мраком» тюкнул, тогда и понял. Тьфу ты, я подумал, что еще какая-то гадость вылезла наружу, о которой я не знал.

– Саш, ну надо так было, – сказала вдруг Мезенцева примирительно. – Поверь, мы тебе не враги. И ты не думай, мы не просто приманкой тебя сделали, как червяка на рыбалке. Ни тебе, ни твоей этой... Короче – вы в полной безопасности. Ну в почти полной.

– Сказал же – с Александром разговор потом будет, – одернул ее Нифонтов. – Не на ходу, не бегом. А ты пока давай-ка дуй к ребятам Стаса, помоги этот табор в чувство приводить. Ребята у него хорошие, но их аргументы, боюсь, не для этой публики. Я сейчас тоже туда подтянусь.

Евгения кивнула и рванула к телевизионщикам, которые уже галдели так, что их было слышно, наверное, на другом конце кладбища.

– Спасибо, – поклонился оперативник Костяному царю. – За помощь, за то, что сделали, что могли.

– Не для тебя старался, – высокомерно ответил тот. – И вот еще что, законник. Не ходи ко мне сюда больше. Не желаю я тебя видеть. Знаю, что такая твоя служба, что ты тоже не за себя радеешь, но тем не менее.

Вот так-то! Что посеешь – то пожнешь.

– Хорошо, – покладисто согласился с его словами Нифонтов. – Один вопрос можно?

Рукав балахона умруна качнулся, позволяя оперативнику говорить.

– Речь только обо мне? Вон та моя коллега в случае нужды может прийти в ваши владения?

– Каков, а? – в голосе Хозяина прозвучали нотки уважения. – Ладно, ей можно.

– Ну и славно, – обрадовался Нифонтов. – Саш, а ты бы тоже без дела не стоял. Вон приятельница твоя никак в себя не придет, а уже пора бы ей это сделать. Если ты думаешь, что мероприятие на этом закончено, то сильно ошибаешься. Телевизионщики такие же суки, как я, для них работа

на первом месте, так что скоро финал программы доснимать начнут, и у нее, если ты не забыл, одна из ведущих ролей. Она же условия конкурса так и не выполнила, с тенью негодяя, зарытого во-о-он в той могиле, так и не пообщалась. Давай, давай, не спи.

И тут же, словно в подтверждение его слов, до меня с аллеи донесся голос режиссера:

– Витя, если ты забыл, то шоу, мать его, оно должно маст гоу он! Если просрал такие кадры, то штатную съемку хоть не запри! Движемся, движемся! Давайте, растолкайте уже эту дриаду хренову, чего она там на камне, уснула, что ли?

Нифонтов подмигнул мне, потыкал пальцем в сторону аллеи и сам направился туда же.

– И я пойду, – сказал вдруг умрун. – Делать мне здесь больше нечего. А ты, Александр, все же подумай насчет моего предложения. Не согласишься, но до последнего времени здесь почти всегда было тихо и спокойно.

Сделав пару шагов, он вдруг подпрыгнул, что совершенно не вязалось с его обликом. Из травы рядом с ним раздался придушенный писк.

– Вот же! – недовольно ухнул Хозяин кладбища. – Это ты?

– Ну! – подтвердил Афанасий. – Просто, когда все началось, я решил, что тут нам всем конец наступит, вот и вырыл себе ямку поглубже, чтобы спрятаться. Так-то я смелый, в беде хозяина не брошу, но сейчас у меня его нет. Вы от меня отказались, те еще не приняли, а у этого свой слуга есть, пусть он за него и заступается.

– Разумно, – признал умрун. – Кстати – ты не передумал? Сам же видел, что это за хозяева будут. Если что – оставайся.

– Люди как люди, – отряхиваясь от земли, возразил ему Афоня. – Не лучше, не хуже. У меня и похлеще были.

– Смотри, тебе жить, – бросил Костяной царь и исчез в тени деревьев и аллей.

– Не злой он, – сказал мне вдруг Афоня, подходя. – Вон тот парень в куртке – не злой. Я знаю, я разное повидал. Ты обиду на него не держи. Жизнь – она по-разному поворачивается, иной раз такое приходится делать, что страх просто какой-то. И думают про тебя все плохо, потому что выглядит это поганно. А потом, когда поймут, что правильно ты поступал, то ни одна сволочь не извинится.

– Может, ты и прав, – признал я. – Только пока свои слова назад не возьму.

– И не бери, – согласился со мной мохнатик. – Твоя жизнь, тебе жить. Да и не по чину мне тебя стыдить или чего делать заставлять. Ты ведьмак, я

слуга. На-ка вот, это тебе сейчас нужнее, чем мне. Да и завязал я.

Он сунул мне в руку ополовиненную «четвертинку» водки, причем, судя по криво приклеенной этикетке, совершенно жуткого качества. Ну да, на помин души часто как раз именно такую и покупают, особенно если пить ее самим не придется. Явно ведь он эту бутылку с какой-то могилки стащил.

Но мне выбирать не приходилось, и я в три глотка ее прикончил. Мелькнула было мысль чутка оставить Маринке, но я ее сразу же отмел. Не дай бог, ее развезет, тогда вообще беда будет.

В общем – выпил я и пошел приводить в чувства мою ненаглядную дриаду. Правильно ведь все режиссер сказал – шоу, оно маст гоу он.

Глава восемнадцатая

Сказать, что башка у меня на следующее утро была тяжелая – это ничего не сказать. Поспать мне так и не удалось, поскольку финальную часть телешоу снимали чуть ли не до рассвета, и я следил за тем, чтобы Маринка не впала в одну из двух крайностей. Промежуточного состояния у нее после случившегося просто не было. Она либо пребывала в задумчивости, которую вернее всего было бы назвать нирваной, либо начинала отчаянно материться, обвиняя в таком своем состоянии всех, кто в этот момент умудрялся оказаться рядом с ней.

Как это ни странно, я в число виновников случившегося отчего-то ни разу не попал, потому мне удавалось пусть и не сразу, но направлять ее в нужное русло.

Впрочем, режиссер, с которым уже успели побеседовать сначала Стас, потом Нифонтов, а после еще и никому не известный мужчина в строгом костюме, который пожаловал на кладбище где-то через полчаса после случившегося, тоже размышлял о чем-то своем, а потому орал и матерился куда менее интенсивно, чем раньше. Да и остальная часть группы была изрядно деморализована, исчез некий кураж, который присутствовал ранее, все думали об одном – свалить бы отсюда куда подальше. И, понятное дело, перешептывались о том, чему стали свидетелями. Правда делали они это очень и очень негромко, так, чтобы их, грешным делом, кто не услышал. А именно – ребята Стаса, который был невероятно убедителен и внушил-таки всем присутствующим мысль о том, что никто ничего не видел, и что если вдруг кто-то начнет молоть языком, выдумывая всякую всячину про эту ночь, то он лично приедет выяснять у болтуна, сколько зубов у того во рту. Меня самого пронял его негромкий голос и простые, ясные слова, которые не понять было невозможно. Думаю, он далеко пойдет, если, разумеется, раньше не сложит голову в какой-нибудь переделке.

Да и человек в костюме о чем-то пообщался с режиссером, после чего тот как раз порядком и загрустил.

В общем, не ошибусь, если скажу, что когда режиссер устало крикнул: «Съемка окончена!», мысленно выдохнули все, кто здесь присутствовал.

А потом участники ночного мероприятия очень быстро разъехались, я даже и глазом моргнуть не успел. Съемочная группа и участники шоу загрузились в разномастные автобусы, Стас со своими коллегами в приземистый «микрик», человек в строгом костюме (и с очень, очень

дорогими часами на руке) в черную «бэху» – в общем, у каждого было свое место в этой жизни. Потом вся эта техника дружно взревела моторами – и у ворот кладбища остались только я, осунувшаяся Женька, веснушки которой неожиданно четко обозначились на бледной коже, как всегда невозмутимый Нифонтов и отчего-то Маринка.

Ну и еще Афоня, который, высунулся было из-за ограды, но заметил мою соседку, сурово засопел и спрятался обратно. Ей он показываться явно не хотел.

– А ты чего с остальными не уехала? – удивленно поинтересовался я у соседки. – Все ваши вроде централизованно отбыли? Может, еще чего в студии надо снять будет?

– Да ну нафиг это шоу! – опять вызверилась Маринка. – Черт меня дернул в нем участвовать! Режиссер этот вообще урод конченный. «Дай мне те же эмоции, как тогда, когда ты сказала: „Ты же сам это уже понял?“». А я ничего такого и не говорила вовсе! Я же знаю, что говорю, что нет!

Возражать ей я не стал, как, впрочем, и стоящие рядом со мной оперативники. Мне давно стало ясно, что она ничего не помнила о том, какие события произошли в то время, когда ее тело ей не принадлежало. Она вообще почти ничего из той лютой движухи, которая творилась на аллее кладбища, не видела, пребывая в беспамятстве. Правда, бесследно подселение мертвой души в ее живое тело не прошло, и свидетельством того были как раз эти самые перепады настроения.

– Бабка еще эта, которая коми-пермячка, – продолжала лютовать Маринка. – Несет ахинею какую-то. «Ты отмечена печатью смерти! Берегись, дева, присвоившая чужое имя!». Чье имя я присвоила? Что за бред?

Речь, как видно, шла о Сана Рае, которая и впрямь что-то шептала Маринке, когда та более-менее пришла в себя. Она, кстати, и в мою сторону потом поглядывала, но поговорить так и не подошла. А я и не стремился к беседе с ней. С меня уже того, что было, хватило.

Самое забавное, что когда все кончилось, то у меня каких-либо чувств, кроме дикой усталости, не осталось. Я практически не злился на Нифонтова и не боялся мести колдуна. А смысл? Изменить-то уже ничего нельзя, надо думать, что со всем этим делать. Но на подобное сил у меня уже не было.

Хотя страх непременно придет позже, это я знал наверняка. Когда адреналин полностью выгорит в жилах, когда я переварю увиденное, когда выплюсь – вот тогда он и нагрянет. И мало мне не покажется. Что-что, а глаза потомка Кащея (блин, ну до чего бредово звучит эта фраза), мне не

забыть. И его слова тоже. Когда в запале кидают: «Все ты труп, понял» – это все фигня, вряд ли кого-то на самом деле станут убивать.

А вот когда просто констатируют факт того, что тебе следует умереть по той или иной причине, говорят так, словно подбивая статистику – то дело плохо. Тебя и впрямь могут грохнуть.

Сам я в таких ситуациях до последнего времени не бывал, но наслышан о подобном от старших коллег, которые застали еще «дикий» рынок и лихие банковские аферы 90-х годов, вроде «черного вторника» или липовых «авизовок». Нашего брата клерка тогда отстреливали не меньше, чем бизнесменов-«скоропелок». За то, что слишком много говорил или, наоборот, за то, что не предупредил о возможных неприятностях. А то и просто в назидание остальным, чтобы место свое знали.

Впрочем, этот страх – он ненадолго придет. Человек такое существо, что приучен жить даже у подножия вулкана, который в любой момент может начать извергать пепел и плевать лавой. В конечном результате ожидание беды или даже смерти тоже становится привычкой, причем в определенный момент даже где-то приятной. Прожил день, дотянул до его заката – уже хорошо, уже ты молодец. Так сказать – постоянный риск держит тебя в тонусе.

Хотя, если начистоту, здравого смысла в этом маловато. Не сказать – нет вовсе. Но если не находить в несчастьях хоть какие-то плюсы, то надо просто идти и накидывать веревку на шею.

Да и это все не главное. Самое паршивое, что человеку, который меня во все это втравил, я даже предъявить ничего не могу. Точнее – мочь-то могу, но для него мои претензии – плюнуть и растереть. Оно ведь как обстоит? Николай захочет – поможет, не захочет в последний момент вытащить меня из-под удара – просто подождет, пока колдун мне сердце вырвет. Ну или как-то по-другому изничтожит.

Может, не надо было ему говорить, что я о нем думаю?

Хотя нет, надо. Иначе я себя уважать перестал бы.

А еще хорошо, что Маринка ничего не помнит, а то бы она от себя еще добавила, и куда больше, чем я. Может, он хоть ее, если что, вытащит из дерьма, в которое мы по его милости вляпались.

– Не грузись, – хлопнул меня ладонью по плечу Нифонтов, будто прочитав мои мысли. – Я даю тебе слово, что ничего особенно страшного с вами не случится. За то, что ни волоска с голов не упадет, не поручусь, все не предусмотрю, но относительную физическую и психическую целостность по завершении этой истории обещаю. Правда, что ты, что твоя подружка можете глупостей каких-нибудь наделать, которые я предусмотреть не

смогу, но все-таки буду уповать на ваше благоразумие.

– Твои бы слова да богу в уши, – проворчал я. – Но лучше бы ты нас просто в это все не впутывал. У тебя есть твоя работа – вот ты ее и работай! При чем тут мирное население в нашем лице?

Нифонтов развел руки в стороны, как бы говоря: «Ну вот так получилось, старик!».

– Саш, вот такая у нас служба, – вздохнула Евгения, подходя ко мне. – Ну да, иногда такое приходится творить, что даже не знаешь, какие слова к себе, любимой, подобрать. И ведь это не обычная грязь, ее в душе мочалкой не отдерешь. Но по-другому никак. И еще – не всем же в белом ходить? Да и не бросаем мы своих в беде. А ты для нас свой. Это я сейчас серьезно говорю.

– Я ни хрена не понимаю! – заорала в голос Маринка. – Вот от слова «совсем»! То есть – совершенно! Что произошло, и почему я ничего об этом не знаю? За что вы перед Смолиным извиняетесь? И еще – вы не забыли, что я тут вообще стою?

– Нет, не забыли, – миролюбиво сказал Нифонтов, улыбнулся и достал из кармана плоскую фляжку. – Коньячку глоток? Зябковато на улице, да для нервов полезно.

Мне была знакома эта улыбка, и, глядя на нее, я понял, что на этом участие в беседе для Маринки, скорее всего, закончилось.

Так оно и вышло – через пять минут она благополучно сопела носом на заднем сиденье машины. Снотворное сотрудники отдела «15-К» использовали просто бронебойное, вырубаящее человека практически моментально.

– Светает, – поежилась Женька. – И есть хочется.

– Ну в этих краях из работающих харчевен если только «МакДак» отыскать можно, – со знанием дела сообщил нам Нифонтов. – Остальные все закрыты часов до девяти. Ждать придется.

– Не вариант, – заявил я. – Нынче день будний, мне еще на службу идти, как раз к девяти. Так что меня лично и «МакДак» устроит.

– А поехали в центр? – предложил Нифонтов. – Сразу двух зайцев убьем – и до работы тебя подбросим, и поедем. Там полно мест, где оголодавших горожан кормят круглосуточно.

– Есть такое, – подтвердил я. – Правда, там цены кусаются.

– Нам выписывают средства на оперативные расходы, – заверил меня оперативник. – Отдел угощает.

– На халяву могу съесть очень много, – предупредил его я. – Да еще и с собой еды прихвачу, потому как домой мне никак не попасть, а без обеда

я оставаться не намерен.

– Не проблема, – с достоинством ответил Нифонтов. – Говорю ведь – не из своих плачу, из казенных.

Самое интересное, что и в дороге, и после, в небольшой уютной кофейне в районе Воздвиженки, мы с Николаем в своих разговорах вовсе не касались того, что произошло на кладбище. Мы поспорили об игре сборной России по футболу, пообщались насчет летних кинопремьер и обсудили превосходство наших шашлыков над ихними барбекю.

Женька в наших разговорах не участвовала, она проводила время в обществе Афанасия, которого я чуть не забыл на кладбище. Он ведь так и прятался за воротами, и, размахивая лапами, выскочил оттуда только тогда, когда понял, что мы вот-вот уедем.

– А сколько тебе лет? – восторженно спрашивала Мезенцева у бывшего ведьмачьего слуги, сидящего в самом углу так, что его вовсе видно не было.

– Я точно не знаю, – степенно отвечал тот, поддерживая Маринку, которая во сне плямкала губами и все норовила на него завалиться. – Но помню, что когда я первую сотню разменял, наш молодой царь в аккурат шведа побил.

– Ох ты! – восхитилась Женька и ткнула Нифонтова кулачком в плечо. – Он времена Петра Первого помнит!

– Совершенно необязательно, – возразил ей я. – Он вообще может не Петра иметь в виду, а Александра Невского. Тот тоже шведа бивал.

– Невский был князь, – неуверенно поддержал коллегу Николай. – Вроде. Хотя я не уверен, у меня по «истории» в школе четверка была. С минусом.

Увы, но дополнительных деталей героических свершений молодого царя мы из Афони не выжали. Да и вообще он делами большого мира не сильно интересовался, а его хозяева, похоже, селиться предпочитали как можно дальше от столиц, а то и вовсе от людей в целом. Насколько я понял, с одним из них он добрые полсотни лет вообще в тайге прожил, в той, где медведь хозяин. И в более-менее обитаемых местах оказался только с предпредпоследним хозяином, где-то в конце девятнадцатого века. Определить это удалось по высказыванию, из которого следовало, что они плыли на корабле, у которого: «парусов-то нет никаких, зато внутри стучало бесперечь». То есть – уже эпоха двигателей, если и не внутреннего сгорания, то, как минимум, паровых.

Но в целом Женька и Афоня ладили замечательно. Настолько, что мохнатик согласился приглядеть за Маринкой, пока мы будем кофе пить.

– Ладно. – Нифонтов доел последний из заказанных горячих бутербродов и промокнул губы салфеткой. – Поели, попили, соблюли этикет, теперь можно и о делах поговорить. Первое – повторяю. Саша, я за твои слова на тебя не в претензии. Ты имел право и так думать, и говорить.

– И никуда оно не делось, – без обиняков добавил я. – Подставил ты нас с Мариной капитально.

– Сказка про белого бычка, – вздохнула Женька. – Если бы я все это не здесь и сейчас слышала, а прочла где-то на «ВК», то непременно написала бы коммент вроде: «Вода, вода, одна вода. Никакой конкретики, буэ!».

– Конкретика, – бросил скомканную салфетку в пустую тарелку оперативник. – Главное не изменилось – не шатайся невеста где в одиночку, особенно в ночное время. Вход в твой дом для колдуна закрыт, пока ты сам его к себе в гости не пригласишь. Этот закон един для всех детей Ночи. Ну а в людных местах он и сам тебя убивать не станет, ему дополнительные неприятности не нужны. Во-первых, он не уголовник, все эти заточки в спину и выстрелы в проходных дворах не про него. Во-вторых, он не дурак, и уже сообразил, что на него начали охоту органы правопорядка, которым палец в рот не клади, чтобы кто ни говорил. К слову – в этом частично наша удача, он по этой причине стал куда более уязвим.

– Не сказал бы, – я поежился, вспоминая, как появлялись пулевые отверстия на груди колдуна, а тому на это было плевать. – Его пулей не убьешь, чего ему полиции бояться?

– На первый взгляд ты прав. – Николай отпил кофе. – Пули он не боится, и тюрьмы тоже. Что ему эта тюрьма, он оттуда выйдет по первому своему желанию. Да он до нее вообще доедет только в том случае, если сам того захочет. Потому Стас сотоварищи ему вроде как не сильно страшен. Но это только на первый взгляд. А если копнуть поглубже, то можно сообразить, что теперь колдун в курсе, что рядом с обычными сыскарями ошиваемся мы, отдельные, а значит, запросто можем помочь славным сотрудникам правоохранительных органов сразу после его поимки ритуальный костерок запалить, наплевав на все законы Российской Федерации, в нужном месте да с правильными наговорами. И, поверь, колдун знает, что мы не только можем такое себе позволить, мы это непременно сделаем, как только он попадет в наши руки. Ну и самое главное – где мы и полицейские, там скоро и спецслужбы нарисуются. А в руки этих господ такие, как он, сильно попадаться не любят.

– Почему? – с интересом спросил я.

– Спецслужбы не верят в колдовство, вот такая штука. Но при этом они всегда хотят знать, как все происходило на самом деле, – невесело

засмеялся оперативник. – И если возникает когнитивный диссонанс, в ход идут любые средства, позволяющие установить истину. И средства удержания в заключении любого существа, кем бы оно ни являлось. Проще говоря – там не тюрьма, оттуда так просто не сбежишь. Спецслужбы не верят в колдовство, но это не означает, что они не прибегают к кое-каким методам и техническим средствам из нашего арсенала.

– У нас же, кстати, и позаимствованным, – проворчала Евгения. – Взять технические средства возьмут, а обратно вернуть – фигушки. Хапуги!

– А вот дядька в костюме и с «бланспейном» на руке – он как раз из таких и был? – уточнил у него я.

– Да, – подумав, сказал Николай. – Кто-то из парней Стаса сливает информацию «фэбсам», я ему про это уже сказал. И – закончили разговоры на эту тему.

– Один вопрос, – показал я оперативнику указательный палец. – Имею право, ты мне задолжал.

Нифонтов сделал грустное лицо, давая понять, что на один вопрос он готов ответить.

– Эти господа только колдунов ловят на опыты? Другие дети Ночи им неинтересны?

– А конкретно – ведьмаки? – уточнил Николай. – Спи спокойно, дорогой друг, твоя персона их точно не заинтересует. Яды они получше твоего делать умеют, а убить человека на расстоянии так, чтобы потом никто ничего не узнал, ты не сможешь. А тем более создать свиток заклинания, которое сможет использовать любой обычный человек.

И он задумался о чем-то своем.

– Так и не понял, – обратился я к Мезенцевой. – Мне бояться или нет?

– Смотря кого, – вздрогнув, вместо нее ответил мне Николай. – Если ты про колдуна – опасаться его надо, бояться – нет. Опасения аккумулируют волю к жизни, страх ослабляет разум и делает тебя уязвимым. Но вообще... Если тебе интересно мое мнение, то основная заруба с этим красавцем у нас сильно впереди. Я таких, как он, знаю. Восемьдесят к двадцати, что уже сегодня вечером его в Москве не будет. Смоется он из города от греха и свалит куда-нибудь подальше, в Голландию, или даже в Австралию, чтобы пересидеть там нынешний кавардак. А вот потом, когда все уляжется, когда про него все забудут, когда и ты, дражайший ведьмак, расслабишься, подумав, что все в прошлом, он вернется. И вот тогда начнется самое интересное.

– Не лучшее слово для подобной ситуации, – поморщился я. – Интерес тут сомнительный. А это «пересидеть», оно сколько по времени означает?

Год, два, три?

– Вот ты вопросы задаешь, – изумился оперативник. – Мне-то откуда знать? Может – год, может – десять. Но не меньше полугода – это точно.

Если все случится именно так, то я буду очень рад. Полгода – это много времени. Через полгода, меня, может, в Москве вообще уже не будет. Может, я к тому времени куда-нибудь в другое место свалю, ведьмачью мудрость постигать.

– Короче – не шатайся по городу в темное время, пока мы не узнаем, что к чему, и будет тебе счастье, – подытожил Нифонтов.

– Вот теперь бы еще Маринке это как-то объяснить, – хмыкнул я. – Смею тебя заверить, уже сегодня она отправится в какой-нибудь клубешник стресс «мохито» и текилой заливать, причем на всю ночь.

– Не отправится, – покачал головой оперативник. – Мы ее куда-нибудь в командировку сплавим, в срочном порядке.

– Ну что рычагов на это у вас хватит – не сомневаюсь. Вот только одна заковыка – «Магическое противостояние». С ним как быть? Она же небось договор с каналом подписала.

– Забей, – посоветовал мне Нифонтов. – Ничего она не подписывала. А проблемы телевизионщиков – не наша печаль. Пошли они...

Посидев еще с полчаса, я начал собираться на работу – времени уже было двадцать минут девятого, а топать от Воздвиженки до Сивцева Вражка было не то чтобы далеко, но и не так уж близко. Особенно если идти не торопясь.

– В общем, ты не забывай оглядываться и если что – звони, – напутствовал меня Нифонтов. – Нет, мы так и так с тебя глаз не сведем, но – мало ли.

– Хорошо, – я убрал в сумку фирменный бумажный пакет с символикой кофейни, который мне принесла официантка. Там лежали четыре тоста с ветчиной и сыром, мой сегодняшний обед. Нифонтов сдержал слово. – Блин, чего-то я еще хотел спросить...

– Ну-ну, – подбодрил меня Николай. – Вспоминай.

– А, вот! – сообразил я. – Слушай, нет еще склероза, уже хорошо. Вообще-то я хотел этот вопрос Костяному царю задать, но сам понимаешь... Не до того как-то сегодня было. Но, может, ты знаешь, что за нежить я тут недавно видел?

И я рассказал оперативнику про серую пакость, которая Семена Марковича, тогда еще не покойного, за шею обнимала. Правда, не стал упоминать про то, что после его снова встретил, пусть и в виде призрака, да еще и жене его помог. Ну и про все остальное, вроде денег, понятное дело,

тоже.

– Это предвестники смерти, – довольно буднично ответил Нифонтов. – Твари в определенном смысле совершенно безопасные, но мерзкие как на вид, так и по содержанию. Как бы тебе так объяснить... Знаешь, кто такие рыбы-прилипалы? Ну которые хищников в море сопровождают, а после за ними все оставшееся подъедают?

– Само собой, – подтвердил я.

– Вот здесь, по сути, то же самое, только не после, а до. Предвестники каким-то образом узнают о том, что человек уже одной ногой в могиле, и тянут из него напоследок что только могут – эмоции, жизненную силу... Все, до чего дотянутся.

– Фу, – я снова вспомнил серое дымчатое тело мерзкой твари. – А разве так можно? Я понимаю, что мире Ночи с правосудием беда, но неужели подобное вообще никак и никем не пресекается?

– Смертный час человека они этим не приближают, так что законы бытия не нарушены, – со знанием дела объяснил мне оперативник. – Ну и самое главное – их жертва, увы, уже никем не защищена. Она вне зоны чьей-то ответственности. Жизнь бедолагу уже списала со счетов, Смерть его на свой баланс пока не поставила, а самого человека никто ни о чем и не спрашивает.

– А почему не использовать их как некий маячок? – спросил я – Может, их жертв еще можно спасти?

– Нельзя, – нахмурился Николай. – И вообще, заруби себе на носу – туда, где находятся зоны ответственности Жизни и Смерти, даже не суйся. Сверх меры, имеется в виду. Ну да, ты чуть-чуть уже заглянул за ту грань, которая отделяет одно от другого, но слишком далеко не заходи. Не волнуйся, в нужный момент тебе дадут понять, где тот предел, который возможен, и за него – ни-ни. Это тебе не какой-то колдун, оттуда мы, если что, даже останки твои для захоронения получить не сможем.

Собственно, на этом мы и распрощались. Они с Женькой повезли мирно сопящую Маринку домой, а я отправился на работу, где практически сразу и начал клевать носом. А пару раз даже почти и задремал.

Особенно тяжело стало после обеда, поскольку, навернув четыре сэндвича, я совсем уже осоловел. И даже, плюнув на все условности, может, даже бы и заснул, вот только сделать этого мне не дали.

– Смолин, ты здесь? Очень хорошо! – Волконский, наш зампред, буквально влетел в кабинет, остановился напротив меня и начал сверлить взглядом. – Скажи, а какие отношения связывают тебя и госпожу Рязскую?

– Как зовут? – зевнул я, прикрыв рот ладонью.

– Кого? – породистый нос Волконского забавно зашевелился, будто тот собрался чихнуть.

– Госпожу Ряжскую, – пояснил я. – Может, я ее фамилию вовсе не знаю, а только имя. Знаешь, Дим, секс не всегда является поводом для знакомства.

– Наш жеребец, – с придыханием и невыразимой иронией тут же выдала Федотова, а Ленка сложила губы «бантиком» и напустила томной поволоки в глаза. Они четко дали понять Волконскому, что на этих десяти квадратных метрах именно я альфа-самец. И это было приятно.

– Не смешно, – сказал зампред таким тоном, что стало ясно – он очень взволнован. – Госпожа Ольга Ряжская – это, знаете ли... Кто ее муж – в курсе?

– Ряжский, Ряжский... – Наташка призадумалась. – А, группа компаний «Р-индастриз». Они, что ли?

– Именно. – Волконский снял очки с носа, повертел их в руках и снова напялил обратно. – Павел Николаевич Ряжский – ключевой клиент банка. Остатки на счетах, кредиты, эквайринг – все не перечислишь. И тут приходит его супруга и требует дать ей поговорить с неким Александром, который у нас работает. Причем даже фамилию его не знает. Александр – и все тут. Я было подумал, что речь идет о Завьялове из казначейства, он вроде работал по нескольким сделкам с компанией ее мужа, но нет. Потом она кому-то позвонила и очень точно описала вот этого товарища, который сидит перед нами. Вопрос. Смолин, какое отношение ты имеешь к госпоже Ряжской? Имей в виду, этот вопрос тебе не только я задам, председатель правления после моего доклада наверняка этим заинтересуется. Да и председатель совета директоров тоже. Ряжский – это Ряжский, вокруг него все танцы с бубном танцуют.

– И начальник службы безопасности наверняка в стороне не останется, – очень умело передразнил я и голос, и жесты Волконского. – Дим, я сам в шоке. Вот слово даю, что не представляю даже, о ком идет речь. А главное – откуда ей меня знать? Я с клиентами вообще напрямую не общаюсь, мне это не по чину. Тем более с такими.

Самое забавное – не врал. В самом деле, абсолютно непонятно, с какой стороны я этой мадам интересен могу быть?

– А вот мы сейчас к ней пойдем, и, может, какая-то ясность появится, – обнадежил меня Волконский. – И гляди у меня, Сашка, не выкини чего-нибудь такого, о чем потом пожалеешь! Ты в последнее время сильно изменился, это все заметили, теперь уж не знаешь, чего от тебя ожидать.

– Да-да-да, Смолин, – подтвердила вдруг Федотова. – Ты как-то... Ну

не знаю... Помущинистее стал. Дать я тебе еще не дам, но и «нет» сразу, как раньше, не скажу.

– Тьфу на тебя, Наташка, – возмутился я, вставая из-за стола. – Несешь невесть чего. Когда это я тебе чего такое предлагал, чтобы ты мне «нет» говорила? Мы в одном отделе работаем, себе дорожке с тобой спать выйдет. Да и кулаки у твоего мужа будь здоров какие, видел я его. Я себе не враг, короче.

– Это аллегория, – постучала себя пальчиком по лбу Федотова. – Я фигурально выразилась.

– Умные все стали, убивать вас пора. Или штрафовать, – проворчал Волконский. – Аллегии, скользкие шутки, всеобщий бардак. Куда отдел по работе с персоналом смотрит? Сашка, пошли уже, Ольга Михайловна ждет.

Я было хотел натянуть на плечи пиджак, но глянул на него и не стал этого делать. Очень уж он жутко выглядел после ночных приключений. Брюки еще туда-сюда, хоть и помятые, но в грязи не изгвазданные, не зря же я в туалете их оттирал. А вот пиджак – увы, так я его в более-менее приличное состояние и не привел.

– Вахлак вахлаком, – верно оценил мои действия Волконский. – Саш, ты бухать начал, что ли?

– Дома не ночевал, – буркнул я. – Пошли уже. Мне самому интересно узнать, что к чему. Да, Дим, она хоть симпатичная?

– Она богатая, – ответил мне зампред. – Когда у тебя денег как грязи, ты некрасивым быть не можешь. Количество нулей на банковских счетах всегда пропорционально интересу, который к тебе проявляют представители противоположного пола.

– Мощно сказано, – признал я. – Практически афоризм, его даже продать какому-нибудь автору средней руки можно.

Само собой, неизвестная мне пока госпожа Ряжская обосновалась в ВИП-переговорной, той, в которую простым смертным вход закрыт. Я сам там бывал всего пару раз и еще тогда проникся при виде мягких кожаных кресел, такого же дивана, мини-бара и навороченной плазменной панели последнего поколения. А еще к ней прилагался личный офис-менеджер, тот, что по совместительству является личным помощником председателя правления. Точнее – помощницей, на которую заглядывалась почти вся мужская половина банка, и которую ну очень не любила почти вся женская.

Собственно, с Леночкой я и столкнулся в дверях переговорки, она, судя по запаху, приносила госпоже Ряжской напиток иноземный, «кофием» называющийся. И явно не в штатной кофеварке изготовленный, а в «турке»

сваренный. И вправду клиентка козырная, раз к ней с таким почтением относятся.

Хотя я бы сейчас и от обычного не отказался. Естественными методами взбодриться мне как-то не удавалось, так что некий сторонний симулятор не помешал бы. А то как сейчас начну зевать прямо перед клиенткой, неудобно получится. Волконский мне потом за это весь мозг выест, я его знаю.

– Ольга Михайловна, вот тот сотрудник, которого вы хотели видеть, – медово произнес зампред. – Точнее, я полагаю, что именно о нем вы и спрашивали.

– Похоже, что вы правы, – ответила ему миловидная женщина лет сорока, сидящая в кресле, и окинула меня изучающим взглядом. – Да, именно таким мне его и описывали.

– Если не секрет – кто? – без всяких реверансов спросил я.

– Ты хоть поздоровайся, – прошипел Волконский и незаметно ткнул меня кулаком под ребра.

Вот зря он это сделал. Я не выспался, я не в духе, да еще водка, что пил на кладбище, была сильно не ахти и обеспечила мне дополнительную головную боль, которую даже «цитрамон» не забил.

Да пошло оно все.

– Простите дурака, – для усиления эффекта я еще глазами захлопал, а после отвесил поясный поклон. – Здравствуйте. Я Саша. Чем могу быть вам полезен?

Женщина непритворно расхохоталась и похлопала ладонью по кожаному подлокотнику соседнего кресла.

– Добрый день, Саша. Присаживайтесь, побеседуем. А вы, Дмитрий, можете идти, я вас не задерживаю.

Глава девятнадцатая

– Если понадобится, то я буду здесь, рядом, – сообщил Волконский, не переставая улыбаться, а после покинул «переговорку», прикрыв за собой дверь.

Я проводил его взглядом, после плюхнулся в кресло, приятно поразившее меня своей удобностью, и уставился на женщину, которая тоже не отрывала от меня взгляда.

И главное – ни слова не говорила. Молчала, смотрела – и все.

– Эммм... – мне подумалось о том, что пауза уж слишком затянулась. – Чем могу быть вам полезен?

– Мне надо пообщаться с моей матерью, – немедленно ответила мне Ряжская. – И чем быстрее – тем лучше. Если говорить точнее, нам нужно было бы поговорить еще три года назад, но, увы, не было такой возможности.

Слушая все это, я окончательно убедился в том, что Сашка Вязьмина была права. Работая в операционном, она общалась с большим количеством людей, а потому в тот недолгий отрезок времени, что мы с ней были любовниками, частенько рассказывала о наиболее экстравагантных клиентах банка. Так вот среди очень богатых людей таких оказывалось больше всего. По ее мнению, когда размер состояния у человека становится таким, к которому подходит словосочетание «Денег куры не клюют», то в башке у него переключается некий тумблер, отвечающий за адекватное поведение и такое же отношение к жизни. Не у всех, конечно, но у многих. И вот тогда эти товарищи начинают идти вразнос, устраивая вещи, которые еще годом ранее им бы и в голову не пришли. Кто-то устраивает восхождение на Пик Коммунизма двадцати полуобнаженных красавиц-моделей. Кто-то упивается чувством собственного величия, покупая себе десятка два гектаров земли на Среднерусской равнине и выстраивая там виллу в римском стиле, причем со всеми делами вроде вакханок, Диогена в бочке и точной копии Колизея с гладиаторами в комплекте. Ну а у кого-то просто едет крыша, после чего он приходит в банк, где сообщает совершенно незнакомому человеку дико важную информацию о том, что надо бы поговорить с мамой.

– Хорошее дело, – максимально дружелюбно сказал я Ряжской. – Мама – это очень важно. Не дело родителей забывать. Да вы прямо сейчас возьмите и ей позвоните. Вон телефон стоит, звонок в город через

«девятку».

– Туда, где она сейчас находится, по телефону не позвонишь, – мягко объяснила мне женщина. – Увы и ах. Она умерла три года назад.

Твою-то мать. Возвел напраслину на человека, никакая она не чокнутая. Нет, здоровой ее тоже не назовешь, если она всерьез думает, что можно вот так просто с тем светом связаться, но хоть логика в ее словах и поступках появилась.

А еще я теперь знаю, кто эту увядающую красавицу на меня навел, и кому она звонила, обо мне справлялась. Вариантов немного, точнее – один всего и есть.

Все, достали меня. Вот прямо с этого момента думаю только о своих интересах и никому больше не помогаю. Просто с каждым добрым поступком я делаю себе, любимому, все хуже и хуже. Вот оно мне надо? Я же не мазохист?

– Мои соболезнования, – печально опустил глаза в пол я. – Это очень, очень печально.

– Саша, надо чтобы вы помогли мне с ней переговорить. – Хоть голос Ряжской по-прежнему был медовым, я уловил в нем нотки непреклонности. – И я точно знаю, что, в отличие от иных дипломированных магов, колдунов и шаманов, вы на самом деле можете слышать тех, кто покинул этот мир.

– Ольга Михайловна, вас кто-то дезинформировал. – Мне не оставалось ничего другого, как начать строительство словесных редутов для своей защиты. – Я сотрудник отдела финансового мониторинга, а не медиум. Нет, в детстве я с двоюродными сестрицами вызывал духов, бывало. Ну знаете, это когда все дружно кладут пальцы на блюдечко и зауспокойными голосами бубнят: «Дух Пушкина, приди». Но и только. Да и тогда, сдается мне, никакой не дух к нам приходил, а Катька, зараза, блюдечко двигала. Это старшая из моих двоюродных сестер.

Женщина лукаво прищурилась, в уголках ее рта обозначилась полуулыбка. Она не стала мне ничего говорить, просто достала смартфон (к моему удивлению, не какой-нибудь пафосный «Верту», а вполне себе демократичную модель средней руки), отыскала в контакт-листе нужный номер, и нажала «Вызов».

Я, поняв, кому она звонит, не смог удержать печальный вздох, и Ряжская, которая, судя по всему, была очень умной бабой, верно его расценила. Очень уж повеселел ее и без того негрустный взгляд. А чего ей печалиться? У нее на руках четыре туза и «джокер».

– Алла, здравствуй, – подтвердив мои предположения, произнесла

она. – Ты права, он очень славный мальчик. Да-да, неглупый, хитрый и вполне симпатичный. И то, что он будет юлить, ты тоже верно предположила. Ну да, эдакий лисенок Вук. Передаю трубку.

После этого она протянула мне свой смартфон, даже не потрудившись добавить к этому жесту что-то вроде: «Это тебя» или «Поговори».

– Да, – приняв его, обреченно произнес я.

– Саша, здравствуйте, – голос, который я слышал, был предсказуемо знаком. – Это Алла, супруга Семена Марковича. Не думаю, что вы меня уже забыли.

– Добрый день, Алла, – пробубнил я. – Нет, не забыл. Еще раз примите мои соболезнования.

– Саша, помогите Олечке, – сразу взяла быка за рога моя собеседница. – Вы можете, я же знаю.

– Как? – жалобно поинтересовался я. – Как мне ей помочь? У меня нет прямого канала связи с загробным миром.

– Но мне же вы помогли? – резонно заметила Алла.

– Простите за прямоту, но тут имела место быть обычная жалость, – решив, что хуже уже не будет, начал импровизировать я. – Про ключ я узнал от самого Семена Марковича, еще когда он живой был. Просто оказался рядом с ним тогда, когда он арендовал ячейку и услышал, как он бормотал себе под нос: «И уберу его в нижний сейф загородного дома». Ну а потом столкнулся с вами в банке, смотрю – убивается очень красивая женщина, в отчаянии пребывает. И мужа потеряла, и состояние вот-вот медным тазом накроется. Ну, не каменный же я. Вот так и...

– Саша, вам не идет врать, – укоризненно сообщила мне Алла. – Нет, звучит здорово, вполне приемлемая версия, но все было совсем по-другому, вы это знаете, и я это знаю.

– Не вру ни словом, – выпучив глаза, задышал в трубку я. – У меня и свидетели есть, если что.

Что неплохо – Витод и вправду может подтвердить, что я тогда рядом с ним был, когда покойный Семен Маркович ячейку арендовал.

– Саша, женщина, которая сидит напротив тебя – очень хороший человек, – в голосе Аллы появились те же железобетонные нотки, что и у Ольги Михайловны. Я даже призадумался – не сестры ли они? Или у всех состоятельных дам есть нечто общее, по жизни приобретенное? – Помогите ей. Пожалуйста.

И связь прервалась. Причем это нас не разъединили, просто Алла сочла, что сказанного ей достаточно для того, чтобы Саша Смолин начал искать новые проблемы на свою задницу.

– Интересная женщина, – задумчиво произнес я, возвращая смартфон его хозяйке. – До крайности.

– Вы сейчас про ее душевные качества или внешние данные? – уточнила Ряжская. – Впрочем, Аллочка подходит под любую категорию.

– Ну да, сразу про все. – Я откинулся на мягкую кресельную спинку. – Комплексно.

– Саша, вы все равно сделаете то, о чем я вас прошу, – теперь под мягкой оберткой слов я различил алмазную твердость уверенности в своих силах. – Так или иначе. Поверьте, я всегда получаю то, что мне нужно. Да, и чтобы вы обо мне не очень уж плохо думали – всегда законным путем. Мой муж не мафиози, а честный предприниматель, и я уж точно не крестная мать московской преступности. Просто у меня много рычагов давления, и при необходимости я всегда могу на них нажать.

Вопрос – чего же ты их не нажала, когда твою подругу «рейдеры» размазывали, как масло по хлебу? Или это был не тот случай?

– Ольга Михайловна, – я постарался вложить в свой голос всю убедительность, отпущенную мне богом. – Вы же современный человек. Ну какое может быть общение с мертвыми, о чем вы говорите? Даже – в принципе? Пока человек живет, он есть. Когда он умирает, его больше нет. Все остальное – выдумки писателей и телевизионщиков, на самом деле этого ничего не существует. Вот есть вы, есть я, кресла, на которых мы сидим, кстати – офигенно удобные. Кофе есть, Волконский, который сопит за дверью, метрополитен имени Ленина, Центральный банк Российской Федерации. И еще куча вещей, все не перечислишь. Это все – есть. Это все можно потрогать руками. А с той стороны ничего нет. По крайней мере, я про такое не слышал.

Ряжская выслушала меня, после встала с кресла и направилась к дверям, бросив на ходу:

– Саша, вы не уходите никуда, подождите минуток пять – семь.

Интересно, а куда это она намылилась? Нет, я гипотетически могу предположить, куда именно, но этот вариант мне нравится не очень сильно.

Хотя – кому я вру? К предправу пошла, не иначе. Решила все-таки дернуть за рычаг давления, как и обещала.

Правда, рычагом это назвать сложно, скорее – небольшая рукоятка. За это лето у меня часть приоритетов изрядно сместилась, и сейчас я вряд ли стану впадать в панику в том случае, если меня уволят. Несколько месяцев назад – да, это было бы для меня серьезным ударом, а теперь... Нет, все равно не хотелось бы конфликтов, особенно если учесть, что при известном желании бывший работодатель может устроить уволенному сотруднику

изрядную «козью морду». Мифических «черных списков работников» в природе не существует, но вот службу безопасности никто не отменял. Именно тут таится самая большая неприятность для служивого человека. Проверая нового сотрудника, безопасник потенциального работодателя непременно связывается со своим коллегой из организации, где этот человек работал раньше. И, соответственно, спрашивает – как и почему? То есть – как человек работал и почему ушел?

И от этого ответа зависит очень, очень многое. Если скажут, что сотрудник был нормальный, а ушел в поисках лучшей доли – дело в шляпе. А если нет? В смысле, если прозвучит, что ты конфликтен, подвержен пьянству, нечист на руку? Даже если такого не было, сказать-то про это все равно можно, особенно, если таков приказ руководства, решившего поучить строптивого сотрудника, который свалил из организации с независимым видом и словами: «Да в гробу я вас видел».

И никто ничего никогда не докажет, в первую очередь ты сам. Просто потому, что ты про этот разговор никогда не узнаешь, а сможешь только догадываться, получая отказ за отказом от работодателей, которым вроде бы по всем параметрам подходишь.

Я таких бедолаг знал, иные по полгода мыкались без работы, пока, наконец, не находили какие-то совсем «убитые» места в «карманных» банках, в которых на сотрудника сразу навешивали груз работы за троих и платили копейки, но зато и прошлое твое не очень проверяли.

А куда деваться? Правда, еще есть вариант с отправлением в небытие трудовой книжки и началом жизни с «белого» листа, но он хорош для тех, кому терять особо нечего.

Мне есть чего. Что же до «козьей морды» – ее точно не миновать. И Силуянов постарается, учитывая его нежную любовь ко мне, да и предправ может соответствующий приказ отдать. Он когда-то, по рассказам старожил, был неплохим мужиком, веселым и незлым, а иногда даже подъезжал к банку не на машине, а на «байке», что выдавало в нем натуру увлекающуюся.

Но время шло, банк развивался, обороты увеличивались, а демократизм в общении с сотрудниками у предправа уменьшался пропорционально росту короны на голове. Нет-нет, это в норме вещей, оно по-другому и не бывает, так что когда «байк» сменили клюшки для гольфа, никто особо и не удивился. Как и тому, что вместо поездки на адреналиновый рафтинг предправ отправился куда-то в район Соломоновых островов проводить время на комфортабельной яхте.

Хотя – легко рассуждать со стороны. Кто знает, как я бы сам

мутировал, сев на его место? Власть – это такая штука, что она кого хочешь поменяет до неузнаваемости, причем сам человек этого даже и не заметит. Он ведь для себя останется тем же, ему и в голову не придет, что все остальные так уже не считают. А если и придет, то он это спишет на зависть и придиричивость бывших друзей-приятелей. Мы весь самих себя всегда оправдать сможем...

Ладно, это все не суть. Вопрос в другом – мне-то как поступить? Послать их всех куда подальше или нет? В том, что меня поставят перед выбором, я не сомневался ни на секунду, точно будет или «да», или «нет». Разумеется, с соблюдением всех моральных норм, без криков и завуалированных угроз. Но, по сути, это ничего не изменит. Как говорится, вид на забор снизу – просвета нету.

Деньги у меня есть, те, что я от Аллы получил, мне их минимум до Нового Года хватит, даже если я на работу не устроюсь. Но сам факт того, что мне никуда ежедневно идти не надо будет, а придется дома сидеть, как-то угнетал. Мы все не любим свою работу, мы все гнусим: «Да пропади она пропадом», мы все ждем того часа, когда никуда не надо будет ходить, но случись так, что к тебе в гости нагрянет та самая свобода – и все. Человек начинает психовать, впадает в печаль, а то и кидается в крайности. И дело не только в потенциальном безденежье. Дело в нереализованности. И еще в том, что из жизни пропадает удовольствие. Вот тот же отпуск. Основной его смак ведь не в том, что ты отдыхаешь. Главное удовольствие в нем – что другие работают, пока ты балду пинаешь. А денежка все одно капает!

Я пока к такой свободе не готов. Морально не готов. Возможно, позже, когда мир Ночи станет для меня своим, я и сам пошлю работу куда подальше, подавшись на «вольные хлеба». Но не сейчас. Мне пока нужен некий якорь, который удерживает меня в привычной реальности и дает возможность ощущать себя тем, кто я есть.

Ну и подпитывает бюджет пусть и не очень большими, но зато регулярными денежными вливаниями.

Интересно, а эта увядающая красотка мне бы заплатила за услуги? И если да – то сколько?

Додумать эту мысль я не успел, поскольку в «переговорку» вошел наш доблестный предправ, за которым следовали Волконский и Рязская.

– Добрый день, Александр, – сухо поздоровался со мной наш руководитель. – Объясни мне, почему ты отказываешься помочь Ольге Михайловне? Если ты не знаешь, то компания ее мужа является стратегическим партнером нашего банка. Скажу больше – не исключено, что вскоре «Р-индастриз» войдет в число наших акционеров, нам надо

уставной капитал увеличивать.

– Сергей Станиславович, а госпожа Ряжская не говорила вам, о какой именно помощи она меня просит? – уточнил я.

– Нет, – равнодушно ответил предправ. – Саша, мы многопрофильный банк, а для определенной категории клиентов и вовсе универсальный. Ольга Михайловна входит в последнюю категорию. Нет, если она попросит тебя кого-то убить или начать готовить государственный переворот, ты вправе сказать ей «нет», но только потому, что это противоречит уголовному кодексу. Законы мы соблюдаем, как-никак в правовом государстве живем. Но даже в этом случае ты все равно обязан предложить ей альтернативные пути решения ее проблем, поскольку интересы клиента для нас приоритетны. Или ты считаешь по-другому?

Вот блин. И не знаешь, что ответить. Хотя, чего скрывать – еще пару месяцев назад я бы до подобной ситуации дело даже не довел бы. Потому что мне даже в кошмаре не приснилось бы то, что вот так, по собственной дури, можно поставить свою, пусть и неказистую, карьеру в банке под удар.

А самое обидное, я для себя никак не могу решить, что для меня важнее – «да» или «нет»? Ну вот не доводилось мне раньше принимать такие решения. В каком-то смысле – судьбоносные. Нет, по мелочам – сколько угодно, а вот что-то серьезное... Всю жизнь до того за меня все всегда кто-то решал – родители, учителя, жена, должностная инструкция. Захар Петрович покойный тоже судьбой моей распорядился, даже разрешения на это не спросив.

Я же сам всегда просто двигался вниз по течению. И только.

Но вот сегодня тот самый день, когда надо серьезное решение самостоятельно принимать. Чуть ли не впервые в жизни. И спросить совета не у кого, и посоветоваться не с кем.

Может, это и хорошо? Может, пора наконец-то строить свою жизнь самому? Трудно, страшно, но...

Но мне это по душе.

– Считаю, – мысленно выдохнув, заявил я. – Есть вещи, которые лично я сделать не могу. Просто в силу того, что это невозможно.

– Смолин, когда говоришь подобное, не забывай добавлять что-то вроде «по моему личному мнению». Для нашего банка невозможного нет, – потеряв короткую модную щетинку на подбородке, сообщил мне предправ. – В пределах Солнечной системы.

И он подмигнул Ряжской, как бы намекая на то, что шутка шуткой, но мы и на самом деле ого-го какие!

– Нет проблем, – развел руками я. – По моему личному мнению,

наладить прямой вербальный контакт с покойной матушкой госпожи Ряжской не представляется возможным, даже исходя из того, что для нас нет невозможного. Не исключено, что какой-то другой специалист нашего банка, из казначейства или из бухгалтерии, и сможет это сделать, но только не я. Не обучен подобному, уж извините.

Предправ, уже было открывший рот для того, чтобы выдать очередную полуафористичную фразу о величии нашего банка и его клиентоориентированности, не нашелся что сказать, закашлялся и с живым интересом посмотрел на Ряжскую.

– Ну вот такое у меня пожелание, – не моргнув глазом, сказала женщина. – Считайте это моей чудачинкой, эдакой милой сумасшедшинкой.

– Н-да, – почесал свой аристократичный нос Волконский. – Теперь я видел все.

Димка был парень славный, как я и говорил, но очень уж повернутый на карьере, потому он мигом пожалел о том, что сказал, это было по нему видно.

А зря. Прозвучало в тему.

– Неожиданно, – признался предправ. – Если можно, вопрос?

– Конечно, – милостиво разрешила ему Ольга Михайловна, занимая свое место в кресле и изящно закинув одну ногу на другую.

– А вам это зачем нужно? Нет, я тоже любил своих родителей, но не настолько, чтобы тревожить их тени в загробном мире.

Ситуация мне начинала помаленьку нравиться. По крайней мере, я уже был в плюсе – как-никак, а растерянным до того я нашего предправа ни разу не видел. Есть чем гордиться до пенсии.

Да и абсурдность происходящего зашкаливала до предела, в этом тоже было свое очарование.

– Надо, – с достоинством ответила Ряжская. – И ваш сотрудник может мне в этом помочь. Поверьте, я это знаю наверняка.

– Значит – поможет, – уверенно заявил предправ, обменявшись коротким взглядом с Волконским. – Не сомневайтесь. Выбор-то у него невелик. Смолин, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Более-менее, – махнув рукой на все, ответил ему я. – Но рискну предположить, что вы имеете в виду простую дилемму. Либо будет так, как хочет госпожа Ряжская, либо я могу писать заявление по «собственному».

– Борзо, но верно, – одобрительно улыбнулся предправ. – Твой выбор?

– Две недели отрабатывать? – уточнил я немедленно, с удивлением ощущая, как на душе стало легко-легко. – Лучше бы, если нет.

Да и хрен с ними, со всеми. Осень еще не наступила, опять же «бабье лето» впереди. Махну в Лозовку аж до первого снега, грибы там пособираю, травы. Антипку-паразита погоняю. Да и «останний летошний денек» недалек. Меня же красавица-русалка пригласила на их прощальную сезонную вечеринку, вот, схожу, посмотрю. А как захладевает совсем, начну работу искать. Желательно с «вахтовым» графиком, «два через два» там, или «три через три».

Все когда-то кончается. Прав тогда был Нифонтов, невозможно на двух стульях усидеть.

– Отработаешь, – сказал как отрезал предправ, сузив глаза. Он очень не любил, когда его указы не выполнялись. – Как миленький. Тебе эти две недели годом покажутся.

Ох, ну вот зря ты так-то! Я же заморочусь, всю книгу переверну, но найду рецепт какого-нибудь особо забористого снадобья, от которого на лбу рог вырастает или неделю верхом на унитаде придется провести. Кстати! Вот и повод испробовать зелье Митрия, от которого у человека рожа корежит так, что смотреть на него страшно.

Но это – потом. В последний рабочий день. Сварю все заранее, а потом подловлю момент и зельем турку кофейную изнутри вымажу. В ней только предправу кофе варят, я это точно знаю. Для ВИПов вроде вот этой фифы есть специальная, гостевая.

– Кхе-кхе, – демонстративно-небрежно кашлянул я. – Кажись, простуда у меня. Может, ОРЗ, а, может, ОРВИ. Придется, как видно, больничный брать. Недели на две.

Сняв голову, по волосам не плачут.

– Стоп-стоп-стоп, – подняла руки вверх в примирительном жесте Ольга Михайловна. – Как мне кажется, у данной ситуации есть мирные пути разрешения, те, где никому не надо будет увольняться.

Э, тетка, это ты запоздала. Надо было раньше думать. Даже если теперь я дам свое согласие на помощь тебе, мне все одно тут не быть. Меня теперь отдел по работе с персоналом живьем сожрет, при поддержке службы безопасности. Так нервы вымотают, что легче уйти будет, чем от ударов со всех сторон уворачиваться.

– Если Смолин сделает то, что вы у него просите, возможно, я изменю свое решение, – подумав, изрек предправ. – Хотя штрафа в любом случае ему не избежать.

– А штраф за что? – удивился я.

– Неподчинение прямому приказу руководства, – вместо шефа сказал Волконский. – Это, Смолин, самый главный проступок из тех, что

возможны в трудовом коллективе. И не только в нашем, а вообще.

Вот ведь как интересно. Слово «неподчинение» я совсем недавно уже слышал, и произнес его Хозяин кладбища, в аналогичной ситуации. Условно аналогичной, разумеется.

Миры разные, а замашки у власть предержащих одинаковые. Сделай чего не по их воле – и ты попал. С той, правда, разницей, что на мнение Костяного царя мне не плевать, потому что он полезен. А вот на этих... Решение принято, так что все стало куда как проще.

– Тут банк, а не армия, – весело сообщил я ему. – Всех под одну гребенку не подстрижешь.

Председатель правления печально посмотрел на женщину, как бы говоря: «Ну, вот что тут поделаешь?»

– Вы не оставите нас? – внезапно попросила моих теперь уже почти бывших руководителей Рязская. – Мне кажется, в дальнейшей перепалке конструктива будет немного.

– Логично, – согласился с ней предправ. – Если я вам еще понадобится, Ольга Михайловна, то скажите об этом Волконскому, он будет ждать за дверями переговорной. Смолин, когда освободишься, сразу можешь идти в отдел по работе с персоналом, там тебя будет ждать чистый лист бумаги формата А4 и ручка. Я позвоню, предупрежу их.

Мне очень хотелось уточнить у него, какой именно будет ручка – чернильной или гелевой, но я не стал этого делать. Во всем меру надо знать.

И мы снова остались с женщиной наедине. Она смотрела на меня, я на нее.

– Мне кажется, что я поступила не слишком правильно, – первой начала разговор она. – Но моей вины в том немного, это Алла неверно вас оценила. Она почему-то была уверена в том, что вы достаточно покладистый и контактный молодой человек. Ошиблась. Вы, юноша, бунтарь, по непонятной причине попавший в данное учреждение. Будь я лет на двадцать помоложе, непременно бы с вами пофлиртвала, я всегда любила плохих мальчиков.

Попытка засчитана, но заход слабоват. Подобными штуками меня не пробьешь.

– Следовало начать с другого, – продолжила женщина, выждав с полминуты и не увидев какой-либо реакции с моей стороны. – Надо было вам объяснить, зачем мне понадобилась ваша помощь. Дело в том, что моя мама умерла внезапно. Так случается, знаете ли. Она всегда была очень здоровым человеком, регулярно обследовалась у очень хороших врачей, но

оторвавшийся тромб, увы, иногда заканчивает наши дни на Земле вдруг, без какого-либо объявления.

– Скорблю с вами, – дежурно откликнулся я.

– За несколько дней до этого мы с ней очень сильно повздорили, – печально сообщила мне Ряжская. – Очень. Со взаимными обвинениями, с обещаниями никогда больше друг с другом не общаться. Так и вышло, больше не общались, и это никогда уже не исправить. Так вот все эти три года не было ни дня, чтобы я не думала о том, что осталась непрощенной своей мамой. Нет, в душе я знаю, что, уходя, она не держала на меня зла, но мне надо это знать наверняка.

А ведь не врет. Правда не врет. Есть вещи, которые не сыграешь, будучи даже очень хорошей актрисой.

Черт, ну вот как мне изжить из себя эту проклятую жалость?

– Я не экзальтированная дура, – продолжала Ряжская. – Мне прекрасно известно, что подавляющее большинство экстрасенсов, колдунов и ведуний – это просто хорошие психологи. Ну или просто мошенники. И все равно я обращалась к ним, потому что ничего другого не оставалось. Знали бы вы, как надо мной потешался мой муж. И это ведь еще он не знает, сколько денег я на подобное спустила. Но это ладно, главное – результат. Его же, увы, как не было, так и нет. А потом Алла рассказала мне о том, как вы помогли ей с ключом, и мне стало предельно ясно, что кто-кто, а вы точно не мошенник. Да и произошедшее здесь данный вывод отлично подтверждает. Вы в состоянии мне помочь, но не желаете этого делать. Не знаю почему, но не желаете.

Я снова промолчал, хотя, наверное, и не стоило бы. По сути, я только что подтвердил правильность ее выводов.

– Давайте так, – сказала Ольга Михайловна. – Во-первых, я исправлю допущенную мной ошибку. Я скажу Сергею Станиславовичу, чтобы по отношению к вам не предпринимались никакие репрессивные меры.

Смешная, наивная женщина. Да он тебе что угодно пообещает, вот только мне от этого легче не станет.

– Не улыбайтесь, – попросила женщина. – Я не настолько наивная, как вы сейчас подумали. Мне прекрасно известны условия кадровых игрищ. Я не стану его о чем-то просить, я просто скажу, что вы с сегодняшнего дня мой личный менеджер в этом банке, вот и все. И смею вас заверить, этого будет достаточно.

А вот это работает.

– Я бы, наверное, могла поговорить и о новой должности, и новой зарплате, но пока этого делать не стану. – Ряжская подалась чуть вперед. –

Данный разговор разумнее будет отложить на потом, когда компания моего мужа станет акционером этого банка. Поверьте, это решенный вопрос, так что ждать придется недолго. И когда начнутся кадровые перестановки, я про вас не забуду. А они начнутся, ведь мы заходим сюда с большими деньгами и правом решающего голоса.

Посмотрев на Ряжскую, я чуть качнул головой, а после постучал себя по уху, давая ей понять, что, возможно, нас слушают. И даже записывают.

– Плевать, – отмахнулась та. – Бога ради. Так вот – это я сделаю в любом случае, просто чтобы исправить свою ошибку. А вот ваше будущее назначение зависит напрямую от вашего же решения. Как, впрочем, и некая премия за труды. Например, вот такая.

Женщина взяла из прозрачного квадрата, стоявшего на столе, листок бумаги, ручку и написала на нем цифру «3», к которой после добавила пять нолей.

По ходу, у меня появился личный тариф. Ее подруга заплатила мне столько же.

И это был уже веский аргумент. Чего она сразу с него не начала? Я бы, может, и кочевряжиться не стал.

Стоп.

А ведь это двухходовка. Классика жанра. Она специально устроила весь этот балаган с предправом, чтобы после выйти на эту беседу. Не кнут и пряник, но близко к тому.

Блин, если она такова, то ее муж, наверное, вообще монстр, который своих деловых партнеров сырыми ест. Не удивительно, что у них денег как у дурака фантиков. Это только в фильмах они просто так на какого-то везунчика могут с неба свалиться. Фиг такое в жизни произойдет, за большими деньгами стоят либо большие грехи, либо безукоризненный расчет и планирование. Но чаще всего и то, и другое.

В переговорке снова царила тишина, Ряжская смотрела на меня, а я думал о своем. Впрочем, недолго. Решение принято, теперь надо задать вопрос, от которого зависит возможно ли выполнить изложенную мне просьбу в принципе.

– Вашу матушку кремировали?

– Нет, – торопливо ответила Ольга Михайловна. – Она этого не хотела. Но хоронили в закрытом гробу. Она, видите ли, умерла не в России, а в Швейцарии. Последние года полтора она именно там проводила большую часть времени. Горничная, как назло, взяла выходной, а я ей по понятным причинам не звонила, так что тело нашли не сразу. Дело было летом, добавим сюда транспортировку... В общем, вы поняли.

– Понял, – кивнул я. – На каком кладбище она похоронена?

Мне очень хотелось, чтобы на том, которое мне уже знакомо как дом родной. Но чудес не бывает. Да и то – что теще крупного бизнесмена делать в районе МКАДА? Естественно, она нашла последнее упокоевание на статусном погосте в центре Москвы.

Это плохо. Сердце мне вещует, что тамошний Хозяин будет не чета тому, с которым я худо-бедно свел дружбу. Но это ладно, что-нибудь придумается.

– Что вы хотите узнать? – задал последний вопрос я. – Простила ли она вас, я верно понял? Это все?

– Нет, – светлые волосы качнулись туда-сюда. – Подобное мне уже говорили не раз и не два. Еще вы должны будете мне назвать пароль от ее номерного счета в цюрихском банке. Кроме меня и мамы его никто не знал. Вообще никто. Если вы мне его назовете, значит, все остальное тоже будет правдой.

– Хорошо, – согласился я. – Договорились. Но у меня тоже есть условия.

Ряжская всем видом показала, что она готова меня слушать.

– Первое. Вы скажете Сергею Станиславовичу, что пошутили, и надо вам было вовсе не пообщаться с покойной матушкой. Просто я заинтересовал одну вашу подругу как мужчина, и вы приехали посодействовать нашему возможному роману. Вот такая вы романтичная филантропка.

Женщина задорно рассмеялась, похоже, эта идея ей понравилась.

– Второе. Вы меня не торопите, не теребите, не дергаете, не сопите в затылок. Как оно выйдет, так и выйдет. Ну и третье – я не даю гарантий того, что вообще что-то получится. Но в случае неудачи вы мне ничего и не должны.

– С вами приятно иметь дело, Саша. – Ряжская поднялась с кресла. – Ладно, пойду кидать тень на нравственную сторону вашей репутации. Ох, такого сейчас наплету!

– Это сколько угодно, – разрешил я. – Только вот что. Напишите мне на листочке координаты могилы вашей мамы. Ну номер участка и все такое. И еще ее имя, фамилию и отчество. Надо же знать, кого искать? И свой мобильный телефон запишите тоже. Надо же мне как-то с вами связываться будет?

Глава двадцатая

Что интересно – после этой беседы у меня совершенно прошла головная боль. То ли эмоции повлияли на самочувствие, то ли еще что, но тем не менее – я изрядно взбодрился. Окончательно мое настроение поднял кислый вид Чиненковой, в чей кабинет я наведалься вскоре после того, как покинул «переговорку». Ну а как по-другому? Руководство распорядилось – я пошел, куда сказали. Однако хватит на сегодня неподчинения.

– Вот скажи мне, Смолин, что ты такое натворил? – сказала она, барабанила пальцами по папке, лежавшей на столе. Отдельно замечу, что на этой самой папке красовались мое имя и фамилия. – Сначала мне звонит шеф и говорит, чтобы я готовила документы на твое увольнение. После он снова звонит и отменяет свой приказ, но при этом запрашивает твое дело и должностную инструкцию. И как это все понимать?

– Начальству виднее, – дипломатично заметил я. – Лично мне кажется, что он собирается сделать меня своей левой рукой. Место правой уже Волконским занято, но левая-то свободна?

– Вали отсюда, – посоветовала мне Чиненкова. – Шутник. Как по мне, разумнее было бы тебя уволить. Очень ты за последнее время изменился, понимаешь? Раньше сидел себе спокойно в каморке со своими коллегами-приятельницами, тебя ни видно, ни слышно. А теперь как-то сразу много стало.

– Харизму в каморке не спрячешь, раньше или позже она все одно наружу выпрет, – назидательно произнес я. – Стало быть, пришло мое время.

– Не резвись особо, – посоветовала мне кадровичка. – Если ты, харизматичный мой, будешь нормальный микроклимат в коллективе рушить, я тебе такую ротацию устрою, что мигом в Солнечногорске окажешься. Там, знаешь ли, всегда вакантные места есть.

После этих слов я счел за лучшее по-быстрому свалить на свое рабочее место. Предправ – это мощь, Ряжская – тоже, но против Чиненковой им не устоять. Эти двое бизнесмены и стратеги, а она – кадровичка. Она на все их союзы и договоренности чихать хотела. За ней тома должностных инструкций и внутренних положений стоят, помноженные на уверенность в том, что именно отдел по работе с персоналом и обеспечивает жизнеспособность банка. Что ей все эти дебаты, кредиты, паспорта сделок и нормативы Центрального банка? Так,

семечки. А вот порядок быть должен!

Остаток дня я обдумывал, что мне, собственно, дальше-то делать? Точнее – с какой стороны лучше подступиться к вновь возникшей проблеме. Откуда, так сказать, лучше копать начинать.

И по всему выходило, что с Нифонтова. Во-первых, за ним должок, пусть, гад такой, отрабатывает свои косяки. Во-вторых – у него есть знания и связи в мире Ночи. Кто его знает, может он знаком с Хозяином того кладбища, на котором находится нужная мне могила? Если да – то это уже неплохо, потому как без тамошнего умруна мне никак не справиться с поставленной задачей. Я могу около могилы покойной мамаша хоть танцы с бубнами танцевать, толку от этого будет чуть. Сомневаюсь, что она на мой зов отзовется. А вот проблем за несанкционированные действия на данной территории я заработаю гарантированно много.

Хотя тут вообще есть очень много «если». Если договорюсь с тамошним Костяным царем. Если мамаша Ряжской захочет со мной говорить. Да елки-палки, если она вообще там обитает. Старушка богу душу в Цюрихе отдала, и запросто может случиться так, что душа ее осталась в тех местах, где гномы из альпийского молока шоколад мастерят и пастухи в горах йодлями глотку надрывают.

Или попросту сразу отправилась в те места, где светят незарегистрированные в каталогах звезды и небо настолько синее, что аж глаза режет.

Но отработать все варианты надо, и на то есть масса причин. Первая – у меня из головы вместе с болью вылетели все мрачные мысли о скорой мести колдуна. Опасения остались, но само чувство ноющего зуба испарилось. Когда есть дело, ненужные размышления сами собой отходят на второй план. Второе – деньги. Я так-то парень не жадный, но от той суммы, что на бумажном квадратике была написана, не откажусь. Маленький стабилизационный фонд никому никогда не мешал.

Да, о деньгах. Вот любопытно – на самом деле пароль от счета знали только два человека? Или же все-таки один, причем тот, что покинул этот мир три года назад? С равным успехом верным может оказаться любой вариант.

Но, по большому счету, правда мне безразлична, и интерес этот исключительно умозрительный. У нас тут жизнь, а не кино или книга, и даже если я буду знать пароль от счета, то все равно никогда не доберусь до денег на нем. И не только потому, что не знаю, в каком банке этот счет. Просто служба безопасности господина Ряжского прострелит мне колени, а то и голову куда быстрее, чем до меня отродье Кашея доберется. В чем-в

чем, а в этом я уверен.

В общем, после работы я добрел до Гоголевского бульвара, приземлился на одну из пустующих скамеек и набрал оперативника.

– Александр? – удивленно отозвался в трубке голос Нифонтова. – Не ждал, что ты позвонишь так быстро.

– Чего это? – не удержался от ехидства я. – А если мне тревожно? Вдруг мерзкий колдун уже плетет вокруг меня свои сети и жаждет мести?

– Ничего он не плетет, – хмыкнул оперативник. – И вообще можешь спать спокойно. Насколько мне известно, он собрался спешно сваливать из столицы, как я и предполагал. Правда, не факт, что успеет это сделать, мы надеемся прихватить его до того, как это случится. Сработал наш план, засветил он свое логово. И если все пойдет как надо, то данная угроза твоей жизни окончательно перестанет существовать. За остальные не поручусь, потому что ты мастер находить проблемы на свою голову, но эту точно нейтрализую.

– Хорошие новости, – порадовался я. – Слушай, у меня еще один вопрос есть.

– Излагай, – разрешил Николай.

Я изложил, разумеется, не касаясь мелких деталей, вроде того, что мне за это заплатят и что заказчица вышла на меня не случайно, а по наводке. Не думаю, что ему про это следует знать. Лишнее это.

– Слушай, а ты умеешь слушать, – подытожил мое повествование оперативник. – Я-то тогда за едой пошутил, а ты и впрямь начал ставить свои новые способности на коммерческие рельсы.

– Не смешно, – возразил ему я. – Мне доброе дело хочется сделать, женщине красивой помочь.

– А еще наверняка богатой, – в тон мне сказал Нифонтов.

– Красивой, – возразил я. – Не в деньгах счастье, Николай. Главное – людям служить. Так что, ты Хозяина того кладбища знаешь?

– Я – нет, – помолчав, ответил оперативник. – Пал Палыч вроде в теме, но он тебе помочь не сможет, у него других дел в ближайшие дни как грязи. Саш, да ты не парься. Если ты знаком с одним Костяным царем, считай, что все остальные тоже уже в курсе, кто ты такой есть.

– Между ними есть связь? – восхитился я. – Типа ментальная?

Ну что эти ребята иногда встречаются дабы пообщаться, я знал, но тут-то другое.

– Фигальная, – невежливо буркнул Нифонтов. – Это мир Ночи. Здесь и без всякой связи новости разносятся мигом. А ты за последнее время успел то тут, то там наследить. Главное, не забудь с собой подношение взять и

держись поскромнее. И не наглей чрезмерно, с тобой такое случается.

– Понятно, – немного расстроено ответил ему я. – Ладно, и на том спасибо.

– И еще, – подумав, добавил оперативник. – Возьми-ка ты с собой Женьку, от греха.

– Вообще-то слова «возьми Женьку» и «от греха» совершенно между собой не сочетаются. С этой рыжей только о них, родимых, и думается.

– Ну раз ты так резвишься, то все не так уж и плохо, – подытожил Николай. – А Женьку ты все-таки с собой прихвати. Знаешь, уверенность в том, что спина прикрыта – великое дело. Да и ей это полезно будет. Девочка выросла, пора в одиночку потихоньку начинать работать.

– Ну не знаю... – протянул я.

– Саш, мне не ври, – попросил Нифонтов. – Ты же на нее еще тогда в лесу запал, когда мы вас от ведьм спасали. Я же не слепой?

– Чего? – опешил я. – Ты в своем уме? Знаешь, у меня и так жизнь не сахар, потому добавлять в нее эту рыжую бестию охоты нет вообще никакой.

– Ну-ну, – насмешливо бросил Нифонтов, а после добавил: – Когда на кладбище поедешь? Сегодня?

– Я не ты, у меня встроенного внутри аккумулятора нет. Сегодня я спать собираюсь, а вот завтра как раз и махну туда. Тем более, что потом выходные будут.

– Ясно. – Нифонтов чем-то хрустнул, вроде как сушкой и продолжил говорить уже жуя. – А в Лозовку еще собираешься в этом году наведаться?

– Не знаю, – честно ответил я. – А что?

– Да вот думал тебе на хвост упасть. Осень на носу, в лесу небось грибов полно. Сто лет за грибами не ходил. И на рыбалку тоже.

А почему бы и нет? В следующую субботу как раз последний день лета, так почему бы и не совместить приятное с полезным? Сам ночью свалю на реку, а Нифонтова пусть Антипка как следует погоняет в темноте, подушит его, посопит над ухом. Впрочем, если оперативник надумает со мной увязаться, то флаг ему в руки. Что-то мне подсказывает, что русалки, если захотят, от присутствия этого красавца избавятся очень-очень быстро. Утонуть я ему не дам, но посмотреть на то, как его под воду поволокут, не откажусь.

– Ну хочешь, на следующие выходные с тобой туда рванем? – предложил я. – Только на твоём транспорте. Своего у меня нет.

– Хочу, – сразу согласился Николай. – Женьку с собой брать будем?

– Будем, – одобрил его предложение я, выслушал ожидаемое ехидное

хихиканье и добавил: – И Пал Палыча своего тоже бери. Он же хотел с Дарьей Семеновной пообщаться.

А почему нет? Я всегда любил смотреть бои без правил. Да и ведьмам из Лозовки следовало дать понять, что у меня на самом деле есть друзья, которые захотят узнать, что со мной случилось, если вдруг в один прекрасный момент я не вернусь из очередной загородной поездки. Не слишком я верю в их доброту и сомнительный нейтралитет.

– Вот и договорились. – Нифонтов хрустнул очередной сушкой. – Женьке сегодня-завтра позвони, скажи, где вы встретитесь вечером. И, Саш, личная просьба – приглядывай за ней. Она девчонка на самом деле хорошая, но очень уж увлекающаяся. Заносит ее иногда.

– Офигеть, – вздохнул я. – По идее, это она за мной приглядывать должна.

– Я передам твоё пожелание, – пообещал Нифонтов совершенно серьезно.

– Это шутка была, – поправился я немедленно. – Шутка!

– Не знаю, не знаю. Я поверил. Ладно, если что – на созвоне. Отбой.

Ближе к дому дневной адреналин из крови улетучился окончательно, потому в квартиру я буквально ввалился, зевая и сонно моргая глазами. Меня разморило настолько, что я с трудом отвечал на вопросы Родьки, Вавилы Силыча и Кузьмича, которые, похоже, ждали меня так, как дети ждут с работы матерей. Ну все мы в детстве ждали, когда мамка домой придет, чтобы потом залезть в её сумку и узнать, что она нам вкусенького принесла.

Хотя их можно было понять – на кону стоял престиж дома, а то и микрорайона. А данных для анализа у подъездных не было никаких.

– Марина-то сначала спала, – рассказывал мне Вавила Силыч, отхлебывая чай из кружки. – Потом проснулась и как начала матерно выражаться! Она всегда сильна была посквернословить, но тут уж так разошлась, так разошлась! Мне лет много, но и то я не все выражения знаю, что она в ход пускала! Потом пять тарелок разбила и две чашки, потом кому-то позвонила несколько раз, но не дозвонилась и снова ругалась. И только после этого опять спать легла. И главное – непонятно, что с ней там случилось! Мы решили, что она проиграла, потому и недовольная такая. Она проигрывать не любит. Помню, её как-то один мужчина бросил. Приехал он тогда к ней и говорит: «Ты, Марина, женщина красивая, но жить с тобой невозможно, потому нам надо расстаться». Ну подруга твоя сначала смеялась, это когда мужчина только за дверь выходил, потом плакала, а потом посуду била. И ведь не потому, что его любила, а

из-за того, что не она его бросила, а он ее.

– Да ты психолог, Вавила Силыч, – устало заметил я.

– Сама она это упомянула, когда подруге про это рассказывала, – пояснил подъездный. – «Меня, – орала, – никто бросать не имеет права. Это я всех бросать должна». Очень переживала. Даже выпивала потом два дня. Самолубивая.

– Не проиграла она, – зевая, обрадовал подъездных я. – Наоборот – выиграла. Всех обошла.

– Чего ж тогда ругается? – опешил Родька. – Радоваться надо!

– Иди, спроси у нее сам, – посоветовал я ему. – Мне это неизвестно. Может, от того, что теперь ей смысла нет дальше участвовать в шоу, она же уже всем нос натянула.

– Выиграла, – потер лапы Кузьмич. – Ну все, бухта телевизионного кабеля таперича наша!

– Какая бухта? – заинтересовался я.

– Да мы с подъездными с соседней улицы об заклад побились – победит наша Марина или нет, – объяснил мне Вавила Силыч. – Те ее шалавой называли и говорили, что первой она станет, если только там надо будет какие непотребства учинять. Ну вот на бухту кабеля телевизионного и поспорили. У нас с ним дела плохи, об ту неделю крысиная стая пробегала, они к осени завсегда в центр города откочевывают, потому как там теплее и корму больше, так они здорово провода погрызли. Крысы же, за ними не углядишь. Пока одну прибьешь, десяток рядом чего-то схарчат. А у нашего ТСЖ в бюджете закупка нового кабеля не значит.

– А еще я ихнему главному непременно морду намну, как залог получим, – добавил Кузьмич. – Маринка эта, конечно, распустеха, клейма ставить негде, но о том только мы меж собой говорить можем, это наше дело. А остальным, тем, у кого дома не серые, а синие, лучше в тряпочку помолчать.

– Чем же синий дом хуже серого? – полюбопытствовал я.

Подъездные посмотрели на меня, как на ребенка, и ничего на это не ответили. Мол – сам-то подумай, Саша. Синий цвет у дома – это же просто позор какой-то! Дом должен быть серым!

А вообще – вот популярная все-таки Маринка какая. Про нее даже на соседней улице все знают. И, что примечательно, даже подъездные за нее друг другу рожу бьют.

– Шел бы спать, Ляксандр, – сказал вдруг Кузьмич. – Ты, того гляди, на стол грянешься и его поломаешь. Или челюсть свернешь, зеваячи.

– Пойду, – признал его правоту я. – Завтра все в деталях расскажу,

честное слово. А сегодня вообще сил нет.

– Чего рассказывать? – огладил бороду Кузьмич. – В субботу сами все увидим по телевизеру. Я уж и квасу припас.

– А я сухариков с солью в двадцать второй квартире засушил, – добавил Вавила Силыч. – Тамошние хозяева на теплые моря третьего дня уехали, а духовой шкаф у них до чего хорош! Сухарики получились на диво!

– Родька, ты тоже подумай, чем мы гостей угощать будем, – подавив зевок, попросил слугу я. – А то нехорошо получится.

– Вот это ты брось! – погрозил мне пальцем Кузьмич. – Тоже мне выдумал. В твоём доме веселины проходят, да ты же ещё нас и угощать будешь. Не по покону это!

Нет, надо будет этот покон любыми правдами и неправдами раздобыть и прочитать, просто чтобы выяснить – есть ли в земном существовании хоть какая-то стезя, которую он не регулирует.

Додумывал я эту мысль, уже падая лицом на подушку. Наверное, надо было бы перед этим снять штаны и рубашку, но сил на эти телодвижения уже не хватило. Черт с ним, завтра с утра пройду по ним утюгом.

Вот только поспать мне долго не удалось – вроде только-только глаза сомкнул, а вот, уже и проснулся. В комнате стояла густая темнота, какой я даже не припоминаю. И почему-то рядом журчала вода. Она-то, скорее всего, меня и разбудила.

– Родька, мать твою так! – крикнул я. – Ты чего, кран не закрыл?

Не хватало только соседей снизу залить. Они у меня и так довольно скандальные, а учитывая то, что прошлой зимой у них капитальный ремонт как раз закончился... Беда будет, короче. Многосерийная и мелодраматическая.

– Что такое «кран»? – услышал я за своей спиной женский голос, в котором не было ничего живого. Вроде как мне вопрос задали, но вопросительных интонаций в помине не имелось.

Знаете, есть такая «дистиллированная вода». Она выглядит как обычная вода, но вот только всякий вкус у нее отсутствует полностью. Простая вода – она ведь хоть какой-то, да имеет. Может быть, привкус песка там, хлорки, металла – но он есть. А у дистиллированной никакого нет.

Вот и тут голос, как та вода.

Но даже не это главное. Вопрос – а это кто вообще? И как обладатель данного голоса попал в мою квартиру? Покон же запрещает пересекать порог моего жилья без приглашения. Да и нож из притолоки никуда не

девался.

– Я задала вопрос, – голос раздался прямо за моим правым плечом, и тут я понял, что не лежу, а стою.

Это странно. Я же с кровати не поднимался.

– Из крана течет вода, – сообщил я тому, кто стоял у меня за спиной. – Открываешь его – она течет, закрываешь – нет. Если открыть два крана, то холодная вода смешается с горячей и достигнет состояния «самое то».

– Чудно, – отметил голос. – Чего вы, люди, только не придумаете. У меня здесь такого нет.

– А журчит что? – повертел головой я, пытаюсь увидеть собеседницу, но вокруг была все та же тьма, проходящая по разряду «коли глаз».

– Река, – любезно дали мне ответ. – Смородина.

– Чего – «смородина»? – не понял я.

– Имя реки – «Смородина».

Стоп-стоп-стоп. Река «Смородина». Где-то я это слышал, причем совсем недавно. И давно, впрочем, я тоже это слышал. Что-то такое было в детстве – Калинов мост, чудище о ста головах. Или о трех? Нет, это все не то.

Или то?

Женька. Женька упоминала реку Смородину. И Калинов мост тоже. От этого моста надо было повернуть налево, и тогда можно прийти к дому...

Твою-то мать!

Я попытался ущипнуть себя за руку – и не преуспел. То есть – может, и ущипнул, но боли никакой не почувствовал. Я даже не ощутил, как сам себя за руку взял.

Стало быть, я не проснулся. Это все сон!

Но вот только очень он реалистичным выглядит, несмотря на темноту вокруг. Реалистичным, широкоформатным, с «3D» и эффектом присутствия.

Нет, мне еще с тех времен, когда я был в Лозовке, периодически снились странные сны, в которых я бродил по каким-то серым равнинам и что-то искал, но там я точно знал, что сплю. А здесь... Тут все по-другому.

– Ты прав, ведьмак, это сон, – в голосе той, кто стоял у меня за спиной, вдруг появилось что-то настоящее, живое. – Ты здесь – и ты не здесь. Тело твое осталось в том мире, который про меня давно забыл. А душа – тут, у меня в гостях.

– Морана? – утвердительно спросил я.

– Ты про меня знаешь? – теперь я услышал и вопросительные нотки. Такое ощущение, что эта... Женщина? Богиня? В общем – эта сущность

потихоньку размораживалась после того, как долгое время провела в анабиозе.

– Знаю, – подтвердил я. – Да и не так уж про вас там, у нас, и забыли. И писатели фэнтези про вас помнят, и даже художники некоторые. А уж дети Ночи вообще через одного.

– Но ты, ведьмак, не спешил принести мне жертву, – обвинила меня сущность. – Хотя и пошел по той дороге, что ведет ко мне. Давно никто из вашего племени не выбирал ее, никому не мила Морана. Всем любы Жива да Леля, Сварог да Перун. А меня словно и нет.

– Это не я дорогу выбрал, а она меня. Да если по-честному, я и в ведьмаки не рвался.

– Жертва, ведьмак. – Морана, похоже, не особо меня и слушала. – Живая кровь, трепещущее сердце на камне. Отдай мне чужую жизнь – и наши судьбы будут связаны.

Интересно, а она может сделать так, что я во сне умру, а там, дома, не проснусь? Я вот читал, что фильмы про Фредди Крюгера – они не на ровном месте появились. Что в каком-то американском городке померли штук шесть подростков, которые перед этим жаловались, что какое-то существо их во сне гоняет по закоулкам и убить хочет. То есть – фильм был снят по реальным событиям, туда разве что добавили маленько эффектов, жуткую песенку и молоденького Джонни Деппа.

Я это к чему – стоит ли ей говорить, что я не хочу никого убивать? Не мое это. Морду набить – это пожалуйста, а чтобы жизни лишить – это нет. Нет, в порядке самообороны, как тогда на поляне с ведьмами – возможно. Но из ритуальных соображений – это без меня.

И уж точно сердце вырезать не смогу. Даже у курицы. Я как представляю, что руку в кровавую жижу надо засунуть и сердце оттуда вынуть, так меня даже тут, во сне, тошнить начинает.

– Новые люди стали слабы, – сообщила мне Морана. – Ты колеблешься, ведьмак. Ты растерян. Ты напуган.

– Не без того, – признал я. – Так ведь и неожиданно это все. Не каждый день разговариваешь с богами славянского пантеона.

– Это сон. Разве во снах с тобой не случается того, чему в обычной жизни не место? Возможно, и то, что ты видишь сейчас, только морок.

Странно. По всему она должна была меня сейчас спросить: «Что такое славянский пантеон»? Но – не спросила. Это она, значит, знает, а что такое «кран» – нет?

Двойные стандарты, однако. Так не бывает.

– Я ничего сейчас не вижу. Темно же.

Щелчок пальцев – и мир вокруг немного прояснился, но все вокруг осталось каким-то ненастоящим, полупризрачным. В серо-синем небе светило мутное, подернутое серой дымкой, солнце, а рядом со мной, шагах в двадцати текла река, воды которой были окрашены в темно-багровый цвет. Правильней было бы назвать эту реку не просто «Смородиной», а «Черной Смородиной».

А противоположный берег, тот, что виднелся за водой, был весь серый-серый. И, сколько глазу хватало, пустой. Равнина, да и только.

– Здесь теперь всегда так, – объяснила мне та, что стояла за спиной. – Нас забыли, и то место, где мы обитали со времен основания мира, потеряло краски жизни.

Я повернулся к своей собеседнице, решив, что пора на нее взглянуть.

Морана была красива. Даже нет – она была прекрасна. Вот только красота эта была не от тварного мира, она не имела ничего общего со знакомыми с детства и самыми родными чертами лица матери или с незабываемым на всю жизнь обликом твоей первой женщины. Это было нечто другое, то, что словами описать нельзя. Просто не получится. Потому что в полной мере невозможно передать, насколько прекрасна Жизнь тогда, когда ты молод, или Смерть тогда, когда ты устал ее ждать.

Морана была и тем, и другим, едина в двух лицах.

– Каков твой ответ, ведьмак? – спросила она у меня. – Ты готов служить мне и только мне, отринув иных богов?

Что интересно – чем дальше, тем больше оживал ее голос, теперь это была не речь безликого существа, с которым я беседовал всего-то пару минут назад.

– Думать надо, – уклончиво ответил я, не решаясь дать категоричный ответ. – Но сразу скажу – я людей на жертвенных камнях резать не стану. У нас это не принято. Мир изменился, госпожа Морана, и очень здорово.

– Мир все тот же, – холодно сообщила мне она. – Реки впадают в море, деревья оживают весной и спят зимой, а солнце всходит на востоке. Люди изменились, люди. Они перестали различать, где свет и где тьма, что такое доблесть и что такое трусость. Мало того – они теперь часто выдают одно за другое, после чего сами охотно верят в этот обман. Но то люди. Ты к ним отношения не имеешь, ты ведьмак.

– Начинаящий, – заметил я. – Можно сказать – новорожденный. Госпожа Морана, я до сих пор толком не разобрался в том, что из себя мир Ночи представляет, а вы меня заставляете такое серьезное решение принимать. Да я покон до сих пор даже не прочел!

– Покон нельзя прочесть. – Морана сделала короткий шаг и оказалась

совсем уж рядом со мной, я ощущал холод, идущий от ее тела. – Его можно только принять или отвергнуть. Примешь – станешь одним из многих. Отвергнешь – станешь изгоем, которому дозволено все до тех пор, пока за ним не придет Смерть. Таких изгоев немного, но это проклятое семя все еще топчет дороги мира.

– Потомки Кашея? – сообразил я, о ком она ведет речь. – Да, те еще уроды. Я тут с одним недавно сцепился, и здорово его разозлил. Он меня даже убить пообещал.

Губы Мораны искривились, это было первое изменение в ее лице с той поры, как я его увидел. До того они не шевелились даже тогда, когда она говорила. Выглядело подобное диковато, но, поскольку это сон, я не особо стал загоняться по данному поводу.

– Хорошая жертва, – сказала она мне.

– Вы имеете в виду меня? – уточнил я. – Если он меня грохнет, то это будет хорошая жертва?

– Не он тебя, а ты его, – пояснила Морана. – Пусть будет так! Я приму его от тебя как закладной дар. И даже сердце не придется вырывать, как ты и хотел. Эту погань надо выжигать как гадючье гнездо, тут добрая сталь не поможет.

– А если чужими руками? – сразу уточнил я. – Ну костерок не конкретно я запалю, а кто-то другой? Всяко может повернуться, согласитесь?

– Главное, крикни, когда пламя вскинется вверх как столб: «Морана, эта жертва тебе». И тогда я пойму, что ты принял меня как свою повелительницу, и наши судьбы связаны воедино до самой твоей смерти. Поверь, ведьмак, если все будет так, то ты обрешь больше, чем потеряешь.

Хреновая рекламная компания, прямо скажем. Нет чтобы перечислить все, что я получу в этом случае. Ну или хоть обозначить как-то. А так прямо какой-то кот в мешке получается.

– Идет, – тем не менее, сказал я. – На том пока и остановимся.

На мои щеки легли ледяные ладони, глаза Мораны приблизились, и я ощутил, как наши губы соприкоснулись.

– Ты отмечен мной, ведьмак, – не отпуская мое лицо, сказала она мне. – Это тебя ни к чему не обязывает, это мой тебе дар.

– И что он дает? – решил особо не скромничать я.

– Узнаешь, – губы богини искривила улыбка. – Главное, помни о том, что в мире осталось еще много тех, кто некогда служил мне, они увидят то, что должно. Но и те, кто поклонялся моим врагам, никуда не делись. Будь

внимателен, будь мудр, старайся отличить правду от лжи, а дружбу от ненависти. И помни о том, что часто одно от другого отличить очень трудно. А теперь – прощай.

И вот тут я снова проснулся. Правда, вокруг темноты никакой не было, а были самые обычные предрассветные сумерки. И все вокруг было привычно и знакомо – диван, шкаф, кресло с посапывающим на нем Родькой.

На всякий случай я себя ущипнул. Нет, все нормально. Мне больно, а значит, это точно не сон.

А вот то, что я видел, когда спал... Интересно, это было взаправду, или подсознание выкидывает фортеля? С таким-то количеством геморроев это неудивительно. Кстати – в последнее я верю куда больше. Не потому, что мне так спокойнее, а просто потому, что это звучит реалистичнее.

Но можно и проверить. У меня есть личная лакмусовая бумажка на такой случай.

– Родька, – приподнявшись на локтях, гаркнул я. – Подъем.

Мой слуга и не подумал просыпаться, знай себе сопел в две дырочки.

– Совсем разболтался, – посетовал я и запустил в него подушкой.

– А, чего? – переполошился мохнатик и замахал лапами, отбиваясь от внезапно напавшего противника. Само собой, подушку он победил, а после усталился на меня.

– Сюда иди, – потребовал я, спуская ноги на пол. – Смотри в оба. На меня, чудило, на меня. Ничего не замечаешь?

Что в Родьке хорошо, так это то, что лишних вопросов вроде: «а зачем» и «чего я должен увидеть» он не задает. Спрыгнул с кресла, подбежал и выполнил требуемое.

– Ну? – требовательно спросил я. – Чего?

– Волосы растрепаны, – почесав левое ухо, произнес Родька. – Прыщик на подбородке вылез. Что еще? Рубашка мятая, и воротник у нее грязный. А, понял! Постирать и погладить, да?

– И это все? – уточнил я.

– Еще портки надо погладить? – начал нервничать Родька. – Хозяин, да я бы еще с вечера, но ты же в них сам спать залег. А так бы я...

Судя по всему, это все-таки был только сон. Чтобы слуга ведьмака не распознал дар богини, пусть и древне-затрапезной? Да ну, не бывает.

Надо бы «афобазол» попить маленько. Или «глицин». Нервишки подлечить. Тогда и хрень всякая сниться не будет.

Тем временем Родька начал нервничать и перебирать все возможные причины такого моего поведения.

– Хозяин, если ты насчет тех сухарей с сахаром и изюмом, так это не я их съел, а Кузьмич, – затараторил он. – Кузьмича ведь завсегда приветить надо, а он такие сухари...

– Телефон неси, – сказал я Родьке, не дослушав трогательную историю о гастрономических пристрастиях Кузьмича. – И чайник потом поставь, завтракать будем.

Надо Мезенцевой позвонить. Ну да, на дворе шесть утра, но почему бы и нет? Она девочка необычная, так будем соответствовать. Как там у Грибоедова? «Едва рассвет, а я у ваших ног».

Глава двадцать первая

– Если скажешь что-то вроде: «Поцелуемся», то я пну тебя в ногу, – сразу заявила Мезенцева, когда вечером мы встретились с ней на «Таганской». – И очень больно. Я вообще здорово пинаюсь!

– Из чего вывод – спать с тобой небезопасно, – констатировал я. – Вот так только сон начнешь смотреть, и тут тебе в бок коленом – бах! И все, ворочайся потом до утра.

– Так себе шутка, – обличительным тоном заявила Евгения. – Слабенько.

Ну да, так себе, даже спорить не буду. Но это и неудивительно, учитывая какой день сегодня выпал на мою долю.

Не знаю, чего там Ольга Михайловна предправу наговорила, но такого количества сальных, презрительных, заинтересованных и даже завистливых взглядов как сегодня, я в жизни на себе не ощущал. Пара человек даже похлопали меня по плечу и одобрительно сообщили, что я «молодца», «красавчик», и что «лучше лежать на богатой тетке, чем сидеть на голом окладе».

Короче – все в банке теперь уверены, что я любовник Ряжской. И это, по ходу, еще одна напасть на мою голову. А что, если эти новости достигнут ушей ее законного супруга? Он ведь разбираться не станет, сказки это или нет, а просто мне голову открутит. Причем, возможно, собственноручно. Я его видел, дядька хоть и немолодой уже, но крепкий.

Хотя позитив в этой ситуации тоже есть. Увольнять меня точно не станут, это с гарантией. Более того – Волконский нынче приперся в нашу каморку ни свет ни заря и прямо с порога предложил мне переехать в другой кабинет, попросторнее и с окнами. И очень удивился, когда я ответил ему отказом.

Заходил и Косачов, менеджер по работе с VIP-клиентами, который до того нас своим присутствием особо не баловал. Он вообще всех, кроме предправа и еще пары человек, в грош не ставил, считая, что именно благодаря его умениям и стараниям банк пока остается на плаву.

Но тут, как видно, происходящее его изрядно взволновало, и он примчался ко мне выяснять, не попытка ли это дворцового переворота, не посягаю ли я на чужую делянку? А именно – на его место.

Косачов говорил много, красиво и непонятно. Я так и не взял в ум, чего он конкретно хотел – договориться со мной или напугать? Просто

сомнительных комплиментов в адрес моего профессионального роста и неприкрытых угроз в его словах было равное количество.

Мои девчули, не поняв, что вообще здесь происходит, тут же умчались за новостями наверх, а вернувшись, посмотрели на меня с недоуменным уважением. Как видно, они точно не ожидали такой прыти. Наташка даже изрекла: «Самэц», что в ее устах было равнозначно похвале.

В общем, все вышло как всегда – в одном месте прибыло, в другом убыло.

Вот только весь этот повышенный ажиотаж не очень меня радовал. Я не люблю вылезать на передний план и служить развлечением для госпожи любезнейшей публики. Не мое это. Я даже в школьную пору в хоре не пел, а просто рот открывал в последнем ряду.

Потому и шуточки нынче выходили корявые.

– Фарш купила? – решив перевести разговор в другую плоскость, спросил я у Евгении.

– Купила, – раздраженно ответила та. – Хотя мог бы и сам расстараться, подобные продукты покупать – это не мое. Сначала в «Мясной лавке» меня какая-то старушенция «хозяйюшкой» назвала, а потом три собаки за мной как на привязи до остановки шли.

– Это твой входной билет в мой богатый внутренний мир, – пожал плечами я. – Одно дело тебя на псевдосвидании кормить, и совсем другое провести за кулисы кладбищенской жизни. За все надо платить, душа моя. Натурой с тебя не возьмешь, так хоть фаршем мзду отдашь.

– Слушай, Смолин, ты давай, не перегибай палку, – даже побледнела от злости Женька. – Натурой ему, а?

– Я имел в виду котлеты, и не более того. Но ты ни разу не хозяйюшка, потому – фарш.

– Дурак, – буркнула девушка. – Ну, куда идем?

– Ужинать, – повертел головой я, рассматривая близлежащие вывески. – У нас времени вагон. Раньше одиннадцати на погосте делать нечего, поверь мне. Оно, конечно, неплохо бы еще засветло найти сухое дерево, но потом там придется часа два ошиваться, а по нынешним погодам это не есть «гуд». Продрогнем. Так что пошли, перекусим. Я угощаю.

– Естественно, ты, – и не подумала возражать Мезенцева. – Я в последний раз за себя сама платила в те времена... Да не помню даже когда. В далеком беззаботном детстве.

В результате мы добрались до кладбища только в районе тех самых одиннадцати часов. Уже стемнело, небо было темно-звездным, чуть ли не впервые за последнее время. Ушли тучи из Москвы, в нее вот-вот должно

было вернуться последнее тепло. Правда, синоптики сообщали, что это не последний аккорд уходящего лета, а первые признаки наступающей осени, но мне хотелось верить в лучшее. Как, впрочем, и всем остальным горожанам.

Кладбище, конечно, было что надо. Вот все говорят, что, мол, на том свете все равны, и с собой туда ничего не заберешь. Насчет последнего пункта ничего не скажу, а по первому возражений полно.

Здесь дорожки, между прочим, были пошире, чем на родном мне погосте. И выложены были не дешевой плиткой, а дорогой брусчаткой, вот так. А еще здесь фонари имелись не только на главной аллее, но даже и на некоторых боковых, в основном на тех, где возвышались ростовые монументы красного и черного гранита, те, с которых на нас смотрели плечистые парни в расстегнутых пиджаках и с добрыми открытыми лицами. Похоже, что именно это кладбище было трендовым в 90-х, а потому наиболее реальных пацанов, polegших в междоусобных войнах за ларьки и рынки, прикапывали в основном тут.

Нет, на нашем погосте тоже имелись стелы, на которых красовались надписи «Серег, ты ушел красиво» и «Колян, мы за тебя отомстили», но их было не то чтобы много. А тут – прямо ярмарка тщеславия. Одного даже в бронзе изваяли, в полный, почти двухметровый рост, с «трубкой» старого образца в одной руке и сигаретой в другой. Очень впечатляет, серьезно.

Впрочем, тут и без «братвы» интересных захоронений хватало. Имелся здесь и генералитет, и актеры и «селебрити» разные. Кладбище именитое, престижное – чего удивляться? А в старой его части, так вообще, наверное, можно разных статских советников найти и даже министров времен какого-нибудь Столыпина, а то и Плеве.

Ох, что-то мне стремно опять становится. Если тут обитатели такие, то какой же у них повелитель? Лютый небось.

– Молодой человек, – зашуршали кусты слева. – Помогите мне, а? Или вы, девушка!

– За «молодого» – спасибо, – сухо произнес я, останавливая Женьку, которая было дернулась к кустам. – А вот насчет человека – это вы промахнулись. Ведьмак я. Ну что, помощь еще нужна?

Ответа не последовало, да и шорох мигом стих.

– Тебя что, не учили, что здесь, в доме мертвых, никогда никому помогать нельзя? – строго спросил я у девушки. – И имя свое незнакомым людям называть тоже запрещено.

– Ну что-то такое Вика говорила, – смутилась вдруг девушка. – Но я не очень слушала...

– Очень зря, – без тени шутки произнес я. – Помнишь, что Маринка позавчера ночью отколола на том кладбище? Хочешь так же? Только из нее чужая душа вышла сразу после того, как поручение своего повелителя выполнила, а тебя неизвестно когда отпустят. И в каком после этого состоянии тело останется, тоже фиг знает. Мозги включай, мы не в аквапарке. Это – кладбище. Причем чужое кладбище, где я никого не знаю.

– Именно так дело и обстоит, все сказано предельно верно, – подтвердил мои слова чей-то голос, раздавшийся с боковой аллеи, на которую фонарей не хватило. – Приятно встретить в наших краях образованного человека. Ах, извините – ведьмака. И сразу возникает вопрос – что именно его сюда привело?

– Дела, – с готовностью ответил я. – Дела, как это ни печально. Нет, по такому достойному погосту и просто погулять в радость, очень уж тут славно, покойно, красиво. Но не в этот раз. А, если не секрет, с кем мы имеем дело? Не покажетесь?

– Почему нет? – ответил мне неожиданный собеседник, и секундой позже мы увидели стройного молодого человека в длинном зеленом сюртуке, вроде тех, что носили чиновники при царе. Разумеется, он был призраком, но ничего другого я и не ожидал. – Позвольте отрекомендоваться – Самсон Орепьев-третий, чиновник канцелярии при московском губернаторе. Увы, давно покойный.

– Ну мы все не вечны, – посочувствовал ему я. – Досточтимый Самсон, можно ли будет вас попросить проводить нас к Хозяину этого кладбища? У меня дело именно к нему. Только прежде я хотел бы сделать подношение, как того и требуют правила и покон.

– Покон надо чтить, – склонил голову призрак. – Следуйте за мной, я провожу вас к сухому дереву. Ну а после, если на то будет воля повелителя, сопровожу вас к нему. Ну или убью, тут уж как он пожелает.

Женька дернулась, курточка, что была на ней надета, распахнулась, и я увидел, как в свете фонарей тускло мигнула серебряная нашлепка на рукояти ножа, такого же, какой был у Нифонтова. Он был нацеплен на широкий пояс, продетый в петли джинсов. Странно, раньше я подобного оружия у нее не видел, только пистолет. Может, ради похода в незнакомое место прихватила с собой? Я-то тоже свой взял, от греха.

Наивная, как не знаю кто. Ясно ведь, что нас просто пугают. Им без подобного никак.

Но сказать следует другое. Однако это политика. Мир Ночи, мир Дня – переговоры везде едины. Говори что должно, не выдавай свои истинные мысли, и даже на мирный вопрос «сколько времени?» отвечай фразой:

«прежде чем я сообщу вам данную информацию, мне надо посоветоваться со своим юристом».

– Это его земля, его владения и его воля. Мы это знаем, и заранее благодарны вашему повелителю за любое его решение.

Орепьев-третий на это ничего не сказал, но это и неважно. Главное, что синеватые отблески, окружающие его фигуру, не сменились на багровые. Значит, все идет так, как надо.

Если совсем честно – я меньше всего волновался за то, как мы отсюда уйдем. Мертвые страшны только тогда, когда ты их боишься. Если страха нет, то ничего с тобой не случится. А вот за результат крайне переживал, причем сразу за все слагаемые. Примет ли нас Костяной царь, здесь ли дух мамы Рязской? Слишком много петелек у этого плетения.

Чуть отпустило меня после того, как я плюхнул фарш из пакета (Женька не поскупилась, пару кило взяла) между ветвей дерева, туда, где природа создала идеальную площадку для подношений, и сразу после этого услышал:

– Хозяин просит вас пройти к нему.

Уже хорошо. Он готов нас выслушать, а это если и не половина успеха, то близко к тому.

Кладбище, признаться, было велико. Очень велико. Мы шли и шли, сворачивали с одной аллеи на другую, и я уже не смог бы указать, где находится вход, через который мы сюда попали. Seriously. Случись спешно рвать когти, так я даже не буду знать, куда бежать. Заплутаю наверняка.

Надо будет себе навигатор с «track-back» купить для таких случаев, чтобы он мой маршрут фиксировал и потом обратную дорогу показывал. Ну или в смартфон скачать. Память – это здорово, но навигатор – еще лучше. На кладбищах вроде этого – самое то.

Но одно было ясно предельно точно – мы шли на старую территорию, самую что ни на есть. Давно не попадались гранитные глыбы с нарисованными на них самолетами, танками и микроскопами, ознаменовывающими то, что здесь лежит цвет советской армии и науки. Здесь по бокам можно было разглядеть ангелов смерти, застывших в скорбных позах, каких-то женщин с чашами и весами, или плачущих младенцев с крылышками за плечами.

Да что там. Тут имелись и склепы, самые что ни на есть настоящие, фамильные. Эдакие мрачные строения, обвитые плющом. Ну или как там эта зеленая хрень с листьями называется?

И около самого большого и старого склепа предсказуемо обнаружился местный Хозяин кладбища. Он сидел в черном кресле около открытой

двери, за которой клубилась непроглядная тьма, а рядом с ним отиралось десятка два призраков, то и дело что-то ему говорящих. Впрочем, он их не особо слушал, похоже. Он сидел и смотрел на то, как мы приближаемся к нему.

– Ой, мамочки! – непроизвольно вырвалось у Женьки, когда та подошла совсем близко.

И было отчего.

В первую очередь поражала его высота. Наш Костяной царь тоже был не коротышка, но здесь... Гигант, как есть гигант, метра под три вышиной. Да он даже сидя был выше меня головы на три. Или больше.

Хотя кое-что общее у них все же имелось. Например – одежда. Все тот же черный балахон с капюшоном, скрывающим лицо, и такой же глухой голос.

– И правда – ведьмак, – гулко ухнул Костяной царь. – А думал – ошиблись мои соглядатаи, чего-то недопоняли. Мало того – ведьмак, выбравший служение Смерти. Диковина, да и только!

– Мое почтение тебе, владыка мертвых, – я приложил ладонь к груди и поклонился. – Прости, что пришел незванным, но так уж судьба распорядилась.

– Судьба к твоему племени отношения почти не имеет, – жутковато хохотнул умрун. – Разве что в самом начале она маленько нити подспутает, да и только. А остальное вы сами себе ворожите. Кто смерть легкую, простую, кто долгую да мучительную. Вот ты, например, такую дорогу выбрал, что и до власти легко добежать, и до покоя тоже. Только одно с другим смешать невозможно, выбирать придется, либо то, либо это. И при чем тут судьба? Ты же сам для себя решать станешь, что тебе больше по душе?

И сразу столько у меня вопросов к этому страхуиле возникло – аж скулы свело. Вот что значит руководитель серьезного, старого и большого погоста. Все знает. Нет, как ни крути, но и по ту сторону жизни все решает статус. Если у тебя маленькое захолустное кладбище – сидеть тебе на районном дотационном уровне. А если с видом на Садовое кольцо – то ты участвуешь в пилке «бюджета». Ну это я фигурально выразился, но смысл, думаю, всем ясен.

– Оживился, – снова засмеялся умрун и ткнул в меня когтистой рукой такого жуткого вида, что Мезенцева даже за мою ладонь ухватилась. – Смотрите-ка! Нет, ведьмак, я тебе ничего рассказывать не стану. Я не просветитель. Точнее... Если службу мне кое-какую сослужишь, то на кое-что глаза я тебе приоткрою. Как, пойдешь ко мне в слуги?

Я почти сказал «да», так меня все это заинтересовало, но вовремя прикусил язык. Между «службу сослужишь» и «пойдешь в слуги» разница такого размера, что будь здоров. Да и формулировка мутновата. Непонятно, что за служба, непонятно, что он мне поведает.

Не-не-не, так не пойдет.

Да и вообще, все это сильно напоминает примитивную «разводку».

– Подумаю, – с достоинством ответил я. – Сейчас других дел много. А служба такому... э-э-э... хозяину, как вы, не терпит совместительства.

– Подумай, – одобрительно качнулся капюшон. – Вот как подумаешь, так и приходи. Даю тебе разрешение на еще одно посещение моего дома. Но только без этой вот девицы. Я судных дьяков с да-а-авних пор не люблю. Очень от них неудобств много бывает. Как нагрянут, так все сразу вверх дном перевернут. Они уйдут, а мне в доме потом порядок долго наводить приходится. Так что сейчас я ее отпущу, но в следующий раз она со мной отправится, в мои покои. Навсегда.

И умрун мотнул подбородком, указывая на дверной проем sklepa. Тьма там словно услышала его слова и, похоже, начала двигаться. Прямо как живая!

– Я не хочу, – сдавленно сообщила Костяному царю Женька.

– И это неудивительно, – согласился с ней умрун. – Тебя там ничего хорошего не ждет. Я с тебя там кожу снимать стану, а потом мясо по кусочку с костей срезать. С живой. Так что не ходи сюда больше по ночам. Не надо.

Н-да, я бы на месте Женьки этому их Пал Палычу отдельное «спасибо» сказал. За добрую память, что он тут по себе оставил.

– Все, ведьмак, иди, – величественно махнул рукавом балахона умрун. – У меня этой ночью еще много дел, не до тебя больше.

По-хорошему, надо бы валить. Но то по-хорошему. У меня так не бывает.

– Просьба есть, повелитель мертвых, – собрав все силы, громко сказал я. – Небольшая, для тебя так и вовсе пустяковая.

– Просьба. – Умрун повернул капюшон к призракам, обступившим его трон. – Просьба у него. Даже не знаю, слушать ли? Служить мне сразу не согласился, а просить что-то уже начал.

– Не вижу поводов для обиды, – с улыбкой заявил я. – Что вы за работодатель, если на первом собеседовании хоть чего-то мне, как потенциальному работнику, ничего не пообещали? Ну там зарплату хорошую, график отменный, питание за счет организации. Понятно, что работодатель работника всегда «напарит», но посулить-то можно?

– Не все слова, что ты сказал, мне известны, но смысл я уловил, – хмыкнул умрун. – Ведьмак, мне даже за тебя обидно стало. Что за низкое фиглярство? И за кого ты меня считаешь?

– А вы меня? – в тон ему ответил я. – То «службу сослужи», то в слуги иди. Разница-то огромная. Мне до вашей мудрости далеко, но только черное от белого все одно отличить сумею.

Если я чего и усвоил за последние месяцы, так это то, что перед этой публикой пасовать нельзя. Как только ты делаешь шаг назад, они тут же делают шаг вперед. Ну да, для меня настолько активная жизненная позиция пока что в новинку, но я учусь. Потому что хочу прожить как можно дольше.

– Оба хороши, – согласился умрун, и захохотал во весь голос.

У меня аж мурашки по коже побежали с кулак величиной от его смеха.

Да и вообще этот представитель племени Хозяев кладбищ был совершенно не похож на своего собрата, того, с которым я свел... Да, пожалуй что и дружбу. По крайней мере, с моей стороны.

Тот был мрачен и зловец, а здесь я видел эдакого загробного эпикурейца, любителя пошутить и поснимать забавы ради кожу с юных девушек. С живых, разумеется.

Вот только и не знаю, кто из них двоих хуже. Сдается мне, что этот весельчак. Смеётся-то он смеётся, да вот только два уголька глаз из капюшона так и пыхают неугасимым огнем.

– Ладно, говори, – разрешил умрун. – Только сразу предупрежу – если ты за какими вещичками из могил пожаловал, то я очень сильно разозлиться могу. Могильных воров да дьяволопоклонников терпеть не могу. Самая пакостная публика, хуже малахольных девиц-самоубийц.

– В мыслях не было, – сообщил ему я и для усиления эффекта даже рукой эдакий отрицающий жест сделал. – Не скажу, что за мной грешков не водится, но по чужим могилам сроду не шарился. Мне бы с одной из ваших подданных поговорить пару минут. Ну если тут такая проживает, разумеется. Могила точно здесь, у вас, а что до души – не уверен. Она не в наших землях померла просто.

– Да дело-то не в том, кто где помер, а в том, что за душой водилось, пока человек живой был, – прогудел Хозяин кладбища. – Или ты и этого не знаешь? Да ты, приятель, как есть полено стоеросовое!

– Все сразу не узнаешь, – и не подумал смущаться я. – Дайте срок – все выведаю.

– Я бы не дал, – категорично заявил Хозяин. – Больно ты себе стезю скользкую выбрал. Не травничество, не ведунство. Кто знает, куда она тебя

заведет? Помню я одного из ваших, он лет двести назад такое учудил, что мы все только ежились да гадали, чем это кончится и что с нами после такого дальше будет.

– И что он учудил? – заинтересовался я.

А что такого? Историю своего вида надо знать.

– Безобразия невероятные, – отделался отговоркой Костяной царь. – Ладно, не суть. Кто тебе нужен? Имя знаешь? Или место захоронения.

– И то, и другое, – бодро заявил я, доставая визитку Рязской.

Она же тогда от бумажки отказалась, что я ей подсунул, да еще и посмотрела на меня иронично, а после достала свою визитку (красивую, золотистую) и уже на ней записала координаты могилы. Да еще и приписку сделала: «Звонить в любое время».

Умрун выслушал информацию и коротко глянул на Орепьева-третьего, который, похоже, был у него на посылках. Тот кивнул и усвистал в ночную мглу. В прямом смысле усвистал, его словно ветром сдуло.

– А что девица-то твоя? – полюбопытствовал умрун, поворачивая свой капюшон в сторону Мезенцевой, которая так и стояла немой изваянием, сжав мою руку своей холодной и потной ладонью. – Вон как вцепилась, не разъединишь вас.

– Сам гадаю, – уклончиво ответил я. – Так-то всем она хороша – и рыжая, и глаза зеленые, и сама крепкая, хоть бревна на ней вози. Но вот только характер тяжеловат. Ну вы понимаете, о чем я речь веду?

– Бить надо, – по-отечески посоветовал умрун. – Вот мой родитель каждую пятницу мамку гонял по двору, и жили они душа в душу. А сейчас много вы воли им дали. У меня хоронят-то сейчас новых редко, но случается, чего уж. И такие дамочки иногда попадают, что мной пробуют командовать. Одна даже было задумала проводить тут... Как же это... Кадровые перестановки. Мол – все у вас не так, как должно, старые вы, глупые, что к чему не знаете. Ну я ее на десять лет и загнал к ужам в нору, они у меня во-о-он там живут, под старым вязом. Пусть ими покомандует.

– Так я и дала себя колотить! – подала вдруг голос Женька. – Я и сдачи дать могу! И потом – сейчас времена не те. Сейчас мы мужиков сами бьем, если надо.

– Вот о том и речь, – назидательно произнес Костяной царь. – Не те времена стали, не те нравы. Куда это годится – баба лезет в разговор, перебивает, спорит. Ведьмак, отдай ее мне, а? На месяцок. Шелковой верну. Вот так сейчас и скажи – «Хозяин, отдаю тебе деву сию на месяц в полное право». Ей-ей, не пожалеешь!

– Не-а, – покачал головой я, поражаясь наивности плетения интриги. –

Себе оставлю. Перевоспитывать буду.

А может, эти наивные заходы просто отвлекающий маневр? Чтобы я расслабился и считал его глупее, чем он есть на самом деле. Буду выискивать простое и не увижу сложное?

Нет, надо говорить как можно меньше. И лучше всего односложно.

Но говорить больше ничего и не пришлось, поскольку к нам вернулся Орепьев-третий, за которым следовала невысокая призрачная старушка в черном платье с белым воротничком. Причем к платью этому была приколота блескучая брошь, по виду крайне недешевая. Как видно, старушку с ней и похоронили. Надо думать, памятная для нее вещь была.

Надеюсь, никакой ошибки не вышло, и это именно она, покойная мама Ольги Михайловны.

– Софья Викентьевна? – сразу, как только она приблизилась к нам, спросил я у нее. – Морозова Софья Викентьевна?

Старушка ничего мне не ответила, вместо этого она уставилась на Хозяина кладбища, как видно, ожидая от него разрешения вступить со мной в беседу.

– Отвечай, раз спросили, – рокотнул тот и устроился в кресле поудобнее. – Давай, давай, позволяю.

– Именно так, – с достоинством произнесла старушка. – Чем обязана?

А при жизни, похоже, дамочка была еще та, с гонором. Неудивительно, что Ряжская, тетка в целом неплохая и не скандальная, с ней не ладила.

– Ваша дочь, Ольга, попросила меня кое-что у вас узнать, – неторопливо изложил я цель своего визита. – Дело в том, что все то время, что прошло с вашей смерти, ее тяготят слова, что были сказаны в вашем последнем разговоре. Ей надо точно знать, простили ли вы ее за них. Она женщина упертая, еще пару лет так помучается да и свихнется, чего доброго.

Лицо призрака скривилось, словно старушка хотела заплакать.

– Дочь меня прощать должна, – еле слышно прошептала она. – Не я ее. Там я думала, что всегда права, а тут поняла – нет. Не так все было, неправильно.

– Вы простили ее? – громко спросил я. – Мне нужно знать ответ на именно этот вопрос.

– Да, – ответил призрак. – Разумеется. И скажите ей...

– Хватит! – требовательно громыхнул голос умруна. – Вопрос задан, ответ получен.

– Это не все, – добавил я в голос просительности. – Мне еще кое-что надо узнать, повелитель!

– Все-таки я добряк, – сообщил своей свите Костяной царь. – Вот кто бы другой сказал: «Много хочешь, ведьмак». А я говорю – пожалуйста. Еще один вопрос, но на этом все.

– Мне надо узнать пароль от вашего номерного счета в цюрихском банке, таково требование вашей дочери, – поспешно произнес я. – Это не более чем подтверждение того, что я в самом деле с вами разговаривал, поскольку кроме вас и нее этого слова никто не знает. Отдельно отмечу – что за банк мне неизвестно, и лапу на ваши деньги я накладывать не собираюсь.

– Краков, – чуть улыбнувшись, сказала старушка. – Это слово – «Краков». Там я познакомилась с ее отцом, и там мы зачали ее. Она могла бы и сама догадаться, что это за слово, если бы меньше думала о бизнесе и больше о семейных ценностях.

Значит, все-таки Ряжская мне надула в уши. Ну и ладно, не моего ума это дело. Опять же – может, премиальные какие мне обломятся, когда счет будет опустошен. А почему нет?

Кстати – а крутая была при жизни эта бабуля, если у нее имелся номерной счет в Цюрихе. Не ее зятя, не дочери даже, а ее собственный.

– Это все? – уточнил Хозяин кладбища.

– Теперь – все, – ответил я. – Спасибо. И вам спасибо. Не волнуйтесь, я все скажу Ольге. И то, что вы ее любите – тоже.

Старушка вцепилась в брошь на груди, явно желая ее снять, но ничего предсказуемо не получилось. А мгновением позже и она сама исчезла, развеянная внезапно подувшим ветерком.

– Спасибо, повелитель, – я поклонился умруну. – Век не забуду твоей доброты.

– Не забудешь, не забудешь, – заверил меня он. – А главное, помни то, что я пошел тебе навстречу, оказал радушный прием и выполнил твое пожелание. Как там у людей говорят? «Долг платежом красен». Вот это не забудь, ведьмак, помни крепко.

– Покон есть покон, – веско произнес я. – Не сомневайся.

Хорошая штука все-таки этот покон. Все на него списать можно.

– Хотелось бы верить, – проворчал повелитель мертвых и махнул своей когтистой лапой. – Проводите их к выходу.

Женька вслед за мной отвесила Костяному царю прощальный поклон, говорить, правда, ничего не стала. Она вообще какая-то непривычно замороженная была. Даже не среагировала никак на мою просьбу вызвать такси к главному входу на кладбище, куда нас вел все тот же Орепьев-третий. В результате и это мне пришлось делать самому. Вопрос – на кой

она вообще за мной увязалась? Всю дорогу либо молчала, либо боялась. Разве что только фарш привезла, да и то по этому поводу вся изнылась.

И в машине она тоже слова не произнесла, знай думала о чем-то своем, терла лоб, шмыгала носом. Я рассудил, что чужая душа – потемки, и разговорить впавшую в раздумья девушку не пытался, но когда машина остановилась около ее подъезда, все-таки вышел из салона и положил руку ей на плечо. Она, правда, тут же ее сбросила.

– Ты чего напряглась, мать? – по возможности весело спросил у нее я. – Все же закончилось хорошо? Я бы даже выпил кофейку по этому поводу. Если пригласишь к себе, конечно.

– Какой кофе? – глаза Мезенцевой были наполнены слезами. – Я тебя, Смолин, видеть не могу. И не хочу.

– Вот тебе и раз, – опешил я. – С чего бы?

– Струсил я! – взвизгнула Евгения. – Струсил! Ты – нет, хотя и должен был, а я – да! Первое дело, первое гребаное самостоятельное дело – и я обделалась! Мне нож сегодня Ровнин вручил, полноценным сотрудником признал, а я чуть в штаны там, на кладбище не напустила, когда этот черт на меня уставился! Слова сказать не могла, понимаешь? А ты как ни в чем не бывало держался, хоть и тюфяк, и дурак, каких свет не видывал!

– Сама ты... – не на шутку обиделся я, хоть и знал наверняка, что когда молоденькие девушки истерят, то словам их грош цена, потому как они вообще в этот момент не соотносят, чего несут. – Дурак – возможно, но тюфяк-то почему?

– Да пошел ты! – бросила мне в лицо Мезенцева, рванула к подъезду и через секунду со всего маха грохнула его дверь.

– Нэ дала? – сочувственно спросил у меня таксист, когда я уселся обратно в машину.

– Не-а, – вздохнул я. – Но, может, оно и к лучшему. Очень уж у нее много тараканов в голове. Даже когда включаешь свет, они не разбегаются.

Приехав к своему дому и расплатившись с водителем, я не стал сразу подниматься в квартиру. Я достал из кармана телефон и визитку Ряжской. По дороге все раздумывал – позвонить ей сразу или дождаться утра? Тщеславие победило. Ну и потом – она написала «звонить в любое время»? Вот, получите полуночный звонок. Опять же – это может дать нужный эффект в свете возможного интереса ее мужа к моей скромной персоне. Ну в том случае, если до него доползут слухи на тему того, что я Ольгу Михайловну спасаю от скуки и женского одиночества. Полагаю, что он в курсе дел с номерным счетом, и этот мой звонок может стать неким алиби.

Или, наоборот, порядком меня скомпрометировать. Но будем верить в лучшее.

Трубку сняли после третьего гудка.

– Ольга Михайловна? – добавив в голос бархатистых ноток, спросил я. – Это Смолин. Надеюсь, я вас не разбудил?

– Нет, – доброжелательно произнесла моя собеседница. – У нас сегодня были гости, только-только последние разъехались. Саша, вы звоните, чтобы что-то еще спросить у меня, или...

– Или, – решил не тянуть я. – Краков, Ольга Михайловна. Краков.

– Что – «Краков»? – голос женщины изменился, веселье его покинуло.

– Вас, Ольга Михайловна, родители сотворили именно в этом городе. И, как мне было сказано, если бы вы поменьше думали о бизнесе и побольше о семейных ценностях, то сами бы до этого слова, которое является доступом для сами знаете чего, додумались.

– Вы общались с ней, – выдохнула в трубку Ряжская. – В самом деле общались! Саша, она простила меня?

– Да, – подтвердил я. – Более того – ваша мама считает, что это вы должны простить ее, а не она вас. Так что спите спокойно, Ольга Михайловна, переживать вам не за что.

– Саша, – возникало ощущение, что женщину на том конце провода душат, так отрывисто звучал ее голос. – Саша! Как она там? Скажите!

– Она там хорошо, – заверил ее я. – Лучше, чем мы здесь. Там, знаете ли, спокойнее, поводов для нервозности меньше. Что еще? Платье на ней черное, воротничок белый, брошка на груди. И это все, Ольга Михайловна. Это – все. Я задал ей только те вопросы, что мы оговорили, и не более того. На большее у меня не было ни возможности, ни желания. Это та область бытия, куда глубоко влезать не рекомендуется никому. Я понятно выразился?

– Предельно, – ответила Ряжская. – Спасибо вам, Саша. В понедельник я к вам заеду, нам надо будет кое о чем поговорить.

– Ну заезжайте, – еле удержался я от неуместной улыбки. Ну в самом-то деле – куда это годится? Она могла ее распознать в голосе, а момент этого не подразумевал.

Так и знал, что эта женщина в случае успеха захочет сделать из меня личного астролога. Ну не совсем астролога, разумеется, но смысл этого выражения, я думаю, всем понятен.

Я ее выслушаю. Чего теперь-то уж? И потом – «нет» я успею сказать всегда.

Убрав телефон в карман, я глянул на небо и подумал о том, что со всей

этой кутерьмой я совсем забыл о том, что на меня объявлена охота. Вот я сейчас торчу тут один, без прикрытия и в темноте. Приходи и убивай, по-другому не скажешь.

Додумывал эту мысль я уже в подъезде, за закрытой дверью.

Проходя мимо почтовых ящиков, я заметил, что в моем что-то белеет. Газет я не выписывал, письма мне писали только электронные, а всякие бумажки от налоговой и пенсионного приходили к родителям, туда, где я был прописан.

«Реклама, наверное», – рассудил я, но все-таки, побренчав ключами, открыл ящик.

Нет, это была не реклама. Это все-таки было письмо. В белом конверте, написанное на самом обычном листе формата «А4» каллиграфическим почерком.

«Живи пока, ведьмак. Не стану писать банальностей, вроде: „Тебе повезло“ или „Ты свое получишь“. Везение – понятие субъективное, а твоя смерть – дело решенное. Просто мне и вправду пора на время покинуть этот город, а спешить я не хочу. Быстрая смерть – это слишком большая роскошь для того, кто должен умереть так, чтобы об этом говорили все.

И потом – ожидание смерти хуже самой смерти. Фраза избитая, но очень верная.

Потому – живи пока.

До встречи,

Н.В.

P.S. Передай от меня привет своим друзьям. Надеюсь, они нашли все те маленькие сюрпризы, которые я для них припас в том месте, которое служило мне домом в последнее время».

Надеюсь, что не все.

Я вытащил телефон, отыскал в контакт-листе номер Нифонтова, ругая себя за то, что не вынес его на панель быстрого набора, и ткнул в него пальцем.

– Да, – откликнулась трубка почти сразу. – Чего?

– Если вы в доме колдуна, то валите оттуда скорее, – проорал я. – Его там нет, а вот гадостей он оставил, похоже, немало.

– Немало, – подтвердил оперативник устало. – Да и дома самого уже нет, одни угольки остались. Одно хорошо – никто ни из наших, ни из ребят Стаса не пострадал. Туда «фэбсы» первые полезли, опять им информацию слили. Стас «крысу» вычислить вычислил, а остановить не успел. Двое на том свете, двоих в ожоговый повезли, может, успеют доставить живыми.

Ну и в «Вишневого» еще троих отправили, к военным хирургам. Мы как раз недалеко от него находимся.

– Слушай, а они нас, грешным делом, не слушают? – озабочился вдруг я.

Мне только этой головной боли не хватало.

– Нет, конечно, – успокоил меня Николай. – Да и на кой ты им сдался в любом случае? Эликсира молодости не сваришь, золото из ртути не добудешь, а самое главное – убивать не умеешь и не хочешь. Ну и смысл на тебя время тратить? Ты мне другое объясни – каким образом...

– Колдун мне письмо в ящик бросил, – оборвал я его вопрос. – Попрощался. Сообщил, что временно отбывает из Москвы. Но обещал вернуться.

– Как это мило с его стороны, – хмыкнул Николай. – И как вежливо. А еще – глупо. Убивать надо тогда, когда есть такая возможность, и не превращать это в игру. Потому что никто никогда не может сказать, какая карта тебе достанется на следующей сдаче.

– Слушай, ну ты-то чего начал штампы из дешевых боевиков в разговор вплетать? – поинтересовался я. – За тобой вроде такого греха не водилось.

– Все мы дети масс-медиа, – резонно ответил Нифонтов. – И потом – это была бы отличная фраза для завершения какого-нибудь посредственного романчика.

– Это да, – согласился я. – Лучше и не придумаешь. Ладно, на созвоне. Я спать.

Он затеял было спрашивать у меня что-то про нашу с Женькой поездку, но я уже нажал «отбой». Если оперативнику интересны детали, то пусть сам этой психованной звонит. А мне пора домой. Надо выспаться, поскольку впереди у меня новый интересный день. Я буду смотреть телешоу с подъездными, а до него, возможно, загляну к Маринке. Надо же узнать, что она делает дальше, в разрезе своей карьеры телезвезды? Победа-то у нее почти в руках. Не конкуренты ей тамошние хмыри вроде Максиваксио или Гупты, никак не конкуренты.

Правда, бабушка Сана Рая мутновата, но это ладно.

Еще мне надо бы за эти выходные сварить зелье мордovorотное, порадовать предправа. И ему развлечение будет, и мне практика. Не знаю, допрет он, чьих рук дело, или нет, но я это сделаю. Тем более, что риска особого в этом нет. Сдается мне, что с госпожой Ряжской любовь у нас будет долгая и обоюдная. В смысле – обоюдовыгодная.

Уже послезавтра настанет новая неделя, и все начнется по новой –

работа, борьба за место под солнцем, соблазны, раздумья о том, какие еще сюрпризы подбросит мне судьба и ожидание поездки в Лозовку. Причем неважно – с Нифонтовым или без него. Лично я отправлюсь туда в любом случае. Не знаю отчего, но есть у меня уверенность в том, что пропускать вечеринку русалок нельзя ни в коем случае.

Но это все будет потом.

А на сегодня всё интересное кончилось.